

Внедрение и совершенствование системы профильного обучения составляет один из ключевых моментов модернизации и реформирования российского образования.

Введение профильного обучения в отечественном образовании, так же как и подобные формы обучения в практике зарубежных школ, базировалось на двух основополагающих факторах: необходимость построения оптимальной образовательной траектории для конкретного обучающегося, с учетом его способностей и задатков; сформировавшиеся в данный исторический момент потребности общества в подготовке будущих специалистов определенного профиля.

Обоснование профильного подхода в образовании строится на материалах огромного числа исследователей. Основа профильного подхода заложена в классических работах А. Бине, который один из первых поставил вопрос о необходимости дифференцированного подхода к учащимся с различными задатками, и Э.Л. Торндайка, также уделявшего большое внимание данному вопросу. Среди отечественных авторов, уделявших значительное внимание данному вопросу, прежде всего, следует назвать Б.М. Теплова и В.Н. Дружинина. Реализации профильного обучения посвящено значительное количество современных работ [1; 2; 3].

В практике отечественной школы накоплен большой опыт по дифференцированному обучению учащихся. Впервые такое обучение было применено еще в 1864 году. Изданный на эту тему Указ предусматривал организацию семилетних гимназий двух типов: классическая гимназия (ставящая своей целью подготовку в университет) и реальная (здесь целью была подготовка к практической деятельности и к поступлению в специализированные учебные заведения). Эта система просуществовала до 1915-1916 годов, когда под руководством министра просвещения П.Н. Игнатьева была предпринята реформа образования. Согласно положениям этой реформы, 4–7 классы гимназии делились на три ветви: новогуманитарную, гуманитарно-классическую и реальную.

Проблема профильного обучения в рамках одного общеобразовательного учреждения в нашей стране была впервые выдвинута в 1912 году. Так, на первом Всероссийском съезде преподавателей математики была принята резолюция, в которой была одобрена идея специализации в старших классах. За основу были взяты индивидуальные интересы учащихся, а также требования высшей школы. Затем вопрос стал переводиться в практическую плоскость. Уже в 1915 году на втором Всероссийском съезде преподавателей математики был представлен проект реорганизации структуры школы. В рамках этого проекта, между средней и высшей школами вводилась новая промежуточная ступень – лицейская, где обучение предполагалось вести по четырем направлениям: А и В – философское, С и Д – математическое.

В послереволюционное время реформы получили дальнейшее развитие, но уже на другой базе. В 1918 году был проведен первый Всероссийский съезд работников просвещения. Было разработано Положение о единой трудовой школе, в котором предусматривалась профилизация содержания обучения на старшей ступени школы. В старших классах средней школы выделялись три направления: гуманитарное, естественно-математическое и техническое.

В 1934 году ЦК ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров СССР приняли постановление «О структуре начальной и средней школы в СССР» [4; 5], предусматривающее единый учебный план и единые учебные программы. Согласно этому документу на всей территории СССР были установлены единые типы общеобразовательных школ: начальная с четырехлетним сроком обучения, неполная средняя (семилетняя, включавшая в себя и начальную) и средняя с общим сроком обучения десять лет. Существовавшие до этого фабрично-заводские семилетки (ФЗС) и школы крестьянской молодежи (ШКМ) были преобразованы в неполные средние школы. Такая структура общеобразовательной школы с некоторыми модификациями сохранялась вплоть до 80-х

годов прошлого века. Однако введение на всей территории СССР единой школы со временем высветило серьезную проблему: отсутствие преемственности между единой средней школой и глубоко специализированными высшими учебными заведениями, что заставило ученых-педагогов в который раз обратиться к проблеме профильной дифференциации на старших ступенях обучения [6, с. 10].

Академия педагогических наук в 1957 году выступила инициатором проведения эксперимента, в котором предполагалось провести дифференциацию по трем направлениям: физико-математическому и техническому; биолого-аграрно-экономическому; социально-экономическому и гуманитарному. Таким образом, начиная с 50-х гг. XX века в СССР существовал институт специализированных школ, в которых осуществлялась подготовка детей по профильной специальности соответствующего вуза [7, с. 3].

С целью дальнейшего улучшения работы средней общеобразовательной школы в 1966 году были введены две формы дифференциации содержания образования по интересам школьников: факультативные занятия в VIII–X классах и школы (классы) с углубленным изучением предметов, которые, постоянно развиваясь, сохранились до настоящего времени.

С конца 80-х гг. началась разработка проблем профильного обучения на старшей ступени общего образования в современном контексте развития образования [7, с. 22]. В конце 80х – начале 90х годов в стране появились новые виды общеобразовательных учреждений (лицеи, гимназии), ориентированные на углубленное обучение школьников по избираемым ими образовательным областям с целью дальнейшего обучения в вузе. Также многие годы успешно существовали и развивались специализированные художественные, спортивные, музыкальные и другие школы. Этому процессу способствовал Закон Российской Федерации 1992 года «Об образовании», закрепивший вариативность и многообразие типов и видов образовательных учреждений и образовательных программ [6, с. 11].

В 2002 г. была утверждена Концепция профильного обучения на старшей ступени общего образования в РФ, в которой четко разграничены и определены понятия «профильное обучение» и «профильная школа». Новизна представленного в Концепции подхода состоит в том, что профильная (однопрофильная, многопрофильная) школа рассматривается лишь как одна из институциональных форм реализации профильного обучения.

С 2003 г. в образовательных учреждениях десяти субъектов Российской Федерации (двадцать одно муниципальное образование, треть – крупные города, треть – малые города и треть – сельские районы) проводился федеральный эксперимент по введению профильного обучения в общеобразовательных учреждениях, реализующих программы среднего (полного) общего образования [5]. В рамках эксперимента отработывались модели профильного обучения, кадровое и информационно-технологическое обеспечение предпрофильной подготовки и профильного обучения, управление введением и распространением предпрофильной подготовки и профильного обучения на региональном, муниципальном и школьном уровнях [7, с. 3-5].

В современном развитии проблематики профильного обучения можно выделить три этапа, связанных с появлением стратегических документов в области развития образования. Так, на первом этапе (1988-1999 гг.) проблема профильного обучения рассматривалась вне связи с широким социальным контекстом и необходимостью серьезных организационных изменений в процессе школьного обучения; применение профильного обучения трактовалось в контексте существующей классно-урочной системы.

На втором этапе (2000-2004 гг.) ведущая направленность исследований определялась противоречием между необходимостью развития профильного обучения в широком социальном контексте и отсутствием единой концептуальной идеи

профильного обучения, учитывающей этот контекст. В центре внимания исследователей оказалась общепедагогическая специфика профильного обучения.

Для дальнейшего развития концепции профильного обучения был необходим социальный заказ, который сформулирован в «Концепции модернизации российского образования на период до 2010 г.». Заказ предполагал, что профильность школы определяется потребностями профессиональной школы, а они, в свою очередь, потребностями общества.

На третьем этапе (с 2004 г.) исследования в области профильного обучения проводятся с учетом методологических положений, содержащихся в «Концепции профильного обучения на старшей ступени общего образования». В это время рассматривается организация обучения на основе индивидуальных учебных планов, использование информацион-

ных и коммуникационных технологий для организации профильного обучения, сетевое взаимодействие образовательных учреждений, а также работы, содержащие результаты исследований широких социальных эффектов от внедрения профильного обучения [7, с. 22-24].

Таким образом, в ходе развития профильного обучения в нашей стране прослеживается стремление к достижению двух, не всегда тесно сопряженных целей: создание условий для наиболее полного развития личности, формирование ситуации, при которой образование носило бы исключительно личностно-ориентированный характер, и для здоровьесбережения применительно к развивающемуся субъекту, ориентация на социальный заказ и на потребности общества в обучении и подготовке специалистов определенного профиля.

Библиографический список

1. Дружинин, В.Н. Психология общих способностей. - СПб., 2000.
2. Теплов, Б.М. Проблемы индивидуальных различий. - М., 1961.
3. Торндайк, Э. Принципы обучения, основанные на психологии // Бихевиоризм. - М., 1998.
4. Постановление «О структуре начальной и средней школы в СССР» // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. - 1934. - № 113.
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 09.06.2003 «О проведении эксперимента по введению профильного обучения учащихся в общеобразовательных учреждениях, реализующих программы среднего (полного) общего образования» № 334 // Российская газета. - 2003. - 17.06.
6. Профильное обучение // Вестник образования: тематический выпуск. - 2002. - № 4.
7. Кравцов, С.С. Теория и практика организации профильного обучения в школах Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. - М., 2007.

Bybliography

1. Druzhinin, V.N. Psikhologiya obshchikh sposobnostey. - SPb., 2000.
2. Teplov, B.M. Problemy individualnykh razlichiy. - M., 1961.
3. Torndayk, E. Principi obucheniya, osnovanniye na psikhologii // Bikheviorizm. - M., 1998.
4. Postanovlenie «O strukture nachal'noy i sredney shkolih v SSSR» // Izvestiya CIK SSSR i VCIK. - 1934. - № 113.
5. Postanovlenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federacii ot 09.06.2003 «O provedenii ehksperimenta po vvedeniyu profil'nogo obucheniya uchastikhsvya v obtheobrazovatel'nykh uchrezhdeniyakh, realizuyutikh programmih srednego (polnogo) obtheogo obrazovaniya» № 334 // Rossiyskaya gazeta. - 2003. - 17.06.
6. Profil'noye obucheniye // Vestnik obrazovaniya: tematicheskij vihpusk. - 2002. - № 4.
7. Kravcov, S.S. Teoriya i praktika organizacii profil'nogo obucheniya v shkolakh Rossiyskoy Federacii: avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk. - M., 2007.

Статья поступила в редакцию 10.10.11

Раздел 2

МЕДИЦИНА

Редактор раздела:

МАРИНА ГЕННАДЬЕВНА ЧУХРОВА – доктор медицинских наук, профессор, Новосибирский государственный университет (г. Новосибирск)

УДК 614

Kayumova M.M., Gafarov V.V., Smaznov V.Yu., Akimov A.M., Kayumov R.Kh., Kuznetsov V.A. **SELF-ASSESSMENT OF HEALTH, ATTITUDE TOWARDS OWN HEALTH AND MEDICAL CARE IN MALE POPULATION.** The aim of the research was to study patients' self – assessment of health, attitude towards own health and medical care in male population (25-64 years) of Tyumen. The study was conducted on a representative sample formed of list of male population aged 25-64 years in one of Tyumen administrative district. Self – assessment of health, attitude towards own health and medical care were studied within the cardiology screening with the use of standard WHO MONICA-**psychosocial** survey.

In open population of Tyumen **42.8% of men aged 25-64 years** considered themselves unhealthy but virtually each of them cared of their health not enough. Reduction of positive self-rating health, tendency to complaints and care of health were observed with the increase of years. In Tyumen population older patients needed more regular medical care whereas young patients had more negative attitude to the level of medical care but were more serious about the diagnosis.

Key words: male population, self – assessment of health, attitude towards medical care, epidemiological study.

САМООЦЕНКА ЗДОРОВЬЯ, ОТНОШЕНИЕ К СВОЕМУ ЗДОРОВЬЮ И МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ В МУЖСКОЙ ПОПУЛЯЦИИ

М.М. Каюмова, канд. мед. наук, науч. сотрудник. лаб. эпидемиологии и профилактики сердечно-сосудистых заболеваний науч. отдела инструментальных методов исследования Филиала НИИ кардиологии СО РАМН «Тюменский кардиологический центр», г. Тюмень, E-mail: m_kayumova@mail.ru; **В.В. Гафаров**, д-р мед. наук, проф., руководитель Межведомственной лаб. эпидемиологии сердечно-сосудистых заболеваний СО РАМН, г. Новосибирск, E-mail: gafarov@ngs.ru; **В.Ю. Смазнов**, канд. мед. наук, врач-кардиолог Филиала НИИ кардиологии СО РАМН «Тюменский кардиологический центр», г. Тюмень, E-mail: vlad@tmn.ru; **А.М. Акимов**, лаборант-исследователь лаборатории эпидемиологии и профилактики сердечно-сосудистых заболеваний научного отдела инструментальных методов исследования Филиала НИИ кардиологии СО РАМН «Тюменский кардиологический центр», г. Тюмень; **Р.Х. Каюмов**, мл. н. с. лаборатории эпидемиологии и профилактики ССЗ Филиала НИИ кардиологии СО РАМН «Тюменский кардиологический центр»; **В.А. Кузнецов**, д-р мед. наук, проф., заслуженный деятель науки, руководитель Научного отдела инструментальных методов исследования, директор Филиала НИИ кардиологии СО РАМН «Тюменский кардиологический центр», г. Тюмень, E-mail: kuznets@sbt.tmn.ru

Целью исследования явилось изучение самооценки здоровья, отношения к своему здоровью и медицинской помощи в мужской популяции 25-64 лет, г. Тюмени. Исследование проводилось на репрезентативной выборке, сформированной из избирательных списков лиц мужского пола 25-64 лет одного из административных округов г. Тюмени. В рамках кардиологического скрининга были изучены самооценка здоровья, отношение к своему здоровью и с использованием стандартной анкеты Всемирной организации здравоохранения МОНИКА-Психосоциальная.

В открытой популяции г. Тюмени 42,8% мужчин 25-64 лет считали себя больными, и практически каждый из них недостаточно заботился о своем здоровье. С возрастом отмечалось снижение позитивной самооценки здоровья, тенденция к увеличению жалоб и заботы о своем здоровье. В тюменской популяции потребность в регулярном медицинском обслуживании чаще возникала у лиц старшего возраста, лица молодого возраста серьезнее относились к диагностике заболеваний при более негативном настрое на уровень медицинского обслуживания.

Ключевые слова: мужская популяция, самооценка здоровья, отношение к медицинской помощи, эпидемиологическое исследование.

В профилактической кардиологии сформировалось точка зрения, согласно которой изучение представлений, мнений населения по вопросам здоровья и профилактики заболеваний является основой планирования любого профилакти-

тического вмешательства [1; 2; 3]. Информированность населения о своем здоровье, самооценка здоровья и отношение к профилактическим мероприятиям являются наиболее важными параметрами, характеризующими состояние и особен-

Таблица 1

Информированность и отношение к своему здоровью у мужчин 25-64 лет в зависимости от возраста

Вопрос / отношение	Возрастные группы											
	25 – 34		35 – 44		45 – 54		55 – 64		25 – 64		■	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
1. Как Вы оцениваете состояние своего здоровья?												
1.1. Совершенно здоров	6	3,4	5	2,2	4	1,7	5	2,3	20	2,4	2,4	2,4
1.2. Здоровье хорошее	34	19,2	32	14,0	22	9,5*	12	5,6**	100	11,8	13,0	13,0
1.3. Здоров	92	52,0	111	48,7	85	36,8*	39	18,2***	327	38,5**	41,8	41,8
1.4. Не совсем здоров	43	24,3	73	32,0	107	46,3***	120	56,1***	343	40,4***	37,4	37,4
1.5. Болен	2	1,1	7	3,1	13	5,6	38	17,8***	60	7,1*	5,4	5,4
2. Имеете ли Вы жалобы на свое здоровье?												
2.1. Да	87	49,2	116	51,1	141	61,0	160	74,8***	504	59,4***	56,8	56,8
2.2. Нет	90	50,8	111	48,9	90	39,0	54	25,2***	345	40,6***	43,1	43,1
3. Как, по-вашему, достаточно ли Вы заботитесь о своем здоровье?												
3.1. Да	14	7,9	9	3,9	26	11,3*	30	14,0**	79	9,3	8,6	8,6
3.2. Мог бы заботиться больше	117	66,1	128	56,1	110	47,6***	91	42,5***	446	52,5**	54,6	54,6
3.3. Явно недостаточно	46	26,0	91	39,9	95	41,1*	93	43,5**	325	38,2*	36,8	36,8

Примечания: достоверность различий здесь и далее обозначена звездочкой в верхнем регистре справа возрастной группой 25-34 лет и другими возрастными группами; в нижнем регистре справа – между возрастной группой 35-44 лет и другими возрастными группами; в верхнем регистре слева – между возрастной группой 45-54 лет и другими возрастными группами; в нижнем регистре слева – между возрастными группами 55-64 и 25-64 лет.

ности мотивации людей по отношению к собственному здоровью. Эти параметры исследовались в рамках международного эпидемиологического проекта Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) «MONICA-Психосоциальная» [4; 5]. Примерами существенного снижения заболеваемости и смертности от ИБС через позитивные изменения поведенческих факторов риска ССЗ является необходимость разработки и внедрения профилактических программ, созданных в рамках биопсихосоциальной модели здоровья и здравоохранения [5; 8; 9; 10].

Целью исследования явилось изучение самооценки здоровья, отношения к своему здоровью и медицинской помощи в мужской популяции 25-64 лет, г. Тюмени.

Материал и методы

Исследование проводилось в рамках кардиологического скрининга на мужской популяции 25-64 лет среди лиц трудоспособного возраста г. Тюмени. В 2008 году из избирательных списков граждан одного из административных округов г. Тюмени была сформирована репрезентативная выборка среди лиц мужского пола в количестве 1000 человек, по 200 человек в каждой из четырех десятилетий жизни (25-34, 35-44, 45-54, 55-64 лет). Отклик на кардиологический скрининг составил 85,0% – 850 участников.

Исследование самооценки здоровья, отношения к своему здоровью и медицинской помощи проводили с использованием стандартной анкеты ВОЗ МОНИКА-психосоциальная. Для сбора первичной научной информации использовали сплошной опросный метод путём самозаполнения анкеты. Анкета включала 33 вопроса по знанию и отношению к своему здоровью, вопросы анкеты сопровождалась перечнем фиксированных ответов, из которого респонденты могли выбрать тот вариант, который, по их мнению, является наиболее правильным. Статистический анализ проводился с помощью пакета программ SPSS, версия 7.

Результаты и обсуждение

Необходимым условием сохранения здоровья в популяции является медицинская активность населения [7]. Эпидемиологические исследования показали, что субъективная самооценка здоровья населением является важнейшим индикатором здоровья популяции, это веская и надежная мера здоровья населения в целом [11]. Результаты отечественных исследований свидетельствуют о значительном превышении доли лиц с низкой самооценкой здоровья среди российского населения в сравнении с европейскими популяциями [4; 12; 13].

Изучение самооценки здоровья выявило ряд закономерностей, характерных для мужчин 25-64 лет г. Тюмени, и отража-

Таблица 2

Отношение к своему здоровью и медицинской помощи у мужчин 25-64 лет в зависимости от возраста

Вопрос / отношение	Возрастные группы											
	25 – 34		35 – 44		45 – 54		55 – 64		25 – 64		■ %	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
1. Одним из нарушений здоровья у человека среднего возраста являются болезни сердца. Существуют различные мнения о них. Какое мнение для Вас наиболее приемлемое?												
1.1. Независимо, чувствую ли я какие-либо боли или неприятные ощущения в области сердца, я регулярно проверяюсь у врача	16	9,0	15	6,6	16	6,9	32	*15,0*	79	9,3*		8,6
1.2. Я обратился бы к врачу при появлении любой боли или неприятного ощущения в области сердца	56	31,6	61	26,8	61	26,4	59	27,6	237	27,9		28,2
1.3. Я обратился бы к врачу при сильной боли или неприятном ощущении в области сердца, но не обратился бы, если эта боль или неприятное ощущение были бы слабо выражены	93	52,5	138	60,5	142	61,5	109	50,9	482	56,7		57,1
1.4. Я не обратился бы к врачу даже при появлении сильной боли или неприятного ощущения в области сердца	12	6,8	14	6,1	12	5,2	14	6,5	52	6,1		6,1
2. Мнения людей о современных методах диагностики сердечных заболеваний различны. С которым мнением Вы согласны?												
2.1. Я доверяю своему самочувствию. Если я чувствую себя хорошо, это значит, что я не болею	37	20,9	59	25,9	66	28,6	60	28,0	222	26,1		25,5
2.2. Врач знает больше меня. Если он осмотрел меня и сказал, что я больной или здоров, я ему верю	69	39,0	89	39,0	106	45,9	101	47,2	365	42,9		42,2
2.3. Я не обязательно соглашусь с мнением врача после общего осмотра, пока специалистами не будут проведены тщательные исследования	71	40,1	80	35,1	59	25,5*	53	24,8*	263	30,9		32,3
3. Испытывали ли Вы приятные переживания, связанные с медицинским обслуживанием?												
3.1. Никогда	52	29,5	83	36,4	70	30,3	66	30,8	271	31,9		31,9
3.2. Раз или два	51	29,0	51	22,4	48	20,8	36	16,8*	186	21,9		23,0
3.3. Несколько раз	57	32,4	75	32,9	89	38,5	82	38,3	303	35,7		35,1
3.4. Часто	15	8,5	16	7,0	21	9,1	28	13,1	80	9,4		8,9
3.5. Очень часто	1	0,6	3	1,3	3	1,3	2	0,9	9	1,1		1,0

ющих потребности этой группы населения в профилактике данной патологии. В тюменской популяции 42,8% мужчин указали, что они не совсем здоровы или больны. Доля лиц, считающих себя здоровыми, составила более 50%. Ответ «совершенно здоров» дали 2,4% респондента. 90,7% мужчин указали на недостаточную заботу о своем здоровье (табл. 1).

Максимальные значения категорий «не совсем здоров» и «болен» отмечались в возрастной группе 55-64 лет и составили в целом 73,8%. С ответом «совершенно здоров» имело место минимальное количество мужчин во всех возрастных группах (от 1,7% до 3,4%). Доля респондентов с ответами «здоровье хорошее» и «здоров» закономерно снижалась в старших возрастных группах. Так, в возрастной категории 45-54 лет показатель «здоровье хорошее» (9,5%) и показатель «здоров» (36,8%) были достоверно ниже аналогичного показателя в группе 25-34 лет (19,2%, $p < 0,001$); – достоверно ниже аналогичного показателя как в группе 25-34 лет (52,0%, $p < 0,05$). В возрастной категории 55-64 лет показатель «здоровье хорошее» (5,6%) был достоверно ниже аналогичного показателя как в группе 25-34 лет (19,2%, $p < 0,001$), так и в группе 35-44 лет (14,0%, $p < 0,05$), показатель «здоров» (18,2%) значимо различался со всеми прочими возрастными группами и с общепопуляционным показателем (табл. 1).

Ответ «не совсем здоров», напротив, в возрастных категориях 25-34 (24,3%) и 35-44 лет (32,0%) существенно реже встречался сравнительно со старшими десятилетиями жизни (соответственно в группах 45-54 и 55-64 лет – 46,3% и 56,1%, $p < 0,05$), в младшей возрастной группе – и с популяцией в целом (40,4%, $p < 0,001$).

Подобная зависимость в возрастных группах имела место и при ответе «болен». Так, в возрастных категориях 25-34 (1,1%) и 35-44 лет (3,1%) ответ «болен» существенно реже встречался сравнительно с возрастной категорией 55-64 лет – 17,8%, $p < 0,001$, в возрасте 25-34 лет – также с общепопуляционным показателем.

Достаточно высоким уровень жалоб на свое здоровье оказался уже в возрастной группе 25-34 лет (49,2%), причем показатель достоверно увеличивался в возрастных категориях 25-34, 35-44, 45-54 лет сравнительно со старшей возрастной группой и в популяции в целом (59,4%, $p < 0,05$).

В зависимости от возраста отмечалась выраженная тенденция к увеличению заботы о своем здоровье. На вопрос: «Как по-вашему, достаточно ли Вы заботитесь о своем здоровье?», в возрастных группах были получены значимые различия. Так, ответ «да» достоверно реже давали респонденты в возрасте 35-44 лет (3,9%) сравнительно со старшими возрастными группами 45-54 лет (11,3%, $p < 0,05$) и 55-64 лет (14,0%, $p < 0,01$). Доля ответа «мог бы заботиться больше» существенно снижалась с увеличением возраста, а более категоричного ответа «явно недостаточно» – напротив, значимо повышалась, начиная с возрастной категории 25-34 лет (табл. 1).

Согласно таблице 2, доля лиц, проверяющих свое здоровье, в популяции в целом была довольно мала (8,6%). В момент сильного сердечного приступа обратились бы за медицинской помощью 57,1% населения и 6,1% не обратились бы к врачу даже при сильной боли. Около 70% лиц доверяли своему самочувствию или мнению врача о состоянии здоровья, 32,3% населения не согласились бы с мнением врача и выразили бы готовность к дальнейшим обследованиям. В целом в более чем в 50% случаев население испытывало приятные переживания, связанные с медицинским обслуживанием.

Достоверно чаще регулярно проверялись у врача, независимо от наличия боли или неприятных ощущений в обла-

сти сердца, лица старшей возрастной группы 55-64 лет (15,0%) сравнительно с прочими возрастными категориями (9,0%, 6,6%, 6,9% соответственно в возрастных группах 25-34, 35-44 и 45-54 лет, $p < 0,05$). Напротив, при возникновении сильной боли или неприятного ощущения в области сердца, потребность обратиться к врачу в возрастной категории 55-64 лет оказалась ниже (50,9%) сравнительно с лицами среднего возраста 35-44 (60,5%) и 45-54 лет (61,5%), $p > 0,05$ (табл. 2).

В плане доверия своему самочувствию значимых различий в возрастных группах не отмечалось. В старших возрастных группах отмечалось более высокое доверие врачу, причем уровень негативных тенденций оказался самым высоким в младшей возрастной группе, где более 40% населения не согласилось бы с мнением врача после общего осмотра, пока специалистами не будут проведены тщательные исследования. В двух младших возрастных группах (40,1% в возрасте 25-34 лет и 35,1% в возрасте 35-44 лет) сравнительно с возрастными категориями 45-54 (25,5%, $p < 0,05$) и 55-64 лет (24,8%, $p < 0,05$) респонденты достоверно чаще не согласилось бы с мнением врача после общего осмотра, пока специалистами не будут проведены тщательные исследования.

Более высокая удовлетворенность медицинским обслуживанием отмечалась в старшей возрастной группе 55-64 лет (13,1%), где респонденты наиболее часто испытывали приятные переживания, связанные с медицинским обслуживанием. Такие переживания только один или два раза в жизни, напротив, достоверно реже, сравнительно с лицами молодого возраста 25-34 лет (29,0%, $p < 0,01$) и в целом с популяцией 25-64 лет (21,9%, $p < 0,05$), имели мужчины старшей возрастной категории 55-64 лет (16,8%), табл. 2.

В сибирских популяциях проведены единичные исследования, посвященные изучению медицинской активности населения [4; 14; 15]. В то же время, изучение этих вопросов позволяет оценить нужды и потребности конкретной популяции в профилактической помощи, что является неотъемлемой составной частью развития концепции качества в здравоохранении [1; 3].

Выявленное несоответствие между теоретически высокой профилактической готовностью населения в целом, позитивным отношением к здоровому образу жизни, и в то же время, низкой самооценкой здоровья в открытой мужской популяции г. Тюмени свидетельствует о том, что резервы профилактической медицины по улучшению здоровья и снижению смертности от ССЗ в обследованной популяции в полном объеме не реализуются. Подобные закономерности характерны и для мужчин 25-64 лет гг. Томска и Новосибирска, где подавляющее большинство респондентов считали полезной профилактическую проверку своего здоровья и полагали, что заботиться о своём здоровье должны они сами и медицинские работники [4; 5; 16].

Выводы

1. В открытой популяции г. Тюмени 42,8% мужчин 25-64 лет считают себя больными, и практически каждый из них недостаточно заботится о своем здоровье.
2. С возрастом отмечается снижение позитивной самооценки здоровья, тенденция к увеличению жалоб и заботы о своем здоровье.
3. В тюменской популяции потребность в регулярном медицинском обслуживании чаще возникает у лиц старшего возраста, лица молодого возраста серьезнее относятся к диагностике заболеваний при более негативном настроении на уровень медицинского обслуживания.

Библиографический список

1. Puska, P. The North Karelia Project: from community intervention to national activity in lowering cholesterol levels and CHD risk // Eur. Heart J. Suppl. – 1999. – Vol. 1.
2. Benotsch, E.G. Hostility, social support and ambulatory cardiovascular activity // J. Behav. Med. – 1997. – Vol. 20.
3. Калинина, А.М. Оценка потребностей в профилактической медицинской помощи в первичном звене здравоохранения г. Иваново / А.М. Калинина, А.В. Концевая, М.Г. Омеляненко [и др.] // Проф. заболеваний и укрепление здоровья. – 2007. – N 4.
4. Гафаров, В.В. Изучение на основе программы ВОЗ МОНИКА информированности о своём здоровье и отношении к нему у мужчин и женщин в возрасте от 25 до 64 лет в Новосибирске / В.В. Гафаров, В.А. Пак, И.В. Гагулин, А.В. Гафарова // Терапевт. архив. – 2003. – № 11.

5. Гафаров, В.В. Психология здоровья населения в России / В.В. Гафаров, В.А. Пак, И.В. Гагулин, А.В. Гафарова. – Новосибирск, 2002.
6. Стратегия предупреждения хронических заболеваний в Европе. Основное внимание – действиям общества по укреплению общественного здоровья. Видение стратегии с позиций CINDI / Всемир. орг. здравоохранения; Европ. регион. бюро. – ВОЗ. – 2004.
7. Укрепление здоровья и профилактика неинфекционных заболеваний в России и Канаде. Опыт и рекомендации / под ред. И.С. Глазунова, S. Stachenko. – М, 2006.
8. Steptoe, A. Psychological factors in cardiovascular disorders. – London: Acad. Press, 1981.
9. Singh-Manoux, A. Psychosocial factors and public health // Epidemiol Community Health. – 2003. – Vol. 57. – № 8.
10. Thomas, P., Davidson K. Psychological Factors and Coronary Artery Disease // The New England J of Med. – 2001. – Vol. 344. – P. 608-611.
11. Preventing chronic disease: a vital investment: overview. – WHO, 2005.
12. Акимова, Е.В. Некоторые поведенческие факторы риска развития сердечно-сосудистых заболеваний у мужчин средних возрастных групп / Е.В. Акимова, В.А. Кузнецов, В.В. Гафаров [и др.] // Терапевт. архив. – 2009. – Т. 81. – № 1.
13. Максимова, Т.М. Социальный градиент в формировании здоровья населения. – М., 2005.
14. Гафаров, В.В. Личность и ее взаимодействие с социальной средой: непроторенная дорога / В.В. Гафаров, Е.А. Громова, Ю.Н. Кабанов, И.В. Гагулин. – Новосибирск, 2008.
15. Трубочева, И.А. Информированность, отношение и готовность врачей первичного звена здравоохранения к профилактике сердечно-сосудистых заболеваний / И.А. Трубочева, В.Н. Серебрякова, О.А. Перминова // Сибирский мед. журн. – 2006. – № 4. – Т. 21.
16. Серебрякова, В.Н. Информированность и отношение студентов к своему здоровью / В.Н. Серебрякова, И.А. Трубочева, В.А. Дудко / Сибирский мед. журнал. – 2004. – № 4. – Т. 19.

Bibliography

1. Puska, P. The North Karelia Project: from community intervention to national activity in lowering cholesterol levels and CHD risk // Eur. Heart J. Suppl. – 1999. – Vol. 1.
2. Benotsch, E.G. Hostility, social support and ambulatory cardiovascular activity // J. Behav. Med. – 1997. – Vol. 20.
3. Kalinina, A.M. Оценка потребностей в профилактической медицинской помощи в первичном звене здравоохранения г. Иваново / А.М. Калинина, А.В. Концевая, М.Г. Омельяненко [и др.] // Prof. zabolevaniy i ukreplenie zdorov'ya. – 2007. – N 4.
4. Gafarov, V.V. Izuchenie na osnove programmih VOZ MONIKA informirovannosti o svojom zdorov'e i otnoshenii k nemu u muzhchin i zhenthin v vozraste ot 25 do 64 let v Novosibirsk / V.V. Gafarov, V.A. Pak, I.V. Gagulin, A.V. Gafarova // Terapevtich. arkhiv. – 2003. – № 11.
5. Gafarov, V.V. Psikhologiya zdorov'ya naseleniya v Rossii / V.V. Gafarov, V.A. Pak, I.V. Gagulin, A.V. Gafarova. – Novosibirsk, 2002.
6. Strategiya preduprezhdeniya khronicheskikh zabolevaniy v Evrope. Osnovnoe vnimanie – deystviyam obshchestva po ukrepleniyu obshchestvennogo zdorov'ya. Videnie strategii s pozitsiy CINDI / Vsemir. org. zdavookhraneniya; Evrop. region. byuro. – ВОЗ. – 2004.
7. Ukreplenie zdorov'ya i profilaktika neinfektsionnykh zabolevaniy v Rossii i Kanade. Opiht i rekomendacii / pod red. I.S. Glazunova, S. Stachenko. – М, 2006.
8. Steptoe, A. Psychological factors in cardiovascular disorders. – London: Acad. Press, 1981.
9. Singh-Manoux, A. Psychosocial factors and public health // Epidemiol Community Health. – 2003. – Vol. 57. – № 8.
10. Thomas, P., Davidson K. Psychological Factors and Coronary Artery Disease // The New England J of Med. – 2001. – Vol. 344. – R. 608-611.
11. Preventing chronic disease: a vital investment: overview. – WHO, 2005.
12. Акимова, Е.В. Некоторие поведенческие факторих риска razvitiya serdechno-sosudistikh zabolevaniy u muzhchin srednikh vozrastnikhkh grupp / E.V. Akimova, V.A. Kuznecov, V.V. Gafarov [i dr.] // Terapevtich. arkhiv. – 2009. – Т. 81. – № 1.
13. Максимова, Т.М. Social'nij gradient v formirovanii zdorov'ya naseleniya. – М., 2005.
14. Gafarov, V.V. Lichnostj i ee vzaimodejstvie s social'noj sredoj: neprotorennaya doroga / V.V. Gafarov, E.A. Gromova, Yu.N. Kabanov, I.V. Gagulin. – Novosibirsk, 2008.
15. Trubacheva, I.A. Informirovannostj, otnoshenie i gotovnostj vrachej pervichnogo zvena zdavookhraneniya k profilaktike serdechno-sosudistikh zabolevaniy / I.A. Trubacheva, V.N. Serebryakova, O.A. Perminova // Sibirskij med. zhurn. – 2006. – № 4. – Т. 21.
16. Serebryakova, V.N. Informirovannostj i otnoshenie studentov k svoemu zdorov'ju / V.N. Serebryakova, I.A. Trubacheva, V.A. Dudko // Sibirskij med. zhurnal. – 2004. – № 4. – Т. 19.

Статья поступила в редакцию 29.10.11

УДК: 612.017.1/.111.19/.94/.357.131:616.12-008.331.1(1-17)

Nikolaev Y.A., Gevorgyan M.M., Kazaruk T.V., Kuznetsova A.P. **CLINICAL FEATURES OF BIOCHEMICAL AND IMMUNOLOGICAL PARAMETERS IN PATIENTS WITH ARTERIAL HYPERTENSION IN THE NORTH.** 89 patients were examined with hypertension stage II-III, I-II degree. The features of clinical, biochemical and immunological parameters and their relationship to disease stage in patients with arterial hypertension in the North were studied.

Key words: hypertension, North, lipids, immunology.

Ю.А. Николаев, д-р мед. наук, гл. науч. сотрудник и.о. заместителя директора по научной и лечебной работе, руководитель лаборатории патогенеза соматических заболеваний отдела медико-экологических исследований; **М.М. Геворгян**, канд. биол. наук, зав. клинико-диагностического отделения;

Т.В. Козарук, врач, А.П. Кузнецова, врач, Научный центр клинической и экспериментальной медицины СО РАМН, Новосибирск, E-mail: nicol@soramn.ru

ОСОБЕННОСТИ КЛИНИКО-БИОХИМИЧЕСКИХ И ИММУНОЛОГИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ У БОЛЬНЫХ АРТЕРИАЛЬНОЙ ГИПЕРТЕНЗИЕЙ В УСЛОВИЯХ СЕВЕРА

Обследовано 89 пациентов с артериальной гипертензией II-III стадии, I-II степени. Были изучены особенности клинико-биохимических и иммунологических показателей и их взаимосвязи со стадией болезни у больных артериальной гипертензией на Севере.

Ключевые слова: артериальная гипертензия, Север, липиды, иммунология.

Артериальная гипертензия (АГ) является важной медицинской проблемой, существенно влияющей на показатели здоровья, как на индивидуальном, так и на популяционном уровнях [1]. С особой остротой вопросы диагностики, лече-

ния и профилактики артериальной гипертензии встают в условиях северных территорий страны [2]. Современная профилактическая кардиология при прогностической оценке артериальной гипертензии учитывает связь клинико-патогене-

тических особенностей заболевания с факторами риска сердечно-сосудистых заболеваний [3]. Артериальная гипертензия является фактором, влияющим на риск осложнений сердечно-сосудистых заболеваний человека, а многофакторность её патогенеза объясняет актуальность изучения ассоциации и связи АГ с другими соматическими заболеваниями, патологическими синдромами [4; 5]. Напряженность процессов адаптации в условиях Севера способствует увеличению как внутренних, так и внешних патогенетических связей при артериальной гипертензии [6; 7; 8]. Однако вопросы изучения особенностей формирования АГ на северных территориях остаются на сегодняшний день малоизученными [9; 10; 11].

Цель исследования. Изучить особенности клинико-биохимических и иммунологических показателей и их взаимосвязи со стадией болезни у больных артериальной гипертензией на Севере.

Материалы и методы. На базе Клиники Научного центра клинической и экспериментальной медицины СО РАМН (г. Новосибирск) было обследовано 89 больных с артериальной гипертензией II-III стадии, I-II степени. Для верификации диагноза эссенциальной артериальной гипертензии были использованы рекомендации экспертов ВОЗ (1999г.), Всероссийского научного общества кардиологов (2008, 2010гг.). Все пациенты были разделены на две группы. Из них к первой группе были отнесены больные АГ постоянно проживающие в умеренных широтах (г. Новосибирск) (67 человек), ко второй группе пациенты (22 человека) некоренных национальностей промышленных предприятий г. Мирного Республики Саха (Якутия) постоянно проживающие на Севере. Все обследованные были в возрасте от 20 до 60 лет. В первой группе средний возраст составил $45,2 \pm 1,44$ года, во второй группе $45,58 \pm 2,63$ лет. Исследование соответствовало этическим стандартам, разработанным в соответствии с Хельсинкской декларацией Всемирной ассоциации «Этические принципы проведения научных медицинских исследований с участием человека» (2000 г.) и с Правилами клинической практики в Российской Федерации, утвержденными Приказом Минздрава РФ № 266 (2003 г.) и проводилось в соответствии с информированным согласием на участие. Исследование включало определение следующих показателей: пола, возраста,

веса, роста, индекса массы тела (ИМТ), вычисленного по формуле: $ИМТ = m / l^2$, где m – масса тела (кг), l^2 – квадрат роста (m^2). Определяли количество эритроцитов, гемоглобина, лейкоцитов, скорости оседания эритроцитов (СОЭ), расчет цветового показателя по формуле (гемоглобин \times 3/эритроциты) (на автоматическом гематологическом анализаторе «КХ-21» (Япония)). Уровень общего холестерина, липопротеидов низкой плотности (ЛПНП), липопротеидов высокой плотности (ЛПВП), триглицеридов, с расчетом коэффициента атерогенности по формуле: общий холестерин ЛПВП/общий холестерин, концентрацию глюкозы, билирубина, С-реактивного белка (СРБ) проводили на автоматическом биохимическом анализаторе «Konelab 30i» (Финляндия)), определение международного нормализованного отношения (МНО) проводили с использованием автоматического коагулометра «Autoclot» (Испания). Определение иммунологических показателей: процентного количества CD3 лимфоцитов, CD4 лимфоцитов, CD8 лимфоцитов, CD72 лимфоцитов, CD16 лимфоцитов с расчетом индекса иммунной реактивности (CD4/CD8), циркулирующих иммунных комплексов, средних молекул 1 и 2 проводили с использованием спектрофотометра «СФ-46» (Россия) и люминесцентного микроскопа «Люмам» (Россия). Проводили тест с нитросинием тетразолием (НСТ), спонтанный и НСТ стимулированный (по методике Stuart I., Gordon P.A., Lee T.R., 1975).

Статистическую обработку полученных данных выполняли с использованием пакета прикладных программ «Statistica 6» (Statsoft, США). Полученные данные представлены как среднее арифметическое и ошибка среднего ($M \pm m$). Характер распределения исследуемых параметров оценивали графическим способом, а также с использованием критерия Колмогорова – Смирнова. При параметрическом распределении исследуемого признака оценку межгрупповых различий проводили с использованием t критерия Стьюдента. При непараметрическом распределении использовали U – критерий Манна – Уитни. Для корреляционного анализа применяли критерии Пирсона и Спирмена.

Результаты и обсуждение. Сравнительный анализ клинико-биохимических показателей больных АГ выявил их особенности у пациентов, проживающих на Севере по сравне-

Таблица 1

Клинико-биохимических показатели больных АГ ($M \pm m$)

Показатель	1. Больные АГ, проживающие в средних широтах	2. Больные АГ, проживающие на Севере
Вес (кг)	$80,55 \pm 1,93$	$70,57 \pm 4,17^*$
Рост (см)	$169,14 \pm 1,19$	$163,69 \pm 2,27^*$
ИМТ (%)	$28,22 \pm 0,67$	$26,51 \pm 1,80$
Эритроциты ($10^{12}/л$)	$4,65 \pm 0,06$	$4,9 \pm 0,1$
Гемоглобин (г/л)	$146,5 \pm 2,08$	$148,7 \pm 3,7$
Цвет. показатель	$0,93 \pm 0,008$	$0,9 \pm 0,01$
Лейкоциты ($10^9/л$)	$7,63 \pm 0,36$	$7,76 \pm 0,94$
Лимфоциты (%)	$35,26 \pm 1,6$	$38,77 \pm 2,15$
Глюкоза (ммоль/л)	$4,52 \pm 0,12$	$4,4 \pm 0,13$
Холестерин (ммоль/л)	$5,45 \pm 0,14$	$6,68 \pm 0,89^*$
ЛПВП (ммоль/л)	$1,33 \pm 0,05$	$1,28 \pm 0,1$
ЛПНП (ммоль/л)	$3,34 \pm 0,13$	$3,66 \pm 0,21$
Триглицериды (ммоль/л)	$1,53 \pm 0,11$	$1,7 \pm 0,23$
КАТ	$3,49 \pm 0,19$	$3,76 \pm 0,3$
СОЭ (мм/ч)	$16,19 \pm 1,28$	$14,95 \pm 1,77$
СРБ (мг/л)	$5,83 \pm 1,38$	$4,61 \pm 1,32$
Билирубин (ммоль/л)	$13,56 \pm 0,73$	$17,65 \pm 1,66^*$
МНО	$1,07 \pm 0,01$	$1,19 \pm 0,09^*$

Примечание: звездочкой обозначено достоверное отличие между группами, где * – ($p < 0,05$)

нию с больными находящимися в средних широтах. Было получено достоверное снижение антропометрических показателей: веса и роста у северян по сравнению с лицами, проживающими в г. Новосибирске (таблица 1). У пациентов АГ, проживающих на Севере наблюдалось достоверное увеличение на 5,3% количества эритроцитов по сравнению с лицами, проживающими в средних широтах ($4,9 \times 10^{12}/л$ против $4,65 \times 10^{12}/л$ ($p < 0,05$)). Изучение липидного обмена у больных АГ, проживающих на Севере, выявило увеличение концентрации в сыворотке крови общего холестерина, ЛПНП, триглицеридов, повышение коэффициента атерогенности (КАТ) и снижение ЛПВП по сравнению с больными АГ проживающими в средних широтах, что согласуется с данными ранее, полученными другими исследователями [12; 13; 6; 14]. Установлено достоверное увеличение количества общего билирубина и МНО у группы больных АГ, проживающих на Севере, что свидетельствует о напряжении пигментного обмена и снижении активности факторов протромбинового комплекса, участвующих во внешнем механизме коагуляционного гемостаза [15]. Сравнение величин иммунологических показателей (таблица 2) больных АГ, проживающих на Севере с лицами АГ находящимися в средних широтах выявило снижение иммунной резистентности у больных АГ проживающих на Севере. У пациентов второй группы наблюдалось увеличение абсолютного коли-

чества CD8 Т клеток, выполняющих в основном супрессорную функцию [16; 17] ($0,66 \times 10^9/л$ против $0,57 \times 10^9/л$ у первой группы ($p < 0,05$)). Вследствие чего, было обнаружено снижение иммунной реактивности в Т клеточном звене иммунного ответа. Отношение Т хелперов к Т супрессорам составило у больных АГ на Севере ($1,8 \pm 0,12$ против $2,03 \pm 0,07$ у пациентов проживающих в средних широтах ($p < 0,05$)). Следует отметить, что в гуморальном звене иммунного ответа у больных АГ, проживающих на Севере, наблюдалось снижение иммуноглобулина М на 28% ($1,07 \pm 0,7$ г/л против $1,37 \pm 0,14$ г/л ($p < 0,05$)), увеличение иммуноглобулина А на 19% ($2,47 \pm 0,18$ г/л против $2,07 \pm 0,12$ г/л) ($p < 0,05$) и выявлена тенденция к увеличению иммуноглобулина G на 12% ($13,45 \pm 1,02$ г/л против $12,01 \pm 0,38$ г/л). Достоверное снижение на 18% числа средних молекул 1 и средних молекул 2 на 15,5% было получено у северян с АГ ($164,42 \pm 11,9$ ед. опт. пл. против $194,09 \pm 6,63$ ед. опт. пл. и $306,8 \pm 13,7$ ед. опт. пл. против $363,2 \pm 11,98$, ед. опт. пл. соответственно ($p < 0,05$)), что, по-видимому, свидетельствует о сниженном уровне метаболических процессов в организме. Выявлена тенденция к снижению циркулирующих иммунных комплексов, В-клеток, CD3 Т-клеток, CD4 Т-клеток, CD16 NK-клеток, отношения НСТ спонтанный к НСТ стимулированный, что свидетельствовало о наличии иммуносупрессии у пациентов АГ, проживающих на Севере [18].

Таблица 2

Иммунологические показатели больных АГ (M±m)

Показатель	1. Больные АГ, проживающие в средних широтах	2. Больные АГ, проживающие на Севере
Тобщ (%)	68,97±0,92	65,38±1,96
Абс Тобщ, абсолютное количество ($10^9/мл$)	1,73±0,07	1,88±0,15
Т хелп (%)	43,21±0,92	40,05±1,69
Абс Т хелп, абсолютное количество ($10^9/мл$)	1,09±0,05	1,14±0,09
Т супрес (%)	22,67±0,69	23,38±1,1
Абс Т супрес, абсолютное количество ($10^9/мл$)	0,57±0,03	0,66±0,06
В (%)	10,59±0,62	10,19±0,96
НК (%)	13,12±0,8	11,85±1,15
ТхТс	2,03±0,07	1,8±0,12*
НСТ-спон (%)	3,43±0,32	4,1±0,92
НСТ-стим (%)	49,39±1,95	47,2±3,6
сти\спо	20,91±1,74	17,58±2,39
ЦИК	0,018±0,001	0,014±0,002
Ig A (мг\мл)	2,07±0,12	2,47±0,18*
IgM (мг\мл)	1,37±0,14	1,07±0,7*
Ig G (мг\мл)	12,01±0,38	13,45±1,02
Средние молекулы 1 (ед. опт. пл.)	194,09±6,63	164,42±11,9*
Средние молекулы 2 (ед. опт. пл.)	363,2±11,98	306,8±13,7*

Примечание: звездочкой обозначено достоверное отличие между группами, где * – ($p < 0,05$)

Таблица 3
Взаимосвязь величин антропометрических параметров тела и иммунологических параметров со стадией АГ

Параметры	Стадия АГ
Вес (кг)	-0,39*
ИМТ (%)	-0,36*
ЦИК	-0,22*

Примечание: звездочкой обозначена корреляционная достоверная взаимосвязь, где * – ($p < 0,05$).

При изучении взаимосвязи клинико-лабораторных показателей у больных АГ в зависимости от стадии АГ (таблица 3) установлена средняя и слабая, достоверная, обратная корреляция между ИМТ и стадией АГ ($r = -0,36$), весом ($r = -0,39$) а также количеством циркулирующих иммунных комплексов ($r = -0,22$). Выявлено наличие достоверной прямой взаимосвязи следующих клинико-биохимических параметров в зависимости от региона проживания (таблица 4): количеством лейкоцитов ($r = 0,37$), холестерином ($r = 0,36$), билирубином ($r = 0,27$) и иммунологических параметров: абсолютного количества CD3 лимфоцитов ($r = 0,44$), CD4 лимфоцитов ($r = 0,37$), CD8 лимфоцитов ($r = 0,46$), а также отрицательной взаимо-

связи со средними молекулами 1 ($r = -0,38$) и средними молекулами 2 ($r = -0,23$).

Таблица 4
Взаимосвязь величин клинико-биохимических, иммунологических параметров в зависимости от региона проживания

Параметры	Регион проживания
Лейкоциты ($10^9/л$)	0,37*
Холестерин (ммоль/л)	0,36*
Билирубин (ммоль/л)	0,27*
CD3ABC	0,44*
CD4ABC	0,37*
CD8ABC	0,46*
Средние молекулы 1 (ед. опт. пл.)	-0,38*
Средние молекулы 2(ед. опт. пл.)	-0,23*

Примечание: звездочкой обозначена корреляционная достоверная взаимосвязь, где * – ($p < 0,05$).

Библиографический список

1. Агеев, Ф.Т. Распространенность артериальной гипертонии в Европейской части Российской Федерации: данные исследования ЭПО-ХА, 2003 / Ф.Т. Агеев, И.В. Фомин, В.Ю. Мареев, Ю.Н. Беленков Ю.Н. // Кардиология. – 2004. – № 11.
2. Запесочная, И.Л. Особенности течения артериальной гипертонии в северных регионах страны / И.Л. Запесочная, А.Г. Автандилов // Клиническая медицина. -2008. – № 5.
3. Оганов, Р.Г. Профилактическая кардиология / Р.Г. Оганов, А.М. Калинина, Ю.М. Позднякова // Профилактическая кардиология. – 2003. – № 2.
4. Маколкин, В.И. Артериальная гипертензия – фактор риска сердечно-сосудистых заболеваний // Российский медицинский журнал. – 2002. – Т. 10. – № 19.
5. Гогин, Е.Е. Гипертоническая болезнь и ассоциированные болезни системы кровообращения / Е.Е. Гогин, Г.Е. Гогин. – Ньюдиамед, 2006.
6. Николаев, Ю.А. Распространенность хронических неинфекционных заболеваний и факторов риска их развития у работников алмазодобывающей промышленности Якутии / Ю.А. Николаев, И.М. Митрофанов, И.Ю. Кузнецова // Профилактика заболеваний и укрепление здоровья. – 2004. – № 3.
7. Гапон, Л.И. Структурно-функциональные изменения сердца и суточный профиль артериального давления у больных артериальной гипертонией на Крайнем Севере / Л.И. Гапон, Н.П. Шуркевич, А.С. Ветошкин // Клиническая медицина. – 2009. – № 9.
8. Ермакова, Т.К. Взаимосвязь показателей систолического артериального давления в системе легочных сосудов и эндотелиальной дисфункции у жителей Крайнего Севера / Т.К. Ермакова, Л.В. Саламатина, А.А. Буганов // Пульмонология: научно-практический журнал. – 2009. – № 5.
9. Поляков, В.Я. Особенности суточного профиля артериального давления у больных артериальной гипертонией и социальный градиент / В.Я. Поляков, Ю.А. Николаев, Н.А. Долгова // Вестник НГУ. – 2011. – № 3.
10. Кузнецова, А.П. Особенности циркадного ритма артериального давления у больных артериальной гипертонией в условиях Севера / А.П. Кузнецова, Ю.А. Николаев, В.Я. Поляков // Вестник новых медицинских технологий. – 2011. – № 3.
11. Николаев, Ю.А. Факторы риска сердечно-сосудистых заболеваний и их зависимость от уровня образования у работников алмазодобывающей промышленности Якутии / Ю.А. Николаев, В.Г. Селятицкая, И.М. Митрофанов, В.Р. Кейль // Профилактическая медицина. – 2011. – № 2.
12. Кылбанова, Е.С. Липидно-метаболические нарушения, социальный градиент и характер питания у прошлого населения Якутии: автореф. дис.... д-ра. мед. наук. – Новосибирск, 2006.
13. Волкова, Н.И. Особенности обменных процессов у рабочих различных производств лесной индустрии Севера: автореф. дис.... канд. биол. наук. – Архангельск, 1999.
14. Николаев, Ю.А. Динамика гормональных изменений, функциональной активности нейтрофилов при артериальной гипертонии в зависимости от длительности проживания на Севере / Ю.А. Николаев, Н.Н. Маянская, И.М. Митрофанов // Бюллетень СО РАМН. – 2004. – № 1.
15. Баркаган, З.С. Диагностика и контролируемая терапия нарушенной гемостаза. Ньюдиамед – АО. – М., 2008.
16. Ярилин, А.А. Основы иммунологии. – М., 1999.
17. Хаитов, Р.М. Иммунология / Р.М. Хаитов, Г.А. Игнатъева, И.Г. Сидорович. – М., 2000.
18. Романова, Ю.В. Иммунный статус лиц с артериальной гипертонией и гиперхолестеринемией, занятых на производстве стройматериалов / Ю.В. Романова, Е.Н. Леханова, А.А. Буганов, Н.В. Голубева // Медицина труда и промышленная экология. – 2006. – № 8.

Bibliography

1. Ageev, F.T. Rasprostranennostj arterial'noj gipertonii v Evropejskoj chasti Rossijskoj Federacii: dannije issledovaniya EhPOKha, 2003 / F.T. Ageev, I.V. Fomin, V.Yu. Mareev, Yu.N. Belenkov Yu.N. // Kardiologiya. – 2004. – № 11.
2. Zapesochnaya, I.L. Osobennosti techeniya arterial'noj gipertonii v severnykh regionakh stranii / I.L. Zapesochnaya, A.G. Avtandilov // Klinicheskaya medicina. -2008. – № 5.
3. Oganov, R.G. Profilakticheskaya kardiologiya / R.G. Oganov, A.M. Kalinina, Yu.M. Pozdnyakova // Profilakticheskaya kardiologiya. – 2003. – № 2.
4. Makolkin, V.I. Arterial'naya gipertenziya – faktor riska serdechno-sosudistih zabolevanij // Rossijskij medicinskiy zhurnal. – 2002. – T. 10. – № 19.
5. Gogin, E.E. Gipertionicheskaya boleznj i associirovannihe boleznii sistemih krovoobratheniya / E.E. Gogin, G.E. Gogin. – Njudiamed, 2006.
6. Nikolaev, Yu.A. Rasprostranennostj khronicheskikh neinfekcionnihk zabolevanij i faktorov riska ikh razvitiya u rabotnikovalmazodobivayuthey promishlennosti Yakutii / Yu.A. Nikolaev, I.M. Mitrofanov, I.Yu. Kuznecova // Profilaktika zabolevanij i ukreplenie zdoroviya. – 2004. – № 3.
7. Gapon, L.I. Strukturno-funkcionalnihe izmeneniya serdca i sutochnij profilj arterial'nogo davleniya u boljnihkh arterial'noj gipertoniej na Kraynjem Severe / L.I. Gapon, N.P. Shurkevich, A.S. Vetoshkin // Klinicheskaya medicina. – 2009. – № 9.
8. Erdakova, T.K. Vzaimosvyazj pokazatelej sistolicheskogo arterial'nogo davleniya v sisteme legochnihk sosudov i ehndotelial'noj disfunkcii u zhitelej Kraynego Severa / T.K. Erdakova, L.V. Salamatina, A.A. Buganov // Pul'monologiya: nauchno-prakticheskij zhurnal. – 2009. – № 5.
9. Polyakov, V.Ya. Osobennosti sutochnogo profilja arterial'nogo davleniya u boljnihkh arterial'noj gipertenziej i social'nyh gradient / V.Ya. Polyakov, Yu.A. Nikolaev, N.A. Dolgova // Vestnik NGU. – 2011. – № 3.
10. Kuznecova, A.P. Osobennosti cirkadnogo ritma arterial'nogo davleniya u boljnihkh arterial'noj gipertenziej v usloviyakh Severa / A.P. Kuznecova, Yu.A. Nikolaev, V.Ya. Polyakov // Vestnik novihk medicinskih tekhnologij. – 2011. – № 3.

Выводы

1. У больных АГ, проживающих на Севере по сравнению с лицами, находящимися в средних широтах увеличена концентрация в сыворотке крови общего холестерина, количество общего билирубина в сыворотке крови и снижена активность факторов протромбинового комплекса.

2. У пациентов АГ, проживающих на Севере выявлено снижение неспецифической, иммунной резистентности организма по гуморальному и клеточному звену, по сравнению с лицами с АГ в средних широтах, что проявляется увеличением абсолютного количества CD8 Т клеток, снижением отношения Т хелперов к Т супрессорам, снижением количества иммуноглобулина М, увеличением количества иммуноглобулина А.

3. Установлена взаимосвязь между регионом проживания: избыточной массой тела, количеством лейкоцитов в крови, концентрацией в сыворотке крови общего холестерина, билирубина, абсолютным количеством CD3 лимфоцитов, CD4 лимфоцитов, CD8 лимфоцитов, средних молекул 1 и средних молекул 2. Выявлена взаимосвязь стадии АГ с величиной показателя избыточной массой тела и количеством циркулирующих иммунных комплексов.

11. Nikolaev, Yu.A. Faktorih riska serdechno-sosudistihkh zabolovaniy i ikh zavisimosty ot urovnya obrazovaniya u rabotnikov almazodobihvayuthey promyshlennosti Yakutii / Yu.A. Nikolaev, V.G. Selyatickaya, I.M. Mitrofanov, V.R. Keyjij // Profilakticheskaya medicina. – 2011. – № 2.
12. Kihlbanova, E.S. Lipidno-metabolicheskie narusheniya, social'nyih gradient i kharakter pitaniya u proshlogo naseleniya Yakutii: avtoref. dis..... d-ra. med. nauk. – Novosibirsk, 2006.
13. Volkova, N.I. Osobennosti obmennihkh processov u rabochikh razlichnihkh proizvodstv lesnoy industrii Severa: avtoref. dis.... kand. biol. nauk. – Arkhangel'sk, 1999.
14. Nikolaev, Yu.A. Dinamika gormonal'nykh izmeneniy, funktsional'noy aktivnosti neytrifilov pri arterial'noy gipertenzii v zavisimosti ot dlitel'nosti prozhivaniya na Severe / Yu.A. Nikolaev, N.N. Mayanskaya, I.M. Mitrofanov // Byulleten' SO RAMN. – 2004. – № 1.
15. Barkagan, Z.S. Diagnostika i kontroliruemaya terapiya narusheniy gemostaza. Njyudiamed – AO. – M., 2008.
16. Yarin, A.A. Osnovih immunologii. – M., 1999.
17. Khaitov, R.M. Immunologiya / R.M. Khaitov, G.A. Ignat'eva, I.G. Sidorovich. – M., 2000.
18. Romanova, Yu.V. Immunnih status lic s arterial'noy gipertoniej i giperkholesterinemiej, zanyatihkh na proizvodstve stroyimaterialov / Yu.V. Romanova, E.N. Lekhanova, A.A. Buganov, N.V. Golubeva // Medicina truda i promyshlennaya ehkologiya. – 2006. – № 8.

Статья поступила в редакцию 29.10.11

УДК 612:613.1 (470.1)055(02)7

Hasnulin V. I., Hasnulina A.V. DEPENDENCE OF CHARACTERISTICS OF IMMUNE REACTIONS AT ALIEN INHABITANTS OF THE NORTH FROM PSYCHOEMOTIONAL AND HORMONAL MANIFESTATIONS OF NORTHERN STRESS Psycho-emotional stress, combined with the increased cortisol production in the North, contributes to the immune protection maintaining at more effective level. It is concluded, that concept of conceivably distinguish.

Key words: Northern stress, immune protection, functional Northern immunodeficiency syndrome.

В.И. Хаснулин, д-р мед. наук, проф. НЦКЭМ СО РАМН;

А.В. Хаснулина, канд. мед. наук НЦКЭМ СО РАМН, г. Новосибирск, E-mail: hasnulin@ngs.ru

ЗАВИСИМОСТЬ ХАРАКТЕРИСТИК ИММУННЫХ РЕАКЦИЙ У ПРИШЛЫХ ЖИТЕЛЕЙ СЕВЕРА ОТ ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНЫХ И ГОРМОНАЛЬНЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ СЕВЕРНОГО СТРЕССА

Психоэмоциональный стресс, сочетающийся с усилением продукции кортизола на Севере, способствует сохранению более эффективного уровня иммунной защиты. Сделан вывод о возможности выделения понятия синдрома функционального северного иммунодефицита.

Ключевые слова: северный стресс, кортизол, окислительный стресс, иммунная защита, функциональный северный иммунодефицит.

Эффективность адаптации к дискомфортным климатогеофизическим условиям высоких широт, устойчивость жителей Севера к инфекционным и неинфекционным заболеваниям, к возникновению злокачественных новообразований, во многом зависит от состояния иммунной защиты организма [1; 2; 3; 4]. Исследования показали, что значительная часть переезжающих на Север людей реагирует на северный стресс возникновением сезонных иммунодефицитов, проявляющихся в снижении реактивности клеточ-эффекторов системы иммунной резистентности, уменьшении содержания Т-лимфоцитов (CD^{3+}), Т-хелперов ($CD^{3+} CD^{4+}$), цитотоксических Т-лимфоцитов ($CD^{3+} CD^{8+}$) и в угнетении их функциональной активности, а также в изменении показателей гуморального иммунитета. Как показано в предыдущих исследованиях [5] важными элементами северного стресса, интегрально отражающими уровень общеорганизменной стресс реакции являются психоэмоциональное напряжение и концентрация в крови стрессового гормона кортизола. Существующие на сегодняшний день научные данные позволяют предполагать, что именно с высоким уровнем психоэмоционального напряжения и высокой концентрацией кортизола в крови связано формирование северных функциональных иммунодефицитов. В этой связи задачей данного исследования было выбрано изучение влияния психоэмоционального напряжения, уровня концентрации кортизола в крови, уровня окислительного стресса на особенности основных характеристик клеточного и гуморального иммунитета у пришлых жителей Севера.

Материалы и методы исследования. Проведено комплексное клиничко-лабораторное, функциональное, биохимическое, гормональное и иммунологическое обследование 347 практически здоровых пришлых жителей Севера в возрасте 25–55 лет. В качестве контроля проведено аналогичное обследование 58 здоровых жителей средних широт того же возраста. Обследование соответствовало стандартам Хельсинкской декларации 1975 года и её пересмотра 1983 года. От

каждого обследованного человека получено информированное согласие на использование материалов в научных обобщениях. Для определения выраженности психоэмоционального стресса использованы психотесты Спилберга – Ханина, Люшера и скрининг-оценка дизадаптивных функциональных и патологических состояний с помощью компьютерной программы «СКРИНМЕД» (НЦКЭМ СО РАМН). Содержание гормонов в сыворотке крови определялось радиоиммунным методом с использованием коммерческих наборов. Биохимические параметры определялись с использованием стандартизованных наборов на биохимическом анализаторе. Определение лимфоцитов и их субпопуляций проводилось методом иммуноцитометрии с использованием наборов моноклональных антител к поверхностным дифференцировочным антигенам, меченных фикоэритрином (производство ИИ МЗ РФ). Концентрацию сывороточных иммуноглобулинов IgA, IgM, IgG и циркулирующих иммунных комплексов (ЦИК) определяли методом скоростной нефелометрии на иммунобиохимическом анализаторе. Реакция бласттрансформации лимфоцитов исследовалась с помощью неспецифического стимулятора blastогенеза – фитогемагглютинина (ФГА). Статистическую обработку данных проводили с использованием стандартного пакета статистических программ STATISTICA (StatSoft, США) версии 6.0. Количественные данные представлены в виде средних показателей (M) и стандартной ошибки среднего (m) при нормальном распределении показателей. Статистическую значимость различий определяли по парному t -критерию Стьюдента для независимых выборок, пороговый уровень статистической значимости принимался при значении критерия $p < 0,05$. Корреляционный анализ проводился по методу Пирсона.

Результаты исследования. Полученные нами факты согласуются с данными литературы [1,2,4,6] о снижении у жителей высоких широт как относительного, так и абсолютного числа изучаемых показателей CD^{3+} -лимфоцитов. Было

показано, что у практически здоровых пришлых жителей Севера отмечается снижение уровня клеточного и гуморального иммунитета по сравнению со здоровыми жителями средних широт. Это выражается в уменьшении по сравнению с показателями жителей средних широт средних показателей количества CD^{3+} – на 38,0 %, ($0,754 \pm 0,007$) $Ч10^9$ кл/л; $CD^{3+}CD^{4+}$ – на 31,6 %, ($0,591 \pm 0,007$) $Ч10^9$ кл/л; $CD^{3+}CD^{8+}$ – на 48,6 %, ($0,163 \pm 0,005$) $Ч10^9$ кл/л; в уменьшении концентрации в сыворотке крови иммуноглобулинов: IgM – на 30,0 %, ($1,13 \pm 0,03$) г/л, и IgG – на 21,7 %, ($11,98 \pm 0,19$) г/л. Содержание ЦИК у пришлых северян было увеличено по сравнению с жителями средних широт примерно в два раза. Как считает Н.А. Константинова [7], повышенный уровень ЦИК в крови может быть причиной антителозависимой цитотоксичности, способствующей повреждению цитоплазматических мембран и тканевых структур. Об определенной иммунодепрессии у здоровых пришлых жителей Севера мы можем также судить по реакции бласттрансформации с ФГА, которая в высоких широтах была на 15,0 % меньше – ($56,5 \pm 1,23$) %, чем у здоровых жителей средних широт – ($71,2 \pm 2,68$) %.

Как оказалось, у обследованных жителей Севера снижение иммунитета отмечалось на фоне таких проявлений северного стресса, как окислительный стресс (соотношение антиоксиданты/перекисное окисление липидов было снижено в 3,5 раза), повышение в крови стрессового гормона кортизола в два раза, увеличение психоэмоционального напряжения по сравнению со здоровыми жителями средних широт в среднем на 19,4 %. Северный стресс у этих северян проявлялся также формированием метаболического синдрома, характеризующегося увеличением в крови уровня инсулина, атерогенных липидов и сахара. При этом у 33,5 % практически здоровых жителей Севера показатели клеточного иммунитета были снижены на 20–40 % даже по сравнению со средними показателями у всей группы обследованных северян.

Результаты исследования стали еще одним свидетельством зависимости снижения клеточных показателей иммунной защиты от экстремальных климатогеофизических фак-

торов Севера. Об этой зависимости говорят изменения иммунологических показателей в периоды геомагнитных бурь, а также зависимости снижения содержания иммунных клеток с длительностью контакта человека с биологически дискомфортными природными факторами высоких широт (северный стаж). Данные наблюдений выявили, что в периоды геофизических возмущений и геомагнитных бурь определяется снижение содержания CD^{3+} до $0,55–0,60 Ч10^9$ кл/л и $CD^{3+}CD^{4+}$ до $0,35–0,45 Ч10^9$ кл/л. В магнитоспокойные дни содержание CD^{3+} достигало $0,70–0,80 Ч10^9$ кл/л и $CD^{3+}CD^{4+}$ – $0,50–0,60 Ч10^9$ кл/л. Соответственно в дни магнитных бурь содержание ЦИК достигало 80–87 ед. против 30–40 ед. в спокойные дни. При этом примерно у 30 % обследованных жителей Севера показатели иммунной защиты в периоды геофизических возмущений не только не ухудшались, но и имели тенденцию к повышению.

Изучение динамики изменения иммунных показателей у пришлых жителей в разные сроки проживания на Севере выявили фазность в реагировании иммунной системы на длительность экспозиции климатогеофизических факторов высоких широт: на первых этапах происходит снижение иммунного ответа, развивается состояние иммунодепрессии (уменьшение числа CD^{3+} и $CD^{3+}CD^{4+}$ в циркуляции, снижение ответа лимфоцитов на митогены и т. д.); на последующих этапах периоды стабилизации иммунных показателей перемежаются с периодами их снижения. Анализ результатов исследований выявил несколько критических периодов адаптации, характеризующихся значительным снижением и дисбалансом иммунных показателей в сроки проживания на Севере 4 года, 7 лет и 14–15 лет, которые циклически сменялись периодами стабилизации (5–6 лет, 11–13 лет, 20 и более лет). Следует отметить, что в сроки проживания на Севере до трех лет отмечались максимальные значения $CD^{3+}CD^{4+}$ по сравнению со всеми последующими периодами, а в срок проживания около 7–8 лет этот показатель был статистически значимо меньшим, чем в предыдущие периоды ($p < 0,003$). Периодами наибольшего снижения количественных показателей CD^{3+} являются сроки

Таблица 1

Показатели иммунитета у пришлых жителей Севера в зависимости от уровня психоэмоционального напряжения (1 группа – низкий, 2 группа – высокий) по сравнению со здоровыми жителями средних широт (3 группа)

Показатель	1 группа (n=140)	2 группа (n=132)	3 группа (n=58)	p
$CD^{3+} \times 10^9$ кл/л	$0,744 \pm 0,013$	$0,715 \pm 0,008$	$1,231 \pm 0,009$	1–3 – 0,003 2–3 – 0,001
$CD^{3+}CD^{4+} \times 10^9$ кл/л	$0,622 \pm 0,011$	$0,598 \pm 0,007$	$0,864 \pm 0,008$	1–3 – 0,001 2–3 – 0,001
$CD^{3+}CD^{8+} \times 10^9$ кл/л	$0,122 \pm 0,005$	$0,117 \pm 0,003$	$0,317 \pm 0,006$	1–3 – 0,001 2–3 – 0,001
Ig A, г/л	$2,16 \pm 0,07$	$2,13 \pm 0,07$	$2,12 \pm 0,09$	1–3 – 0,48 2–3 – 0,56
Ig M, г/л	$1,16 \pm 0,04$	$1,14 \pm 0,05$	$1,67 \pm 0,11$	1–3 – 0,001 2–3 – 0,001
Ig G, г/л	$11,95 \pm 0,31$	$11,70 \pm 0,31$	$15,30 \pm 0,37$	1–3 – 0,001 2–3 – 0,001
ЦИК, усл. ед.	$67,7 \pm 1,5$	$69,7 \pm 0,9$	$34,5 \pm 1,4$	1–3 – 0,01 2–3 – 0,001
Кортизол, нмоль/л	$624,3 \pm 24,1$	$570,1 \pm 22,6$	$289,0 \pm 12,4$	1–3 – 0,001 2–3 – 0,001
ПЭН, балл	$5,04 \pm 0,05$	$12,5 \pm 0,1$	$7,2 \pm 0,3$	1–3 – 0,001 2–3 – 0,001
Индекс АоА/ПОЛ	$1,07 \pm 0,02$	$1,10 \pm 0,02$	$4,01 \pm 0,14$	1–3 – 0,001 2–3 – 0,001

Примечание. ПЭН – психоэмоциональное напряжение, АоА – антиокислительная активность, ПОЛ – перекисное окисление липидов

около 4 лет, 7 и 14–15 лет жизни в условиях высоких широт. Однако, следует уточнить, что несмотря на общую картину низкого уровня иммунных характеристик в указанные критические периоды, около 30 % обследованных сохраняли довольно высокий уровень концентрации CD³⁺-лимфоцитов в периферической крови, достигающий 50-65%. Эти же люди практически не имели отклонений в концентрации иммуноглобулинов, имели достаточно высокий уровень Т-хелперов (CD³⁺ CD⁴⁺), цитотоксических Т-лимфоцитов (CD³⁺ CD⁸⁺), а также их соотношения. У этой же группы пришлых жителей Севера не было выявлено значительных отклонений в метаболических и эндокринных показателях, отсутствовало выраженное психоэмоциональное напряжение и другие признаки хронического стресса. Указанная группа обследованных жителей Севера отличалась также и высокими показателями здоровья.

Следует отметить, что изменения иммунного статуса пришлых жителей на разных этапах адаптации на Севере разделились в зависимости от уровня психоэмоционального напряжения. При невысоком уровне психоэмоционального напряжения выявлялись более значимые колебания содержания иммунных клеток в крови с выраженными периодами иммунодефицита. В группе с высоким уровнем психоэмоционального напряжения показатели клеточного иммунитета были более

стабильными и значительно не снижались в описанные критические периоды адаптации. Вместе с тем, суммарное разделение всех обследованных людей на группы с низким (1) и высоким (2) уровнем психоэмоционального напряжения (табл. 1) не выявило статистически значимых различий между группами в показателях клеточного и гуморального иммунитета, возникающих на разных этапах адаптации в высоких широтах. Оказалось, что более значимые различия в показателях клеточного иммунитета на Севере выявляются при выделении среди обследованных северян группы, имеющей одновременно низкий уровень психоэмоционального напряжения с незначительным повышением содержания кортизола (группа 1) и группы, отличающейся одновременным повышением уровня психоэмоционального напряжения и значимым увеличением содержания кортизола в крови (группа 2).

Именно в первой группе (табл. 2) определялось наименьшее содержание Т-лимфоцитов, Т-хелперов и цитотоксических Т-лимфоцитов. В этой же группе статистически значимое снижение CD³⁺ находилось в обратной корреляционной зависимости от выраженности уровня перекисного окисления липидов на фоне самой низкой антиоксидантной защиты ($r = -0,54$). Еще большая обратная зависимость от уровня перекисного окисления липидов ($r = -0,74$) выявилась у Т-хелперов.

Таблица 2

Показатели иммунитета у пришлых жителей Севера при сочетании низкого уровня ПЭН с незначительным повышением концентрации кортизола (группа I) и при сочетании высокого уровня ПЭН со значимым повышением концентрации кортизола (группа II)

Показатель	Группа I n= 120	Группа II n= 111	P
CD ³⁺ × 10 ⁹ кл/л	0,510 ± 0,007	0,970 ± 0,012	0,003
CD ³⁺ CD ⁴⁺ × 10 ⁹ кл/л	0,400 ± 0,008	0,740 ± 0,011	0,001
CD ³⁺ CD ⁸⁺ × 10 ⁹ кл/л	0,110 ± 0,005	0,230 ± 0,010	0,001
Ig A, г/л	2,27 ± 0,06	2,06 ± 0,03	0,003
Ig M, г/л	1,16 ± 0,04	1,11 ± 0,03	0,001
Ig G, г/л	10,92 ± 0,21	12,24 ± 0,12	0,001
ЦИК, усл. ед.	80,8 ± 1,2	63,2 ± 1,1	0,001
Кортизол, нмоль/л	484,4 ± 27,6	571,5 ± 26,2	0,05
Индекс AoA/ПОЛ	0,93 ± 0,02	1,23 ± 0,02	0,001
ПЭН, балл	5,7 ± 0,1	10,6 ± 0,3	0,001
Метеореакция, балл	3,1 ± 0,1	2,6 ± 0,1	0,001
Функциональные расстройства ССС	34,5%	22,9%	в 1,5 раза
Функциональные расстройства ЖКТ	43,6%	33,3%	в 1,3 раза

Примечание. ССС – сердечно-сосудистая система, ЖКТ – желудочно-кишечный тракт.

Во второй группе мы обнаружили наиболее высокие для пришлых жителей Севера показатели клеточного иммунитета (см. табл. 2). При этом содержание как CD³⁺ ($r = 0,21$), так и CD³⁺CD⁴⁺ ($r = 0,27$) находилось в прямой зависимости от уровня психоэмоционального напряжения.

С подъемом уровня психоэмоционального напряжения положительно коррелировали концентрации IgM ($r = 0,57$) и IgG ($r = 0,69$). Значимые положительные корреляции подтверждают и влияние на уровень гуморального иммунитета повышения содержания кортизола в крови. Статистически значимое увеличение концентрации кортизола в сыворотке крови коррелировало с концентрацией IgA ($r = 0,52$), IgM ($r = 0,57$) и IgG ($r = 0,69$). Следует также отметить, что более высокие показатели иммунной защиты во второй группе наблюдались на фоне большего уровня антиокислительной активности липидов крови и меньшей выраженности окислительного стресса.

Сравнение двух групп с однонаправленными гормональными и психоэмоциональными проявлениями выраженности северного стресса у практически здоровых пришлых жителей Севера отражает стимулирующую регуляторную функцию стресс-реакции в обеспечении поддержания иммунной рези-

стентности организма в процессе адаптации к экстремальным климатогеофизическим факторам высоких широт. Это подтверждается и меньшей выраженностью во второй группе со значительным повышением уровня психоэмоционального напряжения и концентрации кортизола в крови болезненной метеореакции на значительные изменения погодных и геофизических факторов, частоты функциональных дизадаптивных расстройств со стороны сердечно-сосудистой системы и желудочно-кишечного тракта (см. табл. 2).

Обсуждение результатов

Полученные факты позволяют сделать вывод о возможности выделения среди комплекса дизадаптивных расстройств у человека в высоких широтах синдрома функционального северного иммунодефицита, проявляющегося в большей степени в снижении количества и функции Т-лимфоцитов. В основе такого иммунодефицита лежит недостаточное реагирование нейроэндокринных адаптивных механизмов, в том числе снижение функциональной активности правого полушария головного мозга, активация окислительного стресса на фоне дефицита антиоксидантной защиты, северный метаболический синдром, снижение функции выведения из орга-

низма продуктов иммунных реакций печенью через систему макрофагов и монооксигеназную систему гепатоцитов [4].

Об этом говорят прежние наши исследования [6; 8; 9], а также работы северных иммунологов [1; 2], показавшие факт снижения иммунной реактивности у здоровых жителей Севера по сравнению со здоровыми людьми в средних широтах; обнаружившие зависимость уменьшения показателей клеточного иммунитета от длительности проживания в экстремальных климатогеофизических условиях, а также от степени экстремальности геофизических возмущений; выявившие зависимость резервов иммунной системы от функциональной активности макрофагальной системы и индукции смешанных монооксигеназ в эндоплазматическом ретикулуме гепатоцитов и описавшие зависимость снижения иммунных показателей от степени выраженности дизадаптивного метаболического синдрома.

Вместе с тем данные нашего исследования позволяют заключить, что усиление психоэмоционального напряжения, сочетанное с повышенной продукцией глюкокортикоидных гормонов, в первую очередь является защитной адаптивной реакцией, обеспечивающей наиболее эффективный процесс выживания в экстремальных природных условиях Севера. Об этом говорят более высокие показатели иммунитета у людей на Севере с высокими уровнями психоэмоционального напряжения и кортизола. У этих же людей мы обнаружили меньший уровень таких дизадаптивных проявлений, как болезненное реагирование на резкие колебания метеорофизических факторов, более редкую встречаемость часто возникающих у пришлого населения Севера дизадаптивных расстройств функции сердечно-сосудистой системы и желудочно-кишечного тракта, что также подтверждает наличие у них большей адаптивной устойчивости.

Библиографический список

1. Гельфгат, Е.Л. Состояние иммунитета у коренного и пришлого населения Северо-Востока СССР: автореф... дис. канд. мед. наук. – Новосибирск, 1982.
2. Кондаков, А.Е. Возрастные особенности развития вторичных иммунодефицитов при географическом стрессе // Тезисы докладов Всесоюзного симпозиума с международным участием «Иммунодефициты и аллергия». – М., 1986.
3. Маянский, Д.Н. Перспективные подходы к изучению естественной резистентности у жителей Заполярья / Д.Н. Маянский, В.И. Щербатов, С.Н. Кутина [и др.] // Региональные особенности здоровья жителей Заполярья. – Новосибирск, 1983.
4. Константинова, Н.А. Иммунные комплексы и повреждение тканей. – М., 1998.
5. Хаснулин, В.И. Введение в полярную медицину. – Новосибирск, 1998.
6. Хаснулин, В.И. Экологически обусловленный северный стресс (синдром полярного напряжения) / В.И. Хаснулин, П.В. Хаснулин // Проблемы здравоохранения и социального развития Арктической зоны России. – М., 2011.
7. Щеголева, Л.С. Резервные возможности иммунного гомеостаза у человека на Севере. – Екатеринбург, 2007.
8. Медико-экологические основы формирования, лечения и профилактики заболеваний у коренного населения Ханты-Мансийского автономного округа: методическое пособие для врачей / В.И. Хаснулин, В.Д. Вильгельм, М.И. Воевода [и др.]. – Новосибирск, 2004.
9. Хаснулин, В.И. Иммунологическая реактивность и метаболические функции печени при адаптации человека в высоких широтах // Тезисы VI Всесоюзной конференции по экологической физиологии «Адаптация организмов к природным условиям». – Сыктывкар, 1982.

Bibliography

1. Gelfgat, E.L. Sostoyanie immuniteta u korennoy i prishlogo naseleniya Severo-Vostoka SSSR: avtoref... dis. kand. med. nauk. – Novosibirsk, 1982.
2. Kondakov, A.E. Vozrastniye osobennosti razvitiya vtorichnykh immunodeficitov pri geograficheskom stresse // Tezisyh dokladov Vsesoyuznogo simpoziuma s mezhdunarodnim uchastiem «Immunodeficity i allergiya». – M., 1986.
3. Mayanskiy, D.N. Perspektivniye podkhody k izucheniyu estestvennoy rezistentnosti u zhiteley Zapolyar'ya / D.N. Mayanskiy, V.I. Therbakov, S.N. Kutina [i dr.] // Regionalniye osobennosti zdorov'ya zhiteley Zapolyar'ya. – Novosibirsk, 1983.
4. Konstantinova, N.A. Immuniye kompleksy i povrezhdeniye tkaney. – M., 1998.
5. Khasnulin, V.I. Vvedeniye v polyarnuyu medicinu. – Novosibirsk, 1998.
6. Khasnulin, V.I. Ehkologicheskiy obuslovlenniy severniy stress (sindrom polyarnogo napryazheniya) / V.I. Khasnulin, P.V. Khasnulin // Problemyh zdavookhraneniya i social'nogo razvitiya Arkticheskoy zony Rossii. – M., 2011.
7. Thegoleva, L.S. Rezervniye vozmozhnosti immunnogo gomeostaza u cheloveka na Severe. – Ekaterinburg, 2007.
8. Mediko-ehkologicheskie osnoviy formirovaniya, lecheniya i profilaktiki zabolevaniy u korennoy naseleniya Khantih-Mansiyskogo avtonomnogo okruga: metodicheskoye posobie dlya vrachey / V.I. Khasnulin, V.D. Viljel'm, M.I. Voevoda [i dr.]. – Novosibirsk, 2004.
9. Khasnulin, V.I. Immunologicheskaya reaktivnost' i metaboliicheskiye funktsii pecheni pri adaptatsii cheloveka v vihsokikh shirotakh // Tezisyh VI Vsesoyuznoy konferentsii po ehkologicheskoy fiziologii «Adaptatsiya organizmov k prirodnyim usloviyam». – Siktivkar, 1982.

Статья поступила в редакцию 29.10.11

Раздел 3

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Ведущие эксперты раздела:

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА ПЕРВУШИНА - кандидат культурологии, доцент, проректор по научной работе АлтГАКИ (г. Барнаул)

УДК 379.81

Laptinskaya N.A. **SOCIAL AND CULTURAL PARTNERSHIP IN THE SPHERE OF LEISURE FACILITIES.** Social partnership is comparatively new phenomenon in science, although it has already had a formed mechanism of social processes' regulation. The history of emergence convincingly proves its necessity and substantiation in the modern world from socio-working, economic, political to socio-cultural sphere of activity.

Key words: sphere of culture, social partnership, social and cultural partnership, theory of social partnership, establishment of social and cultural sphere, integration, social action.

Н.А. Лаптинская, аспирант ТГАКИиСТ, г. Тюмень, E-mail: 4051985@mail.ru

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ ПАРТНЕРСТВО В УЧРЕЖДЕНИЯХ ДОСУГОВОЙ СФЕРЫ

Социальное партнерство сравнительно молодое явление в науке, хотя уже имеет сформированный механизм регулирования социальных процессов. История возникновения убедительно доказывает его необходимость и обоснованность в современном мире, начиная от трудовой, экономической, политической до социально-культурной сфер деятельности.

Ключевые слова: сфера культуры, социальное партнерство, социально-культурное партнерство, теория социального партнерства, учреждения социально-культурной сферы, интеграция, социальное действие.

Минувшие десятилетия заметно изменили представление о роли культуры в общественном развитии, о механизмах и управленческих технологиях, обеспечивающих приток необходимых ресурсов в эту сферу, о том, как культурные бренды становятся ресурсами устойчивого развития территории. Думается, что ныне культуру рассматривают как «ресурс новой экономики, действующий агент развития, стратегический приоритет в экономике развитых стран, мощную индустрию культурных услуг» [1, с. 5].

В обществе сложилась коммуникационная модель взаимного обмена услугами. Ведущая роль в общественном развитии отводится науке, технологиям, культуре и информации, что поспособствовало развитию социально-культурного партнерства. Годы реформ в сфере культуры показали, что российские учреждения культурно-досуговой деятельности выступают в роли самостоятельных хозяйствующих субъектов. Приобретение ими юридической и экономической самостоятельности положило начало развитию партнерских связей, основанных как на экономическом сотрудничестве, взаимовыгодном для организаций, так и решении социально-значимых задач.

Социальное партнерство как явление общественной жизни утверждается с середины XX века. Но в России оно начинает развиваться лишь с начала 90-х годов, с возникновением новых общественных отношений, в которых оно оказывается востребованным.

Теория социального партнерства значительно старше самого явления. Возможности согласования классовых интересов активно обсуждались авторами различных политических воззрений. Одним из первых источников, посвященных сущности и условиям общественного согласия стал трактат «Об общественном договоре» Ж.Ж. Руссо. Научные труды А. Сен-Симона, Ш. Фурье, Р. Оуэна так же посвящены пробле-

мам согласования интересов и охватывают важнейшие сферы жизни общества: производство, обмен, распределение, так и воспитание, обучение, быт и др. Элементы этой теории можно встретить и в работах основателей анархизма и утопического социализма П. Прудона и Л. Бланки [2, с. 24].

По мнению ученых, сам термин «партнерство», можно отнести к английскому мыслителю Д.С. Миллю, который один из первых в XIX в. применил данный термин для социальных отношений [3]. История возникновения социального партнерства в общественных отношениях жизнедеятельности человека, содержит две противоположных концепции XIX – XX вв. Сторонники первой - К. Маркс и Ф. Энгельс - не признавали в деятельности предпринимателей необходимых для жизни общества, а право на жизнь имели лишь «люди труда», рабочий класс. Представители другой концепции - О. Конт и Г. Спенсер, утверждающие необходимость, как работников, так и предпринимателей в обществе, их совместное существование, и функционирование на принципе солидарности, партнерства.

Более или менее законченный вид теория социального партнерства получает в работах Э. Дюркгейма, согласно которому у каждой из социальных групп имеются различные социально-экономические цели и интересы, но смысл заключается не в установлении этих различий, а в их балансировании [4]. С развитием социально-ориентированной рыночной экономики, социально-культурное партнерство стало одной из его активных составляющих в сфере культуры. По словам немецкого экономиста и государственного деятеля Л. Эрхарда, противоположные интересы различных социальных групп необходимо согласовывать в целях достижения интереса высшего порядка - «блага общества» [5].

В это же время происходит развитие идеологии «государства всеобщего благоденствия», «социального государства»,

согласно которой в индустриально развитых странах за счет широкого развития государственной системы образования, здравоохранения, социального обеспечения, регулирования минимальной заработной платы обеспечивается всеобщее благосостояние, на смену конфликтности приходят солидарность и партнерство.

Реалией современных идей социального партнерства выступает концепция «активного общества» Р. Дарендорфа, призывающая отказаться от классовой борьбы – одно из главных условий решения социальных проблем, и использовать метод реформирования, дополненный «активизацией» масс, для «обновления», «оживления», «модернизации» современной системы [6].

В научной литературе, посвященной изучению социального партнерства, можно встретить данный термин, который определен теоретиками и практиками как: фактор политической стабилизации общества; инструмент реализации социальной политики государства; система сотрудничества и совокупность отношений; элемент эволюционного развития общества; интеграция деятельности. Основными принципами реализации социального партнерства выступают: социальная справедливость, сбалансированность, право и ответственность участников взаимодействия.

Система реализации социально-культурного партнерства включает в себя также понятие «социальное действие», которое рассматривают как форму или способ разрешения социальных проблем и противоречий, в основе которых лежит столкновение интересов и потребностей основных социальных сил данного общества. Социальное действие предполагает два необходимых признака: субъективную мотивацию индивидов или групп и ориентацию на прошлое, настоящее и ожидаемое в будущем поведение других людей [7]. Теория социального действия изучалась американским социологом Т. Парсонсом, который исследовал механизмы согласованности и взаимодействия субъектов социальных систем на основе общепринятых норм, стандартов поведения, превращения их во внутренние мотивы деятельности. Рассматривая равновесие, консенсус как важнейшие признаки нормального состояния социальной системы, Т. Парсонс обратил внимание на процессы регулирования, социального контроля этого состояния, призванные уберечь общество от нежелательных конфликтов. В его работах проблема консенсуса неразрывно связана с поиском путей согласованного взаимодействия, основанного на «взаимных ожиданиях» партнеров [8].

Наряду с вышеуказанными признаками социального партнерства гармонично закрепились и юридическое определение, с одной стороны, как форма организации совместной экономической деятельности физических и юридических лиц на основе договора о регулировании участия в общих расходах, распределении прибыли, разделе имущества; с другой, как сотрудничество фирм, компаний, подтвержденное соответствующим договором, протоколом о корпоративном партнерстве.

Изучив существующие точки зрения в области исследования социально-культурного партнерства, на наш взгляд, можно определить данный термин как совокупность действий, основанных на социальной справедливости, сбалансированности, праве и ответственности партнеров, и направленных на интеграцию деятельности и обеспечение удовлетворения социально-культурных потребностей сторон взаимодействия в решении общественно значимых проблем.

Широко обсуждается и обосновывается мысль о том, что именно культура аккумулирует позитивные эффекты в разных сферах, позволяя превращать слабые стороны в сильные. Развитие социально-культурного партнерства государства и бизнеса, кооперации организаций культуры с другими экономическими субъектами позволяет улучшать городскую среду, развивать туризм, привлекать инвестиции, инициировать создание новых рабочих мест, решать социально-экономические проблемы и устранять конфликтные ситуации в современном мире.

Как правило, социально-культурное партнерство учреждений досуговой сферы преследует следующие цели:

- содействие сохранению культурных особенностей территории, в рамках которой действуют учреждения культуры;
- развитие связей и партнерского сотрудничества между другими учреждениями культурно-досуговой деятельности федерального, регионального, местного уровней;
- популяризация деятельности, аккумуляция культуротворческого потенциала учреждений культуры досуговой сферы местной территории, региона, страны;
- создание долговременных проектов для привлечения более широкого круга посетителей;
- привлечение дополнительных источников финансирования местного, регионального бюджетов и внебюджетных средств для перспективного развития учреждений культуры.

Для учреждений культурно-досуговой сферы можно рассматривать многие варианты социально-культурного партнерства с:

- √ органами власти, к примеру, через социально-творческие заказы;
- √ представителями малого и среднего бизнеса через софинансирование социально-культурных проектов и программ;
- √ благотворительными фондами и общественными организациями через грантовую поддержку;
- √ с государством и частным сектором экономики, так называемое государственно-частное партнерство;
- √ благотворителями и меценатами.

Широкое распространение в практике получило выполнение социально-творческих заказов на участие в социологических исследованиях; проведение культурно-досуговых, корпоративных мероприятий, экскурсий; оказание методической помощи; организация работы творческих объединений для сотрудников предприятия или фирмы; пакетирование информации по темам заказчика; предоставление нормативных документов и др. В данном случае механизм социально-культурного партнерства реализуется в полной мере, так как существует возможность получения их не только органами управления культуры, но и непосредственно от администрации или других ее структурных подразделений, органов образования, социального обеспечения, комитетов по молодежной политике и т.п.

Спонсорство как модель поддержки культуры отличается наличием коммерческой заинтересованности, просчитыванием экономического эффекта вклада. При разумном подходе спонсорство может являться взаимовыгодным коммерческим соглашением, учитывающим и интересы бизнеса, и тенденции развития культуры. Зачастую этот вариант социально-культурного партнерства развивается в двух направлениях: обслуживание информационно-культурных потребностей и софинансирование социально-культурных проектов.

В качестве ресурсной поддержки могут рассматриваться:

- оказание финансовой помощи (перевод денежных сумм на счет спонсируемой организации; оплата целевых закупок; оплата командировочных расходов, связанных с повышением квалификации специалистов; предоставление ссуд и кредитов на выгодных условиях; паевое участие в реализации долгосрочных социальных программ; оплата представительских расходов);
- безвозмездная передача во временное пользование оборудования, помещения;
- акция дарения (пожертвования) материально-технических, информационных ресурсов;
- осуществление комплексной организационно-ресурсной поддержки в виде лоббирования интересов организации культуры и др.

Важным звеном в системе поддержки культурной деятельности становятся благотворительные фонды и общественные организации. Это организации, создающиеся для финансирования некоммерческого сектора. В настоящее время все большее количество фондов выделяют гранты на реализацию социально значимых проектов в культуре. Грант - безвозмездная целевая субсидия, предоставляемая на конкурсной

основе организации, инициативной группе или индивидуальному лицу для реализации заявленного проекта в той или иной сфере деятельности.

Несмотря на то, что организаций, в названии которых есть слово «фонд», множество, это далеко не всегда те фонды, в которые учреждение культуры может обратиться за финансовой помощью. Однако реальные пути получения финансовых субсидий существуют, например, через участие в конкурсах на гранты. Большое распространение фонды получили в США, где развита мощная инфраструктура, оказывающая финансовую поддержку организациям культуры и искусства. Россия в настоящий момент идет по пути стремительного развития этой области деятельности.

В последнее время, как вариант социально-культурного соглашения, используется государственно-частное партнерство, которое приобретает все большую актуальность в нашей стране. Этому свидетельствует и принятая в 2005 году Федеральная целевая программа «Культура России 2006 – 2010 гг.», одним из основных направлений которой является создание институтов государственно-частного партнерства, для того чтобы привлечь к поддержке культурной отрасли представителей частного предпринимательства.

Социально-культурное партнерство включает в себя благотворительную деятельность, охарактеризованную тремя признаками: добровольностью, бескорыстностью и направленностью на реализацию социально значимых, общественно-полезных целей. Названные признаки, в частности, бескорыстность, позволяют отличать благотворительную деятельность от спонсорства.

Библиографический список

1. Абанкина, Т.В. Развитие государственно-частного партнерства в сфере культуры // Справочник руководителя учреждения культуры. – 2010. - № 2.
2. Андрейкин, В.Г. Местное самоуправление в системе социального партнерства // Дальнейшие пути развития и совершенствования социального партнерства: материалы науч.-практ. конф. Тюмень, 16 мар. 2000 г. – Тюмень, 2000.
3. Любимова, Е.А. Становление социального партнерства в современной России: дис. ... канд. социол. наук. – Тюмень, 2000.
4. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда. Метод социологии [Э/р]. – П/д: <http://www.koob.ru/durkheim>
5. Эрхард, Л. Благополучие для всех. - М., 1991.
6. Дарендорф, Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. - 1994. - № 5.
7. Азбука социального партнерства: слов. терминов / сост. С.А. Дремлюга, О.В. Чухачева, В.В. Барова. – Тюмень, 2000.
8. Парсонс, Т.О структуре социального действия. – М., 2000.

Bibliography

1. Абанкина, Т.В. Развитие государственно-частного партнерства в сфере культуры // Справочник руководителя учреждения культуры. – 2010. - № 2.
2. Андрейкин, В.Г. Местное самоуправление в системе социального партнерства // Дальнейшие пути развития и совершенствования социального партнерства: материалы науч.-практ. конф. Тюмень, 16 мар. 2000 г. – Тюмень, 2000.
3. Любимова, Е.А. Становление социального партнерства в современной России: дис. ... канд. социол. наук. – Тюмень, 2000.
4. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда. Метод социологии [Э/р]. – П/д: <http://www.koob.ru/durkheim>
5. Эрхард, Л. Благополучие для всех. - М., 1991.
6. Дарендорф, Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. - 1994. - № 5.
7. Азбука социального партнерства: слов. терминов / сост. С.А. Дремлюга, О.В. Чухачева, В.В. Барова. – Тюмень, 2000.
8. Парсонс, Т.О структуре социального действия. – М., 2000.

Статья поступила в редакцию 31.10.11

УДК 008

Bezginova I.V. CULTURAL PROJECT AND COMPOSITION: TO THE PROBLEM OF CULTURAL MODELING IN MODESTIC TRADITION. This article is dedicated to the research of artwork category in correlation with historical realities of Russian culture of XI-XX centuries. The author using wide philosophical, theological and literary material, proved that in the framework of domestic tradition the composition products project function and serves as a modeling way for space and time.

Key words: artwork, cultural project, Russian culture, theurgy, mystery, Utopia, providence.

И.В. Безгинова, канд. культурологии, доц. ЮУрГИИ, г. Челябинск, E-mail: 2372420@rambler.ru

КУЛЬТУРНЫЙ ПРОЕКТ И ПРОИЗВЕДЕНИЕ: К ПРОБЛЕМЕ КУЛЬТУРНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТРАДИЦИИ

Статья посвящена исследованию категории художественного произведения во взаимосвязи с историческими реалиями русской культуры XI–XX вв. Опираясь на обширный философский, богословский и литературный материал, автор пытается доказать, что в рамках отечественной традиции произведение выполняет проективную функцию, служит способом моделирования культурного пространства и времени.

Ключевые слова: художественное произведение, культурный проект, русская культура, теургия, мистерия, утопия, провиденция.

В истории русской культуры выделяется ряд концептов, имеющих универсальное значение. К ним можно отнести и концепт произведения, обладающий целой совокупностью содержаний, характеризующих как отдельные явления и процессы в ее рамках, так и реально-символические координаты культурного бытия, пространство-время отечественного «мира». Наряду с самым общим пониманием феномена произведения¹ и истолкованием его в контексте художественной теории, т.е. как завершенного артефакта, продукта творческого процесса, возможно говорить и о более сложных, содержательно насыщенных уровнях его интерпретации. Так, с позиций культурологии и философии произведение выступает важным звеном в системе культурной коммуникации, «мостом» между индивидуальными сознаниями и реальностью культуры, проекцией личных и социальных смыслов сквозь призму художественного текста и образа. В этом плане категория произведения перерастает узко специальные, эстетические границы и воспринимается как понятие, характеризующее специфическую форму культурного творчества. При этом сущность произведения может восприниматься одновременно и в феноменологическом, и в процессуальном ключе – и как реальность, отождествляемая с культурой, и как процесс ее художественного воссоздания. Отнюдь не случайно важнейшей функцией произведения в отечественной традиции становится *культурное моделирование*, посредством которого выражаются ценностные ориентиры русского Духа, а также глобальные механизмы и закономерности исторических процессов. В пространстве-времени русской культуры художественное произведение обнаруживает свойства *культурного проекта*, через который «выговариваются» национальные смыслы личности и социума, манифестируются фундаментальные идеи и концепты, репрезентируются завершенные образы настоящего и будущего.

Интенция восприятия культуры в значении произведения-проекта, просматривается на всем историческом пути России. Создание первого подобного культурного проекта приходится на период официальной христианизации древней Руси. Причиной послужила потребность в оправдании христианства как идеологии, с которой связаны ожидания политического утверждения русского государства в ряду других средневековых держав мира. Именно этой цели подчинено раннее отечественное богословие, выступившее инструментом художественно-поэтической апологии новой веры. Его образец – первый древнерусский богословско-политический трактат «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона. Написанный между 1037–1050 гг. на основе проповеди, произнесенной в честь праздника Воскресения (либо в день памяти князя Владимира) в Десятинной церкви Киева, он, несомненно, проективен по содержанию. В тексте «Слова» акт принятия христианской духовности выступает смыслом общественного и личного существования, залогом благодатности жизни, исчерпания в ней зла и достижения гармонии всеобщих связей. Центральным эпизодом трактата является картинно-зрелищное описание преображенной культуры; при этом православная Русь – идеальное образование, которое еще предстояло *построить*, для которого необходимо было изменить исторический «мир», – представлена Иларионом как достигнутая фаза культуры, уже преобразившейся до своего совершенного состояния: «Вера благодатная по всей земле распространилась и до нашего народа русского дошла. <...> Все страны благой бог наш помилвал и нас не отверг. Возжелал – и спас нас, и в понимание истины привел. <...> В одно время наша земля восслави-

ла Христа с отцом и со святым духом. Тогда начал мрак идольский от нас отходить и зори благоверия явились. Тогда тьма бесслужения рассеялась, и слово евангельское землю нашу озарило; жертвенники были разрушены, а церкви поставлены; идолы сокрушены, а иконы святых предстали; бесы бежал – крест города освятил; <...> монастыри на горах поднялись, монахи появились, мужчины и женщины, незнатные и знатные, – все люди заполнили святые церкви, восславили бога...» [1, с. 179-181]. Иларион уделяет внимание всем аспектам христианизации культуры: соборности как новому типу социального и религиозного единства, «положительно-нравственным» основаниям жизни, личному идеалу, эстетической устроенности мира, моделируя в своей проповеди завершенный образ Руси в Духе. Новоявленным адептам христианства демонстрируется культура как Произведение православной духовности, обретающее силу и подлинность жизненной реальности. Оно приобретает иконические черты, проявляя свойства художественного знака-провиденции. Весьма примечательно, что в «Слове» отсутствуют рассуждения о действительных путях исторического строительства православной государственности. Автор словно намеренно стремится к утопически-проективному выражению национального будущего.

Иконография «святой Руси», впервые представленная в «Слове о законе и благодати», выступает в качестве проекта национальной культуры и в дальнейшем. Образ «богоносной» России послужил духовному и историческому оправданию нации в эпоху татаро-монгольского нашествия, став программой нового монастырского «строения» древних центров после десятилетий разрухи (русское «Возрождение» второй половины XIV – начала XV вв.). В XVI столетии этот проект находит новое выражение в религиозно-политической доктрине «Москва – третий Рим». Данная концепция, имеющая историософские и богословские основания, находит развитие в суждениях старца Филофея, отраженных в двух посланиях 1523–1524 гг. [2]. По форме изложения доктрина предстает религиозно-символической провиденцией, отражающей апокалипсические ожидания грядущего Царства Духа. Не случайно Филофей ссылается на текст Откровения Иоанна Богослова (Откр. 17:10): «Да вѣси, христолюбче и боголюбче, яко вся христианская царства приидоша в конецъ и снидошася во едино царство нашего государя, по пророческимъ книгамъ, то есть Ромейское царство: два убо Рима падоша, а третий стоить, а четвертому не быти. <...> да вѣсть твоя держава, благочестивый царю, яко вся царства православныя христианския вѣры снидошася въ твое едино царство: единъ ты во всей поднебесной христианомъ царь <...> якоже выше писахъ ти и нынѣ глаголю: блюди и вземли, благочестивый царю, яко вся христианская царства снидошася въ твое едино, яко два Рима падоша, а третей стоить, а четвертому не быти. Уже твое христианское царство инѣмъ не останется, по великому Богослову» [2]. Русь в «Посланиях» Филофея уподобляется идеальному зданию, «сосуду духовному», хранящему церковное Предание и веру. Таким образом, концепция новой христианской государственности, преемственной Священному Риму и Византии, трансформируется в реальность историко-культурного Произведения.

В дальнейшем, благодаря славянофилам, восставшим интерес к древнерусским идеалам, образ «святой Руси» окончательно утвердился в значении провиденциального мифа, идеальной проекции отечественной культуры. Характерно, что в конце XIX – начале XX вв. его признавали не только адепты православия, но и светские мыслители, разделявшие христианский идеализм в оценках истории.

Следуя логике исторических аналогий, можно предположить, что опыт проектирования культуры связан исключительно с идеальными интенциями русского христианства. Однако в период активной европеизации России в «осмнадцатом столетии» тенденция восприятия культурного организма в зна-

¹ В общеупотребительном смысле под произведением понимается создание, продукт труда, вообще все, что сделано и исполнено человеком [См.: Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка [Э/п]. – Р/д: http://lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_p_r.txt. – 20.10.2011].

чении реальности Произведения обнаруживается и в светских проектах. Наиболее показательна в этом плане деятельность Екатерины II, уделявшей большое внимание «европейскому» проекту русской государственности. «Политическая» дипломатия императрицы, сопряженная с усилиями по созданию образа просвещенной отечественной монархии, неотделима от ее литературно-публицистических изысканий, воспринимающихся как продолжение социально-политических идей. Весьма характерно, что и главный государственный проект императрицы – «Наказ Комиссии о составлении проекта нового Уложения» [3, с. 72–158], и «Записки касательно российской истории», и художественные сочинения Екатерины на исторические сюжеты воспринимаются в едином ключе, поскольку явно обнаруживают свойства *литературной утопии*. Так, в театральные произведения – драмах «Историческое представление из жизни Рюрика», «Начальное управление Олега», «Игорь» [3] очевидно, преобладает политический и нравственно-дидактический подтекст, выстраиваются современные аналогии: например, образы первых русских князей служат отражению идеала абсолютной монархии Нового времени. Монологи Игоря, Олега, Рюрика становятся средством изложения мыслей о целостности и иерархичности абсолютистского общества, роли цивилизованного правителя, культурном значении просвещения. О справедливости подобной трактовки драм Екатерины свидетельствуют ее личные высказывания о смысле литературного сочинительства: «Лучшие театральные сочинения должны быть признаны *учеными опытами* человеческого сердца» [цит. по: 3, с. 45 – курс. авт.]. В то же время «Наказ» и «Записки» отличает идеализм, для их содержания характерен высокий уровень концептуального, этико-философского обобщения, оцененного «философом-художником» Вольтером, который назвал «Наказ» новым «всемирным евангелием». Весьма примечательно, что оценка главного документа екатерининской эпохи историками и политиками по большей части критическая. Одним из главных его недостатков полагали утопизм, противоречие между исторической реальностью русской культуры XVIII в. и декларируемыми в нем положениями, соответствовавшими «идеальным» моделям европейского просвещения.

Воплощение культуры в опыте художественного творчества, в форме про-изведения, преображающего действительность и переводящего мир из состояния настоящего в идеальное будущее, – тезис, который приобрел универсальное значение в духовной жизни рубежа XIX–XX столетий. Его обоснованию посвящены суждения многих отечественных философов, писателей, художников, однако ключевой фигурой эпохи является В.С. Соловьев, утверждавший, что совершенное «...искусство в своей окончательной задаче должно воплотить абсолютный идеал *не в одном воображении, а и в самом деле*, – должно одухотворить, пресуществить нашу действительную жизнь» [4, с. 404 – курс. авт.]. Мыслитель разработал концепцию искусства и произведения как теургического процесса, в котором художники «...сами будут владеть ... и сознательно управлять ... земными воплощениями» [цит. по: 5, с. 144]. В контексте соловьевской идеи социально-практические, действенные методы достижения и осуществления будущей культуры отождествляются с художественно-творческими и эстетическими способами ее воспроизведения. Одной из центральных в философии В.С. Соловьева является идея богочеловеческого творчества – Произведения высших совершенных смыслов в историческом времени и пространстве. Не случайно тезис о теургии как практическом идеале культуры оказал сильнейшее воздействие на эстетические концепции эпохи, в которых концепт произведения выступает универсальной категорией мирового значения.

Среди них – учение о мистерии В.И. Иванова, трансформировавшего соловьевскую идею о теургии в образ «вселенского богодейства» – грандиозного художественного акта, в котором осуществляется выход за пределы исторического настоящего. Подчеркивая исключительную роль мистерии как произведения новых, совершенных смыслов и образа буду-

щего, В.И. Иванов отмечал: «К художнику, сознательному премьнику творческих усилий Мировой Души, теургу, относится завет: Творящей Матери наследник, воззови / Преображение вселенной» [5, с. 144]. Исторической моделью для осуществления теургического акта поэт полагал дионисийские обряды античности: «Через святилища Греции ведет путь к той Мистерии, которая стекшиеся на зрелище толпы претворит в истинных причастников Действа, в живое ... тело» [5, с. 36]. В учении Иванова отчетливо проявляется тождество образов культуры и Произведения, мыслящегося неким историческим организмом человечества, обретающим себя в творческом действе: «То, о чем мы «пророчествуем», сводится ... к предчувствию новой органической эпохи» [5, с. 39]. Подобный «мистериально-органический» проект культуры на рубеже XIX–XX вв. выразил жажду преосуществления идеальных интенций отечественной духовности.

Важнейшей вехой в процессе культурфилософского моделирования эпохи является создание «Философии общего дела» Н.Ф. Федорова, основоположника школы «русского космизма». Оригинальность и своеобразие «Философии» обусловлены, прежде всего, отношением автора к феномену личности, смыслу человеческой жизни, раскрываемому во взаимосвязи со смыслами культуры и Универсума. По справедливому замечанию С.Г. Семеновской, в идеях Федорова отражена мечта «...о достижении человеком богоподобной власти в преображенном мироздании» [6, с. 17] и, следовательно, мечта о воплощении «органического» проекта Культуры-Произведения.

Концепт произведения имеет для Н.Ф. Федорова универсальное значение. По отношению к нему он рассматривает природу человека, который есть «...первый мыслитель, первый художник и вместе с тем первый храм, первое скульптурное произведение... Он же ... и первое словесное существо, т.е. в нем ... совокупность всех искусств в полной еще их нераздельности» [6, с. 519–520 – курс. авт.]. Определение человеческой сущности как сущности художественной позволяет мыслителю установить знак равенства между реальностью искусства и реальностью культуры. На этом основывается теургийная, художественно-творческая трактовка личности Федоровым: духовно «воставший» индивид превращается в художника, или творца, вступая на путь создания себя «чрез самого» себя, на путь Произведения. Весьма показательно суждение философа о том, что «...во всем самовостании, человек ...является художником и художественным произведением-храмом» [6, с. 43 – курс. авт.]. Таким образом закрепляется тождество духовного и художественного в истории и культуре: «Это и есть эстетическое толкование бытия и сознания и притом не только эстетическое, но и священное» [6, с. 43 – курс. авт.]. В целом, по Федорову, личностное в человеке всегда обусловлено духовно-творческим, его готовность к эстетическому преобразованию своей природы, отношением к себе как к произведению, а к жизни как к творческому акту. Таким умозаключением Н.Ф. Федоров завершает цепь рассуждений о личности: «Наша жизнь есть акт эстетического творчества» [6, с. 43].

Осмысление личности и истории в значении художественного произведения позволяют автору «Философии общего дела» создать уникальный проект «переработки» культуры и природы силами «самопревосходящего» человечества. Сама утопия, по мысли автора, необходима, чтобы «...напомнить звероподобному человеку первоначальный образец», чтобы «...сказать ему: “Се – человек!”» [6, с. 515], побудив к возрождению подлинной сущности. Проект Н.Ф. Федорова, охватывающий все уровни природного и культурного бытия – от регуляции природы (метеорической регуляции, овладения новыми источниками энергии), космических процессов (управления магнитными силами, преодоления гравитации) до «органосозидания» (победы над физиологическими и биохимическими процессами), творческого воскрешения предков по масштабу действительно приближается к теургии – акту божественного миротворения, в котором роль теурга играет че-

людей. Несмотря на использование научных методов в разработке некоторых аспектов своей теории, Федоров мыслит жизнь-произведение священным искусством. Моделью мира и культуры он полагает храм – художественно-символическую проекцию лучшего, совершенного в жизни человека. В «Философии общего дела» неоднократно подчеркивается его проективная функция: «Храм вообще есть подобие вселенной, значительно ниже своего оригинала в действительности, но несравненно выше его по смыслу. Смысл же храма заключается в том, что он есть проект вселенной, в которой оживлено все то, что в оригинале умерщвлено, и где все оживленное стало сознанием и управлением существа, бывшего слепым» [6, с. 571]. Храм выступает образом-идеалом, на его строительство должны быть направлены творческие усилия всех личностей. Через идею храма мира и культуры Н.Ф. Федоров высвечивает самую значительную в отношении творческой реальности мысль: «...художественное произведение есть проект новой жизни» [6, с. 47 – курс. авт.]. Произведение вырастает до идеальной проекции и, одновременно, до реальности, в которой преосуществляется жизненное (духовное) творчество человека.

Энергия космического «передела», заключенная в «Философии общего дела», оказалась столь велика, что обусловила возникновение новых «мистериально-органических» концепций в области искусства. Примером грандиозного культуротворческого проекта, проявляющим очевидные аналогии с идеями Н.Ф. Федорова, может служить оригинальная философия А.Н. Скрябина – выдающегося композитора-теософа, мыслившего конечной целью своего пути в искусстве создание Мистерии – всемирного эстетического действия, развоплощенного в декорациях Храма-Природы. Ожидание всемирного преображения на сломе эпох, предчувствие гибели цивилизации «классики» побудило композитора к созданию проекта мира-произведения, предстоящего в его сознании неким фантастическим действием, в котором «...все есть: и симфония световая, и текучая архитектура, не грубо материальная, а прозрачная, и симфония ароматов... И к этому присоединяются краски восхода и заката солнца...», «колонны из фимиамов» [7, с. 174]. Произведение нового, совершенного и прекрасного, мира культуры описано Скрябиным в форме провиденции: «...где-то в тропической стране призрачный храм из освещенных фимиамов, неведомая музыка, звезды и закатное солнце, присутствующие при этом экстатическом празднике самоочищения человечества ...несметные толпы «верующих», ...жаждущие, когда этой страшной магией искусств, соединившись, наконец, вместе, они пробьют «стены призрачного мира» и «проснутся в небо», ...чтобы не ощущать никогда больше мира» [7, с. 174–175]. Проект композитора так же, как и «Философия» Федорова, выходит за исторические границы мира и культуры, равно как и за пределы видовой системы искусства.

Максимального напряжения опыт культурного и вселенского Произведения достигает в творчестве авангардистов, видевших в себе воплощение универсальной силы преображения. Пафос пересоздания мира – центральная тема живописных, поэтических, музыкальных произведений, созданных на сломе эпох в преддверии культуры Будущего. Ощущение дискретности пространства и времени в точке вселенского взрыва – историческом настоящем – отражало фундаменталь-

ный перелом мировоззрения, символические причины которого емко охарактеризовал Н.А. Бердяев: «Мир развоплощается в своих оболочках, перевоплощается. И искусство не может сохраниться в старых своих воплощениях» [8, с. 409]. «То, что происходит с миром во всех сферах, есть апокалипсис целой огромной космической эпохи, конец старого мира и преддверие нового мира» [8, с. 414].

Динамику развития авангардного проекта можно проследить в творчестве идеолога кубофутуризма, великого «будетлянина», Председателя Земного Шара Велимира Хлебникова. Обладавший обостренным чувством Времени, поэт провидел все стадии человеческого «богодействия», совершаемого в момент гибели старого мира. Художественные поиски поэта были неразделимы с его теоретическими изысканиями столь же сложного, синтетического, характера, сколь и эксперименты Федорова. Из недр языковой теории «будетляниства» (работы «Очерк значения чисел и о способах предвидения будущего», «Слово как таковое») постепенно кристаллизуется хлебниковская теория «Законов Времени» и их преодоления в творчестве новой жизни. В манифесте «Труба марсиан» и трактате «Доски судьбы» поэт, как истинный художник, рисует идеальный образ всемирного Государства Времени, становящегося новой культурной моделью. Целью ее создания являлось, по мысли Хлебникова, утверждение идеального типа людей, Творящих, и их деятельности по пересозданию («изобретению») мира заново.

Вполне естественно, что авангардная «механика» космического передела отражена великим «будетлянином» в форме художественного произведения. Так, герой поэмы «Взлом Вселенной» Молодой Вождь провозглашает:

«Товарищи!..
Поставим лестницу
К замку звезд,
Прибьем как воины свои щиты, пробьем
Стены умного черепа вселенной,...
И ее, божественную куклу
с сияющими по ночам глазами,
Заставим двигать руками
И подымать глаза.

... Вы увидите меня на ремне,
Распиливающим первую волю,
Священником взлома и воровства,
Ломающим священные запоры» [9, с. 325]

Грандиозная ломка Законов Времени, по воле Хлебникова, обращается в Произведение Вселенной за пределами истории, созидание будущего мира посредством творческого самоутверждения человека. В целом в авангардистской теории категория произведения проявляет двойственность, поскольку мыслится основой концепции истории и культуры и, одновременно, методом практического («реального») воздействия на окружающий мир.

Осмысление произведения в значении культурного проекта является характерной чертой русского мыслетворчества. Этим объясняется исключительная ценность художественного текста в системе отечественной культуры, а также необходимость рассматривать художественное произведение в значении репрезентанта национальной культурной идеи.

Библиографический список

1. Прометей: историко-биографический альманах: тысячелетие русской книжности / сост. Е.А. Бондаревой. – М., 1990. – Т. 16:
2. Послания старца Филофея: послание о злыхъ днехъ и часъх. Послание к великому князю Василию, в немъ же о исправлении крестнаго знаменія и содомском блудъ [Э/р]. – Р/д: <http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5105>
3. Екатерина II. О величии России. – М., 2006.
4. Соловьев, В.С. Сочинения: в 2 т. – М., 1988. – Т. 1.
5. Иванов, В.И. Родное и вселенское. – М., 1994.
6. Федоров, Н.Ф. Сочинения. – М., 1982.
7. Сабанеев, Л.Л. Воспоминания о Скрябине. – М., 2003.
8. Бердяев, Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т. – М., 1994. – Т. 1.
9. Хлебников, В. Стихотворения. – Ростов-на-Дону, 1996.

Bibliography

1. Prometeyj: istoriko-biograficheskiy aljmanakh: tihsyacheletie russkoj knizhnosti / sost. E.A. Bondarevoj. – M., 1990. – Т. 16:
2. Poslaniya starca Filofeya: poslanie o zlihhkhj dnekhj i chasъkh. Poslanie k velikomu knyazyu Vasiliyu, v nemjzhe o ispravlenii krestnago znamenija i sodomskom bludъ [Eh/r]. – R/d: <http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5105>
3. Ekaterina II. O velichii Rossii. – M., 2006.
4. Solovjev, V.S. Sochineniya: v 2 t. – M., 1988. – Т. 1.
5. Ivanov, V.I. Rodnoe i vselenskoe. – M., 1994.
6. Fedorov, N.F. Sochineniya. – M., 1982.
7. Sabaneev, L.L. Vospominaniya o Skryabine. – M., 2003.
8. Berdyayev, N.A. Filosofiya tvorchestva, kuljturij i iskusstva: v 2 t. – M., 1994. – Т. 1.
9. Khlebnikov, V. Stikhotvoreniya. – Rostov-na-Donu, 1996.

Статья поступила в редакцию 31.10.11

УДК 7.091.4

Shirokova E.A. **THE PHENOMENON OF MUSICAL FESTIVAL IN THE CONTEXT OF CULTURAL COMMUNICATION.** The article considers the phenomenon of musical festival in system of cultural communication modernity. This conception researched from the positions of semiotic theory in relationship with categories of cultural dialogue, message, destination and addresser of musical art. The author use wide documental material, based on actual examples from musical and festivals practice of 2000 – 2010.

Key words: musical festival, cultural dialogue, cultural communication, destination (publicity, spectator), addressor (musician, performer, composer), modern culture.

Е.А. Широкова, аспирант Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, г. Санкт-Петербург; E-mail: shir84@mail.ru

ФЕНОМЕН МУЗЫКАЛЬНОГО ФЕСТИВАЛЯ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматривается феномен музыкального фестиваля в системе культурной коммуникации современности. Данное понятие исследуется с позиций семиотической теории, во взаимосвязи с категориями культурного диалога, сообщения, адресата и адресанта музыкального искусства. Автор привлекает обширный документальный материал, опираясь на актуальные примеры из музыкально-фестивальной практики 2000–2010-х годов.

Ключевые слова: музыкальный фестиваль, культурный диалог, культурная коммуникация, адресат (публика, зритель), адресант (музыкант, исполнитель, композитор), современная культура.

Современная музыкальная культура представляет собой пространство многоплановых творческих взаимодействий между художниками, исполнителями (интерпретаторами) и публикой. Особое место в системе культурной коммуникации 2000–2010-х гг. занимает музыкальный фестиваль – специфическая форма культурного диалога, основанная на социально-практическом и художественно-символическом обмене индивидов накопленными идеями, интеграции насущного мировоззренческого и творческого опыта эпохи.

Если обратиться к панораме многочисленных фестивальных проектов в сфере музыкального искусства, обнаружится, что за последние десятилетия их количество возросло в геометрической прогрессии. Это свидетельствует о востребованности фестиваля как способа культурного сообщения, обладающего такими чертами, как диалогизм, многосубъектность (двусубъектность) творческих отношений, плюрализм содержания. Кажется справедливым сопоставление феномена музыкального фестиваля с явлением диалога в контексте культурологии и философии. Ведь семиотически он представляет «...процесс движения, развития, обусловленный плюральностью подходов, позиций, обеспечивающий возможность обмена разным содержанием» [7, с. 191]; понимаемый в значении разновидности культурного диалога, фестиваль «...глубоко «демократичен», ибо предполагает не своецентричность, а сознательную установку на бицентричность (шире – полицентричность) творческого взаимодействия» [7, с. 192].

Культурные координаты современного музыкального фестиваля достаточно сложны. Это выражается как в тенденции к интернациональному составу участников, так и в полиструктурности, полифоничности его содержания. Среди крупнейших фестивальных проектов Европы и Америки, реализуемых на постоянной основе, – как академические, имеющие сложившуюся историческую традицию, так и новые, отражающие достижения в области современных течений музыки:

- Зальцбургский (Австрия), Глайндборнский (Великобритания), Байрейтский (Германия), Нидерландский (Нидерланды) фестивали, «Флорентийский музыкальный май» (Италия), «Варшавская осень» (Польша), «Пражская весна» (Чехия), «Дубровницкие летние игры», «Загребский музыкальный биеннале» (Югославия) – классическое направление [9, с. 794];
- фестивали электронной танцевальной музыки «Sensation» (Бельгия, Бразилия, Германия, Дания и др. страны), «Amsterdam Dance Event» (Нидерланды);
- фестивали «транс» и «хаус» музыки «Казантип» (Украина), «Trance Energy» (Нидерланды);
- Венский (Австрия), Гентский (Бельгия), Лондонский (Великобритания), Монреальский (Канада) джазовые фестивали, Montreux Jazz (Соединенные Штаты Америки, Швейцария), North Sea Jazz (Голландия) [8];
- рок-фестивали в Швеции, «Rock Werchter» (Бельгия), «Glastonbury» (Великобритания), «Rock Am Ring» (Германия) [5];
- международные фестивали фольклорной музыки в Голландии и Ирландии, «Еврофолк» (Россия), «Зелена Гура», «Кантри Пикник», «Подлесская октава», студенческий фольклорный фестиваль г. Закопане (Польша, Германия), «Кельтский орнамент» (Ирландия) и др. [1].

Панорама музыкально-фестивальных проектов мира поражает своей масштабностью и всеобъемлемостью: на сегодняшний день, пожалуй, не существует ни одного направления музыкального искусства, в рамках которого не сформировалось бы диалогическое фестивальное пространство.

В музыкально-фестивальный календарь России 2000-х гг. включено свыше ста постоянно действующих проектов, среди которых:

- классические («Дальневосточная весна» – Владивосток, «Классик-шоу» – Красноярск, Виолончельный фестиваль, «Владимир Спиваков приглашает», «Золотая маска», Пасхальный фестиваль, Рождественский фестиваль, «Черешневый

лес» – Москва, «Наполним музыкой сердца» – Петрозаводск, «Вифлеемская звезда», «Музыкальный Эрмитаж» – Санкт-Петербург, «Шалапинские вечера в Уфе», Международный фестиваль балетного искусства им. Р. Нуриева – Уфа и др.);

– джазовые («Джаз, рожденный в СССР» – Екатеринбург, «Весенний Jazz», Московский международный фестиваль блюза, «Триумф джаза» – Москва, «Джаз в старом городе», «Le Jazz» – Москва, Санкт-Петербург и др.);

– рок-фестивали («Старый новый рок» – Екатеринбург, «Крылья», «Нашествие» – Москва, «Rock Motor» – Мурманск);

– фольклорные фестивали (Всероссийский детско-юношеский фестиваль-академия «Иван Купала» (Анапа), фестиваль оркестров и ансамблей национальных инструментов народов России «Многоликая Россия» (Махачкала, Улан-Удэ, Казань, Орел, Петрозаводск, Москва), молодежный фестиваль национального творчества «Без границ» (Санкт-Петербург) и др [4; 1].

Даже самый беглый обзор панорамы музыкально-фестивальных проектов 2000-х гг. позволяет утверждать, что фестиваль является *универсальной формой диалога внутри современной культуры*; люди стремятся к творческому взаимодействию в его рамках. Мысль о том, что в контексте современности музыкальный фестиваль действительно выполняет функцию *универсалии культурного диалога*, подтверждается суждениями культурологов, художественных критиков, социологов искусства, организаторов фестивального движения. Оценивая культуросоздающую роль и содержание явления, специалисты отмечают, что музыкальный фестиваль становится полем для решения и осмысления любых культуротворческих, философских, художественных проблем. Приведем весьма характерное замечание И. Ромашук, анализирующей концепцию Международного фестиваля современной музыки «Московская осень»: «В многосоставной «картине музыки» ... все явственнее звучит тема *поиска смысла всего сущего*. Вселенная, миры за мирами, пленэр, уходящая «натура folk», саундтреки, «цифровые этюды» и многое-многое другое возникает именно в связи со все новыми попытками обрести ответ на вечные вопросы человечества. В этом смысле пространством ... не все договаривается до конца, не всегда все сразу можно понять, учитывая многочисленные подтексты, но многое вызывает ответное желание в жизни и в творчестве ... *прислушиваться к голосам человечества*» [6, с. 13 – курсив автора]. Понимаемый в подобном ключе музыкальный фестиваль уже перерастает свое узкое назначение и социально-прикладную форму: он воспринимается как способ восхождения «...от специфически-музыкального к более широкому, культурологическому и социологическому категориям, а через них к осмыслению общечеловеческого содержания, заложенного в произведении» [2, с. 5]. Это позволяет рассматривать феномен в контексте культурной коммуникации, с позиций семиотических отношений между субъектами творческого диалога. В целом фестивальная идея начинает обнаруживать *культуротворческие потенциалы*, благодаря которым музыка переосмысливается из специфического вида искусства в универсальную художественную речь, посредством которой современные музыканты моделируют свое представление об облике мира и человеке, более того, используют его как способ сообщения.

Обратившись к изучению проектов музыкальных фестивалей 2000-х гг., можно убедиться, что в их концепции отражается актуальная интенция современной культуры – стремление к глобализации символических связей, «многоязычию» исторических, национальных, авторских и прочих элементов, «всемирному» диалогу. В этом, с одной стороны, проявляется мультикультурный характер современности, с другой – закономерные свойства самого фестивального движения. Коммуникативный универсализм – важнейшая черта и одно из главных преимуществ музыкального фестиваля перед традиционными формами организации диалога «музыкант (композитор) – зритель», «музыкант – музыкант». Для того чтобы убедиться в этом, следует сопоставить его с моделью кон-

церна как одной из самых привычных и распространенных в области музыкальной коммуникации.

Концерт как отдельная творческая акция и способ организации отношений между публикой и художником, несомненно, продолжает занимать свое место в общем музыкальном процессе. В то же время нельзя не отметить, что он утрачивает свою смысловую ценность в глазах творческого сообщества. На чем основывается этот феномен? Как представляется, причина коренится в *монологичности* концерта, имеющего, как правило, четкую структуру с заранее заданной смысловой и художественной (исполнительской) программой. В традиционном понимании концерт не предполагает творческой спонтанности в диалоге музыканта (исполнителя-интерпретатора, композитора, певца) с другими исполнителями и публикой. В этом отношении концерт – устойчивая консервативная форма общения музыканта-исполнителя с публикой, ориентированная на воспроизведение традиционных содержаний музыкального искусства. В ситуации актуальной культуры, тяготеющей к процессуальным формам творчества, разворачивающимся в условиях живого, почти импровизационного музицирования, это воспринимается, скорее, как коммуникативный недостаток.

Действительно, и современный художник, и современный зритель более всего ожидают от музыкальной акции *события*, то есть совершающегося прямо на глазах, подчас при активном участии публики, творческого действия. Именно процесс творчества в этом случае и составляет символический смысл встречи творца и зрителя. Подобный тип художественной коммуникации особенно востребован в системе актуальных отношений «музыкант – публика». Между тем традиционный концерт, как правило, ограничен тематической направленностью и завершенностью отношений по поводу музыкального произведения и его интерпретации: он воспринимается как монолог исполнителя, обращенный к слушателю и не предполагающий сиюминутной ответной реакции. В форме концерта не заложено изначальной возможности обратного отклика, живого обмена информацией, суждениями, оценками.

Ситуация фестивальной коммуникации, напротив, предполагает возможность множественных, разомкнутых связей между адресантом (музыкантом) и адресатом (слушателем). Описание диалога, данное в рамках семиотической теории¹, по сути, характеризует состояние современного музыкально-фестивального движения, представленного в оценках художественных критиков и культурологов: «Ключевыми словами фестиваля могут быть: *открытие, открытость, открытость*»; «Форма фестиваля имеет движение к открытому финалу. <...> Это – живой процесс» [6, с. 14].

В пространстве современного музыкального фестиваля разрозненные концертные акции сопряжены между собой сложной системой символических, художественных и прочих отношений. Они уже перестают быть самодостаточными творческими акциями, становясь частью общего фестивального «ландшафта» и приобретая новый смысловой контекст. При этом контекстуальное значение формируется в ходе непосредственной творческой коммуникации: музыканты «...разных стран обладают чутким слухом к инокультуре, вступают в открытый диалог со своими современниками... <...> Чем привлекают такие встречи? Во-первых, общением музыкантов, обменом информацией и мнениями... К тому же, дают возможность *выйти на более широкий уровень осмысления современных процессов творчества*» [6, с. 19]. Таким образом, открытое пространство фестиваля воспринимается уже не только как поле взаимодействия и диалога различных национальных культур, но в первую очередь как пространство диалога творческих индивидуальностей, т.е. *культурного диало-*

¹ См.: Лотман Ю.М. Механизмы диалога // Ю.М. Лотман. Семиосфера: Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. – СПб.: Искусство-СПб., 2004. – С. 268-276.

га: в «...сфере обмена информацией фестиваль способен дифференцировать формы и интегрировать знания, восстанавливать контакты, быть независимым генератором новых ...идей» [3, с. 10].

Признаки «фестивализации» обнаруживаются не только через возрастание количества фестивальных проектов во всех областях музыкального искусства (оперного, камерно-инструментального, композиторского и т.д.), но и в трансформации традиционных форм музыкального исполнительства, в первую очередь концерта. Для усиления впечатления «открытости» концертного зрелища в 2000-е гг. используются самые разные приемы. Одним из действенных способов разрушения монолитности и монологичности концертной коммуникации становится использование сложных технологических эффектов, активизирующих процесс взаимодействия публики и исполнителей. Например, включение в визуальную «партитуру» концерта и музыкального спектакля (оперного или балетного) отражающего экрана позволяет создать иллюзию живого диалога и непосредственного ответного отклика на происходящее на сцене. Этот прием, несомненно, имеет «фестивальные» истоки, поскольку восходит к идее зрелища, в ко-

тором использованы все театральные-визуальные ресурсы воздействия на публику.

Расширение коммуникативной среды академических музыкальных фестивалей происходит и за счет творческих встреч с исполнителями и композиторами, дополняющих собой концертные программы. Таким образом компенсируется монологическая замкнутость концерта, реконструируется ситуация прямого диалога художника и публики, формируется культурно-философское пространство фестиваля: «Фестиваль – это и обмен мнений за «круглыми столами»... Теперь они именуется «творческими лабораториями»; «...очевидно, что это не просто смена вывески, но, действительно, *выработка неких общих критериев, связанных с пониманием новейших тенденций в искусстве*» [6, с. 19 – курсив автора]. В цитируемом замечании ценно утверждение то, что художественный по содержанию диалог трансформируется в интеллектуальный; обсуждение специфических вопросов музыкального творчества становится источником фундаментальных обобщений по проблемам современной художественной культуры. Это едва ли не важнейшее свидетельство общекультурной значимости данной формы музыкального творчества, служащее подтверждением ее актуальности.

Библиографический список

1. Арт-центр: международные фестивали и конкурсы [Э/р]. – Р/д: <http://www.art-center.ru>
2. Демченко, А. Концепционный метод музыкально-исторического анализа. – Саратов, 2000.
3. Меньшиков, А.М. Фестиваль как социокультурный феномен современного театрального процесса: автореф. дис. ... канд. искусств. – М., 2004.
4. Музыкальные фестивали [Э/р]. – Р/д: http://mfc.su/blog/muzykalnye_festivali/1-0-13
5. Пятнадцать главных фестивалей Европы [Э/р]. – Р/д: <http://www.eventguide.ru/9/>
6. Ромашук, И. Феномен под названием «Московская осень» // Музыкальная академия. 2010. – № 1.
7. Самохвалова, В.И. Сознание как диалогическое отношение // М.М. Бахтин как философ / отв. ред. Л.А. Гоготшвили, П.С. Гуревич. – М., 1992.
8. Справочник по джазовым фестивалям [Э/р]. – Р/д: <http://www.jazz.ru/festival/#world>
9. Фестивали музыкальные: статья // Музыкальная энцикл. – М., 1981.

Bibliography

1. Art-centr: mezhduнародnihe festivali i konkursih [Eh/r]. – R/d: <http://www.art-center.ru>
2. Demchenko, A. Konceptionniy metod muzikaljno-istoricheskogo analiza. – Saratov, 2000.
3. Menjshikov, A.M. Festivalj kak sociokulturnij fenomen sovremennoho teatralnogo processa: avtoref. dis. ... kand. iskusstv. – M., 2004.
4. Muzikaljnihe festivali [Eh/r]. – R/d: http://mfc.su/blog/muzykalnye_festivali/1-0-13
5. Pyatnadcatj glavniikh festivaleyj Evropih [Eh/r]. – R/d: <http://www.eventguide.ru/9/>
6. Romathuk, I. Fenomen pod nazvaniem «Moskovskaya osenj» // Muzikaljnaya akademiya. 2010. – № 1.
7. Samokhvalova, V.I. Soznanie kak dialogicheskoe otnoshenie // M.M. Bakhtin kak filosof / otv. red. L.A. Gogotshvili, P.S. Gurevich. – M., 1992.
8. Spravochnik po dzhazovim festivalyam [Eh/r]. – R/d: <http://www.jazz.ru/festival/#world>
9. Festivali muzikaljnihe: statija // Muzikaljnaya ehncikl. – M., 1981.

Статья поступила в редакцию 31.10.11

УДК 061.12:069:002

Kravtsova L.A. THE USAGE OF INFORMATION TECHNOLOGIES OF COAL MUSEUM OF THE INSTITUTE OF COAL, SB RAS, IN CONVEYING SCIENTIFIC COAL-MINING KNOWLEDGE. In this article author analysed the activity of Museum of coal in area of Information Technologies in compiling of scientific coal-mine knowledge. Specific character of researched subject, exhibition of this museum and compiled information makes topical the introduction of computerization in all areas of museum problems.

Key words: information technologies, e-exposition, Internet, computerization of museum, virtual museum, coal-mine section.

Л.А. Кравцова, зав. Музеем угля Учреждения Российской академии наук Института угля Сибирского отделения РАН, г. Кемерово, E-mail: Kravtsovala@yandex.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ МУЗЕЯ УГЛЯ ИНСТИТУТА УГЛЯ СО РАН В ТРАНСЛЯЦИИ НАУЧНЫХ ГОРНО-УГОЛЬНЫХ ЗНАНИЙ

В статье автором проанализирована деятельность Музея угля по использованию информационных технологий в трансляции горно-угольных научных знаний. Специфика предмета исследования, экспонирования данного музея и транслируемой информации актуализирует внедрение информатизации во все формы музейной деятельности.

Ключевые слова: информационные технологии, электронная экспозиция Интернет, информатизация музея, виртуальный музей, горно-угольный профиль.

На современном этапе развития музейного дела включение информационных технологий во все направления деятель-

ности музеев нашло широкое распространение. Использование компьютерных технических средств позволяет успешно

работать с фондами, расширять возможности экспозиции, сопровождая ее дополнительными сведениями и делая более информативной, зрелищной и интерактивной [1]. Не менее значимой функцией использования информационных технологий в музейной деятельности становится сегодня дополнительное привлечение посетителей.

В этой связи информатизацию музея целесообразно рассматривать как «внутреннюю» и «внешнюю», согласно разработанной заведующей отделом новых технологий Кемеровского музея изобразительных искусств Н.С. Бледновой, градации. «Обеспечение ряда задач, связанных с основной деятельностью музея», а именно: экспозиционно-выставочную и научно-фондовую работу разработчик относил к «внутренней» информатизации, а весь спектр задач, связанных с Интернет-пространством – к «внешней» информатизации [2, с. 383]. Данный подход позволяет рассмотреть использование информационных технологий Музея угля в трансляции научных горно-угольных знаний.

Рассматривая современный музей, как информационно-экспозиционный комплекс, совершенствующий систему музейных коммуникаций, целью которого является более точная адресация экспозиции тем или иным категориям посетителей, интегрирование культурного и научного потенциала с потребностями современного общества, актуализируется функция информационно-электронного сопровождения экспозиции академического музея. По мнению заведующей сектором Института археологии и этнографии СО РАН И.В. Сальниковой при организации экспозиции академического музея необходимо также уделять особое внимание представлению способов исследований коллекций, интерпретации артефактов, представленных в экспозиции музея [1]. Для реализации этих задач Музей угля в соответствии с тенденциями современного музейеведения на протяжении своей деятельности большое внимание уделяет формированию информационно-электронного сопровождения экспозиции, относящегося к внутренней информатизации предложенной Бледновой Н.С. градации.

Следует уточнить, что понятие «электронная экспозиция» включает в себя весь комплекс цифровой информации, которая предлагается посетителю музея для ознакомления [3]. С большой степенью точности можно проанализировать электронную экспозицию Музея угля, используя предложенную научным сотрудником Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН Т.Г. Богомазовой условную типологизацию электронных экспозиций, поскольку данная система наглядно характеризует внутреннюю информатизацию музея, учитывает функции, содержание, возможные варианты размещения и аппаратное решение.

Массив цифровой информации Музея угля включает следующие четыре типа электронного экспозиционного представления из восьми предложенных Т.Г. Богомазовой. Первый тип электронной экспозиции – «Пролог», в функции которого входит подготовка к осмотру, эмоциональная настройка на восприятие. Содержание пролога могут составлять тематические мультимедиа-клипы, динамическая шкала времени, хронология событий, свето-звуковые эффекты и др. Варианты размещения ограничены, как правило, преддверием экспозиции, которую называют переходной зоной. В качестве возможного аппаратного решения может использоваться проекционный экран или плазменная панель [3]. В качестве первого типа электронной экспозиции («Пролог») Музей угля использует представление презентационного материала в виде слайд-шоу, транслируемого с монитора компьютера по темам: «Шахты Кузбасса и России», «Развитие угледобычи в Кузбассе». Понятная для любой категории посетителей информация как нельзя лучше настраивает на восприятие экспозиции и используется в культурно-образовательной деятельности при проведении экскурсий в качестве вводной ее части.

Второй тип электронной экспозиции – «Интерпретатор», в качестве основной функции определяет обеспечение интерпретации многоуровневой экспозиции, которая необходима

для сопровождения блоков экспозиции, наиболее трудных для самостоятельного корректного восприятия посетителями [3]. В Музее угля электронная информация типа «Интерпретатор» размещена в зале стационарной экспозиции. Презентации, содержащие визуально-графический, картографический, текстовый, иллюстративный материал, сопровождающий экспозиционные комплексы «Геоэкология Кузнецкого бассейна», «К истории научных исследований Кузнецкого бассейна», «Уголь – от его образования до современного использования», «Палеонтология» помогают глубже раскрыть научность экспозиции академического музея. В качестве аппаратного решения используется современный широкоформатный жидкокристаллический экран телевизора и монитор компьютера в зависимости от содержания программы экскурсии. Данный электронный материал служит не только информационным сопровождением ознакомительных, тематических лекций, но и электронной библиотекой посетителей музея. Возможность предоставления данной информации пользователю для работы с ней вне стен музея способствует наиболее полному вовлечению в научный оборот исследовательских разработок музея.

Дополнение экспозиции Музея угля тематическими видеоматериалами, включающими научно-образовательные, документальные фильмы, тематические подборки видеороликов, фрагменты киноархива и хроники, относящиеся (по классификации Т.Г. Богомазовой) к типу электронной экспозиции «Видеопрезентатор», транслируются в специальной зоне музея для демонстрации видеоряда [3]. Техническое оснащение этой зоны содержит широкоформатный жидкокристаллический телевизор, подключенный к ноутбуку. Следует отметить, что данная зона многофункциональна: от возможности проведения видеоконференции, семинара, просмотра фильмов, презентаций до подключенного электронного микроскопа для практического занятия по углепетрографии.

Представляемые в Музее угля базы данных «Горные условия угольных предприятий Кузбасса», «Качественные характеристики углей», «Фонды музея», относящиеся к систематизированному представлению информации по экспозиционным комплексам «Угли Кузбасса коксующихся марок», «Угли Кузбасса энергетических марок», «Сапропелитовые угли» можно отнести к следующему типу – «Энциклопедия» [3]. По мнению автора классификации, данный тип электронной экспозиции имеет функцию систематизированного представления информации для самостоятельного ознакомления. Предлагаемое в данном разделе электронной экспозиции глубокое представление научного материала в полной мере отвечает статусу академического музея и имеет опыт использования электронных фондов для научно-исследовательской деятельности аспирантов и студентов профильных специальностей. Например, материалы этого электронного раздела используются не только для демонстрации горно-технических условий некоторых угольных предприятий, участков, пластов, но и в решении конкретных задач сбора информации по какому-либо показателю качества угля для реферата, курсовой или дипломной работы.

Безусловно, в реальных условиях Музея угля типы электронной экспозиции, выделенные в классификации Т.Г. Богомазовой, зачастую пересекаются, но в целом они позволяют наиболее полно охватить весь спектр задач, стоящих перед музеем в области научной информатизации.

Говоря об использовании информационных технологий в деятельности Музея угля, следует отметить все возрастающую роль виртуальной музейной коммуникации, доступной самой разной аудитории. Данная функциональная сфера, рассматриваемая Н.С. Бледновой как «внешняя» информатизация, в большинстве случаев связана с Интернет-пространством. Одной из форм виртуального общения являются официальные музейные сайты. Виртуальный посетитель приобщается к музею как к современному разноплановому культурному центру, формирующему новые более широкие научные знания. Музей угля расширяет свое научно-информационное

и культурно-просветительное пространство посредством специально разработанного для этих целей виртуального Интернет-ресурса [4]. Старший научный сотрудник Института истории СО РАН О.Н. Шелегина и специалисты Мультимедиацентра Новосибирского государственного университета В.Г. Казаков, Н.П. Панина отмечают в своих работах, что виртуальное пространство является наиболее реальным выходом для расширения сферы деятельности небольшого по площади вузовского и институтового музея [5]. Данное мнение вполне соответствует ситуативному состоянию и экспозиционному пространству Музея угля. Разработанный совместно с сотрудниками Института угля и углехимии СО РАН «Виртуальный Музей угля» рассчитан на широкую аудиторию, так как предлагает разные формы его использования: здесь можно прослушать краткую виртуальную экскурсию, ознакомиться с базой фондов музея, получить интересный справочный материал по представленным экспонатам для различного рода образовательных целей.

Работа по созданию «Виртуального Музея угля» выполнялась в рамках проекта «Информационные порталы СО РАН» и является частью портала Института угля СО РАН. За реализацию этого проекта институт получил Грамоту победителя конкурса по Программе «Информационно-телекоммуникационные ресурсы СО РАН» в сентябре 2007 г. [6].

Виртуальный музей определяет созданную с помощью компьютерных технологий модель музея, существующего реально или исключительно в виртуальном пространстве, но в том и другом случае он воспроизводит некоторые составляющие реального музея: коллекции, каталоги, экспозицию и т.п., что в полной мере соответствует «Виртуальному Музею угля» [7].

Отражение информации о фондах, представленного в Интернете виртуального музея, для удобства пользователя транслируется в наиболее доступной для понимания структурной форме под общим названием «Древо экспонатов», где имеются четыре раздела, подчеркивающие основной профиль музея: 1) Угли; 2) Продукты углепереработки; 3) Окаменелая флора и фауна; 4) Другие экспонаты.

Каждый из разделов отражает информацию отдельных баз данных, содержащих полный объем сведений по предметам экспозиции. Например, в разделе «Угли» пользователь получает возможность не только визуально познакомиться с экспонатом, но также получить о каждом из представленных в виртуальном музее образцов атрибутивные и справочные данные: место отбора, условия залегания пласта, свойства угля [4]. Эти сведения могут быть использованы посетителем для разных целей, как познавательных, так и научно-исследовательских. В разделе «Продукты углепереработки» база данных содержит массив информации, включающий фотографии, инвентарные номера, названия, химические формулы, описания физических, химических и токсических свойств, способов получения, направлений использования представленных в виртуальной экспозиции продуктов, что позволяет удовлетворить спрос посетителя разного уровня [4].

Для знакомства с коллекцией палеонтологических образцов в «Виртуальном Музее угля» представлены все экспонаты раздела. По каждому из них база данных предлагает ознакомиться с изображением предмета, названием, инвентарным номером, местом обнаружения, геохронологическим возрастом, описанием. Представляя палеонтологическую коллекцию

в виртуальном пространстве, разработчики, помимо знакомства с геологическим прошлым Земли, показывают свертности растений-углеобразователей, отражают связь с геохронологией, способствуют формированию интереса посетителя к научным знаниям, подкрепляя информацию аттрактивными и информативными свойствами палеонтологического ряда.

В процессе подготовки «Виртуального Музея угля» для информационного наполнения была использована специальная геологическая, химическая, техническая научная литература, сделано более 400 фотографий экспонатов, размещенных в витринах музея. Кроме того, виртуальный музей представляет реальную стационарную экспозицию Музея угля, действовавшую до середины 2009 года (к концу 2009 года музей осуществил реэкспозицию в связи с переездом в другое помещение).

Рассматривая применение информационных технологий в музейной деятельности, нельзя не сказать о презентации музея в рамках общеинститутского сайта. Используя форму представления музея в рамках «музейной страницы» [8, с. 162] на информационном портале Института угля СО РАН транслируется стандартный набор полей, рекомендованный разработчиками веб-страницы для всех структурных подразделений учреждения. Отражая особенность функций музея как социокультурного института, на музейной странице сайта предусмотрена возможность размещения электронного фотоальбома, демонстрирующего аспекты комплектования и научного исследования музейных фондов, экспозиционную и культурно-образовательную деятельность. Наличие на «музейной странице» общеинститутского сайта ссылки на «Виртуальный Музей угля» позволяет через единую точку доступа познакомить посетителя с «внешним» виртуальным ресурсом музея [9].

Являясь представителем сети академических музеев Сибирского отделения Российской академии наук, Музей угля участвует в интеграционной деятельности по включению в новое виртуальное пространство - Портал музеев СО РАН, создание которого осуществляется под руководством Научного совета по музеям СО РАН при технической поддержке сотрудников Мультимедиацентра Новосибирского государственного университета [10]. Этот информационный ресурс предназначен для представления планов и отчетов о работе музеев СО РАН, персоналий, интерактивных разработок, конференций и другой деятельности. Музей угля совместно с музеями Сибирского отделения участвует в апробации и внедрении электронных форм менеджмента [11].

Таким образом, Музей угля, транслируя научные горноугольные знания, стал своеобразным информационным звеном между фундаментальной наукой и массовой аудиторией социокультурного пространства Кемеровской области, которая на сегодняшний день является крупнейшим угледобывающим регионом России. Для успешной реализации данной деятельности сотрудниками музея в соответствии с современным уровнем развития музейного дела используются информационные технологии, способствующие вовлечению в научный оборот профильных знаний, расширяющие границы воздействия музейной экспозиции и привлекающие в музейный мир новое поколение посетителей, привыкших жить в интерактивном пространстве. Активно внедряя информатизацию во все формы своей деятельности, Музей угля получил возможность формирования положительного имиджа, расширения возможностей музейной коммуникации.

Библиографический список

1. Сальникова, И.В. Использование информационных технологий в музейной практике // Современные тенденции в развитии музеев и музееведения: мат. Всероссийской научно-практической конф. Новосибирск, 3-5 окт. 2011 г. - Новосибирск, 2011.
2. Бледнова, Н.С. Музеи Кемеровской области и информатизация сферы культуры. / Музейные фонды и экспозиции в научно-образовательном процессе: мат. Всероссийской научной конф. Томск, 18-20 мар. 2002 г. - Томск, 2002.
3. Богомазова, Т.Г. Информационно-экспозиционный комплекс в музее // Справочник руководителя учреждения культуры. - Москва, 2005. - № 5.
4. [Э/р]. - Р/д: <http://museum.icc.kemsc.ru>
5. Казаков, В.Г. Виртуальное музейное пространство СО РАН: принципы и подходы / В.Г. Казаков, Н.Л. Панина, О.Н. Шелегина // Музеология, музеи в меняющемся мире: сб. мат. межд. симпозиума. - Барнаул, 2008.
6. О результатах проделанной работы в 2006 году: отчет Музея угля ИУ СО РАН. - Кемерово, 2006.

7. Михайлова, А.В. Виртуальный музей: реальность и перспективы // Доклады конференции EVA-2009 [Э/р]. – Р/д: <http://conf.cpic.ru/eva2009/rus>
8. Казаков, В.Г. Музеи Сибири в Интернете / Научно-исторический и культурно-образовательный потенциал сибирских музеев: сб. научн. тр. / В.Г. Казаков, Н.Л. Панина, О.Н. Шелегина. – Новосибирск, 2010.
9. [Э/р]. – Р/д: <http://www.icc.kemsc.ru/>
10. [Э/р]. – Р/д: <http://www.php.mmc.nsu.ru>
11. Отчет НС по музеям СО РАН: О деятельности Научного совета по музеям СО РАН в 2010 г. – Новосибирск, 2011.

Bibliography

1. Salnikova, I.V. Ispol'zovanie informacionnykh tekhnologiy v muzejnoy praktike // Sovremennye tendencii v razviti muzeev i muzevedeniya: mat. Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konf. Novosibirsk, 3-5 okt. 2011 g. – Novosibirsk, 2011.
2. Blednova, N.S. Muzei Kemerovskoy oblasti i informatizatsiya sferih kul'tur. / Muzejniye fondii i ehkspozitsii v nauchno-obrazovatel'nom processe: mat. Vserossiyskoy nauchnoy konf. Tomsk, 18-20 mar. 2002 g. – Tomsk, 2002.
3. Bogomazova, T.G. Informacionno-ehkspozitsionnyy kompleks v muzee // Spravochnik rukovoditelya uchrezhdeniya kul'tur. – Moskva, 2005. – № 5.
4. [Eh/r]. – R/d: <http://museum.icc.kemsc.ru>
5. Kazakov, V.G. Virtual'noye muzejnoye prostranstvo SO RAN: principii i podkhodii / V.G. Kazakov, N.L. Panina, O.N. Shelegina // Muzeologiya, muzei v menyayutemsa mire: sb. mat. mezhd. simpoziuma. – Barnaul, 2008.
6. O rezul'tatakh prodelannoy rabotii v 2006 godu: otchet Muzeya uglya IUU SO RAN. – Kemerovo, 2006.
7. Mikhaylova, A.V. Virtual'nyy muzej: real'nost' i perspektivy // Doklady konferencii EVA-2009 [Eh/r]. – R/d: <http://conf.cpic.ru/eva2009/rus>
8. Kazakov, V.G. Muzei Sibiri v Internete / Nauchno-istoricheskiy i kul'turno-obrazovatel'nyy potencial sibirskikh muzeev: sb. nauchn. tr. / V.G. Kazakov, N.L. Panina, O.N. Shelegina. – Novosibirsk, 2010.
9. [Eh/r]. – R/d: <http://www.icc.kemsc.ru/>
10. [Eh/r]. – R/d: <http://www.php.mmc.nsu.ru>
11. Otchet NS po muzeям SO RAN: O deyatelnosti Nauchnogo soveta po muzeям SO RAN v 2010 g. – Novosibirsk, 2011.

Статья поступила в редакцию 11.11.11

УДК 374.1

Rogozhkina N.N. "LITERARY LIVING ROOM" FOR THE 10TH-GRADERS: A POTENTIAL OF RATIONAL-EMOTIONAL DEVELOPMENT. The article considers the theory and methods of conducting information and educational programmes in the form of literary living room for high school students with a view to bringing with them a culture of gender relations, the culture of feelings.

Key words: literary living room, art-verbal expression of the themes of love, rational-emotional development of the 10th-graders.

N.N. Rogozhkina, g. Moskva, E-mail: nan@mkrf.ru

«ЛИТЕРАТУРНАЯ ГОСТИНАЯ» ДЛЯ ДЕСЯТИКЛАССНИКОВ: ПОТЕНЦИАЛ РАЦИОНАЛЬНО-ЭМОЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

В статье рассматривается теория и методика проведения информационно-просветительной программы в форме литературной гостиной для старшеклассников с целью воспитания у них культуры гендерных отношений, культуры чувств.

Ключевые слова: литературная гостиная, художественно-речевое выражение темы любви, рационально-эмоциональное развитие десятиклассников.

Многоаспектность задач, которые учитель имеет возможность достичь, готовя с учащимися проведение литературной гостиной, трудно решить в других «предлагаемых обстоятельствах».

Тема литературной гостиной, методика подготовки которой изложена в статье, – «Любовь – это сердце всего» (В. Маяковский). Весь литературно-художественный материал ее предназначен для учащихся 10-х классов — подростков 15-16 лет, которым важно научиться духовно-нравственному отношению к самой теме и манерам, в том числе речевым в обращении с противоположным полом.

В программе по литературе 10-го класса основное количество часов отведено на изучение литературы второй половины XIX века. Произведения этого периода требуют от школьников внимательного прочтения, навыка анализа и проведения культурных аналогий. Тема любви считается наиболее популярной в классической литературе XIX века, но на уроках мы уделяем мало времени значимости этого чувства и способов ее художественно-речевого выражения в произведениях данной эпохи.

Проанализируем, как отражается тема любви в современных программах по литературе [1; 2; 3].

Проблема состоит в том, что на анализ одного из приведенных произведений уходит лишь несколько часов. История отношений Базарова и Одинцовой, Ларисы Огудаловой

и Паратова, Сони Мармеладовой и Родиона Раскольникова – хороший материал для развития фаз мыслительного процесса школьников-подростков: тут много нерешенных проблем о взаимоотношениях, о красоте, о терпении и ответственности, о мастерстве писателя и т. д. Все это актуально, но мало времени уделяется данной тематике на уроках. Литературная гостиная поможет подойти к «вечной» теме внимательнее.

Учащиеся узнают тему литературной гостиной и обязательные элементы, которые они должны подготовить, – инсценирование любовных сцен из изученных в 10-ом классе произведений, прочитать стихотворение о любви поэтов второй половины XIX века [4; 5; 6; 7; 8], подготовить танец, характерный этому периоду, исполнить романс. Учащиеся не ограничиваются какими-то определенными авторами, им предстоит выбрать такой материал, к которому они имеют эмоциональное отношение: для того, чтобы выбрать, надо прочитать, сравнить, выработать свое отношение «не вообще», а принимая во внимание «необходимость играть роль».

Учащимся предстоит выбрать и подготовить романс о любви для исполнения. Русский романс – это своеобразное признание в любви, это рассказ о трепетном отношении к женщине, о готовности к жертве, поэтому пять романсы будут не только лицеисты, но и приглашенные гости: это могут быть профессиональные артисты. В данном случае обычно приглашаются выпускники, учителя, родители.

Программа Коровиной В.Я.	Программа Ладыгина М.Б. (для школ и классов с углубленным изучением литературы)	Программа Курдюмовой Т.Ф.
А.С. Пушкин		
	Любовная и дружественная лирика А.С. Пушкина. Гармония в человеческих отношениях, светлые и добрые чувства в интимной лирике А.С. Пушкина («19 октября», «Роняет лес багряный свой убор...», «К Чаадаеву», «И.И. Пущину», «Зимний вечер», «Я Вас любил: любовь еще, быть может...», К*** («Я помню чудное мгновенье...»). Полнота человеческих чувств в поэзии А.С. Пушкина.	«Вечные темы» в поэзии Пушкина: природа, любовь, дружба, творчество, общество и человек, свобода и неизбежность, смысл человеческого бытия.
М.Ю. Лермонтов		
Адресаты любовной лирики М.Ю. Лермонтова		Тема родины, поэта и поэзии, любви, мотив одиночества.
Ф.И. Тютчев		
Любовная лирика Ф.И. Тютчева. Любовь как стихийная сила и «поединок роковой». («О, как убийственно мы любим...», «К.Б.»)	Любовная лирика поэта («О, как убийственно мы любим...», К.Б. «Я встретил вас – и всё былое...», «Последняя любовь», «В разлуке есть высокое значенье...»), точность психологического анализа и глубина философского осмысления человеческих чувств.	Любовная лирика: любовь как «поединок роковой».
А.А. Фет		
Любовная лирика А. Фета («Шепот, робкое дыханье...», «Сияла ночь. Луной был полон сад...»)		Точность в передаче человеческого восприятия картин родной природы, оттенков чувств и душевных движений человека.
А.К. Толстой		
Любовная лирика А.К. Толстого	Любовная лирика А.К. Толстого, её своеобразие («Средь шумного бала, случайно...»).	Ведущие темы лирики поэта.
Н.А. Некрасов		
Тема любви в лирике Н.А. Некрасова		Гражданская поэзия и лирика чувств. Решение «вечных тем» в поэзии Некрасова.
А.Н. Островский		
		Борьба героини («Гроза», «Бесприданница») за право быть свободной в своих чувствах.
И.А. Гончаров		
«Обломов» как роман о любви.	Женские образы в романе И.А. Гончарова «Обломов».	Женские образы в романе «Обломов» и их роль в развитии сюжета.
И.С. Тургенев		
Любовь в романе И.С. Тургенева «Отцы и дети»	Роль женских образов и любовной интриги в романе И.С. Тургенева «Отцы и дети».	«Вечные темы» в романе «Отцы и дети» (природа, любовь, искусство).
Ф.М. Достоевский		
		Сонечка Мармеладова и проблемы нравственного идеала автора в романе «Преступление и наказание».
Л.Н. Толстой		
	Тема любви в романе Л.Н. Толстого «Война и мир». Значение женских образов.	Женские образы романа «Война и мир» – Наташа Ростова и Марья Болконская. Судьба любимых героинь Толстого.

«Любовь – это сердце всего» (В. Маяковский)**Сценарий литературной гостиной для учащихся 10-х классов****Задачи:**

1. Расширение и углубление знаний о жизни и творчестве писателей и поэтов 19 века, повышение уровня образованности учащихся.
2. Развитие фаз мыслительного процесса лицеистов.
3. Развитие творческих способностей лицеистов.
4. Повышение качества подготовки к урокам литературы.

5. Воспитание духовно-нравственных отношений между молодыми людьми и девушками, этикет, речь.

Оборудование:

1. Оформленные стенды: портреты и книги Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, А.Н. Островского.
2. Высказывания известных писателей и поэтов о любви развесить на сцене.
3. Свечи в старинных подсвечниках, веер, перчатки на столах, накрытых бархатными или кружевными скатертями.

4. Длинные платья, фраки, галстуки-бабочки, пышные прически – все наполнено атмосферой 19 века.

Домашнее задание для каждой группы (класс разбить на 2 группы):

1. Подготовить выразительное чтение стихотворения о любви поэтов 19 века.
2. Исполнить романс о любви.
3. Инсценировать любую сцену из произведения писателей 19 века.
4. Подготовить чувственный танец, характерный для 19 века.
5. Подготовить слайды для каждого выступления.

Ход мероприятия

(Пока гости и участники рассказываются, звучит негромкая спокойная музыка, которая с первыми словами ведущего постепенно смолкает. На экране высветился слайд с названием гостиной и иллюстрацией, изображающей свечи, фортепиано, веер и т.д.)

Ведущий 1 (мальчик)

Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой... Унынья моего

Ничто не мучит, не тревожит,

**И сердце вновь горит и любит – оттого,
Что не любить оно не может.**

А.С. Пушкин

(Выделенные жирным шрифтом слова высвечиваются на экране).

Ведущий 2 (девочка)

Любовь – это то, без чего невозможно было бы представить само существование человечества, то, во имя чего живут и за что умирают, то единственное, что способно сдвинуть горы и достать с неба звезду.

Ведущий 1

«Любовь — это бесценный дар. Это единственная вещь, которую мы можем подарить, и все же она у тебя остаётся», – так говорил один из самых значительных русских писателей и мыслителей Лев Николаевич Толстой.

Ведущий 2

«Любовь, как огонь, без пищи гаснет», – считал М.Ю. Лермонтов. Тема любви в русской поэзии всегда была, практически, на первом месте – забыть ее – все равно, что забыть всю нашу литературу.

(На экране слайд «Поэты 19 века о любви» и портреты поэтов Ф.И. Тютчева, А.К. Толстого).

Ведущий 1

Звучат стихотворения в исполнении лицеистов:

Ф.И. Тютчев «Не говори: меня он, как и прежде, любит...»,
А.К. Толстой «Ты не спрашивай, не распытай...».

Ведущий 1

На экране слайд с портретом Н.А. Некрасова.

В исполнении нашего гостя – выпускника лицея звучит стихотворение

Н.А. Некрасова «Пускай мечтатели осмеяны давно...»

Ведущий 2

(На экране слайд «Любовь в романах писателей 19 века»).

Тема любви в классической литературе всегда занимала важное место. Любовь одинаково волновала человеческие сердца, будь это любовь юношеская или более зрелая. Это чувство никогда не стареет. Писатели всегда старались показать истинное место любви в жизни человека, в отношениях между людьми.

Ведущий 1

(На экране слайд с портретом А.Н. Островского).

Творчество А.Н. Островского произвело революцию в русском театре. Уже первые его пьесы показали на сцене мир, прекрасно знакомый самому драматургу, но совершенно неизвестный читателям и зрителям середины 19 века.

Ведущий 2

Его произведения были разносторонние, но объединяло их одно – желание показать настоящего русского челове-

ка с его душой и характером. Ярко показать любовь писателю удалось в произведении «Гроза». Катерина, «луч света в темном царстве», запомнилась нам своей честностью, преданностью и умением любить, которое ее же и погубило.

Ведущий 1

Сцена из драмы А.Н. Островского «Гроза».

(На экране слайд «Сцена из драмы А.Н. Островского «Гроза» и иллюстрация С. В. Герасимова к драме А. Н. Островского «Гроза»).

Ведущий 2

(На экране слайд с портретом И.С. Тургенева).

Еще в молодости известный русский писатель-реалист 19 века И.С. Тургенев признал, что ничего нет сильнее на свете любви. В любом его романе любовь является одним из основных моментов раскрытия характера героя.

Ведущий 1

В своем романе «Отцы и дети», напечатанном в 1862 году, автор показал образ человека-нигилиста, ничего не признающего, не уважающего авторитетов, но в итоге сломившегося перед чувством любви.

Ведущий 2

«Насколько бы ни был силен характер, он не сможет противостоять тому единственному чувству, способному сделать даже из, казалось бы, сухого нигилиста, настоящего романтика» (И.С. Тургенев).

Ведущий 1

Сцена из романа И.С. Тургенева «Отцы и дети»

(На экране слайд «Сцена из романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» и иллюстрация К.Рудакова к роману»).

Ведущий 2

Проникая под кожу, огонь разносит по телу свой смертоносный яд, отравляя душу. Его пульсирующее пламя зарождает ослепительную вспышку, которую можно сравнить лишь со взрывом бомбы, чья исполинская сила способна разорвать и испепелить в клочья все человеческое существо. Имя этой силы любовь. Все музыкальные новеллы и романы являются сложной гаммой оттенков любви. И теперь давайте вместе почувствуем оттенки этой силы в романах, которые исполняют наши лицеисты!

Ведущий 1

(На слайде «Русский романс» и иллюстрация с изображением нот и фортепиано).

Звучат романсы в исполнении лицеистов:

«Я встретил Вас...» (Ф.И. Тютчев – Л. Малашкин)

«Не отходи от меня» (А.А. Фет – П.И. Чайковский).

Ведущий 2

Танец и любовь: секрет долголетия – эту фразу довольно часто повторяют танцоры. Вы наверняка спросите: при чем тут любовь? И ответ будет прост. Танец – вид искусства, в котором художественные образы создаются средствами пластических движений и ритмически четкой и непрерывной сменой выразительных положений человеческого тела. Танец неразрывно связан с музыкой, эмоционально-образное содержание которой находит свое воплощение в его хореографической композиции, движениях, фигурах. Так давайте насладимся прекрасной музыкой и ритмом танца, который приготовили наши лицеисты!

Ведущий 1

(На слайде «Бальные танцы 19 века» и иллюстрация с изображением пар, танцующих вальс).

Самый известный и романтичный из всех бальных танцев – вальс (лицеисты исполняют вальс).

Ведущий 2

(На слайде «Бальные танцы 19 века» и иллюстрация с изображением пар, танцующих кадрили).

Французский танец, возникший в 18 веке и очень популярный в до конца 19 века в России, – кадрили, Кадрили – парный танец с определенной композицией, обязательной для исполнения. (лицеисты исполняют кадрили).

Ведущий 1

«Любовь сильнее смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь», – писал Тургенев в своем стихотворении «Воробей».

Ведущий 2

В заключение нашей гостиной мы предлагаем вам послушать романсы в исполнении наших уважаемых гостей: выпускников лицея, учителей и родителей.

(На слайде портреты сначала А.А. Фета, затем А.К. Толстого).

Звучит романс «Я тебе ничего не скажу» (А.А. Фет - П.И. Чайковский),

Звучит романс «Средь шумного бала случайно» (А.К. Толстой – П.И. Чайковский).

Звучит романс «Крошка» (А.А. Фет – П. Булахов).

По окончании гостиной ведущие берут интервью у некоторых лицеистов, учителей и гостей, которых просят от-

ветить на вопросы: что понравилось, чье выступление запомнилось больше всего, нужно ли проводить такие мероприятия, какую тему предложили бы для следующей гостиной и т.д.

Анализ и оценка методических элементов гостиной как информационно-просветительной формы проходит на классном часе, что позволяет еще раз «прожить» материал, отразить успешное и то, что требует «шлифовки». Без сомнения, самыми важными этапами будут подготовка и завершающая рефлексия, именно они упражняют учащихся в оценке коллективного и индивидуального результата, что способствует развитию в каждом участнике данного события понимания условий «успешности» образовательной и культурной деятельности, а сама тема, гостиной дает богатый материал для психологической самооценки и понимания социальной роли, которую каждый играет или может играть.

Библиографический список

1. Программа для общеобразовательных учреждений: Литература. 5-11 классы / под ред. Т.Ф. Курдюмовой. – М., 2010.
2. Программы общеобразовательных учреждений: Литература. 5-11 классы (базовый уровень) / под ред. В.Я. Коровиной. – М., 2006.
3. Программы общеобразовательных учреждений: Литература. 5-11 классы. Для школ и классов с углубленным изучением литературы, гимназий и лицеев гуманитарного профиля / под ред. М.Б. Ладыгина. – М., 1998.
4. Островский, А.Н. Гроза: драма в 5-ти действиях. – М., 2010.
5. Толстой, А.К. Из поэтического наследия. – М., 2006.
6. Тургенев, И.С. Отцы и дети: роман. – М., 2011.
7. Тютчев, Ф.И. «Я встретил Вас...». – М., 2010.
8. Фет, А. Лирика. – М., 2006.

Диски

1. Великие исполнители России XX века. Иван Козловский. Романсы. (mp3)

Bibliography

1. Program for educational institutions: the Literature. 5-11 classes / ed. T.F. Kurdumova. – 4-th ed., added. and doc. – M.: Drofa, 2010.
2. Educational institutions: the Literature. 5-11 classes (basic level) / ed. V.Y. Korovina. – 7th ed. – M.: Education, 2006.
3. Educational institutions: the Literature. 5-11 classes. For schools and classes with the profound study of literature, grammar schools and lyceums of humanitarian profile / ed. M.B. Ladygin. – M.: Education, 1998.
4. Ostrovsky, A.N. The Storm: a Drama in five acts. – Drofa Plus, 2010.
5. Tolstoy, A.K. From the poetic heritage. – M.: Nauka, 2006.
6. Turgenev, I.S. Fathers and children: a Novel. – M.: Children's lit., 2011. (School library).
7. Tyutchev, F.I. "I met You...". – M.: Children's lit., 2010. (School library).
8. Fet, A. The Lyrics. – M.: Eksmo, 2006. (Golden series of poetry).

Disks

1. Great executors of Russia of XX century. Ivan Kozlovsky. Romances. (mp3)

Статья поступила в редакцию 28.10.11

УДК 130.2

Matyazh S.V. THE THEORY OF CULTURAL GENEZIS A. Dg. TOYNBEE: THE KEY IDEAS AND CONCEPTUAL CONTEXT. The article analyzes the processes of cultural genesis in the context of the Arnold Dg. Toynbee2s concept. The author considers the conditions and mechanisms of cultural dynamics at the macro- and micro- levels.

Key words: culture, cultural genesis, macro- and microdynamics of culture, Arnold Dg. Toynbee.

С.В. Матяж, соискатель АГАКИ, г. Барнаул, E-mail: svet.matyazh@yandex.ru

ТЕОРИЯ КУЛЬТУРОГЕНЕЗА А.ДЖ. ТОЙНБИ: КЛЮЧЕВЫЕ ИДЕИ И КОНЦЕПУАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ

В статье анализируются процессы культурогенеза в контексте концепции А. Дж. Тойнби. Автор рассматривает условия и механизмы культурной динамики на макро- и микроуровнях.

Ключевые слова: культура, культурогенез, генезис культуры, микро- и макродинамика культуры.

Культура – сверхсложная, исторически изменяющаяся система. В современном мире происходят глобальные процессы, свидетельствующие о переходном этапе в развитии мировой культуры. На этой волне прогнозирование перспектив развития общества особенно актуально и является одной из главных тем, волнующих культурологов, политиков, социологов и других исследователей.

Динамика культуры позволяет исследователю наиболее объёмно проследить и динамику ее составляющих. Процессы, законы и механизмы изменений образуют не только микродинамику в малых временных и пространственных границах, но и крупномасштабные сдвиги на уровне культурных суперсистем, культур, цивилизаций, этнических обществ. Значительный объем концепций, посвященных вопросам ге-

незиса культуры, представлен в ряде монографических исследований (О. Шпенглер, А. Тойнби, Ю. М. Лотман, П. Сорокин А. Я. Флиер, Ю.В Яковец, Б.Н. Кызык., Н.А. Хренов, и др.) А. Флиер полагает, что ни одна из множества теорий не дает универсального объяснения динамики культуры, который бы органично сочетал в себе микро- и макроуровни процессов культур. Но в этом есть и положительная сторона: частный исследовательский подход позволяет каждому из ученых обнаружить уникальные механизмы культурных процессов различных локальных систем. Этот факт оформил наше исследование в следующем ключе: в рамках данной статьи мы попытались осуществить анализ концепции генезиса культур/цивилизаций А. Дж. Тойнби на примере его важнейшего исследования «Постижение истории». Полагая, рассмотрение его теории в контексте микро- и макродинамики культурогенеза и выявления роли каждого из уровней в генезисе культуры позволит сколько-нибудь выделить исключительность его положений, в некоторой степени определяя их и как универсальные.

Но прежде тезисно опишем понятия, применимые в данной статье и необходимые для полноценного раскрытия заявленной темы.

Поскольку речь пойдет о процессах культурогенеза, как одного из видов исторической и социальной динамики культуры, обратимся к такому фундаментальному понятию как «динамика культуры». На основе рассмотренных далее определений, эсплицируем для нашего исследования понятие «динамика культуры». Смысловое уточнение понятия «динамика культуры», на наш взгляд, поможет продуктивнее проанализировать процессы культурогенеза.

В целом под «динамикой культуры» понимаются «изменения внутри культуры и во взаимодействии культур, для которых характерна целостность, наличие упорядоченных тенденций, а также направленный характер. [1]. Г.В. Драч, говоря о кризисе как этапе современной культуры, культурную динамику описывает как «целостный упорядоченный процесс, имеющий направленный характер. Статика культуры - «необходимая сторона... движения», то есть динамики культуры. Динамика культуры представляет собой непрерывный процесс разрушения и обретения идентичности, дестабилизации и достижения нового уровня стабильности, архаизации и обновления, рассогласования и гармонизации социального и культурного миров». Статика культуры отражает моменты её сохранения и воспроизводства [2, с. 134].

А.И. Кравченко дает следующее определение: «динамика культуры» как срез или угол зрения, под которым рассматривается культура. К динамике культуры относятся средства, механизмы и процессы, которые описывают трансформацию культуры [3]. А.А Федоровым динамика культуры рассматривается как процесс развертывания культуры... во взаимосвязи самых различных факторов. Она раскрывает проблемы движущих сил социокультурного развития. Федоров выделяет ряд источников и факторов культурной динамики: инновация, наследие и наследование, традиция и другие. [4, с. 76] Мы заключаем, что динамика культуры интерпретируется, прежде всего, как причинно-обусловленный системный процесс культурных изменений во времени и пространстве.

Отечественный литературовед и культуролог Ю.М. Лотман многообразные феномены культуры рассматривает как «тексты культуры», имеющие свою знаково-символическую природу. Модель динамики культуры он строит, начиная от точки «семиотического нуля» - мифологии начала, от отсутствия порядка к упорядоченности. По Ю.М. Лотману, динамические процессы в культуре строятся как своеобразные колебания маятника между состоянием взрыва и состоянием организации (постепенным развитием). [5, с. 647]. Момент исчерпания взрыва – начало будущего развития, нового витка событий. Постепенные и взрывные процессы работают в единой структуре: «одни обеспечивают новаторство, другие – преемственность». Две стороны одного синхронно работающего механизма, в котором одна составляющая сти-

мулирует развитие другой, являются источником динамики [6. с. 21-23]. В истории эти типы процессов взаимодействуют, ускоряя или замедляя общее движение. Но исторические процессы многоплановы и полифункциональны: не существует последовательной, ритмичной смены динамичных и устойчивых этапов развития. По Лотману, это связано со спецификой сфер, обладающих разным временем развития и разными законами сохранения. Например, история искусства, считает М. Лотман, «не уничтожается..., а переходит на хранение, с тем чтобы при определенных условиях вновь заявить о себе»..., а в истории материальной культуры работает её последний временной срез» [5, с. 615].

Динамика культуры пронизывает все сферы жизни общества. Культура, пишет А. Флиер, не единое целостное явление, а совокупность локальных систем (социокультурных и этнокультурных) и конфигураций разного масштаба, которые необходимо рассматривать как самостоятельное явление, имеющее свой уникальный генезис.

Культурогенез – один из типов социальной и культурной динамики существования и изменчивости культуры, заключенный в непрерывном порождении новых культурных феноменов наряду с наследованием и трансформацией прежних, процесс постоянного порождения новых культурных форм и систем. Динамика культурогенеза происходит на микро- и макроуровнях. Микроуровень отражает процессы генезиса культурных форм, создаваемых индивидами или общественными группами, и нормирует процессы в микросоциальной среде. На макроуровне моделируются процессы нормообразования в глобальном масштабе на разных стадиях исторического развития сообществ людей [7]. В этой связи, концепция английского историка А.Дж. Тойнби, изложенная в его фундаментальном исследовании «Постижение истории», представляется нам значимой с позиции анализа не только процессов генезиса культур/цивилизаций в глобальных пространственных и временных границах, но и процессов культурогенеза, происходящих внутри общества в малых временных рамках, но, тем не менее, играющих серьезную роль в общем «механизме» динамики культуры. Этот тезис является основополагающим для нашего исследования и выявление процессов культурогенеза на макро- и микроуровнях в концепции А.Дж. Тойнби составляет дальнейшее содержание данной статьи.

В «Постижении истории» Тойнби задается вопросом: что есть цивилизация, и существуют ли какие-либо закономерности в развитии цивилизаций. Понятие «цивилизация» в его работе является центральным. Тойнби рассматривает великие цивилизации как уникальные, самобытные этнические образования, составляющие основу исторического развития. В первых томах своего труда он насчитывает 21 цивилизацию и пытается выявить закономерности в историческом развитии этнических обществ (национальных государств) во времени и пространстве. Он делает первый шаг к исследованию истории отдельного национального государства, основываясь на истории Великобритании. Эмпирические факты и собственные умозаключения приводят А. Тойнби к осознанию того, что историю отдельно взятого государства следует рассматривать только путем сопоставления с историей других государств. Следовательно, по Тойнби, нация, государство является лишь частью общего и разделение общества на отдельные национальные группы неприемлемо: это всего лишь «подразделения» внутри единой семьи и они неотделимы от общей истории [8, с.24-37].

В своем труде А. Тойнби использует понятие «умопостижимое поле исторического исследования» для определения границ «любого национального государства», которые фиксируются в пересечении трех планов социальной жизни: экономического, политического и культурного. Эти планы этнической культуры имеют разные границы, которые могут и не совпадать с границами общества. К примеру, экономика охватывает «всю освоенную человеком поверхность планеты». Политика устанавливает режим глобальной взаимо-

зависимости между государствами. Вместе они формируют широкий диапазон взаимодействия между сообществами и создают правила внутри единой общественной системы. Самый локальный план, дифференцирующий цивилизации, – культурный. Область культуры, духовности не поддается радикальным изменениям, ее границы значительно уже экономических и политических, а в случае географической изолированности государства совпадают с их границами. Это обеспечивает целостность и самобытность этнического образования и является основой развития цивилизации. Однако А. Тойнби отмечает заметное сужение до полного совпадения всех трех планов жизни цивилизации на более ранних стадиях ее развития [8, с. 33-36].

Еще одним фактором, оказывающим влияние на установление границ (политической, экономической, культурной) является ассимиляция. Тойнби пишет, что этот процесс первичен и включает материальные экономические заимствования; труднее воспринимается проникновение в области политики и культуры. Экспансионизм в значительной мере затруднен в стадии роста цивилизации, социальная система которой на этом этапе является гармоничным соединением экономического, политического и культурного элементов.

Из этого следует, что дизгармонизация описанных выше составляющих общественной жизни, то есть разделение культурного, политического и экономического элементов общества, говорит о распаде цивилизации [8, с. 231]. Социальный распад создает благоприятные условия для экспансии в отличие от социального роста.

Цивилизации, по Тойнби, проходят 4 стадии в своем развитии: возникновение, рост, надлом и распад. Определяя причины генезиса цивилизаций, он выделяет сумму факторов, которые изначально подразделяются на негативные и позитивные. К негативным относится сила инерции, по его мнению, задержавшая человечество приблизительно на 300 тысяч лет. В свою очередь к возможным положительным факторам генезиса цивилизаций относятся следующие:

1. исключительность человека как биологического вида. Здесь А. Тойнби указывает на важность/значительность момента перехода человека из состояния пассивности/инерции к активности/творческому движению: «от Инь к Ян».

2. специфичность среды;

Обязательное наличие определенных условий, способствующих динамике, мобилизующих силы общества.

3. взаимодействие макрокосма с микрокосмом (противостояние этноса вызову среды);

Мы маркируем указанные факторы, так как они представляет интерес для нашего исследования. Обратим внимание на то, что Тойнби рассматривает здесь наряду с психическими и ярко выраженные духовные качества этнических культур, что является направляющим вектором развития цивилизаций: из состояния «Инь» – интеграции обычая – в динамическое «Ян» – дифференциацию цивилизации. Выделив наряду с фактором среды и этническим аспектом в развитии фактор времени, Тойнби приходит к выводу, что природные и человеческие элементы не могут быть в полной мере определяющими в развитии каждой из 21 цивилизаций, ведь «различные сочетания этих двух элементов могут породить цивилизацию в одном случае и не породить в другом». По Тойнби, лишь комбинация нескольких факторов может активизировать генезис цивилизации [8, с. 107-112].

Наличием специфических условий объясняется динамика локальных цивилизаций. Самобытность цивилизаций порождает сущность реакции на предлагаемые условия, ответа на вызов. Ответы на вызовы внутри общества подготавливают основу для успешного ответа на вызов Логоса: ответ единой человеческой цивилизации, культур ее составляющих.

Тойнби выделяет 5 типов вызова: вызов суровых стран, вызов новых земель, вызов ударов, вызов давления и вызов ущемления. Решающей здесь является проблема способности цивилизации к ответу. Вызов порождает стимул для развития цивилизации, но очевидным становится, по мере рас-

суждений и эмпирических фактов, приводимых Тойнби, что Ответ отнюдь не прямопропорционален Вызову. Стандартная схема «чем сильнее вызов – тем сильнее ответ», как заключает Тойнби, не является состоятельной. Слишком слабый стимул также приводит к слабой реакции или отсутствию Ответа как такового. Оптимальным является вызов, который порождает устойчивый стимул и, соответственно, успешный ответ, благодаря инерционной силе: «от победы – к борьбе, от покоя – к движению, от Инь – к Ян» [8, с. 220]. Размежевание внутри единого растущего общества объясняется Тойнби приобретенным в серии Вызовов и Ответов опытом сторон, составляющих это общество. Опыт дифференцирует общества, так как он формируется в прохождении фаз Вызова-и-Ответа. Что важно, последовательность «В-и-О» в различных обществах не тождественна, но различна, – пишет Тойнби. Таким образом, жизненный опыт различных обществ определяет их мировоззрение, которое, в свою очередь влияет на формирование индивидуального художественного стиля. Отсюда главенствующая роль эстетического критерия – это основа сохранения самобытности цивилизации, определяющая её устойчивость к изменениям.

Согласно А. Тойнби, существует еще закон динамики цивилизаций – закон Ухода-и-Возврата, регулирующий внутренние отношения между обществом и личностью/ творческим меньшинством. Творческие преобразования в области микрокосма, то есть, как нам видится, в личности, человеке в период между Уходом-и-Возвратом и после возвращения в родную среду – есть «распространение творческого мастерства на макрокосм, т. е. общество. Разногласия в выборе пути развития порождают необратимые процессы роста, распада цивилизаций, или не порождают их в случае совпадения интересов инертной общественности и активного творческого меньшинства. Именно растущие цивилизации имеют неоспоримое отличие от примитивных обществ, которое заключено в его динамике, поступательном движении за счет творческого меньшинства, приводящем к росту цивилизации. Существует определённый ритм роста. Его наиболее конструктивным признаком является трансференция действия, которую Тойнби определяет как «перенос результатов духовной работы личности в сферу внешних социокультурных отношений [8, с. 264-270]. Это и есть не что иное как движение Ухода-и-Возврата, необходимое действие для преодоления кризиса творческой личности или творческого меньшинства.

По Тойнби, общество – поле действия индивида или группы индивидов Сверхчеловек, личность выступает в роли главного движущего элемента в развитии общества. Он реализует свой творческий потенциал в динамическом законе – Ухода-и-Возврата. Собственно человеческое общество Тойнби делит на активные (ведущие) – «творческое меньшинство» и пассивные (движимые) группы – большинство. Механизм Ухода-и-Возврата рисует внутреннее движение, осуществляющееся в определенном ритме – это «двухтактный ритм творческих актов, составляющих процесс роста».

Таким образом, мы можем говорить о наличии определенных фаз цивилизации: Вызова-и-Ответа, Ухода-и-Возврата. И если Вызов-и-Ответ работает в макросреде, фиксирует макродинамику в циклическом круге, где вызов порождает ответ – виток развития, и так до следующего вызова, то движение Ухода-и-Возврата может быть представлено волнообразным графиком, самой низкой точкой которого является момент ухода – спад, а момент возвращения (становления) – связан с подъемом. Можем заключить, что это периодически повторяющиеся ритмы, которые переводят цивилизацию в новое состояние.

Итак, подведём некоторые итоги.

Концепция А. Тойнби представляет цивилизации как динамические структуры этносов. Он рассматривает цивилизации как уникальные этнические образования, которые проходят индивидуальный цикл развития. Динамика локальных культурных систем возможна при наличии комплекса условий: активности творческого меньшинства, способного дать

«ответ» на «вызов» и благоприятной среды, стимулирующей развитие [8, с. 126]. Возможны разные Ответы на один и тот же Вызов, и, соответственно этому – разные пути развития цивилизаций (этносов).

Развитие цивилизаций, этнических обществ - сложный процесс образования общественной системы в пространстве и во времени. Внешние изменения, порождаемые вызовами внешней среды, постепенно перемещаются во внутреннюю жизнь общества, в которой движущим элементом культурной динамики становится человек, по Тойнби, – сверхчеловек, личность. Динамика затрагивает все сферы жизни, но духовная составляющая жизни цивилизации выступает главным индикатором её динамических процессов. Духовно-художественная область отражает процесс макродинамики на хронологическом микроуровне. Тезис, выдвинутый Тойнби, который гласит: «Личности, а не общества создают человеческую историю», подтверждает, насколько важна роль как отдельной личности так и общества в динамике культуры. В цепи общественных процессов часть общества, именуемая «творческим меньшинством», является главным звеном, способностью которого – бросить не только ответ внешним факторам, но и вызов внутренним условиям, - создают динамику жизни.

Как видим, исследование А. Тойнби, посвященное генезису культуры (цивилизации), представляет культурогенез на макро- и микроуровнях. Выявленные механизмы динамики культуры позволили сделать ряд важных исследовательских выводов:

1). Развитие культуры исследуется А. Тойнби, как и другими представителями локально-исторического подхода, в контексте глобальных мировых процессов, тем самым фиксируются хронологические рамки, подобные масштабным процессам в природной среде. Закон движения представляется формулой «от начала – к концу, от конца – к началу». Он лежит в основе природного и общественного развития. Подчиненность природным законам выражается в процессах макросреды, описывающих развитие культуры / цивилизаций от рождения к упадку (гибели), через стадии роста (подъема) и спада.

2). Культура (цивилизация) - сложная система, приводимая в движение комплексом условий: от природных до человеческих. Фиксация А. Тойнби основных механизмов и зако-

нов подготавливает основу для определения не только внешних, глобальных, процессов развития, но и внутренних, менее масштабных, но не менее значимых. Закрепляется роль человека, его духовно-творческой деятельности во внутренних рамках микросистемы, динамика культурогенеза которой отражается на макроуровне. Роль отдельной личности, как движущей силы общества, утверждает возможность его динамики.

3). Духовно-творческая деятельность человека определяет вариантность развития культур и различает составляющие их микросистемы, (культурно-художественную, политическую, экономическую и другие) которые проходят в своем развитии те же этапы и стадии, но в малых хронологических рамках. Каждая сфера, таким образом, является как частью общей системы, так и отдельной взятой микросистемой, аналогичной макросистеме (цивилизации). Соответственно, социальные, научные, духовно-художественные и другие процессы в своей динамике проходят стадии рождения, роста и упадка, кризиса и расцвета. Эти процессы получают оформление в цикличной и волнообразной схемах, где намечаются максимальные и минимальные точки в развитии обществ, начало и конец, кризис и расцвет. Поэтому, мы можем говорить о наличии микроциклов развития внутри глобальных временных периодов и событий. Развитие духовно-творческой сферы представляется аналогичным образом, - с отметкой на графиках духовно-творческих взлетов и падений, утверждением духовно-творческих открытий и идей или отсутствием творческой активности общества.

Итак, осуществленный нами анализ показал, что концепция культурогенеза А. Дж. Тойнби, безусловно, выявляет взаимозависимость всех составляющих культуры и единую структуру их изменений вне зависимости от пространственно-временных границ. Различия - в характере процессов, обусловленных асинхронной активностью составляющих (политической, культурно-художественной и других) общественной системы. Это создает множественные варианты культурогенеза – порождения и интеграции новых культурных форм в существующие культурные системы. Таким образом, постижение истории культуры возможно только в понимании динамики общественных и культурно-художественных процессов и учитывании их роли на линии развития современной культуры.

Библиографический список

1. Аванесова, Г.В. Динамика культуры // Культурология. XX век. Энциклопедия. — СПб., 1998. - Т.1.
2. Культурология: учебное пособие / под. ред. Г.В. Драча. — М., 2006.
3. Культура и культурология. Словарь / сост. и ред. А.И. Кравченко. — М., 2003.
4. Федоров, А.А. Введение в теорию и историю культуры: словарь. — М., 2005.
5. Лотман, Ю.М. Семiosфера: Статьи исследования. — С.-Петербург, 2000.
6. Лотман, Ю.М. История и типология русской культуры. — С.-Петербург, 2002.
7. Флиер, А. Культурогенез. — М., 1995.
8. Тойнби, А.Дж. Постигание истории: сб.; пер. с англ. Е.Д. Жаркова. — М., 2008.

Bibliography

1. Avanesova, G.V. The dynamics of the culture // Culturology. XX century. Encyclopedia. T. 1. — Spb.: University book; ООО «Aleteia», 1998.
2. Culturology: training manual / Edited by G.V. Drach. — M.: Alfa-M; INFRA-M, 2006.
3. Culture and culturology. Dictionary / Compiler and editor of A.I. Kravchenko. — M.: Academic Project, Ekaterinburg: Business Book, 2003.
4. Fedorov, A.A. Introduction to the theory and history of culture: a dictionary. — M.: MPSI, 2005.
5. Lotman, U.M. Semiosphere: Articles Studies. — St. Petersburg: "Art – St. Petersburg", 2000.
6. Lotman, U.M. History and typology of Russian culture. — St. Petersburg: "Art – St. Petersburg", 2002.
7. Flier, A. Cultural genesis. — M.: 1995.
8. Toynbee, A.Dg. The Study of the history: Sat.; translate from english. E.D. Zharkov. — M.: Iris – press, 2008.

Статья поступила в редакцию 15.10.2011

УДК 130.2

Pervushina O.V. TRADITION AS A PROBLEM OF A PHILOSOPHICAL/CULTUROLOGICAL DISCOURSE. Article is devoted researching of a problem of interpretation and reproduction of tradition in the conditions of modern globalized culture. Archaic tendencies are considered in modern social and cultural process. "Neotradition" is understood as the form of removal of the contradiction between "tradition" and "innovation".

Key words: tradition, neotradition, archaic, cultural dynamics, neotraditionalism.

О.В. Переушина, канд. культурологии, доц. АГАКИ, г. Барнаул, E-mail: onir@altgaki.org

ТРАДИЦИЯ КАК ПРОБЛЕМА ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Статья посвящена исследованию проблемы интерпретации и воспроизводства традиции в условиях современной глобализирующейся культуры. Рассматриваются архаизирующие тенденции в современном социокультурном процессе. «Неотрадиция» понимается как форма снятия противоречия между «традицией» и «новацией».

Ключевые слова: традиция, неотрадиция, архаика, культурная динамика, неотрадиционализм.

Традиционное – неотъемлемый элемент жизнедеятельности любого человеческого сообщества, его развития и сохранения. Многоаспектность социального проявления традиций обусловлена их органической связью с системой общественных отношений, разнообразием социальных общностей, является основой формирования и бытования картины мира, отражающей жизнедеятельность и духовно-мировоззренческие связи этноса.

Вопрос о природе традиционного и связанного с ним понятия традиции как социально-культурного, духовно-мировоззренческого феномена, важнейшего элемента общественного и национального сознания весьма сложный и требует дополнительных разработок.

Понятие «традиция» исследовалось в зарубежной и отечественной гуманитаристике, где с различных позиций рассматривается как социально-психологический, историко-культурный, этнопсихологический и культурно-философский феномен, но, тем не менее, исследование этого культурного явления нельзя считать завершенным, так как сегодня представляется актуальным обращение к понятию культурной традиции и формирование его новой интерпретации в контексте происходящих глобальных трансформаций культуры.

Общим местом для всех исследователей традиции стало обращение к дефиниции. Конструируя дефиницию, многие ученые исходят из того, что традиции являются наиболее обобщенными нормами и принципами организации и функционирования общественных и межличностных отношений, социальными установлениями, передаваемыми из поколения в поколение и охраняемыми силой общественного мнения, стереотипизированными формами человеческой деятельности [1, с. 60; 2, с. 56–57; 3, с. 154; 4, р. 151; 5, с. 307]. При этом подчеркивается, что традиции это устойчивые повторяющиеся прочные и общепринятые формы и способы жизнедеятельности исторически сложившиеся в рамках конкретной социальной общности.

Учитывая множественность определений традиции, констатируя, что не существует в современном социально-гуманитарном знании единственно возможного и исчерпывающего толкования содержания данной категории, основная задача нам представляется не в том, чтобы вывести еще одну дефиницию, а остановиться на возможных подходах к интерпретации ее сущности, обосновать адекватный метод познания этого феномена в условиях современной глобализирующейся культуры.

В большинстве современных определений традиции [6, с. 21; 7, с. 242–243; 8, с. 7] отсутствует ясность того, что определяет существо и смыслы традиционного как явления, которое не может быть сведено только к понятию историко-культурного наследия, обрядам, ритуалам, обычаям и т.д. Все перечисленное скорее можно отнести к формам проявления традиционного, которые чрезвычайно многообразны и по-разному могут проявлять себя в различные исторические эпохи. Нам скорее интересуют источник, из которого возникает и существуют на протяжении всей человеческой истории, начиная с древнейших времен, потребность сохранить собственный опыт бытования и освоения мира, сохранить не только как наследие или живой опыт для потомков с целью упорядочения и безопасности их существования, но и как стремление к конструированию единого с ними мира («жиз-

ненного мира» по Э. Гуссерлю), который объединяет в грандиозном пространственно-временном континууме жизнь многих поколений этноса неразрывной связью и узами глубинного родства. Проекция традиции как ценностного опыта на горизонт будущего порождает идею целостного жизненного мира как устойчивого образования, реальности, которая не есть результат умозрительных построений, а проявление глубинной «воли к жизни» (А. Шопенгауэр) как индивидуальной, так и коллективной.

Вероятно, что традиции одновременно выступают не только инструментом организации наличного бытия, но и бытия последующих поколений в основе своей заключая опыт бытия предков. С этой точки зрения они задают горизонт жизнедеятельности человеческого сообщества и культуры в целом. Следовательно, традиции имеют характер конституирующего начала в человеческом бытии, т.е. онтологического. Отсутствие этого начала или представление о его относительности порождает взгляд и оценку жизненных явлений как потока дискретных, ничем не связанных или мало связанных между собой явлений, которые не позволяют человеку создавать устойчивые долговременные конструкты как представления о мире и его месте в нем (картина мира), состоящие из устойчивых ценностных образований и ориентаций. Традиции в этом случае образуют духовно-практическое онтологическое поле, в пределах которого жизнь, бытие отдельного индивида и человеческих сообществ приобретает свою стабильность, способность проявиться в качестве необходимого и устойчивого состояния.

Культурная традиция, как правило, в социально-гуманитарных исследованиях, культурологии рассматривается как явление противоположное культурной инновации, соответственно, традиционная культура противопоставляется инновационной. Представители французской социологической школы (Э. Дюркгейм, К. Леви-Строс, М. Вебер) рассматривают традицию через дихотомию традиционное – инновационное. Парадигма противопоставления традиции и прогресса, традиции и рефлексии, берущая свое начало во времени Просвещения, продолжает сохраняться в современных культурологических исследованиях.

М. Вебер исследовал понятие традиция в аспекте изучения типологии социального действия путем фундаментального теоретического противопоставления двух категорий: Традиции и Разума. Это противопоставление он рассматривает в рамках динамики мирового исторического процесса как прогрессирующей рационализации, как движения от традиционного общества (традиции) к современному (рациональности), которое он называет индустриальным, основанном на принципе формальной рациональности. Традиция у Вебера выступает как антипод инновации и рациональности. Традиция и рациональность образуют в его теории две стороны единой дихотомии.

В типологии социального действия он выделяет такой идеальный тип действия, как традиционное действие, которое, как он утверждает, основано на длительной привычке, привычном действии, иными словами, традиция здесь отождествляется с психологической инерцией [9, с. 628]. Традиция в представлении Вебера выступает как разновидность раздражителей, не осмысленных действий. В своей типологии социальных действий Вебер принципиально против-

поставляет два идеальных типа – целерациональное и ценностно-рациональное действие и действие аффективное, традиционное. Но, несмотря на истолкование традиции как привычки, Вебер не ограничивается именно таким пониманием традиции, или это понимание у него не является единственным. Во втором смысле он понимает традицию как определенную ценность или систему ценностей. Соответственно, и традиционное действие выступает в данном случае как разновидность ценностно-рационального действия. Таким образом, в отличие от традиции-привычки, традиция-ценность действует не автоматически, а задействует в данном случае механизмы оценки и рефлексивного отношения. Проблема соотношения традиционного и современного у Вебера отличается высокой степенью многозначности и контекстуальности. В его представлении традиционное общество является доиндустриальным, нерациональным, современное общество – индустриальным и рациональным. Модернизация в его представлении – это процесс рационализации традиционных обществ, который он рассматривает как данность и вместе с тем как процесс, характеризующийся разрушением традиционности, что сказывается на устойчивости общественных отношений. Таким образом, если следовать логике М. Вебера, то в его представлении понятие традиции далеко от однозначного истолкования, и если он эту категорию, на первый взгляд, относит к привычным, автоматическим действиям, то вместе с тем не исключает возможности ценностного, рефлексивного начала в ее реинтерпретации и проявлении.

Э. Маркарян, крупный отечественный философ, культуролог, придерживается иных позиций в соотношении категорий традиционное – инновационное. В свое время он принял попытку обоснования самостоятельной научной системы – традициологии, понимая ее как науку о классе традиционных явлений, законах и механизмах их динамических преобразований [10, с. 34]. В основу разработки принципов данной дисциплины автором была положена системно-эволюционная культурологическая концепция. Маркарян обращает внимание исследователей на то обстоятельство, что исследование традиций как особого класса явлений находилось и находится на периферии современного системного мышления и междисциплинарных направлений современной науки. Одной из причин он считает сведение понятия традиции к архаическим явлениям, к жизненному и культурному опыту прошлого, которое неизбежно ведет к дихотомии «традиционное» – «нетрадиционное». Эту парадигму, смысловым ядром которой является противопоставление «традиционного» и «нетрадиционного», Э. Маркарян считает ложной с системно-эволюционной точки зрения. Он утверждает, что эволюционные механизмы моделирования, сохранения, наследования действуют на всех без исключения этапах социокультурного развития, поэтому представление о традиции не должно ограничиваться представлением о ней как социально-культурном опыте, сформированном прошлыми поколениями и показанным для наследования настоящими и будущими поколениями. Эти процессы Маркарян предлагает рассматривать как характеризующие движение культурных форм, объектов, процессов в конкретном пространственно-временном континууме через понятие культурной динамики – постоянно длящегося процесса.

Культурную динамику он понимает как процесс, связанный с движением, изменением, модификацией культурных систем, а значит – и традиций. Культурные традиции, их развитие запускают процесс постепенного изменения культурных систем в ответ на изменяющиеся условия существования, выступают основой изменения культур разного типа. Э. Маркарян замечает, что культурная традиция при анализе в социально-гуманитарных науках, как правило, противопоставляется инновации, но данное представление справедливо, если эти явления рассматривать в статике. В случае динамического рассмотрения традиции оно оказывается неправомерным, так как любая инновация, если она принима-

ется множеством людей, входящих в ту или иную группу, в результате этого стереотипизируется и превращается в традицию. Отсюда динамику культурной традиции Э. Маркарян понимает как постоянный процесс преодоления одних видов социально организованных стереотипов и образования новых [10, с. 81]. По мнению Маркаряна, понятие традиция в равной мере относится как настоящему, так и к прошлому.

Логика данного рассуждения не вызывает возражений, так как очевидна и не нуждается в специальных доказательствах мысль о том, что любая традиция поначалу воспринимается человеческим сообществом как инновация, но вместе с тем такой подход позволяет отнести к классу традиционного практически все наиболее устойчивые формы культурной жизнедеятельности. Возникает вопрос: правомерно ли понимать под традицией все стереотипизированные формы группового социального опыта, являющиеся наиболее эффективными способами адаптации к окружающей среде и сохранения стабильности человеческого сообщества? Могут ли формы и варианты стереотипизированного опыта, сложившегося в настоящем рассматриваться как традиция? Э. Маркарян отвечает на этот вопрос утвердительно, обращая внимание на то обстоятельство, что в настоящее время интервалы действия стереотипизированных форм опыта стали несравненно короче и система их значительно усложнилась, тем не менее культурная традиция продолжает оставаться универсальным стабилизирующим и селективным механизмом, действующим во всех сферах социального организма. Но возникает вопрос: всякий ли стереотипизированный опыт можно назвать традицией? Вероятно, не все формы сохранения и трансляции культурного опыта могут быть охарактеризованы как традиционные, думается, что должно быть различие между традицией и стереотипизированными формами социального опыта. Традициями, на наш взгляд, является не любой стереотипизированный устойчивый культурный опыт, а социокультурные многопоколенные образования, которые могут быть результатом жизнедеятельности человеческой общности на значительных временных отрезках, системообразующей основой которых выступает коллективная память этноса. Именно коллективная память, которая фиксирует и на протяжении столетий оттачивает обобщенный образ мира, картину мира, интегрирующую различные формы стереотипизированного социального опыта этноса, вбирающая в себя и аккумулирующая исторический путь этноса в целом, может рассматриваться как системообразующая основа традиции.

Высокая динамика современной социокультурной ситуации создает впечатление, что культурные традиции перестали в ней играть сколько-нибудь заметную роль. Но это впечатление не отражает настоящего положения дел. Культурная традиция сегодня продолжает оставаться механизмом, который благодаря накоплению, аккумуляции социального опыта и развертыванию его в пространственно-временной динамике, позволяет транслировать значимые для сохранения и устойчивости общественной системы культурные смыслы. Но, признавая все это, мы не можем отрицать того факта, что временная длительность социально стереотипизированных форм опыта заметно изменилась по сравнению с прошлыми эпохами в истории человечества в сторону временного сокращения. Характерным признаком традиции всегда являлся способ межпоколенной трансляции социального опыта, что предполагает определенную временную длительность процесса. Многие современные модели жизнедеятельности, которые претендуют на уровень традиции, могут таковыми не являться, так как временной цикл их существования не позволяет развернуть процесс наследования в пространственно-временной перспективе. Эта проблема нуждается в специальном анализе. Вероятно, что уменьшение временной длительности функционирования культурных традиций не может не сказаться на их природе, так как это существенным образом сказывается на результатах адаптивного процесса общества к среде существования, в котором

традиция является механизмом, запускающим адаптивные процессы взаимодействия общества со средой.

В прошлые исторические эпохи традиция как адаптивный механизм, ее образование являлось результатом длительной эволюции общества, в процессе которой модели деятельности, закрепленные в культурной традиции, проходили проверку временем. Время жизни и существование традиций исчислялось временем существования данного общества до тех пор, пока баланс взаимодействия социальной группы со средой не нарушался. На этом принципе и основано действие традиции как способа регуляции общественной жизни, который отличает процесс постепенного эмпирического накопления адаптивно-значимой информации, ее сохранение, преобразование и трансляция из поколения в поколение. Существенное уменьшение временной длительности действия культурной традиции, появившейся в XX–XXI вв., может приводить к ситуации, когда способ адаптации декларируется как традиционный, но таковым по своей природе не является. Показателем в данном случае является отсутствие сложившихся обратных связей, так как при ограничении эволюции во времени не успевает сложиться механизм обратных связей – восприятие стереотипизированной модели жизнедеятельности как не подлежащей сомнению, единственно возможной и эффективной. Но в этом вопросе среди исследователей нет единого мнения, так, социолог Э. Гидденс, исследуя влияние глобализации на повседневную жизнь современного человека и уделяя внимание исследованию традиции, считает, что «срок давности не является определяющей чертой традиции и ее более распространенного собрата, обычая» [2, с. 56], в то же время отечественный исследователь М. А. Розов разграничивает традицию как явление связанное с сакральным, «изначальным» знанием, и стереотипизированные формы опыта необходимые человеку для эффективной адаптации к разнообразным социальным условиям, называя их «социальными эстафетами» [11, с. 49]. Думается, что эта проблема нуждается в специальном рассмотрении.

Известный польский философ и культуролог Е. Шацкий близок Маркаржану в понимании того, что дихотомия «традиционное – инновационное» упрощает взгляд на проблему и ограничивает исследователя в возможности изучения традиции во всей сложности и многоаспектности проявлений. Шацкий утверждает, что продуктивным является подход, когда традиции рассматривают не только как явление, присущее дописьменным обществам, но и явление, актуальное для современного общества, представляющее собой не только культурное наследие как памятник эпохи, а обладающее реальными потенциальными возможностями к реактуализации в пространстве современной культуры [5, с. 294].

К анализу понятия «традиция» он подходит с позиций смысловой и семантической сложности данного явления, не ограничиваясь сложившимися подходами, которые обосновывают некоторое обобщенное представление о традиции как наследуемом опыте. Выделяет следующие аспекты в понимании традиции: **функциональный**, в рамках которого традиция понимается как передача из поколения в поколение духовных ценностей данной общности; **объективный**, который связан с перемещением внимания исследователя со способов передачи ценностей на смыслы, содержание данных ценностей; **субъективный**, когда на первом плане в исследовании традиции «находится не функция передачи, не передаваемый объект, а отношение данного поколения к прошлому, его согласие на наследование или же протест против этого» [5, с. 284]. Единство этих подходов определяет содержание и назначение традиции, ее измерение и способность влиять на процессы, происходящие в обществе. Исходя из вышеуказанной дифференциации подходов в понимании традиции, Шацкий обосновывает ее различные уровни проявления в обществе: как общественного наследия, как объекта, представляющего собой знаково-символическую систему, и как способа связи между поколениями.

Именно третий уровень понимания традиции ставит вопрос не только о смыслах культурного наследия, способах его передачи, и об отношении молодого поколения к традиции.

Проблема культурного наследования сложна и сам процесс наследования сегодня не выглядит однозначно как процесс непосредственного наследования молодыми социально-культурного опыта старших (как это, например, происходит в традиционной культуре). Наследование в рамках определенной культуры может быть процессом, связанным с обращением молодого поколения к пластам культуры, носителями которой являлись предки, жившие в глубокой древности, процесс коммуникации с которыми возможен через восприятие и интерпретацию культурных текстов, которые, в свою очередь, также были подвержены интерпретации и прочтению. Выбор этих текстов, потребность в раскрытии смыслов и включение этих смыслов в контекст существования актуализируют еще одну значимую проблему – проблему коммуникации, культурного диалога. В данном случае понимание культурного диалога носит диахронный характер как диалога, обращенного в прошлое. Но при этом выбор текстов, потребность в раскрытии смыслов не всегда лежит на поверхности, не всегда очевидным является выбор тех или иных текстов, интерес к ним, стремление их реактуализировать. Поэтому динамика культурной традиции – это постоянный процесс преодоления одних видов социально организованных стереотипов и образования новых [12, с. 81]. Особенно следует отметить, что новация противостоит не традиции в целом, а стабилизирующим ее компонентам, составляя вместе с ними диалектическое единство, которое обеспечивает традиционную регуляцию.

В связи с этим представляет интерес заметная тенденция, которая обозначила себя еще в культурной практике начала XX века, как обращение современной культуры к художественным традициям архаических эпох. Эта тенденция, как считает Н.А. Хренов, восходит к периоду появления символизма, проявившего интерес не только к искусству разных культур, но и к языческому, фольклорным, дохристианским пластам культуры [13, с. 48].

В свое время австрийский историк искусства Х. Зедльмайр, русский поэт-символист А. Белый [14, с. 432; 15, с. 26] обратили внимание на заметную соотношенность художественного сознания XX века с другими часто удаленными во времени художественными формами и культурами в целом. «Мы ныне, – пишет А. Белый, – как бы переживаем все прошлое: Индия, Персия, Египет, как и Греция, как и Средневековье, – оживают, проносятся мимо нас, как проносятся мимо нас эпохи, нам более близкие. Говорят, что в важные часы жизни перед духовным взором человека пролетает вся его жизнь, ныне перед нами пролетает вся жизнь человечества; заключаем отсюда, что для всего человечества пробил важный час его жизни» [15, с. 26].

Фиксируемый А. Белым процесс соотносится с категорией «большого времени», разработанной М. Бахтиным и используемой для обозначения уникального явления, которое можно назвать как большое время культуры, которое представляет собой единый поток, где традиции прошлого обнаруживают себя как реальность, живой источник настоящего, когда великие смыслы, образы, герои прошлого являются переживаемой реальностью для настоящего.

«Сознание наше, – пишет Х. Зедльмайер, – по существу переходное и пограничное. Но на грани нового мира рождается свет, осмысливается мир отходящий. Только теперь мы в силах осознать вполне то, что было, в свете того, что будет. И мы знаем, что прошлое по-настоящему будет лишь в будущем» [14, с. 325]. По мнению автора, именно прошлое в XX веке является переживаемой реальностью для современной культуры. Зедльмайер делает данные выводы на основе анализа явлений современной художественной культуры, но очевидно, что сделанные выводы могут распространяться и на происходящие процессы в культуре в целом.

Утверждая, что современное европейское искусство переживает кризис, философ под кризисом понимает активизацию тенденции, связанной с соотносительностью современного искусства с исторически удаленными эпохами, что и характеризует переходные эпохи. По аналогии этот процесс затронул социокультурную сферу жизнедеятельности человека, его повседневное существование, где также очевиден интерес к культурным образам и моделям прошлого, к архаике и примитивизму. Согласно выводам Зедльмайра, Белого, обращение к архаическому искусству является симптомом кризиса. Но вместе с тем Зедльмайр, вслед за ним Хренов не исключают того, что современную ситуацию в искусстве можно квалифицировать как переходную, иными словами, они расценивают кризис как симптом перехода. Именно в этой ситуации возникают такие контакты современного искусства и социально-культурных форм с культурами древних эпох, которые могут возникать лишь в пространстве «большого времени». «Никто не обращает внимания, – пишет Н.А. Хренов, – что возвращение к эпохе, предшествовавшей религии, к ментальности, ощутившей религиозную потребность, но еще не обретшей религиозных форм, весьма показательно для рождающейся уже в переходной ситуации новой культуры» [13, с. 48]. Кризис современной культуры он истолковывает как кризис классической модели культуры с ее рационалистическим основанием, но вместе с тем предлагает рассматривать ситуацию кризиса как переходную в контексте «большого времени» культуры. Такой ракурс позволит данную ситуацию оценивать не как «апокалиптическую», а как связанную с утверждением новой культурной модели. Новая культура пересматривает рационализм Нового времени, обнаруживает тенденцию к реабилитации сверхчувственного начала в культуре. Но это уже другая парадигма и другая архаика.

На проблему архаизирующих тенденций в современной культуре также обращают внимание исследователи В.М. Хачатурян, Ю.В. Попков, С.А. Мадюкова, Е.Б. Рашковский и др. [16; 17, с. 37–48; 18; 19, с. 34–39].

Современные культурологические подходы открывают новые возможности для изучения влияния феномена «архаизм» на современные социокультурные процессы. Особое значение передается интегративной функции современной цивилизации, которая, являясь сверхсложной социокультурной системой, объединяет не только различные подсистемы культуры, но и культурные пласты прошлого и настоящего. Согласно точке зрения крупного исследователя цивилизационных процессов Б.С. Ерасова формирование цивилизации происходит не через отрицание прежних форм социокультурного устройства, а через «надстраивание» новых духовных и социальных структур и включение в них предшествующего культурного опыта [20, с. 133]. Это означает, что культурные пласты прошлого, в том числе архаические, родоплеменные продолжают существовать в обществах цивилизации, тем самым встраиваясь в иную культуру и иные социальные отношения.

Архаические пласты, являясь основой традиции, не преодолеваются новыми формами культуры, не исчезают как утратившие свою актуальность, не воспринимаются как образцы мемориальной культуры, а рассматриваются как органическая часть современной культуры. Они могут занимать в современной культуре периферийное пространство, пребывая преимущественно в латентном состоянии, но при определенных условиях актуализироваться и проявляться на различных культурных уровнях социума, едва ли не во всех сферах культуры – от массовой до элитарной. Сегодня этот процесс охватывает научную мысль (психология, психиатрия), проявляется в гуманитарных науках и искусстве (философия, теософия, литература, искусство авангарда), религиозных движениях, молодежной субкультуре, формах массовой культуры. Таким образом, на наш взгляд, традиции следует рассматривать с позиций их соотносительности с дологическим доцивилизационным прошлым как образо-

вания, которые в знаково-символической форме фиксируют, сохраняют и передают изначальные мыслеобразы, архетипы в пространственно-временной динамике. Традиция – это форма символической деятельности человека, в которую облекается мысле-образ далекого прошлого как изначальной истории, форма, которую образуют константы культуры данного типа, сохраняя ее своеобразие и уникальность. Не случайно Р. Генон выделял в структуре традиции два слоя – сакральный и профанный, утверждая, что «сакральный характер традиции в современном мире сообщает такой передаче совершенно иной смысл, связывая ее прежде всего с областью фундаментальных принципов и лишь затем со всеми остальными сферами» [21, с. 63].

Феномен исследования традиции, тесно с ней связанных архаизирующих тенденций в современных культурологических исследованиях дополняется категориями «неотрадиция», «неотрадиционализм». Понятие «неотрадиционализма» еще не приобрело категориального статуса, тем не менее современные исследования в этой области позволяют определить данную категорию как явление рубежа XX–XXI вв., означающее включение в современную культуру различных мифологизированных и реинтерпретированных исторических традиций [22; 18]. Неотрадиционализм не является целостной системой, а представляет собой мозаичное образование, многочисленные референции к диахроническим текстам культуры, «цитатные» вкрапления в текст современной культуры, в котором традиция используется практически для любого содержания. Понятие «традиционализма» в самом общем смысле означает историческую преемственность, имеет в большинстве дискурсов негативную окраску как идеология консерватизма, архаики. Сегодня актуализируется иной подход в рассмотрении данной категории – как способа интерпретации историко-культурного наследия в условиях современности на основе постулирования традиций как образцов социокультурной жизнедеятельности.

Необходимо отличать социокультурный неотрадиционализм от других его видов: экономического, политического. Различие состоит в том, что он тесно связан с повседневной жизнедеятельностью человека, этнической культурой конкретных народов. Соответственно, «неотрадиционализм» представляет собой процесс актуализации в современной культуре архетипов, традиционных категорий, мифологических основ, многократно реинтерпретированных и подвергшихся вторичной семантизации. Возрожденные традиции представляют собой субъективированную реконструкцию прошлого с позиций настоящего, этот процесс неизбежно сопровождается вторичной семантизацией исторических артефактов и семиотической адаптацией традиций, заимствованных из других культур. Так, в современной культуре алтайцев, тувинцев, как и других представителей тюркоязычных народов Западной Сибири, актуализируются универсальные онтологические категории Начала, Земли, Огня, Переходности, Подземного мира, Земной оси и другие, которые, являясь системообразующими для традиционной культуры, начинают оказывать заметное влияние на инновационную культуру этих народов. Но вместе с тем очевидным является тот факт, что традиция не может сохраняться в неизменном виде на протяжении значительных временных периодов (столетие и больше), по той причине, что социально-экономические условия подвержены изменениям [17, с. 43–44]. Видоизменяясь под влиянием новаций, она существует в виде обновленной традиции, «неотрадиции».

Неотрадиционализм является способом взаимодействия традиций и новаций. Исследователь Ю.В. Попков пишет о единстве, мере соотношения традиции и новации, которое образует явление неотрадиционализма. В случае нарушения этой меры соотношения, доминирования какой-либо из сторон происходит либо консервация традиции, либо ее разрушение, замена псевдотрадиционными поздними образованиями [17, с. 44]. Сущностные характеристики неотрадиционализма изложены в цикле работ С.А. Мадюковой: вос-

производство традиции, ее видоизменение, адаптация к современным условиям; не следование «образцу», а развитие традиции за счет инкорпорации новации; приоритет в восприятии традиции рефлексивного сознания над ценностно-иррациональным; вытеснение сакрального содержания традиции рациональным объяснением необходимости ее выполнения [23]. Что касается замечания о вытеснении сакрального начала рациональным в процессе реинтерпретации традиции, данное суждение нам представляется не вполне обоснованным, так как некоторые исследователи указывают на потребность человека современной культуры именно в сакральном, иррациональном восприятии традиции, а не рефлексивном, рациональном ее обосновании. В конечном итоге воспроизведенная традиция существует в виде «неотрадиции» и имеет обновленный смысл, обновленное содержание и обновленную форму, но вместе с тем ее ценность как раз состоит не в том, что было внесено нового адаптирующего к современным условиям, а в том что сохранилось как сверхчувственное, иррациональное, сакральное. Р. Генон это называл «вертикальной» передачей традиции, которая связывает область сверхчеловеческого и собственно человеческого [1, с. 63], а Э. Гидденс обращает внимание на потребность человека постмодернистской культуры пережить на эмоционально-образном, интуитивном уровне традиционный опыт прошлого, отказываясь от рациональных, рассудочных, интеллектуальных подходов в восприятии [2, с. 58–59].

Социокультурный неотрадиционализм характеризует изменение не только содержания и назначения традиции, но и изменение механизма ее трансляции. Межпоколенный способ преемственности традиций ушел в прошлое и в условиях современной культуры в этом процессе ключевую роль играют специализированные социальные институты образования, науки, культуры. На изменение роли традиции в обществе влияет множество факторов: распад устойчивых общностей, которые бы передавали культурный опыт следующим поколениям (утрачивается функция преемственности); быстрый темп социальных изменений, обесценивающий опыт предшествующих поколений; большой объем культурного наследия; взаимодействие и взаимопроникновение культур друг в друга, что ведет к утрате малых (локальных и семейных) традиций и глобализирует большие национальные традиции. В связи с этим Э. Гидденс пишет о проблеме незащищенности человека глобальной культуры перед лицом стремительно изменяющегося мира, который предоставляет ему свободу выбора идентичности, часто оборачивающейся формированием ряда зависимостей, не поддающихся контролю и регламентации (зависимости от работы, форм массовой

культуры, секса, пищи, потребления и т.д.). Эти зависимости, как он считает, заняли место традиций. Процесс следования традиции связан с воспроизводством процесса повторяемости, наследования, порядка освященного надличностным сверхчеловеческим смыслом. И если в современном обществе эти базовые потребности человека не удовлетворены, то возникает образование по принципу замещения: идентичность - симулякр, несущий деструктивный смысл.

Таким образом, «традиционное» обозначает класс явлений, понимание сущности которых не только и не столько связано с сохранением и трансляцией смысловых структур прошлого, но скорее всего базируется на идее преемственности как идее, направленной в будущее. Иными словами, традиционное в своей структуре содержит смыслы, оформленные в модели, которые не только несут информацию о прошлом, но и структурируют будущее. Вероятно, что их главная задача состоит в движении от прошлого к настоящему и будущему, где будущее – горизонт, который непрерывно раздвигается, вбирая в себя транслируемые смыслы, порожденные прошлым и настоящим, которое в этом движении становится прошлым.

В заключении необходимо остановиться на замечаниях, которые можно обозначить как принципиальные для дальнейшего исследования. Во-первых, понятие традиции нуждается в специальном рассмотрении в контексте современной глобализирующейся культуры, когда актуализируются сакральные, изначальные, архетипические ее составляющие, проявляясь в форме «неотрадиции», «неотрадиционализма». Во-вторых, проявление архаизирующих тенденций в современном цивилизационном процессе ставит задачу исследования современных форм проявления традиции, ее структуры, соотношения в ней традиционного и инновационного, сакрального и профанного (по Р. Генону). В-третьих, является ли обращение современной культуры к опыту доцивилизационных эпох симптомом кризиса культуры и социума в целом? Какие тенденции определяют этот процесс и о чем он свидетельствует? Какова вероятность того, что глубинные, изначальные представления и смыслы есть некая духовная матрица как основа бытия человека в мире, которая подлечит воспроизводству и сохранению человеком в целях его сохранения как вида? Эти и другие вопросы образуют проблемное поле в исследовании традиции как феномена приобретающего новое прочтение и новые интерпретации в современных культурологических дискурсах.

** Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного фонда. Грант РГНФ №11-24-03003 а/Мол*

Библиографический список

1. Генон, Р. Очерки о традиции и метафизике. – СПб., 2000.
2. Гидденс, Э. Ускользающий мир как глобализация меняет нашу жизнь. – М., 2004.
3. Маркарян, Э.С. Теория культуры и современная наука (логико-методол. анализ). – М., 1983.
4. Eisenstadt, S.N. Tradition, Change and Modernity. – New York, 1973.
5. Шацкий, Е. Утопия и традиция / пер. с польск.; под. ред. В.А. Чаликовой. – М., 1990.
6. Тимошук, А.С. Традиционная культура: сущность и существование: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – Нижний Новгород, 2007.
7. Флиер, А.Я. Культурология для культурологов. – М., 2002.
8. Ледовская, О.В. Роль традиций в современной культуре: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Ставрополь, 2006.
9. Вебер, М. Основные социологические понятия / пер. с нем. М.И. Левиной // Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990.
10. Маркарян, Э.С. Традициология как наука о законах трансформационных циклов жизненного опыта людей // Alma mater. – 2000. – № 3.
11. Розов, М.А. Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии. – М.: Новый хронограф, 2008.
12. Маркарян, Э.С. Узловые проблемы теории культурной традиции // Советская этнография. – 1981. – № 2.
13. Хренов, Н.А. Кризис искусства в XX веке: искусствоведческая констатация и культурологическая интерпретация // Вопросы культурологии. – 2011. – № 2.
14. Зедльмайр, Х. Утрата середины. – М., 2008.
15. Белый, А. Символизм как миропонимание. – М., 1994.
16. Хачатурян, В.М. «Вторая жизнь» архаики: архаизирующие тенденции в цивилизационном процессе. – М., Академия, 2009.
17. Попков, Ю.В. Социокультурный неотрадиционализм и проблемы современного развития локальных культур // Регионы России для устойчивого развития: образование и культура народов российской федерации: Материалы международной н/п конференции. – Новосибирск, 2010.
18. Мадюкова, С.А. Социокультурный неотрадиционализм в обрядах жизненного цикла (на примере женщин тюркских этносов Южной Сибири): автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Новосибирск, 2008.
19. Рашковский, Е.Б. Многозначный феномен идентичности: архаика, модерн, постмодерн... // Вопросы философии. – 2011. – № 6.
20. Ерасов, Б.С. Цивилизации. Универсалии и самобытность. – М., 2002.
21. Генон, Р. Очерки о традиции и метафизике. – СПб., 2000.

22. Николаева, Е.В. Неотрадиционализм в культуре повседневности: российская версия конца 20 века: автореф. дис. ... канд. культурологии. – Москва, 2004.
23. Мадюкова, С.А. Проблемы воспроизводства этничности с точки зрения концепции социокультурного неотрадиционализма // Гуманитарные науки в Сибири. – 2008. – № 1. – Серия: Философия и право.

Bibliography

1. Guenon, R. Essays on the tradition and metaphysics. – St. Petersburg. Izd-vo "ABC", 2000.
2. Giddens, A. Elusive world of globalization is changing our lives. – Moscow: Izd VesMIR, 2004.
3. Markarian, E.S. Theory of culture and modern science (logiko-metodol. analysis). – M.: Thought, 1983.
4. Eisenstadt, S.N. Tradition, Change and Modernity. – New York, 1973.
5. Shatsky, E. Utopia and tradition / Per. Translated from Polish. at. Ed. V.A. Chalikovoy. – Moscow: Progress Publishers, 1990.
6. Tymoschuk, A.S. Traditional Culture: The Essence and Existence: Abstract. dis. ... Dr. Sc. Sciences: 24.00.01. [Nizhegor. state. arhitekt.-building. Univ]. – Nizhni Novgorod, 2007.
7. Flier, A.J. Cultural studies for culture experts. – M.: Publishing Project, 2002.
8. Ledovskaya, O. The role of tradition in contemporary culture: Abstract. dis. ... Candidate. Department of Philosophy. Sciences: 09.00.13 [Stavrop. state. Univ]. – Stavropol, 2006.
9. Weber, M. Basic sociological concepts / lane. with it. M. Levin // M. Weber Selected Works. – Moscow: Progress, 1990.
10. Markarian, E.S. Traditsiologiya as the science of the laws of transformation cycles, human experience // Alma mater. – 2000. – № 3.
11. Rozov, M.A. The theory of social problems and relays epistemology. – Moscow: The new chronograph, 2008.
12. Markarian, E.S. Key problems of the theory of cultural traditions // Soviet Ethnography. – 1981. – № 2.
13. Fucking, N. The crisis of art in the XX century: art criticism and cultural studies interpretation statement // Questions of Cultural Studies. – 2011. – № 2.
14. Zedlmayr, H. Loss of the middle. – M., 2008.
15. White, A. Symbolism as a world view. – M., 1994.
16. Khachatryan, V.M. "Second Life" Archaic: arhaiziruyuschie trends in the civilizing process. – Moscow, The Academy, 2009.
17. Popkov, Y. Sociocultural neotraditionalism and problems of modern development of local cultures // Russia's Regions for Sustainable Development: Education and Culture of the Russian Federation. Proceedings of the international scientific conference. – Novosibirsk, 2010.
18. Madyukova, C.A. Sociocultural neotraditionalism in life cycle rituals (for example, women's Turkic ethnic groups of South Siberia): Abstract. dis. ... Candidate. Department of Philosophy. Sciences: 09.00.11 [Institute of Philosophy. and law SB RAS]. – Novosibirsk, 2008.
19. Rashkovskii, E.B. Multivalued phenomenon of identity: the archaic, modern, postmodern ... // Problems of Philosophy. – 2011. – № 6.
20. Yerasov, B.S. Of civilization. Universals and identity. – M., 2002.
21. Guenon, R. Essays on the tradition and metaphysics. – St. Petersburg. "Alphabet", 2000.
22. Nikolaev, E.V. Neotraditionalism in the culture of everyday life: the Russian version of the late 20th century: Abstract. dis. ... Candidate. Cultural Studies: 24.00.01 [of the State. Inst of Art]. – Moscow, 2004.
23. Madyukova, C.A. Problems of reproduction of ethnicity in terms of socio-cultural concept neotraditionalism // Humanities in Siberia. Series: Philosophy and Law. – 2008. – № 1.

Статья поступила в редакцию 25.10.2011

УДК 371.65

Shorina D.E. **EXPOSITION AND EXHIBITION ACTIVITY OF THE MUSEUM INSTITUTIONS OF PRIMARY PROFESSIONAL EDUCATION IN THE ALTAI REGION.** It discusses the specifics of exhibition activities of the museum institutions of primary vocational education (PVE) of the Altai territory. The given analysis of methods and principles of expositions allows forming the need of the students for communication with the historical and cultural heritage.

Key words: museums of establishments of initial vocational training, methods and principles of expositions, exhibition activities of the museum institutions of PVE.

Д.Е. Шорина, аспирант АлтГАКИ, г. Барнаул, E-mail: darinashorina@rambler.ru

ЭКСПОЗИЦИОННО-ВЫСТАВОЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МУЗЕЕВ НАЧАЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Рассматривается специфика экспозиционно-выставочной деятельности музеев учреждений начального профессионального образования (НПО) Алтайского края. Дан анализ методов и принципов экспозиционной работы, позволяющих формировать у учащихся потребность в общении с историко-культурным наследием.

Ключевые слова: музеи учреждений начального профессионального образования, методы и принципы экспозиционной работы, выставочная деятельность музеев учреждений НПО.

Ведущее место в деятельности любого музея занимает экспозиционно-выставочная работа. Музейная экспозиция представляет собой целенаправленную демонстрацию предметов, композиционно организованную, комментированную, технически и художественно оформленную [1, с. 766]. Она органично связана с социальными функциями музея, способствует формированию у посетителей потребности в общении с историко-культурным наследием, но имеет свою специфику, обусловленную типовым и профильным разнообразием музеев. В музее образовательного заведения, к которым, среди прочих, относятся учреждения начального профессионального образования (НПО), средствами экспозиционно-выставочной деятельности транслируется специфическая музейная информация. Она является той формой образовательного воздействия, позволяющей осуществлять образование, воспитание, социализацию учащихся, способ-

ствуя тем самым их творческой самореализации [2, с. 14]. В связи с этим, анализ направлений, методов и принципов экспозиционно-выставочной работы музеев учреждений НПО является актуальным.

На современном этапе в 27 учреждениях НПО Алтайского края созданы музеи, экспозиционно-выставочная деятельность которых требует исследования и осмысления. Следует отметить, что в 1960-е – 1980-е годы особое внимание в работе музеев и музейных комнатах учреждений НПО края уделялось созданию и популяризации выставок технического творчества учащихся [3, л. 104]. В 1990-е годы, как показывает отчетная документация, активами данных проводилось «постоянное наблюдение за экспозициями», изменялось «содержание тематических разделов и текстов» [4; 5]. На сегодняшний день в «Положении об общественном музее учреждении НПО» определена концепция (идея) его

экспозиционной работы. В документе обозначено, что музейные предметы и коллекции «служат эффективными наглядными пособиями на уроках истории, общетехнических и специальных дисциплин, производственного обучения, действенным фактором профессиональной ориентации школьников» [6, с. 3]. Создание экспозиций и выставок, как указано в Положении, способствует формированию у обучающихся «гражданско-патриотических качеств, творческого развития личности, интеллектуального, общественного и духовного потенциала». Кроме того, основным отличием музеев профессиональных училищ от государственных и ведомственных, является то, что в них поиск экспонатов и построение экспозиции осуществляются силами самих учащихся под руководством преподавателей [6, с. 4].

Логика подачи информации, определение системы экспонатов, зависит от степени разработанности структуры и информативного оформления (текстов, каталогов, видеозаписей) экспозиции [7, с. 111]. Следует заметить, что в музеях учреждений НПО края, как правило, тематическая структура экспозиций состоит из разделов, посвященных истории учебного заведения, руководителям, педагогам и мастерам, профессиям, по которым проводилось и проводится обучение в данных учебных заведениях. Особое место в большинстве училищных музеев занимают разделы, посвященные спортивным и творческим достижениям, отдыху. В музеях учреждений НПО №№ 6, 35, 56, 70 оформлены экспозиционные разделы «Спорт», «Наши спортивные достижения» [8, с. 5, 6]. Разделы «Отдых», «Творческие успехи наших учащихся» представлены в экспозициях музеев ПЛ № 19, ПУ №№ 23, 64, 67, 85 [9; 10; 11; 12; 13]. В экспозиционном пространстве включены материалы о преемственности трудовых династий, о наставничестве базовых предприятий над учащимися во время прохождения производственной практики. Например, в музеях ПУ №67, 70 экспонируются фотографии и документы лучших из наставников и их подшефных – учащихся данных учебных заведений [12, с. 3; 14, с. 7].

Безусловно, в экспозициях музеев городских и сельских учреждений НПО вышеперечисленные разделы варьируются, дополняются. Данный факт обусловлен спецификой подготовки кадров для различных отраслей сельскохозяйственного и промышленного производства края. Так, в Музее истории ПУ № 42 г. Барнаула экспозиционные разделы размещены в следующей последовательности: «История училища»; «Лидеры – профессионалы» (о педагогах и инженерно-педагогических работниках училища); «Руководители училища»; «Летопись профессии»; «Технологическая последовательность огранки бриллианта. Форма бриллиантов»; «Завод «Кристалл». ООО «Алсана-Кристаллин». Интерес представляет раздел «Наши профессии», имеющий следующую структуру: «Огранщик алмазов в бриллианты»; «Делопроизводитель»; «Оператор ЭВМ»; «Монтажник радиоэлектронной аппаратуры»; «Радиомеханик» [15, с. 7].

В ходе проведения исследования автором были изучены экспозиции десяти сельских музеев учреждений НПО (№№ 6, 14, 53, 54, 56, 58, 66, 67, 70, 74), в результате чего было установлено, что большую часть экспозиционной площади занимают производственная документация и награжденные документы, макеты техники, части рабочих машин и агрегатов, рабочие инструменты, памятные знаки и медали, личные комплексы механизаторов [8, с. 1-3]. Так, в Музее истории ПУ 58 имеются комплексы известных механизаторов Зонального района: Заслуженного механизатора РСФСР В.И. Беляева, В.С. Анохина, В.К. Жидких, А.Д. Мецлера, А.М. Поротова, Н.В. Свиридова, М.Н. Татарникова. Данные комплексы постоянно пополняются, так как училище продолжает подготовку по профессии «Тракторист-машинист сельскохозяйственного производства» [16, с. 2].

В данных музеях вышеизложенная тематическая структура дополнена разделами по отдельным отраслям сельского хозяйства (зерновое хозяйство, животноводство, растениеводство, овощеводство). В экспозиции музея ПУ № 67 де-

монстрируются различные направления ветеринарии – лечение и вакцинация животных, производство кормовых добавок, что отражает своеобразие подготовки кадров [12, с. 8]. Такие разделы, по мнению С.Ф. Казаковой и Г.А. Кузиной, должны включать комплексы, посвященные развитию инфраструктуры села, работе выпускников в сфере обслуживания, строительного производства [17; 18].

Следует отметить, что структура экспозиции музеев УНПО Алтайского края имеют специфику, в значительной мере определяющуюся профилем. Так, в музеях боевой славы преимущественно представлена военная история. Это в основном события Великой Отечественной войны, военная служба преподавателей и учащихся учреждений НПО. Экспозиции музеев воинских соединений, например, в ПЛ № 6, ПУ №№ 33, 42 освещают основные этапы их боевого пути [8, с. 6; 19; 15]. Помимо прочего, в таких музеях созданы разделы, посвященные выпускникам, проходящим или прошедшим воинскую службу. В музее ПУ № 67 с 1970-х годов и по настоящее время (2011 г.) существуют разделы, включающие фотографии воспитанников, их письма, благодарности родителям от командования частей [12, с. 5]. В пяти музеях (ПЛ №12, ПУ №№ 8, 42, 66, 85) размещены личные комплексы выпускников, участвовавших в интернациональных войнах [8, с. 4; 13].

В экспозиционном пространстве музеев трудовой славы, находящихся в ПЛ №6, ПУ №№ 42, 55 достаточно подробно показан процесс подготовки кадров по определенным профессиям, необходимым для социально-экономического развития края на определенном историческом этапе, для развития техники и технологии отраслей производства. В данных музеях оформлены разделы, раскрывающие историю базовых промышленных и сельскохозяйственных предприятий, посвященных трудовым традициям предприятий района, города [15; 19; 22].

Целью формирования экспозиционных разделов в музеях, посвященных истории учреждений НПО края (№№ 12, 19, 23, 68), как отмечено в тематико-экспозиционных планах, является «отражение прошлого и современного состояния учебного заведения» [9; 10; 21; 23]. Ярким примером может служить экспозиция Музея «История начального профессионального образования Алтайского края» (ПЛ №38 г. Барнаула), концепцией которой является «отображение истории становления и развития НПО в крае» [22, с. 2]. Она определила тематику разделов: «История НПО Алтайского края»; «Учреждения НПО Алтайского края»; «Ветераны НПО Алтайского края» [22, с. 4].

Экспозиции историко-краеведческих музеев ПУ №№ 26, 85 посвящены истории своего района и края. В Музее ПУ № 85 г. Камня-на-Оби созданы такие разделы, как: «Ими гордиться город» (о почетных гражданах города и заслуженных работников); «Алтайский край»; «Промышленные предприятия города» [13; 25].

В залах этнографических музеев ПУ №№ 4, 16 демонстрируются предметы материальной культуры [23; 24]. Например, в Музее «История русской национальной культуры» ПУ № 16 имеется два раздела: «Крестьянская изба» и «Мещанско-купеческая комната». В первом разделе экспонируются мебель, русская печь, изготовленные учащимися и выпускниками. В экспозиционный комплекс включена коллекция крестьянских инструментов, предметов быта н. XX в., коллекция утюгов. В «Купеческой комнате» представлена коллекция вышивок, полотенец, скатертей, переданных учащимися [24, с. 3].

Группировку и интерпретацию подобранных материалов, структуру и основные членения экспозиции обуславливают принципы построения экспозиции [1, с. 767]. В рассматриваемых музеях широкое распространение получил историко-хронологический принцип. Так, например, данный принцип используется для составления следующих экспозиционных разделов: «История учебного заведения. Довоенные годы»; «Училище в годы Великой Отечественной войны»; «Учили-

ще в послевоенные годы»; «Подготовка кадров. 1950-е – 1990-е годы» [8, с. 8]. Создание вышеуказанных разделов позволяет отразить каждое явление в «неразрывной связи с другими событиями, непрерывность исторического процесса», «предметно представляет события, воспитывать зрителя в духе объективности» [25, с. 127].

Второй, часто используемый принцип построения экспозиции – комплексно-тематический. На современном этапе в большинстве из музеев учреждений НПО сформированы экспозиции по разнообразным темам. Так, в Музее истории ПУ №64 Залесовского района разработаны тематические разделы: «Лучшие в учебе и труде»; «ПУ-64: первые шаги»; «Дорогами войны»; «Комсомол»; «Мы отдыхаем»; «Моя профессия» [11, с. 2].

Отметим, что в практике многих музеев учреждений НПО имеет место сочетание вышеуказанных принципов построения. Тематические разделы экспозиций музеев ПЛ №№ 12, 19 и ПУ №№ 23, 42 г. Барнаула, построены по историко-хронологическому принципу [9; 10; 15; 20]. В экспозиции Музея ПУ №16 в хронологическом порядке представлены самостоятельные тематические комплексы, состоящие из свидетельств, удостоверений по рационализаторским предложениям, полученными учащимися [24, с. 8].

В организации и функционировании экспозиционного пространства музеев учреждений НПО целесообразно обозначить методы построения и выявить соответствующие типы. В современной музеологии общепризнанной и наиболее часто употребляемой является классификация музейной экспозиции на основе метода построения, то есть порядка группировки и организации экспозиционных материалов. В музеях учреждений НПО края собрания носят комплексный характер, отдельные экспонаты выражают связи с определенной личностью или событием в жизни училища, региона в его социокультурной динамике. В построении экспозиций исследуемых музеев часто используется тематический (иллюстративный) метод. Такой подход объясняется созданием первых экспозиций и выставок на «заданную» тему. В 1973-1975 годах в экспозиционные комплексы музеев ГПТУ № 4, 13, 17, 35 и СПТУ № 18, посвященные жизни и деятельности В.И. Ленина, включались многочисленные научно-вспомогательные материалы, обширные и подробные тексты к разделам [26, л. 184, 196]. Ленинская тематика оставалась популярной и востребованной в данных музеях в 1980-х годах [27, л. 79]. Экспозиции, таким образом, становились иллюстрацией к выбранной теме. На современном этапе данный метод позволяет формировать комплексы из разнообразных видов музейных памятников: вещественных, документальных и изобразительных, объединенных единым замыслом. Они, к примеру, помогают наглядно ознакомиться с техникой, которой оборудованы училища, дать представление об основных направлениях развития производственной базы отрасли – сельского хозяйства, машиностроения, перерабатывающей промышленности.

Практически во всех музеях применяется систематический метод в построении экспозиции. В рассматриваемых музеях популярна демонстрация фотоколлекций. В Музее истории КГОУ НПО «ПУ №68» Пospelихинского района экспонируются фотоальбомы, подготовленные педагогами и учащимися за время существования училища: «Лагерь труда и отдыха», «80-летию ОВД», «80-летию Комсомола», «О ветеранах Великой Отечественной войны», «Учебные группы» [21]. На фотографиях запечатлены моменты учебного процесса в кабинетах училища, учебных хозяйств, производственных помещений.

В большинстве музеев учреждений НПО края экспонируются кубки, сувениры, призы. Например, в Музее ПУ № 70 Ребрихинского района представлена коллекция кубков. В данной экспозиции демонстрируется кубок – приз имени Героя Советского Союза Г.С. Титова за победы в краевом социалистическом соревновании среди училищ края [14, с. 6]. Поскольку такие экспонаты отражают определенный уро-

вень достижений данных образовательных учреждений, для них в некоторых музеях отводится чуть ли не центральное место (в ПУ №№ 64, 66) [8, с. 9].

В училищных музеях края представлены коллекции нумизматики, бонистики, фалеристики. В музее ПУ №54 Благовещенского района экспонируются значки по военной тематике. Нумизматические коллекции размещены в экспозициях музеев ПУ №№ 8, 33, 46, 85 [8, с. 8].

Естественно, в экспозиционной работе современного музея используются и другие методы проектирования, например, музейно-образный и образно-сюжетный [1, с. 766]. Вышеприведенный анализ экспозиций свидетельствует, что такие методы пока не получили распространения в музеях учреждений НПО Алтайского края.

Следует заметить, что особую роль в экспозиционно-выставочной деятельности музея играют воспроизведения музейных предметов (объектов). В экспозициях музеев учреждений НПО часто используются копии, модели (в том числе действующие), макеты, муляжи и репродукции. В Музее «Истории мореплавания» ПУ № 8 г. Барнаула за 2010 год создана экспозиция «Флот принимает бой», посвященная открытию Антарктиды русскими моряками в 1820 году. Среди представленных моделей кораблей и подводных лодок, следует выделить модель подводной лодки Щ-317 и сторожевого корабля «Снег», эскадренного миноносца «Сообразительный» (Черноморский флот), выполненные в масштабе 1:25 [28, с. 6]. (Прим.: Во время Великой Отечественной войны подводной лодкой Щ-317 был потоплен финский транспорт «Арго», транспорт «Рейн», шведское судно «Ада Гортон», поврежден транспорт «Орион». 12 июля 1942 года «Щ-317» потоплена глубинными бомбами шведского эсминца «Стокгольм» севернее острова Эланд. Вместе с «Щ-317» погиб и весь ее экипаж (42 человека). В 1999 г. она была обнаружена шведскими поисковиками). Экспонирование подобных моделей техники и орудий труда, макетов будущих жилых зданий, промышленных и сельскохозяйственных сооружений позволяет показать перспективы и область применения полученных профессиональных знаний. Кроме того, необходимо заметить, что такие макеты являются элементом практического обучения учащихся.

Для раскрытия информационного потенциала экспонатов используются такие научно-вспомогательные материалы как планы, карты, схемы, диаграммы, таблицы и т.п. Практически в каждом училищном музее края обязательным экспонатом стал план социально-экономического развития города или района. В музеях ПУ №№ 58, 64 сохранены планы развития колхозов и совхозов, снабженные схемами, таблицами и графиками [8, с. 5]. Отметим, что в современных экспозициях, в отличие от 1970-х – 1980-х годов, количество их заметно сократилось [8, с. 5]. В залах музеев учреждений НПО №№ 12, 19, 42, 85 установлено мультимедийное оборудование, позволяющее демонстрировать на экране изображение разнообразных музейных предметов: личных вещей педагогов, медалей и орденов ветеранов Великой Отечественной войны и труда, графических материалов [9; 13; 15; 20].

Важной частью проектирования экспозиций является такая группа экспозиционных материалов, как тексты. Составлением и размещением текстов в данных музеях, как правило, занимаются учащиеся, актив музея под руководством руководителя. Они отбирают ведущие и пояснительные тексты, продумывают содержание аннотаций, этикеток. В экспозициях музеев учреждений НПО каждый предмет сопровождается этикеткой. Отметим, что в экспозиции музеев ПУ № 8, 58 содержание этикеток подробное и объемное, что вызывает трудности в восприятии информации [16; 28]. Анализ работы музеев учреждений НПО показывает, что площадь, отведенная под их экспозиции чрезвычайно мала. Например, в музеях ПУ №№ 43, 64, 68 в экспозиционных залах одновременно размещены предметы, хранящиеся в фондах [8, с. 7].

На современном этапе, тем не менее, большое внимание в данных музеях уделено разработке тематики и подготовке выставок. В выставочном зале, фойе ПУ № 42 располагается постоянно обновляемая выставка «Живопись». Важное место в коллекции данного музея занимают декоративно-прикладные предметы – керамика, роспись по дереву, роспись по металлу и пластике. В училище имеется выставочный зал, который используется не только для экспонирования дипломных работ учащихся, но и для представления проектов, подготовленных совместно музеем и коллективом преподавателей. В зале размещаются работы учащихся и педагогов, мастеров, которые можно купить посетителям [15, с. 5]. Выставки декоративно-прикладного искусства являются одним из главных элементов художественно-эстетического образования учащихся, что соответствует художественно-прикладному профилю училища.

В настоящее время очевидны перемены в традиционной структуре музейной работы: музею необходимо выйти в окружающую среду, начать ее освоение. Российские музеи, как столичные, так и провинциальные, активно устанавливают связи с различными институтами общественной жизни, расширяя свое пространство, выходя за стены музейного здания. Эти тенденции прослеживаются и в выставочной работе музеев системы НПО Алтайского края, которые участвуют в городских мероприятиях различного уровня и представляют свои проекты. К примеру, Музеем истории ПУ № 4 на празднике «Дни Славянской культуры» в г. Бийске была предложена выставка предметов быта и одежды казаков [8, с. 10].

Анализ экспонируемых коллекций и предметов позволяет выявить информационные возможности и коммуникативную значимость музейных экспонатов в решении целого комплекса социокультурных и образовательных задач образовательного учреждения. В современных музееведческих исследованиях коллекция рассматривается как «реальность», которая может быть представлена в музее с использованием различных экспозиционных подходов, позволяющих воссоздавать эту реальность и интерпретировать ее в соответствии с важными социальными проблемами» [7, с. 9]. Поэтому использование диалога как ведущего способа приобщения учащихся к экспонатам в музее, к их восприятию и познанию определяет необходимость разработки новых, перспективных подходов к ее совершенствованию.

Отсюда, на наш взгляд, наиболее эффективными подходами к совершенствованию экспозиции музеев учрежде-

ний НПО края являются следующие: разработка научной и художественной концепции представляемого материала, иначе говоря «сценарий», «театрализация экспозиции»; использование в экспозиции интерактивных мультимедийных средств, что является способом эмоционального воздействия, помогающего адаптироваться в музейной среде; ансамблевый показ музейных предметов.

Современная теория музейной коммуникации открывает широкий спектр задач для осмысления музейной экспозиции как знаковой системы, что приобретает актуальность в проектировании экспозиционно-выставочных комплексов музеев образовательных учреждений. Так, по мнению А. Хупер-Гринхилл, в экспозиции музея как знаковой системе культурные значения не передаются адресантом адресату, а конструируются самим адресатом, использующим для этого конкретный контекст и свой опыт, знания, ценности [29, с. 147]. В данном контексте актуально создание музея, сочетающего функции выставочного центра, выставочного зала. Следует отметить, что в этом направлении работает вышеупомянутый нами Музей истории ПУ № 42. Выставочная деятельность Музея имеет целью популяризацию профессий, по которым проходит обучение в учреждении НПО, это своеобразная презентация и один из способов формирования имиджа учебного заведения.

Итак, экспозиционно-выставочная работа музеев УНПО Алтайского края определяется задачами учебно-воспитательного процесса, ее эффективность обусловлена степенью включенности в работу учащихся. Тематическая структура экспозиции данных музеев состоит из разделов, посвященных истории учебного заведения, руководителям, педагогам и мастерам, учащимся и выпускникам, их спортивным, техническим и производственным достижениям. Изменение данной структуры в городских и сельских музеях учреждений НПО происходит с учетом их профильности, специфики подготовки кадров для различных отраслей аграрного и промышленного производства края. В данных музеях современное экспозиционное пространство в целом проектируется с помощью традиционных принципов и методов. Выставочная деятельность музеев УНПО аккумулирует приобретенные знания учащимися, предоставляет возможность практически управлять развитием их навыков и умений, способствует формированию позитивного отношения к труду, техническому творчеству, таланту человека и мастерству.

Библиографический список

1. Большая Российская энциклопедия музеев, частных собраний и коллекций. – М., 2009.
2. Орлова, В.А. Музей образовательного учреждения. Проблемы, опыт, перспективы: сб. нормативно-правовых материалов. – Новосибирск, 2004.
3. ГААК. Ф.Р-631. Оп. 5. Д. 227.
4. ГААК. Ф.Р-573. Оп. 5. Д. 3101.
5. ГААК. Ф.Р-573. Оп. 5. Д. 3247.
6. Положение об общественном музее учреждений начального профессионального образования субъектов Российской Федерации. – М.: Центральный музей профессионального образования Министерства образования Российской Федерации, 2002.
7. Скрипкина, Л.И. Информативность экспозиций историко-краеведческих музеев в свете современных теорий научного познания // Музей в современном мире. Традиционализм и новаторство / сост. Л.И. Скрипкина. — М., 1999. - Вып. 104.
8. Архив Алтайского краевого центра детско-юношеского туризма и краеведения (АКЦДЮТик). Отчет о деятельности музеев учреждений НПО за 2009 год. – Барнаул, 2009.
9. Архив Музея истории КГОУ НПО «ПЛ № 19». Тематико-экспозиционный план. – Барнаул, 2007.
10. Архив Музея истории КГОУ НПО «ПУ № 23». Фотографии экспозиции. – Барнаул, 2010.
11. Архив Музея истории КГОУ НПО «ПУ № 64». Тематико-экспозиционный план. – Залесово, 2009.
12. Архив Музея «Боевой и трудовой славы» КГОУ НПО «ПУ № 67». Тематико-экспозиционный план. – Ключи, 2009.
13. Архив Историко-краеведческого музея КГОУ НПО «ПУ № 85». Тематико-экспозиционный план. – Камень-на-Оби, 2009.
14. Архив Музея «Наша история – наши традиции» КГОУ НПО «ПУ № 70». Тематико-экспозиционный план. – Ребриха, 2009.
15. Архив Музея «Боевой славы» КГОУ НПО «ПУ № 42». Тематико-экспозиционный план. – Барнаул, 2001.
16. Личный архив автора. Музей истории КГОУ НПО «ПУ № 58»: схема экспозиции / авт.-сост. Д.Е. Шорина. – Буланыха, 2009.
17. Казакова, С.Ф. Выставка и ее образное решение // Музейное дело в СССР: актуальные проблемы архитектурно-художественного проектирования экспозиций исторических и краеведческих музеев: сб. науч. трудов / отв. ред. Ф.Г. Кротов; М-во культуры СССР, Центр. музей революции СССР. – М., 1983. – Вып. 13.
18. Кузина, Г.А. Отражение аграрной политики КПСС и Советского государства в период развитого социализма в экспозициях краеведческих музеев (вопросы содержания) // Музеи и памятники культуры в идейно-воспитательной работе на современном этапе: сб. науч. тр. – М., 1983.
19. Архив Музея «Боевой славы» КГОУ НПО «ПЛ № 6». Тематико-экспозиционный план. – Тальменка, 2010.
20. Архив Музея истории КГОУ НПО «ПЛ № 12». Тематико-экспозиционный план. – Барнаул, 2008.
21. Личный архив автора. Музей истории КГОУ НПО «ПУ № 68»: фотографии экспозиции / авт.-сост. Д. Е. Шорина. – Мамонтово, 2010.

22. Архив Музея «История начального профессионального образования Алтайского края» КГОУ НПО «ПЛ № 38». Тематико-экспозиционный план. – Барнаул, 2010.
23. Архив Музея культуры и ремесел кумандинцев КГОУ НПО «ПУ № 4». Тематико-экспозиционный план. – Бийск, 2009.
24. Архив Музея «История русской национальной культуры» КГОУ НПО «ПУ № 16». Тематико-экспозиционный план. – Барнаул, 2008.
25. Чевтайкина, Н.Н. Традиции и новаторство в проектировании современных музейных экспозиций // Музей в современном мире. Традиционализм и новаторство / сост. Л.А. Скрипкина. – М., 1999. – Вып. 104.
26. ГУК ГААК. Ф.Р-631. Оп. 5. Д. 690.
27. ГУК ГААК. Ф.Р-631. Оп. 5. Д. 53.
28. Архив Музея «История мореплавания» КГОУ НПО «ПУ № 8». Тематико-экспозиционный план. – Барнаул, 2009.
29. Hooper-Greenhill, A. Museums and Education: Purpose, Pedagogy and Performance. – London, 2007.

Bibliography

1. The Big Russian encyclopedia of museums, private collections. – M: Progress RIPOL the classic, 2009.
2. Orlova, V.A. Museum of the educational institution. Problems, experience, prospects: a collection of legal materials. – Novosibirsk : Nipipro, 2004.
3. GAAC. F.R.–631. Op. 5. D. 227.
4. GAAC. F.R.–631. Op. 5. D. 3101.
5. GAAC. F.R.–573. Op. 5. D. 3247.
6. Position about a public museum of establishments of initial vocational training of subjects of the Russian Federation. – M.: the Central museum of vocational training of the Ministry of Education of the Russian Federation, 2002.
7. Skripkina, L.I. Informative exhibits of historical and local lore museums in the light of modern theories of scientific cognition // Museum in the modern world. Traditionalism and innovation / ed. L. I. Skripkina. – Vol. 104. – M., 1999.
8. Archive of AKTDJTK. The Report on activity of museums of establishments NPO for 2009. – Barnaul, 2009.
9. The Archive Museum of the history of KGOU NGO «the professional lyceum №19». Subject and the exposure plan. – Barnaul, 2007.
10. The Archive of the Museum of the history of KGOU NGO «PU №23». Photos [exposure]. – Barnaul, 2010.
11. The Archive of the Museum of the history of KGOU NGO «PU №64». Subject and the exposure plan. – Zalesovo, 2009.
12. The Archive of the Museum of «Battle and labour glory» of KGOU NGO PU №67. Subject and the exposure plan. – Keys, 2009.
13. The Archive of the Museum of the history of regional studies KGOU NGO «PU №85». Subject and the exposure plan. – Stone-on-Ob, 2009.
14. The Archive of the Museum «Our history, our traditions» KGOU NGO «PU №70». Subject and the exposure plan. – Rebrikha, 2009.
15. The Archive of the Museum of «Military glory» KGOU NGO «PU №42». Subject and the exposure plan. – Barnaul, 2008.
16. The personal archive of the author. Museum of the history of KGOU NGO «PU №58»: [exposition scheme] / ed. D.E. Shorina. – Bulanikha, 2009.
17. Kazakova, S.F. The exhibition and its figurative decision // Museum business in the USSR. Actual problems of architectural-artistic design of expositions of historical and local lore museum: collection of scientific works. – Vol. 13. – M., 1983.
18. Kuzina, G.A. Reflection of the agrarian policy of the CPSU and the Soviet state in the period of developed socialism in the expositions of museums (subject content) // Museums and monuments of culture in the ideological-educational work at the modern stage: scient. works. – M.: INSTITUTE of culture, 1983.
19. The Archive of the Museum of «Military glory» KGOU NGO «the professional lyceum №6». Subject and the exposure plan. – Talmenka, 2010.
20. The Archive of the Museum of «Military glory» KGOU NGO «the professional lyceum №12». Subject and the exposure plan. – Barnaul, 2008.
21. The personal archive of the author. Museum of the history of KGOU NGO «PU №68»: photos [exposure] / ed. D.E. Shorina. – Mamontovo, 2010.
22. The Archive of the Museum of History of initial vocational training of the Altai Territory KGOU NGO «the professional lyceum №38». Subject and the exposure plan. – Barnaul, 2010.
23. The Archive of the Museum of art and crafts of the kumandin KGOU NGO «PU №4». Subject and the exposure plan. – Biysk, 2009.
24. The Archive of the Museum of «History of Russian national culture» KGOU NGO «PU №16». Subject and the exposure plan. – Barnaul, 2008.
25. Chevtajkina, N.N. Tradition and innovation in the design of modern museum expositions // Museum in the modern world. Traditionalism and innovation / ed. L.A. Skripkina. – Vol. 104. – M., 1999.
26. GAAC. F.R.- 631. Op. 5. D. 690.
27. GAAC. F.R. - 631. Op. 5. D. 53.
28. The Archive Museum of the «History of navigation» KGOU NGO «PU №8». Subject and the exposure plan. – Barnaul, 2009.
29. Hooper-Greenhill A. Museums and Education: Purpose, Pedagogy and Performance. – London , 2007.

Статья поступила в редакцию 11.10.2011

Раздел 4

ЭКОНОМИКА

Ведущие эксперты раздела:

ИННА НИКОЛАЕВНА САННИКОВА - доктор экономических наук, профессор, зав. каф. бухучета, аудита и анализа Алтайского государственного университета (г. Барнаул)

ВЕРА СТЕПАНОВНА СТАРОДУБЦЕВА – кандидат экономических наук, доцент (г. Горно-Алтайск)

УДК 332.05

Demidko E.V., Goman E.U. FORMATION OF SCIENTIFIC-TECHNICAL POTENTIAL OF THE REGION. Scientific-technical potential is one of the elements that determine the dynamics and the innovation development of the region and identification of regularities of its formation is a necessary condition for the socio-economic potential. The impact of the scientific and technical capacity is carried out both on the macro and micro-level, partic-sith from many resource and process components, so that the knowledge and accounting-especially of the production and economic system of the region, the causal links it with the influencing factors and conditions is an urgent task in setting the objective of the balanced and sustainable development of the region.

Key words: socio-economic development, scientific and technical potential, human resources, material and technical resources, information resources, organization of informational resources.

Е.В. Демидько, канд. эконом. наук, доц. каф. «Менеджмент, финансы и право» Института психологии и управления Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования Дальневосточный государственный гуманитарный университет, г. Хабаровск, E-mail: evgdem@yandex.ru;
Е.Ю. Гоман, аспирант Дальневосточной академии государственной службы, г. Хабаровск, E-mail: gomanelena@rambler.ru

ФОРМИРОВАНИЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА

Научно-технический потенциал – один из элементов, определяющих динамику и инновационность развития региона, а выявление закономерностей его формирования является необходимым условием повышения его социально-экономического потенциала. Воздействие научно-технического потенциала осуществляется как на макро, так и на микроуровне, зависит от множества ресурсных и процессных составляющих, поэтому знание и учет особенностей производственно-экономической системы региона, причинно-следственных связей ее с влияющими факторами и условиями является актуальной задачей при постановке цели сбалансированного и поступательного развития региона.

Ключевые слова: социально-экономическое развитие, научно-технический потенциал, кадровые ресурсы, материально-технические ресурсы, информационные ресурсы, организационные ресурсы.

Понимание закономерностей социально-экономического развития региона (далее – СЭРР) является одним из необходимых условий для формирования положительной динамики его изменения. Как показывает анализ, использование классических моделей и теорий не позволяет это осуществить с требуемой эффективностью и результативностью [1]. Методологически, для решения данной проблемы необходим подход, основанный на комплексном рассмотрении взаимосвязи базисных факторов и элементов СЭРР и его результатов: трудового и научно-технического потенциала; системы социально-экономических показателей; качества жизни населения. Данный подход может позволить как выявить причины динамики показателей СЭРР и их внутренние корреляции, так и определить возможности для повышения качества жизни населения региона. Проблематика формирования трудового потенциала региона была рассмотрена авторами ранее [2]. В рамках данной статьи исследуется процесс формирования научно-технического потенциала региона.

Потенция (от лат. *potentia* – сила, мощь), скрытая возможность, способность, сила, могущая проявиться при известных условиях. Исходя из этого, потенциал – совокупность источников, возможностей, средств, запасов, которые могут быть приведены в действие и использованы для решения какой-

либо задачи, достижения определённой цели [3]. Учитывая главную цель СЭРР, следует определить, что научно-технический потенциал – это совокупность разнообразных ресурсов, мобилизация и организация которых может быть направлена на решение основной задачи государства и региона – повышение качества жизни населения.

Проблематика научно-технического потенциала (далее – НТП) рассматривалась многими зарубежными и российскими исследователями на протяжении десятилетий. Так, например, А.Н. Фоломьев обосновано считает, что научно-технический потенциал является частью системного экономического потенциала и поэтому находится в пропорциональном соотношении с производственным потенциалом национальной экономики [4].

К настоящему времени сформировалась следующая концепция НТП: процессно – это совокупность этапов исследовательского и производственного цикла: фундаментальные и прикладные исследования, опытно-конструкторские разработки и внедрение научно-технического результата в производство; ресурсно – это кадровые, материально-технические, финансовые, информационные и организационные ресурсы.

Кадровая составляющая НТП представляет собой совокупность ученых и инженерно-технических работников, гене-

рирующих и реализовывающих научно-технические идеи. В материально-техническую составляющую НТП включаются средства труда, основные фонды и другие компоненты, необходимые для выполнения исследований, их обеспечения и управления. В качестве финансовых ресурсов выступают денежные средства, расходуемые на функционирование научно-технической системы и ее развитие. Информационная составляющая НТП включает систематизированные знания о научных законах, технологиях, методах и т. д.

Организационные ресурсы НТП состоят из совокупности методов и способов организации научно-технического процесса, объединяющих все составляющие его элементы в целостную систему. Особенно большое значение, ввиду сложности структуры взаимосвязей процессных и ресурсных элементов НТП, организационная составляющая приобретает на современном этапе. Так, Ж.А. Ермакова, исследуя проблематику технологической модернизации промышленного комплекса региона [5] показала, что только этот один из многих аспектов

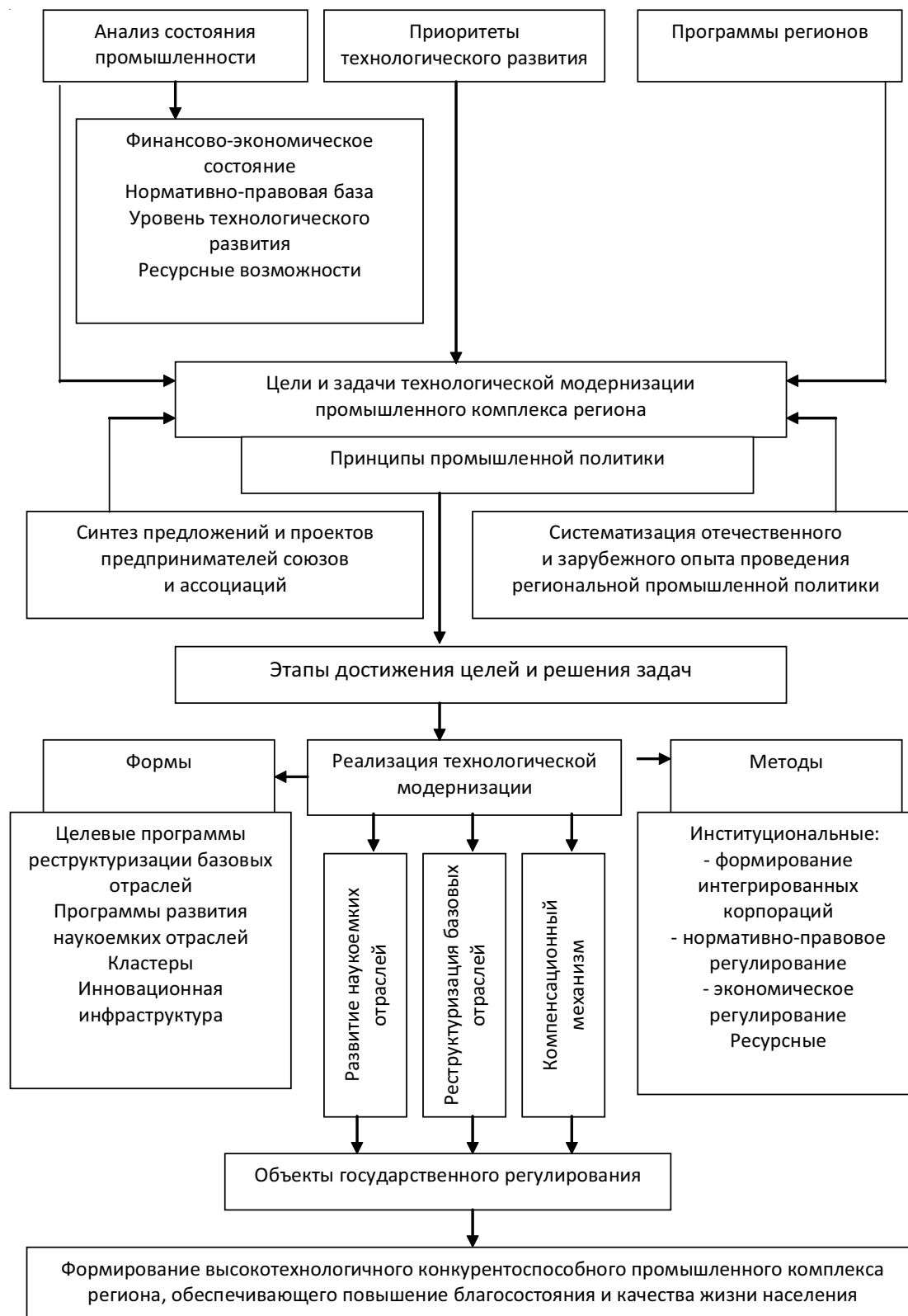

Рис. 1. Типовая блок-схема разработки концепции технологической модернизации промышленного комплекса региона

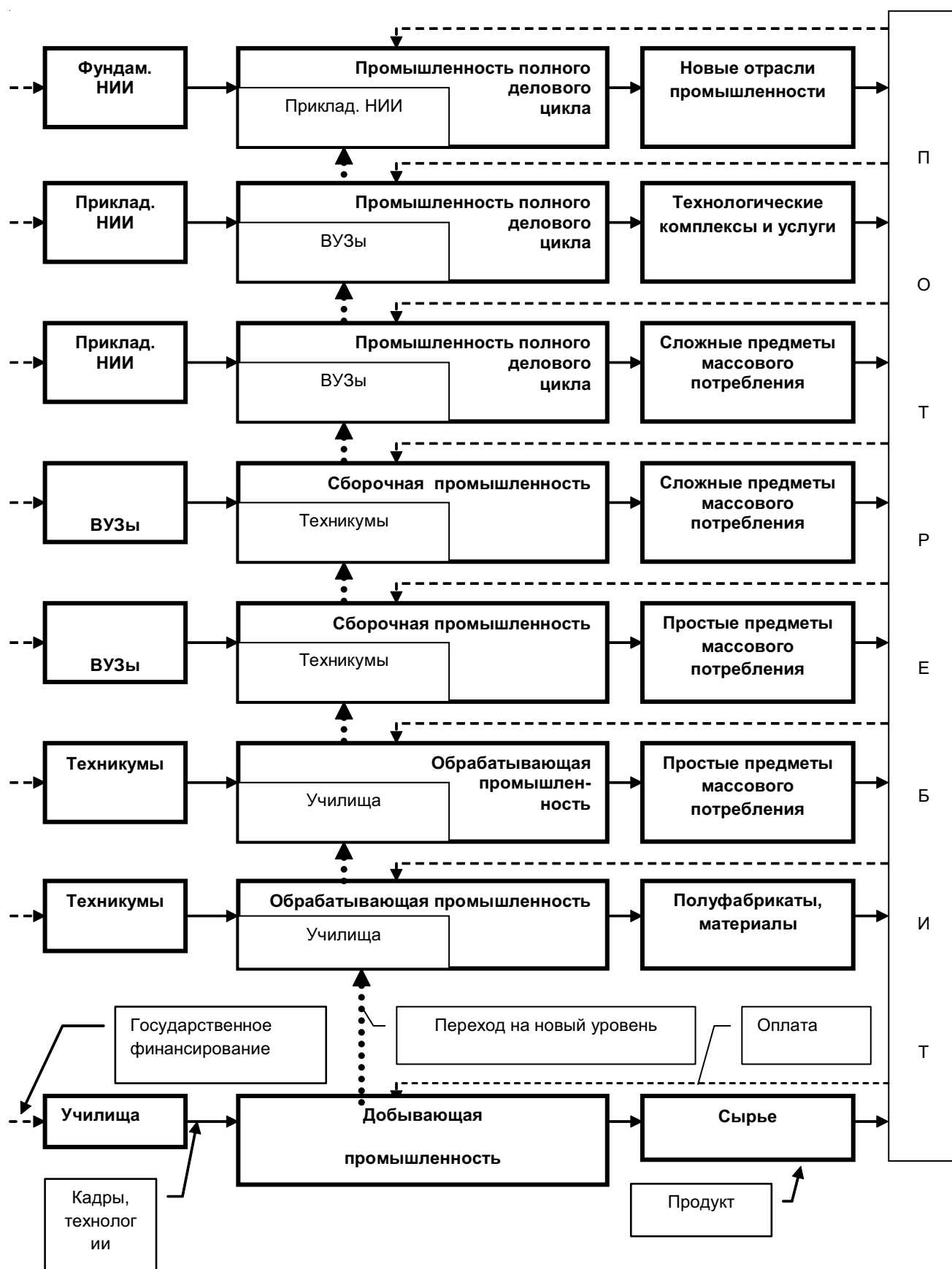

Рис. 2. Формирование и развитие научно-технического потенциала региона

развития НТП требует внимания к нескольким значимым социально-экономическим процессам: усилению интеграции науки, образования и производства, так как процессы развития НТП обуславливают увеличение объемов и интенсивности

взаимосвязей между данными сферами; изменению характера инвестиций и структуры их источников; изменению характера труда во всех его проявлениях, что определяется его усложнением и трансформацией взаимодействия людей

в научно-производственном процессе; усиление взаимозависимости развития хозяйственных систем различного уровня и др. (см. рис. 1). В целом, анализируя исследования по проблематике НТП, можно сделать несколько основных выводов.

Во-первых, динамика развития НТП зависит от качества и количества его ресурсных и процессных составляющих. В то же время, несмотря на, казалось бы, четкое их разграничение, границы между этими составляющими достаточно условны. Так, информационные ресурсы можно частично считать компонентом квалификации кадров (опыт, знания...), материально-технические ресурсы могут использоваться как для создания новых знаний и их хранения (информационные системы, базы данных...), для замены отдельных видов кадрового состава НТП (лабораторное оборудование полного цикла исследований, автоматизированные системы и комплексы...) и т.п.

Во-вторых, накопленный профессиональный опыт, знания, умения кадровой составляющей НТП являются во многом определяющими для его развития. Особый интерес здесь представляет сформировавшаяся квалификационная структура научно-технических работников и ее дальнейшая трансформация посредством производственно-экономической структуры НТП в новое качество и количество. При этом наличие «критической массы» накопленного опыта и знаний, проблемных направлений и требующих решения задач в различных областях научно-технической деятельности может генерировать новые идеи и направления исследований. В свою очередь это способствует как росту НТП региона, так и увеличению потенциала кадровой его составляющей, их перехода на новый качественный уровень, что объективно должно приводить к повышению конкурентоспособности региона.

В-третьих, на современном этапе результативность и эффективность научно-технической деятельности во многом определяется уровнем ее организации – качеством ее организационной составляющей. Значимым элементом данной составляющей является система мониторинга, которая представляет собой постоянно действующую систему с обратной связью, позволяющую не только прогнозировать и оценивать, но и корректировать управленческие решения по различным аспектам НТП. Важным условием является и требование того, что параметры, на основе которых ведется мониторинг, должны исходить из целей развития НТП, например: количество полученных патентов, объем выпуска продукции конкретными предприятиями или отраслями, объем ее экспорта или объем замещения импорта и т.д.

В-четвертых, является очевидным, что динамика изменения НТП определяется не просто сложением его составляющих и организацией их в единое целое, а основывается на результатах производственно-экономической деятельности

региона, на эволюции его кадрового, материально-технического, ресурсного и финансового базисов.

Основываясь на вышесказанном, авторами представляется следующий процесс формирования и развития научно-технического потенциала региона (см. рис.2). В приведенном рисунке под научно-техническим потенциалом региона понимается совокупность предприятий и организаций, создающих добавленную и потребительную стоимости. Количественно научно-технический потенциал региона можно выразить объемом произведенной в регионе добавленной стоимости, а качественно – долей произведенной предприятиями высокотехнологичных и наукоемких отраслей объема добавленной стоимости (частным показателем здесь может являться объем экспорта соответствующей продукции и услуг).

В краткосрочном периоде (до 5 лет) научно-технический потенциал региона можно повысить путем строительства высокотехнологических предприятий, промышленных комплексов с параллельным привлечением высококвалифицированных инженерно-технических кадров. Однако такой путь не позволяет создать региональную научную инфраструктуру и систему подготовки научно-технических кадров, так как этот процесс требует более значительного периода времени, финансовых и кадровых ресурсов.

В долгосрочном периоде повысить научно-технический потенциал, исходя из представленного на рисунке 2 процесса, можно только разработав комплексную стратегию СЭРР на долгосрочную перспективу (более 10 лет), которая предусматривала бы:

- разработку количественных целей по этапам реализации стратегии СЭРР;
- формирования нормативно-правовой базы, положительно влияющей на инвестиционный и предпринимательский климат, развивающей институциональную среду региона;
- создание научно-промышленных кластеров, как базы НТП региона;
- организацию на базе кластеров интегрированной системы подготовки научных и инженерно-технических кадров в соответствии перспективными потребностями региона (согласно стратегии СЭРР), основанной на научно-исследовательском принципе обучения.

В заключение необходимо отметить, что научно-технический потенциал непосредственно влияет на значение такого важного показателя экономики региона как валовой региональный продукт, поэтому проблема повышения научно-технического потенциала является одной из первоочередных задач для всех субъектов управления социально-экономическими процессами в регионе. Тезис о том, что «рынок сам все рассудит и поставит на места» в контексте данной статьи является необоснованным.

Библиографический список

1. Демидько, Е.В. О применении экономических методов и моделей для анализа причин динамики социально-экономического развития региона // Власть и управление на востоке России. – 2008. – № 44 (3).
2. Демидько, Е.В. Формирование трудового потенциала региона / Е.В. Демидько, Е.Ю. Гоман // Мир науки, культуры, образования. – 2011. – № 4 (29).
3. Советский энциклопедический словарь. – М., 1980.
4. Фоломьев, А.Н. Научный и научно-технический потенциал России: содержание и способы его измерения. Экономический потенциал России: его развитие и эффективное использование: сб. науч. статей / общ. ред. А.Н. Фоломьев. – М., 2009.
5. Ермакова, Ж.А. Технологическая модернизация промышленности России: стратегия и организационно-экономические факторы (региональный аспект). – Екатеринбург, 2007.

Bibliography

1. Demidjko, E.V. O primenenii ehkonomicheskikh metodov i modelej dlya analiza prichin dinamiki socialjno-ehkonomicheskogo razvitiya regiona // Vlastj i upravlenie na vostoке Rossii. – 2008. – № 44 (3).
2. Demidjko, E.V. Formirovanie trudovogo potenciala regiona / E.V. Demidjko, E.Yu. Goman // Mir nauki, kuljturij, obrazovaniya. – 2011. – № 4 (29).
3. Sovetskij ehnciklopedicheskij slovarj. – M., 1980.
4. Folomjev, A.N. Nauchnij i nauchno-tehnikheskij potencial Rossii: sodержanie i sposobi ego izmereniya. Ehkonomicheskij potencial Rossii: ego razvitie i ehffektivnoe ispoljzovanie: sb. nauch. statej / obth. red. A.N. Folomjev. – M., 2009.
5. Ermakova, Zh.A. Tekhnologicheskaya modernizaciya promihshlennosti Rossii: strategiya i organizacionno-ehkonomicheskie faktorih (regionalnij aspekt). – Ekaterinburg, 2007.

Статья поступила в редакцию 29.10.11

УДК 330.59

Shkurkin A.M., Demidko E.V. MONITORING QUALITY OF LIFE. For management of socio-economic processes it is necessary to have volumes objective data on the dynamics of the quality of life of the population. This task should ensure monitoring the quality of life of the population, which in this case acts as a feedback, closing contour of management of social-economic processes.

Key words: quality of life, monitoring quality of life, social processes.

А.М. Шкуркин, д-р филос. наук, канд. эконом. наук, вед. н.с. Института комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН, г. Биробиджан, E-mail: shkurkin@mail.ru;

Е.В. Демидко, канд. эконом. наук, доц. каф. «Менеджмент, финансы и право» Института психологии и управления Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования Дальневосточный государственный гуманитарный университет, г. Хабаровск, E-mail: evgdem@yandex.ru

МОНИТОРИНГ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ

Для управления социально-экономическими процессами необходимо располагать объективными данными о динамике качества жизни населения. Эту задачу должен обеспечить мониторинг качества жизни населения, который в этом случае выполняет функцию обратной связи, замыкающий контур управления социально-экономическими процессами.

Ключевые слова: качество жизни, мониторинг качества жизни, социальные процессы.

Категория качества жизни впервые была введена в научный оборот в 1960х гг. нынешнего столетия в связи с попытками моделирования зарубежными исследователями траекторий промышленного развития. В настоящее время существует множество концепций и понятий данной категории и, как следствие этого, множество подходов к оценке качества жизни. В данной статье авторы продолжают рассмотрение системы оценки и мониторинга качества жизни населения применительно к региональному уровню [1].

Измерение качества жизни населения имеет смысл только в том случае, когда его результаты используются в управлении социальными процессами, когда субъекты управления вносят определенные коррективы в проводимую социальную политику, когда пересматриваются размеры затрат по статьям расходов, одним словом тогда, когда качество жизни становится элементом социального менеджмента в широком смысле. В этом случае процедура измерения качества жизни выполняет функцию обратной связи, замыкающий контур управления. Соответственно, такие замеры должны производиться с определенной периодичностью и завершаться относительно стандартизированными управленческими решениями. Эту задачу и должен обеспечить мониторинг качества жизни, который является разновидностью социального мониторинга.

Существуют два основных подхода к пониманию термина «мониторинг». В узком значении, этим понятием обозначают специально организованное, с определенной периодичностью повторяющееся наблюдение за характером и направлениями изменения в тех или иных сферах некоторой социальной системы. В широком смысле - предполагается, что помимо решения отмеченной задачи мониторинговые замеры предназначены для прогнозирования, выполнения различных аналитических оценок с целью принятия некоторых управленческих решений. Под *мониторингом качества жизни населения*, как инструментом социального менеджмента, будем понимать научно обоснованную систему периодического сбора, обобщения и анализа информации об условиях жизнеобеспечения жителей определенной территории, их социального самочувствия, о потребностях, ценностях, мотивациях, отношениях к складывающейся ситуации в их природном и социальном окружении и обязательное представление перерабатываемых данных для принятия решений на государственном, региональном и муниципальном уровнях.

Цели и задачи мониторинга качества жизни населения определяются складывающейся ситуацией в кризисной России. Мониторинг качества жизни, как способ получения социальной информации и ее преобразования, будет принципиально различным в зависимости от того, в каком режиме фун-

кционирует социальная система - в условиях стабильности или повышенной разбалансированности всех его структур и элементов. От этого зависят и особенности измерения качества жизни населения. Рассмотрим кратко наиболее существенные особенности, влияющие на жизнедеятельность населения и его социальное самочувствие в современных условиях.

Прежде всего, следует отметить, что всякая стабильная социальная система функционирует в условиях устойчивости всей имеющейся совокупности отношений между ее элементами и структурами. Множество инвариантов поведения системы определяют «порядок» ее жизнедеятельности, суть которого состоит в поддержании упорядоченности или, что то же самое, в минимизации энтропии. Устойчивость достигается за счет установления определенного равновесия в обменах веществом, энергией и информацией системы с внешней средой. Если это равновесие по каким-либо причинам в том или ином отношении разрушается, то происходит замедление сброса избыточной энтропии во внешнюю среду и, соответственно, *повышение энтропии в социальной системе*. Когда величина энтропии превышает некоторый критический уровень, система начинает функционировать в особом режиме - в условиях кризиса или бифуркации, в котором закономерности поведения неравновесной социальной системы будут принципиально иными, чем в устойчивом состоянии.

Усиление хаотичности социальной системы детерминирует расширение в общественном сознании *иррациональных* ценностей, мотивов, потребностей, намерений и действий. Эта закономерность, подмеченная еще Т. Парсонсом, и названная нами *синергетическим принципом дезорганизации*, проявляется в резкой поляризации мнений и оценок, в доминировании нереалистических надежд, фантазий, утопических идеалов, необоснованных страхов относительно возможных сценариев будущего развития общества, в увеличении ностальгии по прошлому, в разрастании в различных, особенно люмпенизированных социальных группах, мистического мировоззрения, в усилении восприимчивости общественного сознания к доктринерству, шарлатанству, радикальным и деструктивным социальным и политическим призывам. В России эта зависимость проявляется в нестабильности общественного мнения, переменчивости настроений, полной алогичности действий, податливости общественного сознания, наличию больших возможностей манипулировать им, одновременном формировании скептического мировоззрения в отношении будущего и доверчивости к политическим призывам и обогащению, веры в чудеса и т.д. Отмеченная особенность общественного сознания самым непосредственным образом отражается на установках людей, их мотивациях, социальных

Таблица 1

Структура перечня показателей качества жизни и источники данных для расчета показателей качества жизни

№ пп	Группа показателей	Основной показатель	Дополнительные показатели	Источники данных
1			Уровень пострадавших в результате преступлений и происшествий	МВД
2			Уровень смертности людей трудоспособного возраста	ЗАГС
3	Безопасность	Уровень безработицы	Уровень общей заболеваемости людей трудоспособного возраста	Здравоохранение
4			Уровень преступности	МВД
5			Уровень потребления алкоголя в литрах спирта на человека	Торговля
6			Объем потребления нефтепродуктов на человека	Министерство экономики
7	Уровень экономического развития	Уровень ВВП региона на душу населения за минусом субсидий и дотаций	Объем потребления электроэнергии (промышленность, население) на человека	РАО ЕЭС
8			Объем строительства нового жилья	Министерство строительства
9			Уровень расходов населения на посещение учреждений культуры и спорта в рублях на человека	Культура и спорт
10	Социально-экономическая стабильность	Распределение доходов среди населения по децилям	Уровень собираемости налогов и сборов	Налоговая
11			Процент участвующих в выборах	РИК
12			Доля добавленной стоимости наукоемких и высокотехнологичных отраслей к общему ВВП	Министерство экономики
13	Уровень научно-технического развития	Уровень финансирования научных исследований и разработок	Объем экспорта продукции наукоемких и высокотехнологичных отраслей к общему объему их производства	Министерство экономики
14			Доля предприятий наукоемких и высокотехнологичных отраслей имеющих сертификаты в соответствии с международными стандартами ISO 9001, ISO 14001, ISO 18001 и т.д.	Министерство промышленности
15	Уровень привлекательности территории	Уровень иммиграции населения	Уровень эмиграции населения	МВД

ценностях. Например, все большие ориентации в установках связаны не с возможностью честного производственного труда, а с желанием быстро обогатиться. Все большая терпимость проявляется в отношении коррумпированности, мошенничества, воровства. Общественное мнение не только смирилось с отмеченными явлениями и терпимо относится к ним, но все более активно начинают формироваться позитивные установки в отношении девиантного поведения среди значительных социальных групп. Старая культура общества базировалась на ценностях патернализма, опекуновства. В ее основе лежала распределительная экономика, которая детерминировала превалирование в социальных ориентациях людей безынициативности, безответственности, фатализма. Эти же качества в условиях кризиса вновь становятся определяющими для многих социальных групп.

Вторую закономерность можно вывести, используя исторический принцип «переноса поля действия», открытого А. Тойнби. Во взаимодействиях между социальной системой и внешней средой арена этого взаимодействия с течением времени все больше переносится, сдвигается из внешнего окружения во внутреннюю структуру системы. В условиях кризиса негэнтропийная активность системы переносится отчасти с внешней среды на свои собственные самые низкие уровни. Эта закономерность, названная нами «синергетическим принципом эндогенерации», состоит в том, что в условиях бифуркации в социальных системах отклик на рост энтропии системы смещен во внутрь данной системы и максимально затрагивает уровень индивидуального сознания. Исследования проведенные на уровне молекулярных систем И. Пригожиным показали, что в условиях бифуркации поведение «в среднем» не может доминировать над составляющими его отдельными элементами. Более того, во взаимодействиях между этими элементами появляются дальнедействующие корреляции, не существовавшие в системе в условиях равновесия. Эта же зависимость имеет место и в сильно неравновесных социальных системах, в которых значительно возрастает роль индивида, отдельной личности и становится решающей в тех случаях, когда система смещается в критическую зону. Уникальность переходного периода, создавшегося в России, состоит в том, что происходящие перемены в экономических отношениях, в соответствии с парадоксом Хайека ведут к радикальным изменениям в сознании людей, их ценностных ориентациях, мотивационной структуре, уровня и иерархии потребностей. Поэтому роль субъективных факторов в условиях неравновесности начинает резко возрастать.

В кризисных системах, в отличие от стационарных, все социальные процессы сверхбыстротечны. Взаимодействия между отдельными элементами системы, особенно в иерархически разноразмерных, становятся в высокой степени асимметричными. Причем, направления асимметричности этих взаимоотношений часто становятся принципиально непредсказуемыми и не зависящими от уровня иерархии элементов вступающих во взаимодействие. Например, какие-либо кардинальные акции проведенные на уровне правительства кризис-

Таблица 2

Принципы расчета основных показателей качества жизни

№ пп	Показатель	Принцип расчета
1	Уровень пострадавших в результате преступлений и происшествий	1-количество пострадавших в результате преступлений и происшествий / количество населения
2	Уровень смертности людей трудоспособного возраста	1-количество умерших людей трудоспособного возраста / количество трудоспособного населения
3	Уровень общей заболеваемости людей трудоспособного возраста	1-количество заболеваний людей трудоспособного возраста / количество трудоспособного населения
4	Уровень преступности	1-количество преступлений / количество населения
5	Уровень потребления алкоголя в литрах спирта на человека	$(\max - (\text{количество потребления алкоголя в литрах спирта} / \text{количество населения})) / (\max - \min)$
6	Объем потребления нефтепродуктов на человека	$1-(\max - (\text{объем потребления нефтепродуктов} / \text{количество населения})) / (\max - \min)$
7	Объем потребления электроэнергии (промышленность, население) на человека	$1-(\max - (\text{объем потребления электроэнергии} / \text{количество населения})) / (\max - \min)$
8	Объем строительства нового жилья	$1-(\max - (\text{объем строительства нового жилья} / \text{количество населения})) / (\max - \min)$
9	Уровень расходов населения на посещение учреждений культуры и спорта в рублях на человека	$1-(\max - (\text{расходы на посещение учреждений культуры и спорта} / \text{количество населения})) / (\max - \min)$
10	Доля добавленной стоимости наукоемких и высокотехнологичных отраслей к общему ВВП	$1-(\max - (\text{доля добавленной стоимости наукоемких и высокотехнологичных отраслей} / \text{объем ВВП})) / (\max - \min)$
11	Объем экспорта продукции наукоемких и высокотехнологичных отраслей к общему объему их производства	$1-(\max - (\text{объем экспорта продукции наукоемких и высокотехнологичных отраслей} / \text{объем их производства})) / (\max - \min)$
12	Уровень эмиграции населения	$(\max - (\text{количество выехавшего населения} / \text{количество населения})) / (\max - \min)$
13	Уровень безработицы	количество неработающего населения / количество населения
14	Уровень ВВП региона на душу населения за минусом субсидий и дотаций	$1-(\max - (\text{ВВП региона за минусом субсидий и дотаций} / \text{количество населения})) / (\max - \min)$
15	Распределение доходов среди населения по децилям	$(\max - (\text{отношение суммы доходов 10 \% самого богатого населения к сумме доходов 10 \% самого бедного населения})) / (\max - \min)$
16	Уровень иммиграции населения	$1-(\max - (\text{количество приехавшего населения} / \text{количество населения})) / (\max - \min)$

ного общества могут полностью игнорироваться населением, в то время как относительно нейтральная фраза отдельного политика может привести к достаточно острой и массовой реакции значительной части людей. Чем ближе социальная система смещается к *аттрактору* - предельному состоянию кризисной системы, тем меньше вероятность возвращения ее в свое первоначальное или близкое к нему состояние. Именно по этой причине, например, в России происходят массовые значительные крушения надежд, ценностей, идеалов. В известной степени, кризисная социальная система, если перефразировать К. Ясперса - это «кладбище мертвых идеалов», в том числе еще и не родившихся.

В условиях бифуркации начинает возрастать в массовых масштабах нормативная нерегулируемость, когда резко снижается социальный порядок и, соответственно, возрастает социальный хаос. Созданные неравновесные условия перестают подавлять маргинальную в социуме маргинальность, отклонения от нормативных правил и стандартов. Воспроизводственные механизмы общества начинают работать в этой ситуации с некоторыми сбоями, нормативное ядро перестает самовоспроизводиться с требуемым для стабильного функционирования качеством и надежностью. Как следствие, социальная анония разрастается, втягивая все большие социальные слои в девиантные движения, дезинтегрируются нормативные стандарты, то есть начинает *воспроизводиться анония* или социальный хаос. В настоящее время все в большей степени ослабевают сферы управления экономикой и социальными процессами. Целые сектора экономической и социальной сферы оказываются не только вне управления, но даже вне какого-либо информационного отслеживания за их формированием и развитием.

В условиях неравновесности *не существует принципиальных возможностей предсказать* какой именно из множества возможных сценариев развития реализуется в процессе прохождения системы через точку бифуркации. Все они относительно будущего состоя-

ния системы носят равновероятный характер. В этой связи нужно примириться с неточностью описания, а лучше бы сказать с не предсказуемостью, результатов протекания социальных процессов

Исходя из сказанного можно определить принципиальные особенности, которые нужно учитывать при построения мониторинга качества жизни населения. Они состоят в следующем:

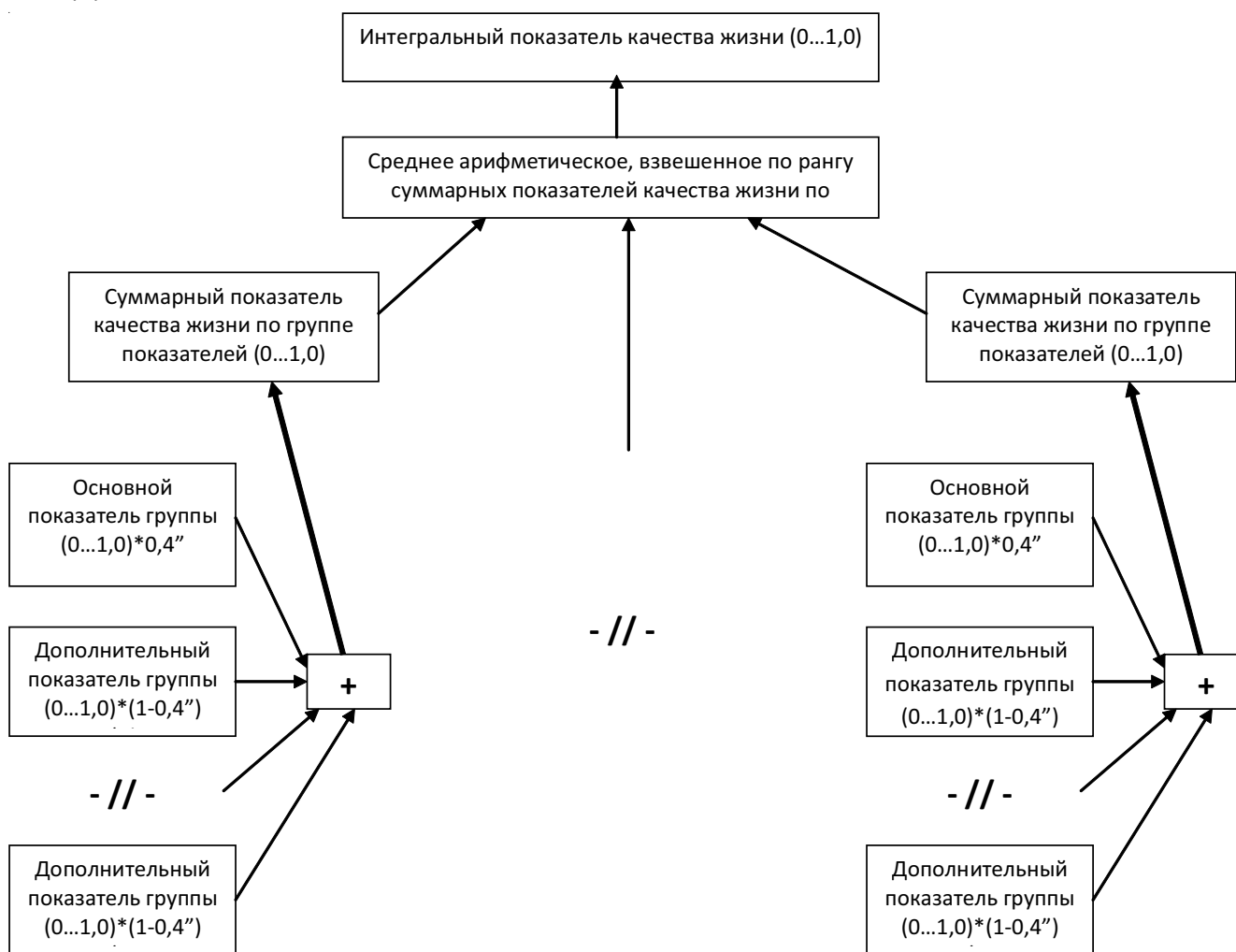
- особой, наиболее значимой частью при организации мониторинга должна быть система показателей, сгруппированная в специальный блок, в котором детальному покомпонентному анализу подвергалась бы бедность, как специфический феномен России;

- динамические ряды должны строиться с учетом оценки общественным мнением качества жизни предшествующих периодов отраженных в равной степени как в интегральных показателях, так и в индикаторах характеризующих ее отдельные сферы;

- с учетом высокой динамичности кризисного общества, его сильной дезорганизованности, разбалансированности и разсогласованности действий властных субъектов, неустойчивости в оценках и настроениях людей, число мониторинговых замеров качества жизни и его различных сфер должно быть по возможности более частым и определяться складывающейся динамикой и тенденциями;

- информационная система, положенная в основу мониторинга качества жизни должна строиться на принципах максимальной открытости, гибкости, адаптированности, четкой иерархичности, в которой фиксировался бы каждый уровень управления от государства до муниципальных образований.

С целью решения этой задачи на региональном уровне авторами предлагается методика, представленная на ниже следующих таблицах и рисунках. Данная методика основывается на государственной системе статистических показателей.

*к – количество дополнительных показателей в группе.

0,4 – коэффициент важности (ранг) показателя может изменяться в зависимости от структуры и вида показателя

Рис. 1. Алгоритм расчета интегрального показателя качества жизни

Применение данной методики позволяет:

- 1) выявлять причинно-следственные связи между факторами, влияющими на качество жизни населения и интегральными показателями, характеризующими качество жизни на уровне субъектов и муниципальных образований;

- 2) разработать и внедрить систему мониторинга качества жизни населения в регионе.

- 3) создать электронный атлас качества жизни в субъектах всех уровней в разрезе различных показателей и их динамики.

- 4) формировать системы взаимосвязи с субъектами всех уровней с целью разработки программ по повышению качества жизни.

Перечень данных по районам, необходимых для расчета интегрального показателя качества жизни

№ пп	Требуемые данные
1	Количество пострадавших в результате преступлений и происшествий
2	Количество населения
3	Количество умерших людей трудоспособного возраста
4	Количество заболеваний людей трудоспособного возраста
5	Количество преступлений
6	Объем продаж алкогольной продукции по градациям ее крепости
7	Объем продаж нефтепродуктов по группам
8	Объем потребления электроэнергии в разрезе промышленности и население
9	Объем строительства нового жилья
10	Объем доходов учреждений культуры и спорта от основной деятельности
11	Объем начисленных налогов и сборов
12	Объем собранных налогов и сборов
13	Процент участвовавших в выборах
14	Объем уплаченного налога на добавленную стоимость
15	Объем уплаченных налогов на заработную плату
16	Объем уплаченного налога на прибыль
17	Объем уплаченного налога на добавленную стоимость наукоемких и высокотехнологических отраслей
18	Объем уплаченных налогов на заработную плату наукоемких и высокотехнологических отраслей
19	Объем уплаченного налога на прибыль наукоемких и высокотехнологических отраслей
20	Объем экспорта продукции наукоемких и высокотехнологических отраслей
21	Количество предприятий наукоемких и высокотехнологических отраслей
22	Количество выехавшего населения
23	Количество приехавшего населения
24	Количество неработающего населения
25	Объем субсидий и дотаций
26	Объем уплаченного подоходного налога по децилям
27	Объем финансирования научных исследований и разработок

Библиографический список

1. Шкуркин, А.М. Качество жизни населения как социально-экономическая категория / А.М. Шкуркин, Е.В. Демидько // Мир науки, культуры, образования. – 2011. - № 4 (29).

Bibliography

1. Shkurkin, A.M. Kachestvo zhizni naseleniya kak socialjno-ehkonomicheskaya kategoriya / A.M. Shkurkin, E.V. Demidjko // Mir nauki, kuljturij, obrazovaniya. – 2011. - № 4 (29).

Статья поступила в редакцию 29.10.11

УДК 336.74

Porova E.I. **TRANSFORMATIONAL CHANGES IN MONEY TREATMENT OF TRANSITION TO THE INFORMATION ECONOMY.** The article presents the transformation of the objective conditions of monetary circulation in the information economy, related to the introduction of information technologies in the sphere of circulation. The factors that influenced the development of payment systems.

Key words: information, the information economy, currency, electronic money, payment system.

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ СФЕРЫ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ С ПЕРЕХОДОМ К ИНФОРМАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКЕ

В статье приведены объективные предпосылки трансформации денежного обращения в информационной экономике, связанные с внедрением информационных технологий в сферу обращения. Выделены факторы, оказавшие влияние на развитие платежных систем.

Ключевые слова: информация, информационная экономика, денежное обращение, электронные деньги, платежная система.

Мощный рывок в развитии науки и техники в конце XX века, а также уровень развития производительных сил и производственных отношений во многом обусловили становление информационной экономики. Формирование информационной экономики способствовало трансформационным процессам и в сфере обращения, в том числе, в сфере денежно-

го обращения, что актуализировало проблемы исследований в данной области.

Под информационной экономикой автор понимает экономику, где все фазы воспроизводственного цикла: производство, распределение, обмен и потребления функционируют на основе информационных ресурсов и информационных технологий.

Переход к информационной экономике, который сопровождается бурным развитием вычислительной техники, средств коммуникации позволил трансформировать денежные знаки из металла и бумаги в электронные импульсы. В эпоху информации основным средством осуществления обмена становятся электронные деньги из-за многих преимуществ, таких как экономия ресурсов (исключение печатания, транспортировки и т.д.), контроль за денежными операциями, отслеживание и предотвращение уклонения от налогов и т.д. Появление электронного носителя денежной информации и информационно-вычислительных технологий как инструмента ее обработки, развитие современных систем связи позволили:

- осуществлять платежные операции без использования бумажных платежных документов и наличных денег с помощью компьютерных технологий;
- автоматически выдавать вклады при помощи терминалов;
- оплачивать товары и услуги посредством сети интернет, без использования наличных бумажных денег;
- осуществлять платежи при помощи мобильных телефонов и т.п.

Использование новых технологий и научно-технического прогресса в сфере денежного обращения способствовало созданию различных систем электронных расчетов и электронных платежных систем. Внедрение информационных технологий в платежных системах позволило добиться производительности платежных систем с заметной экономией издержек обращения, способствовало сокращению времени на перевод денежных средств, экономии общественного труда, что в целом привело к повышению уровня организации платежного процесса, и оказало положительное влияние на уровень денежного обращения. Место платежной системы в информационной экономике можно представить в виде следующей схемы (рис.1).

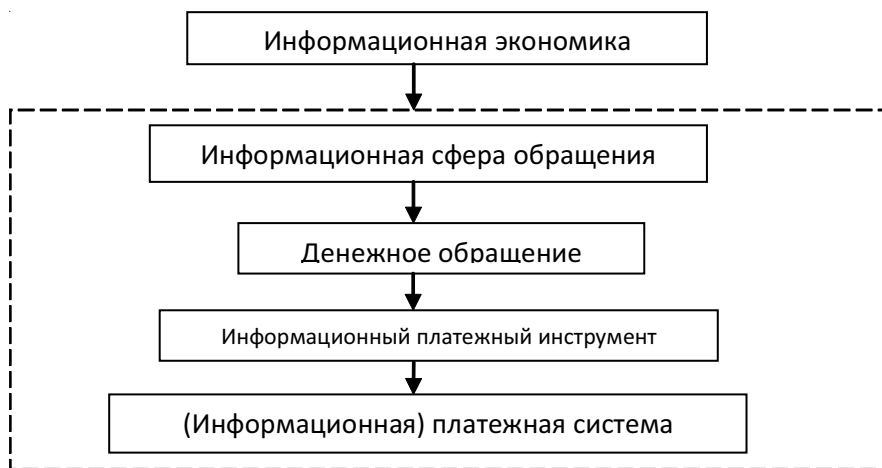

Рис. 1. Место платежной системы в информационной экономике

Для информационной экономики характерно как новое информационное производство, так и новые платежные инструменты, которые, в свою очередь, требуют соответствующей платежной системы. Следовательно, необходимо уточнить понятие «платежная система», применимое к информационной экономике. Некоторые отечественные ученые, такие как О.Л. Рогова [1, с. 2], Т.В. Парамонова [2, с. 8] считают, что правильнее следовало бы говорить о платежно-расчетной системе, ссылаясь на единство терминов «платежи» и «расчеты». «Платежно-расчетная система (payment and settlement system) - это система институтов, инструментов и процедур, используемых для осуществления платежно-расчетных отношений, опосредствующих движение товарных ценностей и финансовых активов между финансовыми и нефинансовыми

агентами во внутреннем и внешнем экономических оборотах страны». На наш взгляд, выделение платежной системы в платежно-расчетную не является целесообразным, поскольку платежи логически продолжают процесс расчетов, поэтому нет особой необходимости выделять в совокупности платежно-расчетную систему. М.П. Березина рассматривает платежную систему как совокупность элементов, классифицированных по таким признакам, как «субъекты расчетных отношений», «объекты расчетов», «место проведения расчетов», «форма расчетов», «величина платежа» [3, с. 22]. Во многих учебниках, посвященных денежному обращению или банковскому делу, определение платежной системы вообще отсутствует или подменяется определением системы расчетов.

Проанализировав различные трактовки и подходы к понятию «платежная система», следует отметить, что одни экономисты определяют платежную систему как набор механизмов, осуществляющий перемещение денежных фондов, другие - как совокупность адекватного программного обеспечения, линий связи, вычислительных мощностей, организаций работ, экономического и правового обеспечения для перевода денег, третьи - как совокупность правил, организаций и технических механизмов для перевода денег, однако ни в одном определении платежная система не рассматривалась как система экономических отношений, которые возникают в процессе перевода денег. Автором платежная система в информационной экономике рассматривается, как совокупность социально-экономических, организационно-экономических и институционально-экономических отношений по поводу обеспечения расчетов между хозяйствующими субъектами.

Социально – экономические отношения связаны с формой собственности, которая преобладает в данном обществе. В различных типах хозяйственных систем с изменением формы собственности, изменяются и платежные системы. В рыночной капиталистической экономике преобладает частная собственность. Наличие частных платежных систем, наряду с государственными, способствуют здоровой конкуренции. Это позволяет лучше и качественно учитывать интересы экономических субъектов и в целом повысить степень удовлетворенности, как экономических, так и социальных потребностей экономических субъектов.

Организационно-экономические отношения связаны с использованием хозяйствующими субъектами методов и средств, применяемых для перевода денег (линии связи, программное обеспечение), проявляются через формы оплаты за товары и услуги. Использование новейших технологий и современных систем связи позволили создать удобную систему обслуживания хозяйствующих субъектов, оказывающую следующие услуги: осуществление платежных операций с помощью компьютера, мобильного телефона, автоматическую выдачу вкладов, заработной платы, пособий, а также оплату услуг через терминалы, оплату товаров без использования наличных денег и т.д. Таким образом, внедрение новых информационных технологий в платежных системах способствовало их значительному развитию и обеспечению непрерывности, бесперебойности и надежности их воспроизводственного процесса.

Институционально-экономические отношения связаны с функционированием денежных расчетов и проявляются через систему законодательных актов, регулирующих платежные отношения субъектов, через институты (операционный центр, расчетный центр и др.), с помощью которых осуществляются расчеты между хозяйствующими субъектами, а также через формальные и неформальные правила взаимодействия ее субъектов.

Платежную систему в информационной экономике можно представить в виде следующей схемы (рис. 2).

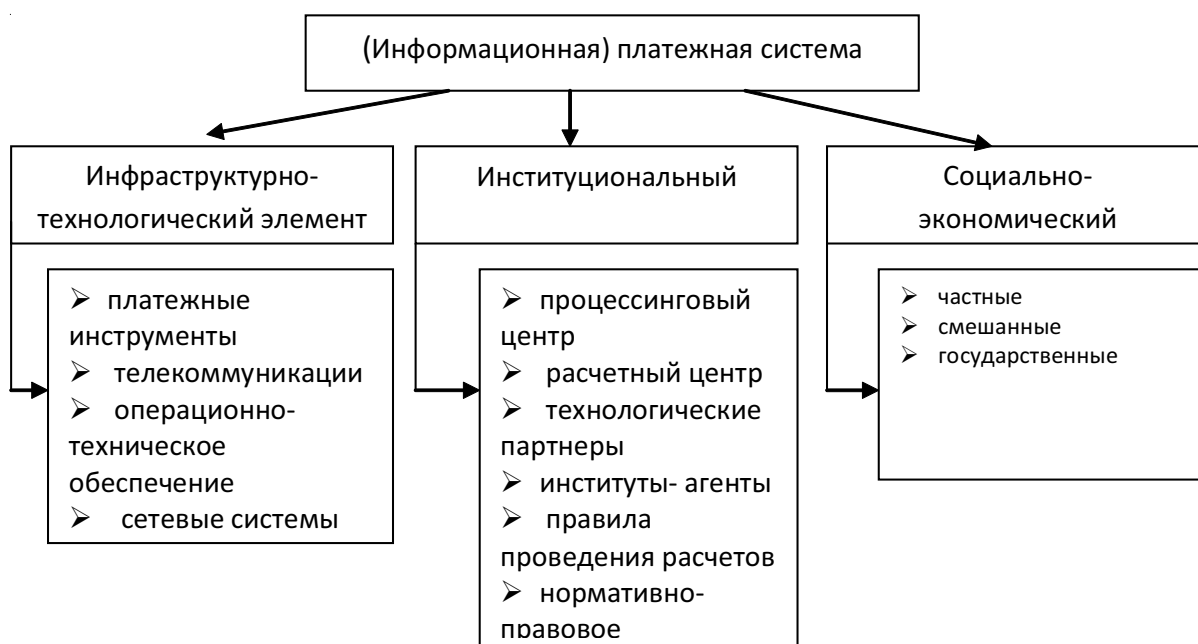

Рис. 2. Схема платежной системы в информационной экономике

Таким образом, платежная система в информационной экономике, по мнению автора, состоит из инфраструктурно-технологических, институциональных и социально-экономических элементов для осуществления взаимовыгодных экономических, технических и юридических способов проведения расчетов между хозяйствующими субъектами.

Давая общую характеристику платежной системе в информационной экономике, можно выделить комплекс взаимосвязанных процессов, зависящих от разнообразных факторов, которые влияют на ее развитие (таблица1).

Таблица 1

Факторы, влияющие на развитие платежных систем

Факторы	Значение
Социально-экономические	Изменение структуры хозяйственных и финансовых связей, изменение форм собственности, демографические сдвиги, миграционные процессы. Все это формирует конкурентные инициативы в области развития платежных систем, посредством своего влияния на потенциальный спрос на платежные услуги
Организационно-экономические	Развитие средств телекоммуникаций, программных средств, компьютерных сетей. Широкое распространение Интернета и мобильной телефонии способствует массовому дистанционному обслуживанию клиентов. Осуществляется обработка платежей в электронной форме, используя новейшие платежные технологии и программные продукты. Глобализация финансовых рынков. Интеграция систем связи и обработки информации. Развитие и внедрение новых технологических решений способствует снижению транзакционных издержек.
Институционально-экономические	Развитие законодательной и нормативной базы. Усложнения хозяйственных связей, стандартизация правил и процедур приема, обработки и перевода платежей. Разработка стратегии управления, контроль за финансовыми операциями. Появление организаций-посредников, обеспечивающих перевод денежных средств.

Отмеченные факторы в совокупности оказывают влияние на развитие платежных систем и оказывают положительно влияние на спрос со стороны потребителей платежных услуг. Однако, по мнению автора, первостепенная роль в информационной экономике принадлежит организационно-экономическим факторам. Так, произошедшие изменения в работе платежных систем стали возможны благодаря техническому прогрессу и развитию коммуникационных технологий. Применение современных информационных технологий делает платежные системы более экономичными, позволяя снижать себестоимость транзакции по мере увеличения их объема, что является немаловажным преимуществом перед бумажными инструментами, в плане экономии на масштабах операций. Значительное влияние на развитие систем, использующих электронные средства платежа, оказывает прогресс в облас-

ти разработки устройств, которые взаимодействуют с носителями электронной платежной информации и осуществляют функцию доступа к расчетным средствам клиентов.

Трансформация сферы денежного обращения, по мнению автора, связана с изменениями всей системы экономических отношений: социально-экономических, организационно-экономических и институционально-экономических. Изменения в организационно-экономических отношениях связаны с механизмами расчета и проявляются в форме оплаты за товары и услуги, в форме оплаты труда и т.п. Платежные инструменты, основанные на информационных технологиях, позволяют: быстро рассчитываться за товары и услуги, переводить деньги без непосредственного присутствия плательщика и получателя в одном месте, посредством электронных систем коммуникаций с минимальными издержками (путем перечис-

ления электронных денег с одного кошелька на другой); осуществлять выплату заработной платы безналичным способом с использованием банковских карт (посредством перечисления заработной платы на определенный банковский счет), которые представляют собой идентификационный документ, позволяющий его владельцам проводить расчеты и получать наличные; рассчитываться в магазинах пластиковыми картами, использовать специальные технические устройства и т.п.

Изменения институционально-экономических отношений проявились в новых нормативно-правовых документах, законах, новых формальных и неформальных правил взаимодействия между субъектами по поводу расчетов. Появление новых институтов, осуществляющих деятельность в сфере электронных платежей и обращения электронных денег (операторы электронных денег, операторы мобильной связи и др.) потребовало введения соответствующих нормативно-правовых актов, регулирующих эти отношения. В России до недавнего времени отсутствовали законодательные акты, регулирующие деятельность электронных платежных систем, электронных денег. Однако в июне 2011 года был принят закон «О национальной платежной системе», устанавливающий основы платежной системы и регулирующий деятельность ее участников. Необходимость принятия такого закона была вызвана отсутствием законодательных актов и качественного контроля за платежными инновациями, вызванными информаци-

но-технологическим развитием (*электронные деньги, мобильные платежи*). Основной акцент в законопроекте сделан на сфере электронных платежей, которая должна стать подконтрольной и лицензируемой Банком России.

При трансформации денежной сферы в период информационной экономики меняются и социально-экономические отношения. Изменения связаны в структуре собственности – возникновение частных и смешанных (государственно-частных) платежных систем. Кроме того, наряду со старыми (Центральный банк, коммерческие банки), появились и новые субъекты отношений (небанковские организации, платежные агенты и т.п.) Соответственно, усложняется и структура субъектов социально-экономических отношений. Если раньше монопольное право на выпуск денег принадлежало государству, то с электронизацией сферы денежного обращения стали появляться частные (небанковские) организации, которые занимаются эмиссией денег, например, на основании выданных лицензий (страны ЕС, Россия и др.).

Таким образом, экономическая сущность трансформации денежного обращения в информационной экономике определена как модернизация форм денег, механизмов расчетов, сопровождающаяся изменениями социально-экономических, организационно-экономических, институционально-экономических отношений по поводу расчетов между хозяйствующими субъектами.

Библиографический список

1. Рогова, О.Л. Разрушение платежно-расчетной системы - фактор демонтажа банковского сектора // Бизнес и банки. - 2000. - № 12.
2. Парамонова, Т.В. Платежно-расчетная система Банка России: состояние и перспективы: автореф. дис. ... канд. эконом. наук. - Москва, 2001.
3. Березина, М.П. Безналичные расчеты в экономике России. Анализ практики. - М., 1997.

Bibliography

1. Rogova, O.L. Razrushenie platezhno-raschetnoy sistemih - faktor demontazha bankovskogo sektora // Biznes i banki. - 2000. - № 12.
2. Paramonova, T.V. Platezhno-raschetnaya sistema Banka Rossii: sostoyanie i perspektivih: avtoref. dis. ... kand. ehkonom. nauk. - Moskva, 2001.
3. Berezina, M.P. Beznalichnihe raschetih v ehkonomike Rossii. Analiz praktiki. - M., 1997.

Статья поступила в редакцию 29.10.11

УДК 332.12

Starikov A.M. **BASIC APPROACHES TO ANALYSIS AND MANAGEMENT OF TERRITORIAL RISK OF THE REGION.** The article considers basic approaches to defining and analyzing the territorial risk of the region. Furthermore, it covers the process of the respective risk management as a necessary part required for the maintaining the sustainable development of the regional economic system.

Key words: territory, spatial localization, regional economic system, territorial risk of region, regional economy.

A.M. Starikov, соискатель каф. «Экономической теории и мировой экономики» Южно-Уральского государственного университета, E-mail: alexander.m.starikov@gmail.com

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ И СНИЖЕНИЮ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ РИСКОВ РЕГИОНА

В статье представлены основные подходы к определению и анализу территориальных рисков на региональном уровне. Автором рассмотрено управление данными рисками как необходимый составляющий элемент в обеспечении устойчивого развития региональной экономической системы.

Ключевые слова: территория, пространственная локализация, региональная экономическая система, территориальный риск региона, региональная экономика.

Управление экономикой региона на современном этапе реализуется в сложных социально-экономических условиях, определяемых последствиями мирового финансового кризиса, изменением конъюнктуры международных рынков, усилением отраслевой и межотраслевой конкуренции. Перечисленные условия формируют внешние и внутренние факторы, порождающие территориальные риски в экономической деятельности региона.

Анализ территориальных рисков на уровне региона, оценка их влияния на результаты функционирования экономичес-

ких субъектов является весьма важной составляющей в обосновании управленческих решений и, как следствие, обеспечения устойчивого развития региональных экономических систем.

Алгоритм исследования территориальных рисков представлен на рисунке 1.

Существует множество подходов к определению понятия «территория». Одним из базовых является следующее определение: «территория – это ограниченная часть твердой поверхности Земли с присущими ей природными и антропоген-

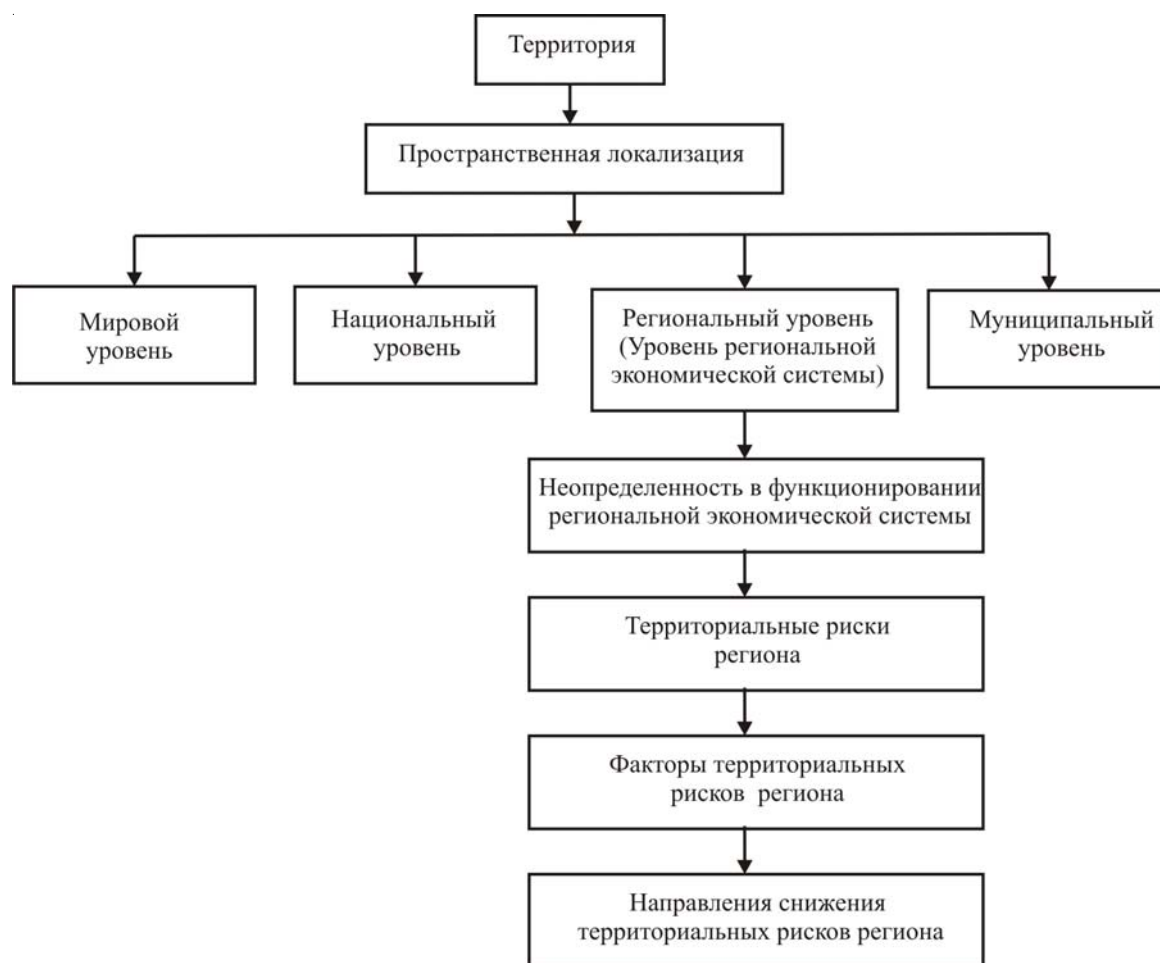

Рис. 1. Алгоритм исследования территориальных рисков региона

ными свойствами и ресурсами, характеризующаяся протяженностью (площадью) как особым видом пространственного ресурса, географическим положением и другими качествами» [1, с. 50]. Наиболее емким представляется определение территории В. Лексина и А. Швецова как «определенной части социального, природного, экономического, инфраструктурного, культурно-исторического и, наконец, собственно пространственного потенциала государства, которая находится в юрисдикции субфедеральных или местных органов власти» [2, с. 24]. Необходимо отметить, что, несмотря на различия в определениях, практически все авторы выделяют в качестве неразрывной и принципиальной черты территории – ее пространственно-географическую локализацию, которая может рассматриваться на следующих уровнях:

- мировом (на уровне функционирования глобальной экономики);
- национальном (в пределах государственных границ);
- региональном (в рамках границ субъекта страны);
- муниципальном (в пределах районных, городских и сельских муниципальных образований).

Локализация субъектов на региональном уровне тесно связана с понятием региональной экономической системы, под которой мы будем понимать функционирующую, территориально специализированную систему, характеризующуюся единством и целостностью воспроизводственного процесса. Функционирование региональной экономической системы сопряжено с неопределенностью в получении планируемых экономических показателей, количественным выражением чего является экономический риск, имеющий самостоятельное теоретическое и прикладное значение. Наименее изученным остается специфический вид риска – территориальный

риск, поскольку территориальное расположение является одним из важнейших факторов, влияющих на стабильное экономическое развитие региона.

Под территориальным риском на региональном уровне будем понимать вероятность несоответствия характеристик экономической деятельности регионального субъекта экономики прогнозируемым величинам, обусловленную особенностями его территориального пространственно-географического расположения.

Под объектом воздействия территориальных рисков региона понимается региональная экономическая система или какая-либо ее часть (финансовая система региона, субъект экономической деятельности), на которую оказывается осознанное или неосознанное влияние, приводящее к изменению ее исходного состояния, что, в свою очередь, может привести к возникновению данных рисков. Субъект воздействия выступает как сила, которая является инициатором возникновения фактора, оказывая влияние на объект приложения усилия. В качестве субъекта воздействия могут выступать орган государственной власти, предприятия, отдельные лица, природные силы, их совокупность.

В основе возникновения территориальных рисков лежит фактор воздействия, под которым следует понимать то или иное событие, либо цепь событий, которые влияют на развитие региона, на отдельные части региональной системы. Тем самым факторы воздействия оказываются значимыми и в случае принятия решений в области экономической и управленческой деятельности.

При этом следует иметь в виду, что фактором воздействия в отдельных случаях может выступать непосредственно субъект экономической деятельности. Таким образом, прояв-

ляется взаимосвязь между региональной экономической системой, территориальными рисками, факторами воздействия и объектом воздействия. Фактор воздействия является причиной для возникновения того или иного территориального риска, вместе с тем, в зависимости от конкретной рассматриваемой ситуации событие может являться фактором воздействия или формой данного вида риска.

Количественные и качественные характеристики территориальных рисков могут существенно меняться в зависимости от уровня его возникновения. Каждому уровню соответствует своя рискованная совокупность, факторы риска, принципы и методы управления им. Выделим среди них: макроуровень (уровень мировой экономики и экономики страны, под юрисдикцией которой находится хозяйствующий субъект), мезоуровень (уровень отрасли экономики региональной системы) и микроуровень (уровень якорных предприятий и местных экономических микроструктур).

Территориальные риски региона на макроуровне возникают в связи с экономическими проблемами мировой экономики и экономики отдельных государств. Основными факторами риска на макроуровне могут являться отсутствие ключевых территориальных ресурсов, неравномерность заселенности территорий, ориентированность экономики на экспорт сырья, отсутствие региональных кластеров регионов и т.д.

Территориальные риски на мезоуровне имеют в основном отраслевой характер, так как регионы специализируются в каких-то конкретных отраслях и направлениях деятельности. В данном случае наибольшему риску подвержены монопродуктовые регионы с односторонне выраженной отраслевой экономической специализацией. К основным факторам на этом уровне относятся степень отраслевой специализации, отраслевые особенности регионального рынка сырья и продуктов, состояние рынка труда и другие факторы.

Территориальные риски региона на микроуровне определяются спецификой местных предпринимательских структур, политикой местного руководства и т.п. Основными факторами возникновения данных рисков на микроуровне являются местоположение предприятия, его удаленность от транспортных магистралей, рынков сырья и сбыта, степень развития

инфраструктуры предпринимательства в регионе и другие факторы.

Обобщая вышесказанное, отметим, что территориальные риски региона формируются как под воздействием макроэкономических кризисных процессов, так и под влиянием местных особенностей экономического и социального развития, ресурсного потенциала, географического положения, участия регионов в территориальном разделении труда.

В основе сокращения уровня территориальных рисков региона лежит «действенный контроль органами управления за эффективностью использования природных, трудовых, материальных, финансовых ресурсов, достижением темпов экономического роста эффективности регионального производства, повышением качества продукции, работ, услуг, демополизацией производства, повышением конкурентоспособности хозяйствующих субъектов» [3, с. 44].

Концепция управления территориальными рисками региона включает в себя следующие этапы:

- определение методологии анализа и оценки факторов риска и состояния региона;
- формирование целей и механизмов снижения территориальных рисков региона;
- разработка системы управления ресурсами с целью воздействия на уровень территориальных рисков региона.

На начальном этапе происходит анализ факторов, воздействующих на развитие региона в комплексе и на деятельность субъектов экономической деятельности, органов власти и представляющих собой угрозу достижению поставленных ими целей и задач.

На следующем этапе государственными органами вырабатываются цели и механизмы управления территориальными рисками региона и их применения для всех субъектов региона. Под механизмами теории территориальных рисков понимается методология оценки регионального потенциала, а также комплексной оценки влияния на него территориальных рисков.

На заключительном этапе происходит внедрение органами власти разработанных мер по управлению территориальными рисками региона и, соответственно, снижения их уровня (рис. 2).

Рис. 2. Внедрение мер по управлению территориальными рисками региона

Возможные направления обеспечения экономической безопасности региона в процессе управления территориальными рисками зависят также от уровня государственного ре-

гулирования: макро-, мезо- и микроуровня. К государственным мерам по управлению территориальными рисками региона на макроуровне относятся финансовая стабилизация,

формирование эффективного налогового законодательства, нормализация на равноправной основе бюджетно-финансовых взаимоотношений между субъектами Федерации и федеральным центром, регулирование экспортно-импортных тарифов.

Направления регулирования уровня территориальных рисков региональной экономической системы на мезоуровне включают федеральную поддержку экономики регионов депрессивных и слаборазвитых регионов, межотраслевую диверсификацию монопродуктовых регионов, формирование системы ограничения рыночных рисков якорных отраслей регионов-доноров, реализацию целевых федеральных территориально-ориентированных программ.

К мерам управления территориальными рисками региона на микроуровне относятся приватизация и акционирова-

ние государственных предприятий, формирование финансово-промышленных групп, санация убыточных предприятий, поддержка малого бизнеса, проведение земельной реформы, содействие формированию эффективной рыночной инфраструктуры, регулирование деятельности предприятий с иностранными инвестициями.

Таким образом, в процессе управления региональными хозяйствующими субъектами необходимо учитывать такую разновидность экономического риска, как территориальный риск, имеющий важное теоретическое и прикладное значение в вопросе обеспечения стабильного развития региональной экономической системы. Для этого необходимо придерживаться системного подхода к определению, анализу территориальных рисков региона, а также формированию эффективных мер по управлению ими.

Библиографический список

1. Алаев, Э.Б. Социально-экономическая география: понятийно-терминологический словарь. – М., 1983.
2. Лексин, В.Н. Государство и регионы: теория и практика государственного регулирования территориального развития / В.Н. Лексин, А.Н. Швецов. – М., 1997.
3. Гуськов, Н.С. Экономическая безопасность регионов России / Н.С. Гуськов, В.Е. Зенякин, В.В. Крюков. – М., 2000.

Bibliography

1. Alaev, E.B. Socialjno-ehkonomicheskaya geografiya: ponyatijno-terminologicheskij slovarj. – M., 1983.
2. Leksin, V.N. Gosudarstvo i regionih: teoriya i praktika gosudarstvennogo regulirovaniya territorialjnogo razvitiya / V.N. Leksin, A.N. Shvecov. – M., 1997.
3. Gusjkov, N.S. Ehkonomicheskaya bezopasnostj regionov Rossii / N.S. Gusjkov, V.E. Zenyakin, V.V. Kryukov. – M., 2000.

Статья поступила в редакцию 03.11.11

Раздел 5

ИСТОРИЯ

Редакторы раздела:

НИКОЛАЙ СЕМЕНОВИЧ МОДОРОВ – доктор исторических наук, профессор Горно-Алтайского государственного университета, академик РАГН, (г. Горно-Алтайск)
ВАЛЕРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ БАРМИН – доктор исторических наук, профессор Алтайской государственной педагогической академии (г. Барнаул), АлтГПА

УДК 327:9(С)28

Ditte O. V. **INTERACTION BETWEEN RUSSIA AND THE CIS COUNTRIES IN SECURITY ISSUES IN THE POST-SOVIET SPACE.** There is a historiographical overview in this article. The article highlights the issues of geopolitical cooperation of the Russian Federation and the Commonwealth of Independent States. We consider the development and functioning of the military-political organizations in the former Soviet Union. We obtain the stages and role the Russian Federation in addressing security issues in the former Soviet Union.

Key words: **military-political cooperation, integration processes.**

O. V. Ditte, аспирант ЧГПУ, г. Челябинск, E-mail: ditteov@mail.ru

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИИ И СТРАН СНГ В РЕШЕНИИ ВОПРОСОВ БЕЗОПАСНОСТИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В данной статье представлен историографический обзор, освещаются вопросы геополитического сотрудничества Российской Федерации и стран Содружества Независимых Государств. Рассматривается развитие и функционирование военно-политических организаций на территории бывшего Советского Союза. Выделены этапы и роль России в решении вопросов безопасности на постсоветском пространстве.

Ключевые черты: **военно-политическое сотрудничество, интеграционные процессы.**

Там, где наблюдается прогресс в урегулировании конфликтов на территории бывшего Советского Союза, он обычно достигался благодаря усилиям России.

М. Узббер

2011 год отмечен 20-летием создания СНГ. Это немалый промежуток времени для развития активного партнерства на постсоветском пространстве. Уже проявились определенные тенденции развития бывших советских республик в качестве самостоятельных государств и также возникают сложности, связанные с дезинтеграционными процессами между формирующимися республиками. В это же время вырабатываются способы и опыт преодоления трудностей и намечаются пути дальнейшего развития независимых государств как интеграционных структур на территории бывшего Советского Союза. Все эти процессы находятся в поле зрения различных наук.

Наиболее активно проблемы развития сотрудничества России и стран ближнего зарубежья изучают политологи, социологи и экономисты, но недостаточно исследуются историками. В связи с этим, вероятнее предположить, что для объективности результатов исследования форм и проблем сотрудничества России и стран СНГ историкам требуется более продолжительный промежуток времени изучаемых событий. Работы по данной проблеме представлены преимущественно отдельными статьями в научных сборниках и периодических изданиях [1], мемуарной литературой [2]. Монографическая литература посвящена отдельным аспектам проблемы [3]. Работы обобщающего характера о многовекторных интеграционных процессах на постсоветском пространстве отсутствуют.

В данной статье автор ставит своей задачей проследить роль России в решении вопросов безопасности на постсоветском пространстве, выявить наиболее типичные формы военно-политического сотрудничества Российской Федерации со странами ближнего зарубежья.

С распадом СССР наиболее интенсивно стали развиваться взаимные отношения в сфере безопасности. Эти процессы шли параллельно с развитием новой государственности во всех бывших республиках Советского Союза. Еще в начале 90-х гг. Российская Федерация активно укрепляет свою государственность, формирует единую политическую систему и вырабатывает подходы для укрепления обороны и безопасности страны. Аналогичные процессы происходили и в новых республиках, но, правда, не столь активно и быстро. К тому же важным фактором интеграционных процессов на постсоветском пространстве можно назвать личностный и психологический фактор, так как у руководства каждой бывшей советской республики оказалась та политическая элита, которая активно сотрудничала между собой еще в советское время. С течением времени все более явно стала проявляться тенденция к формированию новых основ сближения. Так, считая Россию самой большой страной в мире по территории, самой богатой недрами, Н. Назарбаев убежден, что именно она должна стать центром притяжения других государств на своем континенте, тем более в отношении к бывшим республикам Советского Союза» [4, с. 372.].

Именно необходимость в обеспечении безопасности границ Российской Федерации и территории ее ближайших соседей, недопущение превращения ближнего зарубежья в зону

территориальных, межнациональных, конфессиональных и иных конфликтов и определяет интеграционные процессы на постсоветском пространстве в военно-политической сфере. С учетом этого в «Концепции внешней политики Российской Федерации» отмечено, что Россия одним из приоритетных региональных направлений во внешней политике считает обеспечение соответствия многостороннего и двустороннего сотрудничества с государствами-участниками Содружества Независимых Государств (СНГ) задачам национальной безопасности страны и мира [5]. Первой такой интегрированной военно-политической организацией стала Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Договор о коллективной безопасности подписали Армения, Казахстан, Киргизия, Российская Федерация, Таджикистан и Узбекистан в Ташкенте 15 мая 1992 г. Позднее к Договору присоединились Азербайджан, Белоруссия, Грузия. В апреле 1994 г. после процесса ратификации Договор вступил в силу.

В рамках Договора укрепляется защита общекультурного, экономического и территориального постсоветского пространства совместными военными методами армий и вспомогательных подразделений министерств и ведомств стран участниц СНГ от любых внешних военно-политических агрессоров, международных террористов, а также от природных катастроф крупного масштаба. Однако не налажено сотрудничество в деле разработки, производства и поставок вооружения и военной техники, не в должной мере используется мощный и интегрированный военно-промышленный и научно-технический потенциал государств-участников Договора.

Демонстрацией сил объединенных государств стали прошедшие совместные командно-штабные учения «Южный щит Содружества – 2000» в Центральной Азии в период 23 марта – 3 апреля 2000 г. под эгидой Штаба по координации военного сотрудничества государств СНГ. Целью этих учений была отработка мер противодействия возможному вторжению террористических банд на территории любой из стран – участниц Договора о коллективной безопасности и Узбекистана [6, с. 291]. В них приняли участие военные подразделения России, Узбекистана, Таджикистана, Киргизии, Казахстана, Белоруссии и Армении. Тем самым впервые был реально задействован механизм Договора о коллективной безопасности.

Вопросы укрепления национальной безопасности решаются Российской Федерацией в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), объединяющей Россию, Китай, Казахстан, Киргизию, Таджикистан и Узбекистан. Организация была создана 15 июня 2001 г. За исключением Узбекистана, остальные страны являлись участницами «Шанхайской пятёрки», основанной в результате подписания в 1996 – 1997 гг. между ними соглашений «об укреплении доверия в военной области и о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы» [7]; после включения Узбекистана в 2001 г. участники переименовали организацию.

В поле зрения военно-политических интегрированных организаций помимо военных угроз, находятся вопросы противодействия международному терроризму, наркобизнесу, нелегальной миграции, транснациональной организованной преступности, коллективное реагирование на чрезвычайные ситуации, гуманитарные катастрофы, широкий спектр угроз в информационной сфере и борьба с киберпреступностью [8].

Была составлена правовая база в сфере безопасности на постсоветском пространстве, но многие республики продолжали конфликтовать, что создавало проблемы для реализации договоров в военной сфере и невозможности контролировать значительную территорию. Вместе с тем, первые договоры в сфере безопасности составили юридическую базу для формирования многонациональных миротворческих сил СНГ, ядро которых определяли контингенты России. Многонациональные силы в некоторых случаях оказывали сдерживающее влияние на региональные конфликты. Миротворчество облегчало России сотрудничество со странами СНГ в охране внешних границ Содружества, что позволяло Москве частично сохранять контроль над ситуацией у дальних подступов к границам России.

Активные позиции в области укрепления геополитического пространства бывшего Советского Союза, помимо России, занимали Казахстан и Узбекистан. Руководители республик совместно декларировали о геополитическом сближении, но дальше деклараций дело не двигалось.

В складывающихся военно-политических отношениях между государствами СНГ, достаточно условно можно выделить три основных этапа взаимодействия.

Первый этап: декабрь 1991 г. – май 1992 г. В этот период были приняты Учредительные акты СНГ, и основные усилия в военной области были направлены на то, чтобы сохранить общее оборонное пространство на территории бывшего СССР и Объединенные вооруженные силы на основе Советских Вооруженных Сил. В этот же период создается Совет министров обороны и Главное командование Объединенных сил СНГ. Все воинские формирования и объекты общего назначения, за исключением собственных вооруженных сил государств-участников, находились в непосредственном подчинении командующего силами общего назначения. Однако, вопреки желанию сохранить Объединенные вооруженные силы, практически одновременно в суверенных государствах началось формирование и развитие национальных вооруженных сил. Это привело к полному разделу Вооруженных Сил СССР, который происходил стихийно, по государственно-территориальному принципу и привел к образованию неравных, различных по составу и уровню оснащенности группировок войск (сил) некогда единого военного потенциала. Недоверие лидеров и военнослужащих бывших советских республик к России, как к наследнице империи и, желание новых государств сформировать национальные армии для защиты суверенитета и своих границ объективно не позволили сохранить прежние вооруженные силы.

Второй этап: май 1992 г. – апрель 1994 г. В этот период подписывается Договор о коллективной безопасности и принятые в его развитие документы заложили основу военно-политической интеграции государств-участников, но реализовать на практике конкретные меры по коллективной безопасности Содружества на этом этапе так и не удалось. Принимаемые на межгосударственном уровне решения по военным вопросам не подкреплялись соответствующими законодательными актами независимых государств, не был разработан механизм их реализации. Вместо создания ОВС продолжалось активное строительство национальных армий.

Третий этап: апрель 1994 г. – по настоящее время. Для него характерны нарастание устойчивых тенденций и практической реализации шагов по созданию системы безопасности СНГ. Центробежные тенденции на территории бывшего СССР сменились осознанием необходимости развития реального всестороннего сотрудничества в военной сфере. Были подписаны базовые документы, определившие конфигурацию региональной системы военной безопасности СНГ.

В целях реализации интеграционных процессов в сфере безопасности проводятся совместные боевые учения, осуществляется координация и взаимодействие компетентных органов стран-участниц, готовятся международные документы и формируется банк данных, сбор и анализ информации по вопросам борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, активизируется сотрудничество в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств и др.

Система коллективной безопасности стран СНГ призвана играть стабилизирующую роль не только на постсоветском пространстве, но и в международном масштабе. Она может стать и становится частью системы всеобъемлющей безопасности для Европы и Азии и в мире в целом. Договор создает основу для решения проблем безопасности государств-участников политическими, мирными средствами. «Мы не раз говорили всем нашим партнерам, что мы настроены на позитивное сотрудничество, хотим действовать против общих угроз, хотим действовать совместно», – утверждает Президент РФ Д.А. Медведев [9, с. 3].

Система коллективной безопасности на постсоветском пространстве развивается в соответствии с реалиями современного мира. В связи с процессами глобализации и все возрастающей опасностью международного терроризма и экстремизма, многочисленными чрезвычайными ситуациями техногенного характера возникает необходимость в формировании военных сил быстрого реагирования. Россия берет на себя инициативу комплектования армии коллективных сил оперативного реагирования (КСОР). Коллективные силы дислоцируются на территории России, а другие государства, в случае необходимости, будут предоставлять свои вооруженные силы. Соглашение о создании КСОР ОДКБ было подписано в Москве 14 июня 2009 г., но подписи под документом не поставили Узбекистан и Белоруссия. В Казахстане в ноябре 2009 г. состоялись первые учения КСОР ОДКБ, которые прошли успешно. «Создание этих сил направлено на укрепление военной составляющей ОДКБ. Также это поможет укрепить наш потенциал», – подчеркнул президент Армении Серж Саргсян [10]. Активные усилия Российской Федерации в данной области находят поддержку со стороны стран ближнего зарубежья.

В конце 2009 г. осложнились военно-политические отношения между Москвой и Кишиневом. Так новый премьер-министр Молдавии Влад Филат потребовал вывода российских войск из Приднестровья, позиция России по данному вопросу осталась прежней: она не считает, что нарушаются какие-то международные договоренности, и российские войска охраняют склады с боеприпасами [11].

Между тем, отношения России и Украины перестали быть конфликтными. Особенно острой была проблема базирования Черноморского флота РФ на территории Украины. Начиная с 1995 г. Черноморский флот как объединенный флот РФ и Украины был разделен на Черноморский флот РФ и ВМС Украины [12]. В 1997 г. Россия и Украина заключили базовое соглашение, в котором четко оговорены условия аренды базы Черноморского флота на территории Украины, в том числе арендная плата 98 млн. долларов, а также срок пребывания Черноморского флота РФ на территории Украины – до 28 мая 2017 года. Соглашение заключено на 20 лет. Срок его дей-

ствия будет автоматически продлеваться на последующие пятилетние периоды, если ни одна из Сторон не уведомит письменно другую Сторону о прекращении действия Соглашения не позднее, чем за один год до истечения срока его действия [13]. Но, не смотря на заключенные договоры, каждая сторона выдвигала свои претензии – со стороны Украины: относительно оплаты, незаконного нахождения на ее территории, неэквивалентной замены устаревшей техники; со стороны РФ: неисполнение ранее принятых соглашений, незаконное вторжение на гидрографические объекты, находящиеся в собственности России, оперирование дезинформацией. После долгих переговоров было решено: закрепить базирование Черноморского флота РФ на территории Украины в рамках ранее принятых соглашений. Несмотря на достигнутые договоренности, отдельные политики Украины продолжают предлагать альтернативные пути решения проблемы Черноморского флота. Так депутат ВМС Украины Ю. Стець предложил: «Уважая давние отношения братских народов России и Украины и поддерживая стремление политиков обеих стран развивать добрососедские отношения... возможно, было бы целесообразно предложить российской стороне следующее соглашение: Украина соглашается на пребывание Черноморского Флота РФ на своей территории и после 2017 г. Вместе с тем Военно-морские силы Украины получают право на расположение своей базы в Балтийском регионе в г. Кёнигсберг» [14].

Таким образом, нестабильная военно-политическая обстановка после распада СССР на всем постсоветском пространстве в целом и в каждой из бывших республик в отдельности способствовала поиску координации действий, в первую очередь, для охраны своих государственных границ и национальных интересов России. Обладая наибольшим военным потенциалом, именно Россия стала одним из инициаторов укрепления СНГ и создания многих объединений, направленных на обеспечение безопасности.

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Правительства Челябинской области 2011 г.

Библиографический список

1. Косикова, Л.С. Россия и страны СНГ: новые тенденции развития в постсоветском регионе и кризис региональной интеграции // Россия – Евросоюз – страны СНГ: экономические и политические отношения на пространстве общего соседства. – М., 2007.
2. Видова, О. Нурсултан Назарбаев: портрет человека и политика. – М., 2003. Гайдар, Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. – М., 2007. – М., 2011.
3. Согрин, В.В. Политическая история современной России, 1985-2001: от Горбачева до Путина. – М., 2001.
4. Видова, О. Нурсултан Назарбаев: портрет человека и политика. – М., 2003.
5. Концепция внешней политики Российской Федерации: утверждена Президентом Российской Федерации Д.А.Медведевым 12 июля 2008 г. [Э/р]. – Р/д: <http://kremlin.ru>
6. Гаджиев, К.С. Геополитика Кавказа. – М., 2001.
7. Соглашение между республикой Казахстан, Кыргызской республикой, Российской Федерацией, республикой Таджикистан и Китайской народной республикой о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы (от 24. 04. 1997, г. Москва) [Э/р]. – Р/д: <http://www.pavlodar.com>
8. Бобышев, В.И. Совет безопасности: Беларусь не рассматривает ОДКБ как военную организацию и как конкурента НАТО // Тез. докл. междунар. сем. Минск, 29 окт. 2010 г. – Минск, 2010.
9. Послание президента Российской Федерации Дмитрия Анатольевича Медведева Федеральному собранию // Российская газета. – 2008. – 6 ноября.
10. Резчиков, А.В. ОДКБ будут сформированы силы оперативного реагирования // Взгляд. – 2009. – 4 февр.
11. За год Россия успела поссориться почти со всеми соседями [Э/р]. – Р/д: <http://www.nr2.ru>
12. Соглашение между Российской Федерацией и Украиной по Черноморскому флоту // Дипломатический вестник. – 1995. – 7 июля.
13. Соглашение между Российской Федерацией и Украиной о параметрах раздела Черноморского флота // Дипломатический вестник. – 1997. – 28 мая.
14. Щербаков, В. Чёрное море – зона противостояния // Газета.Ru. – 2008. – 5 сент.

Bibliography

1. Kosikova, L.S. Rossiya i stranah SNG: novih tendencii razvitiya v postsobetskom regione i krizis regionalnoj integracii // Rossiya – Evrosoyuz – stranah SNG: ehkonomicheskie i politicheskie otnosheniya na prostranstve obthego sosedstva. – М., 2007.
2. Vidova, O. Nursultan Nazarbaev: portret cheloveka i politika. – М., 2003. Gaytdar, E.T. Gibelj imperii. Uroki dlya sovremennoj Rossii. – М., 2007. – М., 2011.
3. Sogrin, V.V. Politicheskaya istoriya sovremennoj Rossii, 1985-2001: ot Gorbacheva do Putina. – М., 2001.
4. Vidova, O. Nursultan Nazarbaev: portret cheloveka i politika. – М., 2003.
5. Konceptiya vneshnej politiki Rossijskoj Federacii: utverzhdena Prezidentom Rossijskoj Federacii D.A.Medvedevim 12 iyulya 2008 g. [Eh/r]. – R/d: <http://kremlin.ru>
6. Gadzhiev, K.S. Geopolitika Kavkaza. – М., 2001.
7. Soglashenie mezhdru respublikoy Kazakhstan, Kihrgihzskoy respublikoy, Rossijskoj Federaciej, respublikoy Tadhikistan i Kitajskoj narodnoj respublikoy o vzaimnom sokrathenii vooruzhennih sil v rayjone granicah (ot 24. 04. 1997, g. Moskva) [Eh/r]. – R/d: <http://www.pavlodar.com>

8. Bobihshev, V.I. Sovet bezopasnosti: Belarusj ne rassmatrivaet ODKB kak voennuyu organizaciju i kak konkurenta NATO // Tez. dokl. mezhdunar. sem. Minsk, 29 okt. 2010 g. – Minsk, 2010.
9. Poslanie prezidenta Rossijskoj Federacii Dmitriya Anatoljevicha Medvedeva Federaljnomu sobraniju // Rossijskaya gazeta. – 2008. – 6 noyabrya.
10. Rezchikov, A.V. ODKB budut sformirovani sili operativnogo reagirovaniya // Vzglyad. – 2009. – 4 fevr.
11. Za god Rossiya uspela possoritsijsya pochti so vsemi sosedyami [Eh/r]. – R/d: <http://www.nr2.ru>
12. Soglashenie mezhdru Rossijskoj Federaciej i Ukrainoj po Chernomorskemu flotu // Diplomaticeskij vestnik. – 1995. – 7 iyulya.
13. Soglashenie mezhdru Rossijskoj Federaciej i Ukrainoj o parametrah razdela Chernomorskogo flota // Diplomaticeskij vestnik. – 1997. – 28 maya.
14. Therbakov, V. Chyornoe more – zona protivostoyaniya // Gazeta.Ru. – 2008. – 5 sent.

Статья поступила в редакцию 29.10.11

УДК 9(С) 28:008

Ditte O.V., Sidorenko N.S. **HUMANITARIAN AND CULTURAL COOPERATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND FORMER SOVIET REPUBLICS.** The article highlights the issues of humanitarian cooperation of the Russian Federation and the Commonwealth of Independent States. Select the form and the problem of formation of the humanitarian and cultural relations between the neighboring countries.

Key words: cooperation in humanitarian sector, the cultural partnership.

О.В. Дитте, аспирант ЧГПУ, г. Челябинск, E-mail: ditteov@mail.ru;

Н.С. Сидоренко, д-р ист. наук, проф. ЧГПУ, E-mail: ditteov@mail.ru

ГУМАНИТАРНОЕ И КУЛЬТУРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И БЫВШИХ СОВЕТСКИХ РЕСПУБЛИК

В статье освещаются вопросы гуманитарного сотрудничества Российской Федерации и стран Содружества Независимых Государств. Выделены формы и проблемы формирования гуманитарных и культурных отношений между странами ближнего зарубежья.

Ключевые слова: сотрудничество в гуманитарной сфере, культурное партнерство.

«Культурные ценности – это важнейший элемент общения, взаимопонимания и взаимосближения народов. Они выступают главным критерием поддержки духовности и неразрывной связи поколений, объединяют их в единую цепь исторического развития» [1].

2011 год отмечен не только 20-летием создания СНГ, но и годом историко-культурного наследия [2]. Гуманитарное сотрудничество является одним из приоритетов интеграции на пространстве Содружества [3]. Фактором, содействующим этому являются многовековые традиции сотрудничества народов СССР, общность основных приоритетных направлений советской многонациональной культуры, наличие некогда единого для всех русского языка и стремление русскоговорящего населения к формированию единого культурного пространства с Россией в рамках СНГ.

Возникшие изменения в российском государстве, после распада СССР негативно сказались на его духовных традициях, отодвинули прошлые культурные ценности. В результате материально-техническая база культуры, особенно в 1990-е годы значительно ослабла, что отрицательно отразилось на развитии культурной политики государства, повлекло закрытие кинотеатров, клубов, библиотек, музеев, театров и т.д.

С начала 90-х годов Российская Федерация активизировала деятельность по сохранению, восстановлению и развитию единого научного, информационного и культурного пространства. Важнейшими направлениями такого сотрудничества стали совместные научные исследования в области гуманитарных и естественных наук, международные фестивали и конкурсы, проводимые в странах Содружества и другие. Важной составной частью гуманитарного сотрудничества выступило оказание помощи со стороны России развитию материально-технической базы культурного партнерства стран СНГ [4].

В эти же годы создаются специальные координационные центры, в числе наиболее значимых – Совет по культурному сотрудничеству государств – участников СНГ и Межгосударственный фонд гуманитарного сотрудничества госу-

дарств – участников СНГ. Совместно они реализовали более 250 проектов.

Результатами совместных усилий стали: Евразийская киноакадемия, книгоиздание, международные научно-исследовательские центры; Молодежный симфонический оркестр стран СНГ, Сетевой университет СНГ учрежденные межгосударственных премий СНГ «Звезды Содружества» и «Содружество дебютов» и др. Важное место в культурном сотрудничестве между странами СНГ заняли театральное искусство, литература, эстрада, живопись, разработка и принятие программы СНГ по охране культурного наследия и другие.

Активно развивается двустороннее культурное сотрудничество, ярким примером которого является российско-казахстанский мегапроект «Евразийство в XXI веке. Восток – Запад: электронное сотрудничество библиотек». Традиционным стало проведение Года культуры одной бывшей республики СНГ в другой [5]. Регулярно проводятся Дни культуры, недели кино, художественные салоны, кинофестивали. Эффективной формой для выработки и реализации согласованной совместной деятельности, новых проектов и программ являются форумы творческой и научной интеллигенции, объявление и проведение в СНГ ежегодных годов по гуманитарной тематике.

Наиболее активно развивается культурный обмен Российской Федерации с Белоруссией, Азербайджаном, Казахстаном, Арменией, прибалтийскими государствами, наметился позитивный сдвиг с Украиной. Значение такого процесса наиболее полно определил министр культуры Российской Федерации А.А. Авдеев: «Культура участвует в процессах глобализации, но мы должны научиться «дирижировать» этими процессами, чтобы не затеряться в потоке массовой культуры, который характерен для глобального мира. В этих условиях нужно научиться брать для себя лучшее из мировой культуры, так как далеко не все, что хорошо продается на рынке, обогащает духовно. И, конечно, показывать миру свою культуру, оставаясь самими собой – гражданами великой многонациональной России с великой многонациональной культурой» [6].

Большое значения для укрепления единого культурного пространства является сотрудничество в приграничных райо-

нах. Так, Челябинская область и республика Казахстан договорились «всемерно способствовать укреплению и развитию сложившихся культурных отношений, проведению декад национального искусства, обмену театральными постановками, выставками и создавать благоприятные условия для развития туризма» [7].

Совместными усилиями реализуются десятки проектов в сфере образования, просвещения, занятости населения, оздоровления, экологии, этнографического и экологического туризма. Местные органы власти содействуют обустройству и образованию казахов, проживающих на территории области, их интеграции в новый социум. На территории области действуют четыре казахских национально-культурных центра, которые способствуют сохранению и развитию казахского языка, обычаев и традиций – «Азамат», «Бирлик» («Единство»), «Береке» («Согласие»), «Мурагер» («Священное наследие»). К тому же главы государств договорились о существовании безвизового режима между РФ и республикой Казахстан. Дальнейшему развитию приграничного сотрудничества способствовало бы также создание единой информационной системы в рамках приграничных регионов.

С принятием Декларации о культурном сотрудничестве государств-участников СНГ по инициативе Российской Федерации (8 мая 2005 г.) на неформальном саммите глав государств Содружества в Москве заметно активизировалось культурное сотрудничество. Россия стремилась придать новый импульс многостороннему развитию связей в сфере культуры, науки, образования, информации и массовых коммуникаций, спорта, туризма, молодежного движения на постсоветском пространстве [8, с. 13]. «Общее образовательное пространство – это наше конкурентное преимущество. Сколько бы мы ни занимались совершенствованием внутренних институтов, мы понимаем, что наши рынки, наши страны очень тесно взаимосвязаны. И мы всегда будем соседями и всегда будем естественными партнерами», – отметил Президент России Д.А. Медведев [9].

Большую роль в укреплении дружественных связей между государствами и народами СНГ играет сотрудничество в области физической культуры и спорта. Спорт заслуженно занял одно из ведущих мест в деле воспитания молодежи, формирования нравственных ценностей у подрастающего поколения. Традиционным стало проведение Международных спортивных игр стран СНГ. Подписание главами правительств Соглашения о сотрудничестве в области физической культуры и спорта государств – участников Содружества дало возможность проводить более скоординированную и планомерную работу по оздоровлению населения, подготовке спортивных резервов и укреплению позиций стран ближнего зарубежья на международной спортивной арене. Государства постсоветского пространства «содействуют обмену и распространению на своих территориях информации, пропагандирующей здоровый образ жизни и достижения в спорте» [10].

Сфера культурного обмена развивается и в рамках Шанхайской организации. В Декларации о создании ШОС страны – участницы заявили и об «укреплении между государствами-участниками взаимного доверия, дружбы и добрососедства, поощрение эффективного сотрудничества между ними в ... научно-технической, культурной, образовательной ... и других областях» [11].

Впервые министры культуры стран-участниц ШОС встретились в Пекине 12 апреля 2002 г. Правительства государств активно поддержали проведение Дней культуры, участие художественных коллективов и деятелей искусств в совместных культурных мероприятиях. С того времени гуманитарное сотрудничество постепенно усиливается: проводятся совместные мероприятия, приуроченные к знаменательным историческим датам стран, входящих в ШОС, практикуются обмен студентами и профессорско-преподавательским составом, предпринимаются попытки создать совместные учебные центры [12, с. 291]. В 2008 г. был сформирован Университет ШОС как единое сетевое образовательное пространство, ба-

зирующееся на университетах, ведущих исследования в направлениях регионоведение, IT-технологии, нанотехнологии, энергетика, экология – к 2010 г. это 53 университета из 5-ти стран ШОС [13].

Гуманитарное сотрудничество формирует и воспитательный аспект. Начиная с 2005 г. ежегодно проводятся выставки детских рисунков «Дети рисуют сказки». Идея инициаторов проекта заключалась в том, чтобы через народные сказки стимулировать интерес детей к культуре соседних стран, а также национальному достоянию [14], была активно поддержана Секретариатом ШОС, а также Российской Федерацией, которые обратились к представителям Казахстана, Киргизии, Китая, Таджикистана и Узбекистана с предложением организовать совместную выставку детского рисунка. Предложение получило широкий отклик, и в июне 2009 г. состоялся вернисаж детских рисунков, представленных всеми странами – участниками ШОС. В дальнейшем такая воспитательная практика проводится в рамках двустороннего партнерства.

Отмечая положительные моменты культурного обмена на постсоветском пространстве, следует отметить и определенные трудности. Интеграционные процессы в сфере культуры сдерживаются недостатком финансовых средств. В соответствии с Учредительным договором от 11 сентября 1998 г. планировалось образовать Фонд поддержки культурного сотрудничества [15], но он до сих пор не создан. Некоторые страны СНГ обособили свои законодательства и нормативно-правовые базы, что повлекло за собой трудности, которые негативно сказались на взаимодействии и взаимопомощи национальных культур Содружества. Сократились возможности для создания общих культурных программ. В отдельных государствах Содружества уменьшилось значение русского языка – важнейшего носителя информации о русской культуре, хранителя памяти о нашем совместном прошлом, потенциала дальнейшего сохранения и развития многосторонних отношений между народами бывшего СССР. В некоторых республиках СНГ сократилась трансляция теле- и радиопрограмм из России, а в России – из этих стран, одновременно сократились тиражи российских газет и журналов, замедлился книжный обмен из-за таможенных и других налоговых пошлин.

Исследования Института стран СНГ отмечают рост антироссийских настроений даже в славянских странах. В Украине эти настроения выражаются в «насиленной паспортизации» русских в украинцев, в антироссийской пропаганде, развернутой в связи с «голодомором», оправданием и возвеличиванием УОН-УПА. 65% российских соотечественников, проживающих в Украине, выражают неудовлетворенность в том, как представлены российско-украинские отношения в школьных учебниках [16, с.72-73]. Искажение истории славянских народов ведет к культурно-историческому расколу украинского народа, вбивает клин в отношения между славянскими народами [17].

В Беларуси, где межнациональные отношения стабильно оцениваются положительно, наметилась тенденция непристязности и невыгодности российского гражданства. По мнению А.В. Докучаевой, отрицательный образ России во многом формируется СМИ, как белорусскими, так и российскими [17, с. 76]. В Казахстане процент опрошенных, негативно оценивающих отношения русских с титульным населением, составил 27%, это выше, чем в других бывших азиатских республиках (Киргизии, Узбекистане, Таджикистане). Более трети соотечественников не удовлетворены освещением российско-казахстанских отношений в школьных и вузовских учебниках [17, с. 78].

Преодолению противоречий культурно-исторического диалога на постсоветском пространстве призвано глубокое и всестороннее изучение истории СНГ и ее пропаганда; включение в новые федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС) изучение истории стран СНГ и Балтии, дальнейшее укрепление научного сотрудничества учебных учреждений стран СНГ.

20-летнее существование СНГ свидетельствует о том, что Содружество в целом состоялось как политическая реальность, оно содействовало становлению новых суверенных государств, их выбору собственной модели экономических реформ и государственного строительства, развитию взаимных отношений. Немало было сделано для сохранения сложившихся духовных, гуманитарных и культурных связей.

Сегодня государства Содружества стоят перед необходимостью выработки согласованных действий, синхронизации основных линий структурных трансформаций национальных законодательств и экономик, сближения и поэтапного формирования механизмов единого экономического и интегрированного геополитического и культурного пространства.

Библиографический список

1. Вопросы взаимодействия стран СНГ в гуманитарной сфере будут обсуждаться 28 сентября в Минске на одноименной секции в рамках Международной конференции к 20-летию Содружества / Совет глав государств СНГ [Э/р]. – Р/д: <http://www.cis.minsk.by>
2. Историко-культурное наследие для будущих поколений / Аналитические материалы в гуманитарной сфере [Э/р]. – Р/д: <http://www.cis.minsk.by>
3. Новости / Вопросы взаимодействия стран СНГ в гуманитарной сфере будут обсуждаться 28 сентября в Минске на одноименной секции в рамках Международной конференции к 20-летию Содружества [Э/р]. – Р/д: <http://www.cis.minsk.by>
4. Левчик, В.Н. Исторический опыт культурного сотрудничества Российской Федерации и Стран Содружества Независимых Государств в 1991–2005 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2011.
5. Левчик, В.Н. Исторический опыт культурного сотрудничества Российской Федерации и Стран Содружества Независимых Государств в 1991–2005 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2011.
6. Новости / Сотрудничество в сфере культуры между приграничными территориями Российской Федерации и сопредельными государствами [Э/р]. – Р/д: <http://mkrf.ru>. – 2011. 5 окт.
7. Договор между администрацией Челябинской области Российской Федерации и Акимом Костанайской области республики Казахстан о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве от 30 сентября 1999 г., ст. 9. [Э/р]. – Р/д: <http://law7.ru>
8. Левчик, В.Н. Исторический опыт культурного сотрудничества Российской Федерации и Стран Содружества Независимых Государств в 1991–2005 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2011.
9. V Форум творческой и научной интеллигенции государств – участников СНГ [Э/р]. – Р/д: <http://kremlin.ru>
10. Соглашение о сотрудничестве в области физической культуры и спорта государств-участников Содружества Независимых Государств (Ялта, 25 мая 2007 года). Ст. 4. / Законодательство [Э/р]. – Р/д: <http://law7.ru>
11. Декларация о создании Шанхайской организации сотрудничества. 15 июня 2001 г. Ст. 2 / Договоры между КНР и РФ [Э/р]. – Р/д: <http://www.chinaruslaw.com>
12. Комиссина, И. Н. Шанхайская организация сотрудничества: становление новой реальности / под ред. д-ра ист. наук. Е.М. Кожкина: Рос. Ин-т стратегических исследований. – М., 2005.
13. Материалы и документы Университета ШОС [Э/р]. – Р/д: EduWeek.ru
14. В Астане состоялся 21-й вернисаж «Дети рисуют сказки» [Э/р]. – Р/д: <http://infoshos.ru>
15. Учредительный договор, 1998. - ст. 1. - 11 сент. [Э/р]. – Р/д: <http://law7.ru>
16. Докучаева, А.В. Отношение к русским в Украине, Белоруссии и Казахстане (по опросам соотечественников) // Россия и современный мир. – 2011. – № 1.
17. Шипович, М.А. Цивилизационный раскол в Украине и интеллигенция в начале XX века / М.А. Шипович // Великая Отечественная и Вторая мировая войны в контексте истории XX – XXI веков. – Челябинск, 2010. - Ч. II.
18. Интервью В.В. Путина. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия. – 2011. – 5 окт.

Bibliography

1. Voprosih vzaimodeystviya stran SNG v gumanitarnoy sfere budut obsuzhdatsya 28 sentyabrya v Minske na odnoimennoj sekcii v ramkakh Mezhdunarodnoj konferencii k 20-letiyu Sodruzhestva / Sovet glav gosudarstv SNG [Eh/r]. – R/d: <http://www.cis.minsk.by>
2. Istoriko-kulturnoe nasledie dlya budutikh pokolenij / Analiticheskie materialih v gumanitarnoy sfere [Eh/r]. – R/d: <http://www.cis.minsk.by>
3. Novosti / Voprosih vzaimodeystviya stran SNG v gumanitarnoy sfere budut obsuzhdatsya 28 sentyabrya v Minske na odnoimennoj sekcii v ramkakh Mezhdunarodnoj konferencii k 20-letiyu Sodruzhestva [Eh/r]. – R/d: <http://www.cis.minsk.by>
4. Levchik, V.N. Istoricheskiy opit kulturnogo sotrudnichestva Rossijskoj Federacii i Stran Sodruzhestva Nezavisimihk Gosudarstv v 1991–2005 gg.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. – M., 2011.
5. Levchik, V.N. Istoricheskiy opit kulturnogo sotrudnichestva Rossijskoj Federacii i Stran Sodruzhestva Nezavisimihk Gosudarstv v 1991–2005 gg.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. – M., 2011.
6. Novosti / Sotrudnichestvo v sfere kul'turih mezhdu prigranichnimi territoriyami Rossijskoj Federacii i sopredel'nimi gosudarstvami [Eh/r]. – R/d: <http://mkrf.ru>. – 2011. 5 okt.
7. Dogovor mezhdu administraciey Chelyabinskoy oblasti Rossijskoj Federacii i Akimom Kostanajskoy oblasti respubliki Kazakhstan o trgovo-ehkonomicheskom, nauchno-tekhicheskom i kul'turnom sotrudnichestve ot 30 sentyabrya 1999 g., st. 9. [Eh/r]. – R/d: <http://law7.ru>
8. Levchik, V.N. Istoricheskiy opit kul'turnogo sotrudnichestva Rossijskoj Federacii i Stran Sodruzhestva Nezavisimihk Gosudarstv v 1991–2005 gg.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. – M., 2011.
9. V Forum tvorcheskoj i nauchnoj intelligencii gosudarstv – uchastnikov SNG [Eh/r]. – R/d: <http://kremlin.ru>
10. Soglashenie o sotrudnichestve v oblasti fizicheskoy kul'turih i sporta gosudarstv-uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimihk Gosudarstv (Yalta, 25 maya 2007 goda). St. 4. / Zakonodatel'stvo [Eh/r]. – R/d: <http://law7.ru>
11. Deklaraciya o sozdanii Shanhajskoj organizacii sotrudnichestva. 15 iyuna 2001 g. St. 2 / Dogovorih mezhdu KNR i RF [Eh/r]. – R/d: <http://www.chinaruslaw.com>
12. Komissina, I. N. Shanhajskaya organizaciya sotrudnichestva: stanovlenie novoy realnosti / pod red. d-ra ist. nauk. E.M. Kozhokina: Ros. In-t strategicheskikh issledovaniy. – M., 2005.
13. Materialih i dokumentih Universiteta ShOS [Eh/r]. – R/d: EduWeek.ru
14. V Aстане sostoyalsya 21-yj vernisazh «Deti risuyut skazki» [Eh/r]. – R/d: <http://infoshos.ru>
15. Uchreditel'niy dogovor, 1998. - st. 1. - 11 sent. [Eh/r]. – R/d: <http://law7.ru>
16. Dokuchaeva, A.V. Otnoshenie k russkim v Ukraine, Belorussii i Kazakhstane (po oprosam sootchestvennikov) // Rossiya i sovremenniy mir. – 2011. – № 1.
17. Shipovich, M.A. Civilizacii raskol v Ukraine i intelligenciya v nachale XX veka / M.A. Shipovich // Velikaya Otechestvennaya i Vtoraya mirovaya vojnih v kontekste istorii XX – XXI vekov. – Chelyabinsk, 2010. - Ch. II.
18. Intervyu V.V. Putina. Noviyh integraciihnyj proekt dlya Evrazii – buduthee, kotoroe rozhdaetsya segodnya // Izvestiya. – 2011. – 5 okt.

Статья поступила в редакцию 25.10.11

УДК 33С5

Ditte O.V. **DEVELOPMENT OF ECONOMIC PARTNERSHIP OF THE RUSSIAN FEDERATION WITH CIS COUNTRIES.** The article highlights the issues of economic partnership of the Russian Federation and the Commonwealth of Independent States. We consider the development and operation of socio-economic organizations in the former Soviet Union. We obtain the stages and the problem of forming a single economic space.

Key words: **objective conditions, the factors of economic cooperation.**

О.В. Дитте, аспирант ЧГПУ, г. Челябинск, E-mail: ditteov@mail.ru

РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ СО СТРАНАМИ СНГ

В статье освещаются вопросы экономического партнерства Российской Федерации и стран Содружества Независимых Государств. Рассматривается развитие и функционирование социально-экономических организаций на территории бывшего Советского Союза. Выделены этапы и проблемы формирования единого экономического пространства.

Ключевые слова: **факторы экономического сотрудничества, формы экономической интеграции.**

Россия просто обречена быть главной среди прочих на евразийском пространстве. Здесь она естественный стержень интеграции, ни территориально, ни политически, ни экономически, ни культурно ее заменить некем.

Ю.И. Изрицкий

На протяжении двух десятков лет страны Содружества выстраивали крепкие экономические связи, пытались сформировать и развивать единое экономическое пространство. Совместно приложенные Россией и странами СНГ усилия по интеграции торгово-экономического обмена привели к формированию зоны свободной торговли.

В данной статье автор ставит своей задачей проследить роль России в развитии экономических интеграционных процессов на постсоветском пространстве; выявить наиболее типичные социально-экономические формы сотрудничества Российской Федерации со странами ближнего зарубежья; показать этапы и проблемы партнерства бывших советских республик.

Экономическая интеграция на постсоветском пространстве представляет собой закономерный, объективный процесс, определяющийся не только чисто торговыми связями, но и долгосрочным сотрудничеством. Объективной основой экономической интеграции бывших республик СССР являются социально-экономические факторы, общность традиционных многолетних кооперативных связей. Постепенный переход российского государства к демократии, децентрализация экономики, интеграция в мировую систему разделения труда, самостоятельный выход регионов на внешний рынок продукции, технологий и услуг создавали предпосылки для поиска новых форм взаимоотношений в рамках СНГ. В этом процессе России принадлежала лидирующая роль. Территориальные размеры, людская и ресурсная база, экономический и научно-технический потенциалы объективно делают ее лидером почти на всем постсоветском пространстве.

Экономика СССР не только относилась к экономике интеграционного типа, но в ней была достигнута и наивысшая степень интегрированности хозяйства (в СССР на межреспубликанский оборот в 1990 году направлялось порядка 20% ВВП, а в странах Европейского Союза – лишь 14%) [1, с. 59]. Экономическая взаимозависимость союзных республик была также велика, как и взаимозависимость регионов внутри любой современной индустриально развитой страны. Это было обусловлено тем, что размещение производственных мощностей и структура межреспубликанского разделения труда формировались на плановой основе единого экономического пространства. Материальную основу Советского Союза образовывали общая производственная инфраструктура, хозяйственные связи, кооперация крупных и средних предприятий. При этом на территории Союза десятилетиями создавались единые энергетические, газовые, транспортные, коммуникацион-

ные, топливные системы. Республикам СССР был присущ высокий уровень взаимного товарообмена.

После распада Советского Союза, страны, вошедшие в Содружество Независимых Государств, очень скоро осознали объективную необходимость в восстановлении и поддержании устойчивых взаимных экономических связей. В то же время было очевидно, что сложившаяся к началу 90-х годов структура экономических взаимоотношений далеко не оптимальна.

Разрыв инфраструктурных, торговых, социальных связей между бывшими республиками СССР создал совершенно новые политические и экономические реалии на постсоветском пространстве. Попытки выйти из глубокого, системного экономического кризиса на основе политики финансовой стабилизации экономик СНГ не привели к положительным результатам. Рост инфляции и безработицы, спад производства и снижение инвестиционной активности продолжаются. Эти проблемы являлись стратегическими и общими для всех стран СНГ, несмотря на то, что в каждой из них были свои особенности, требующие тактической конкретизации и привязки к непосредственным условиям.

Одним из первых направлений в развитии интеграции со стороны РФ стала попытка создания единого таможенного пространства. Эта инициатива была поддержана практически всеми государствами ближнего зарубежья. В марте 1992 г. главы правительств всех стран СНГ (кроме Украины) подписали в Москве Соглашение о принципах таможенной политики, предусматривавшее создание Таможенного союза. Спустя 2 месяца они заключили в Ташкенте Соглашение о сотрудничестве в области внешнеэкономической деятельности. После распада единого рублевого пространства (сентябрь 1993 г.) был подписан Договор об экономическом союзе сроком на 10 лет, предусматривавший «поэтапное создание в рамках всего Содружества зоны свободной торговли, Таможенного союза, общего рынка товаров, капиталов, рабочей силы и, наконец, валютного союза» [2, с. 94]. Однако почти все эти амбициозные решения остались только на бумаге, если не считать сложившихся на их основе бюрократических структур. Когда стало ясно, что в формате 12 государств создать зону свободной торговли не удастся, в феврале 1995 г. был заключен Таможенный союз между Россией, Казахстаном, Белоруссией (в 1996 г. к нему присоединилась Киргизия, а в 1999 г. – Таджикистан). Воплотить в жизнь Таможенный союз «пятерке» не удалось. В итоге на его основе было учреждено в октябре 2000 г. в Астане такая интеграционная организация, как Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС) с целью «выработки единых подходов при интеграции в международную экономику» [3, с. 442], а также создания Таможенного союза Единого экономического пространства стран-участников. Приоритетные направления деятельности – «наращивание товарооборота между странами-участниками, интеграция в финан-

совой сфере, унификация таможенных и налоговых законов» [4]. Среди основателей организации – Россия, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан. Наблюдателями являются Украина, Молдавия и Армения. С января 2006 г. Узбекистан стал полноправным членом организации.

Инициатива в выдвигании идеи Единого экономического пространства исходила с украинской стороны, которая в вопросах постсоветской интеграции всегда занимала довольно сдержанную позицию. Инициатива Украины закономерно вызвала позитивную реакцию лидеров стран, к которым она была обращена. В Заявлении президентов Белоруссии, Казахстана, Российской Федерации, Украины от 23 февраля 2003 г. была выражена готовность сторон начать переговоры по мерам, необходимым для формирования Единого экономического пространства (ЕЭП). «Потенциал организации заключается в снятии ограничений к доступу на национальные рынки, – заявила министр Минэкономразвития РФ Эльвира Набиуллина. – Это согласование макроэкономической, торговой и денежно-кредитной политики» [5].

Активно развиваются экономические отношения России в рамках ШОС. В сентябре 2003 г. главы правительств стран – членов ШОС подписали «Программу многостороннего торгово-экономического сотрудничества» на 20 лет. В качестве долгосрочной цели предусматривалось «создание зоны свободной торговли» [6], а в краткосрочной перспективе – «увеличение потока товаров в регионе» [7]. Сотрудничество распространялось в области энергетики, транспорта, сельского хозяйства, телекоммуникаций, защиты окружающей среды и другие. И на сегодняшний день весьма успешно реализуются принципы и условия программы экономического сотрудничества.

В рамках двухсторонних отношений наиболее активно развивается диалог России и Белоруссии, который завершился подписанием Договора о создании Союзного государства 8 декабря 1999 г. В экономической сфере государства обязались создать единое экономическое пространство, денежную и валютную политику [8]. Несмотря на то, что не все намеченные цели реализованы из-за взаимных противоречий, перспектива дальнейшей интеграции актуальна и взаимовыгодна для обоих государств. Доказательством положительного влияния предпринятых шагов на развитие экономических связей России и Беларуси служит существенный рост товарооборота между этими двумя странами [9].

Определенные результаты достигнуты в развитии экономического сотрудничества России с Казахстаном. Государства сумели решить все пограничные проблемы, заключив двустороннее соглашение о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи в мае 1992 г. и межгосударственный договор в декабре 2004 г. Вместе с Россией Казахстан образует ядро таких интегрированных организаций, как Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС) Шанхайская организация сотрудничества (ШОС).

В силу геополитического положения России большое значение имеет так называемый «пояс соседства» – **приграничное партнерство в рамках субъектов РФ и стран ближнего зарубежья. Из нынешних 83 субъектов приграничными являются 48. Степень активности их экономических связей различна. К числу «средне активных» можно отнести Челябинскую область, граничащую с Казахстаном.** Челябинские предприятия участвуют в развитии строительной и добывающей индустрии Казахстана. Активно развивается легкая промышленность Урала при постоянных поставках хлопка, льна с территории Казахстана. В Челябинске на протяжении последних лет проходят деловые переговоры представителей предприятий Челябинской области с казахстанскими бизнесменами. Главной целью таких мероприятий стал поиск новых деловых партнеров, развитие и укрепление торгово-экономических связей. Сейчас товарооборот с Казахстаном превышает 23% от общего показателя внешнеторгового оборота Челябинской области [10]. Негативно влияют на приграничное сотрудничество таможенные ба-

рьеры. Правительство Челябинской области совместно с правоохранительными и таможенными органами решило создать Центр приграничного сотрудничества на российско-казахстанской границе.

За прошедшие десятилетия в экономических интеграционных процессах СНГ можно выделить несколько этапов интеграции [11].

1991–1993 гг. можно назвать первым этапом – появления национальных экономик, – который охарактеризовался развалом единого народнохозяйственного комплекса СССР, делением национального богатства, соревнованием за получение внешних кредитов, отказом от уплаты долгов бывшего СССР, резким сокращением взаимного товарообмена [12, с. 29], что привело к экономическому кризису на всем постсоветском пространстве. Такое развитие событий сделало очевидным необходимость построения отношений в рамках СНГ на рыночной основе, по принципу экономической целесообразности интеграционных процессов национальных экономик.

Второй этап (1994–1995 гг.) – так называемый, этап становления правового пространства, – развиваются взаимные экономические связи стран СНГ по двум направлениям. Так, в общей массе разрозненных соглашений в сфере регулирования взаимоотношений между государствами можно выделить ряд наиболее значимых, которые выступают как попытки объединить усилия всех участников СНГ на достижении общих целей. Это, в первую очередь, Договор о создании экономического союза (24 сентября 1993 г.), Соглашение о создании зоны свободной торговли (15 апреля 1994 г.), Соглашение о создании Межгосударственного экономического комитета в качестве постоянно действующего органа Экономического союза (21 октября 1994 г.), Соглашение о создании Платежного союза государств-участников СНГ (21 октября 1994 г.). При активной роли России в подписании данных соглашений сложились важные предпосылки для многостороннего сотрудничества и интеграции постсоветского пространства и создания Таможенного союза.

Третий этап (1996–2007 гг.) отличает появление субрегиональных образований. Характерной чертой этого этапа стало заключение двусторонних соглашений. Здесь наибольший интерес с точки зрения дальнейшей перспективы представляет развитие связей между Россией и Республикой Белоруссия, которые первыми пошли по пути создания таможенного союза. В дальнейшем к ним присоединились Казахстан, Киргизия и Таджикистан, создав Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС). В направлении регионального экономического сотрудничества осуществляется процесс по созданию благоприятных условий в области торговли и инвестиций [13, с. 281], а также обеспечение свободы перемещения товаров, услуг, капитала и рабочей силы через границы государств-участников [14]. Активное участие в разработке данной концепции принимали Россия, Китай и Казахстан как ведущие экономики в интегрированных организациях. Россия заинтересована в налаживании приграничного сотрудничества с ближайшими соседями для укрепления безопасности государственной границы и четкого функционирования экономической инфраструктуры. Для успешной деятельности осуществляется разработка базовых документов в экономической и финансовой сферах сотрудничества, активно формируется общий энергетический рынок государств, развивается транспортная инфраструктура и торговля.

Четвертый этап (2008 г. – по настоящее время) – время кризисных явлений в экономической интеграции на постсоветском пространстве. Мировой финансовый и экономический кризис оказал существенное негативное влияние на экономическую ситуацию в странах СНГ, которые вплоть до последнего времени были одним из самых динамично развивающихся регионов мира [15]. Использование потенциала интеграционных экономических объединений позволило минимизировать последствия кризиса. «Финансовый кризис лучше преодолевать сообща. Интеграция – лучший антикризисный рецепт», – констатировал главы правительства Российской Федерации В.В. Путин [16, с. 3].

Таким образом, Россия обращена к странам СНГ своими промышленно развитыми регионами. Экономическое сотрудничество развивается на многосторонней и двусторонней основе. На этом пути достигнуты определенные успехи, но имеются и ряд проблем, осложняющих этот обмен. В их числе – сдвиги в структурах национальных экономик – сокращение производства с высокой степенью переработки, что ограничивает их возможности для взаимной торговли; транспортные издержки и организационные недостатки.

Одной из главных причин ослабления экономических связей в СНГ стал переход России на рыночные цены на газ и нефть, поставляемые партнерам по СНГ, что лишило Содружество одного из существенных объединяющих факторов – низких цен на газ и нефть. Периодически энергетическая проблема на территории постсоветского пространства возникает с 2005 г. Одновременно российское руководство встало на путь формирования на базе СНГ некоего союза государств, связанного системой нефте- и газопроводов и основанного на ключевой роли России как основного поставщика энергоресурсов в Европу со всего постсоветского пространства. Это вызвало определенное напряжение в отношениях с сопредельными государствами, которые были недовольны тем, что им

в этой структуре отводится роль либо поставщиков своего газа в российские трубопроводы (Туркмения, Казахстан, Узбекистан), либо транзитных стран (Украина, Белоруссия).

Другой конфликтной стороной социально-экономического сотрудничества являются так называемые торговые войны, возникающие на протяжении 2009 г., в результате которых экспортная продукция сельского хозяйства из стран СНГ в Россию (и, наоборот, из России в страны СНГ) значительно снизилась, и производители и поставщики понесли колоссальные убытки, но компромисс был достигнут: экспортная продукция сельского хозяйства поставляется в том же объеме.

В настоящее время Россия продолжает проводить активную политику интеграции на постсоветском пространстве. Важнейшим показателем этого стало подписание договора о создании единого экономического пространства. «Это фундаментальный договор, который будет лежать в основе торгово-экономических отношений наших стран», – утверждает российский премьер-министр В.В. Путина [17].

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Правительства Челябинской области 2011 г.

Библиографический список

1. Экономическая интеграция в рамках Содружества Независимых Государств (доклад рабочей группы Национального экономического совета к обсуждению на VII Российском экономическом форуме) // Российский экономический журнал. – 2002. – № 5-6.
2. Шишков, Ю. Россия и СНГ: неудавшийся брак по расчету / Ю. Шишков // Pro et Contra / Внешняя политика России: 1991–2000. – 2001. – № 1-2. – Ч. 1. – Т. 6.
3. Филлипов, А.Б. Новейшая история: 1945 – 2006. – М., 2007.
4. Договор о «Таможенном союзе» и Едином экономическом пространстве от 26 февраля 1999 г., Москва, ст. 3 // Собрание законодательства Российской Федерации, 2001. - № 42. - 15.10.
5. Зиброва, Е. Единое экономическое пространство на троих // Деловой портал BFM.ru – проект группы компаний «РУМЕ-ДИА». – 2010. – 16 нояб.
6. Программа многостороннего торгово-экономического сотрудничества стран-членов Шанхайской организации сотрудничества: Международное и межгосударственное сотрудничество, 2003. - Раздел I. - Ст. 5. - 23 сент. [Э/р]. – Р/д: www.sng.allbusiness.ru.
7. Программа многостороннего торгово-экономического сотрудничества стран-членов Шанхайской организации сотрудничества: Международное и межгосударственное сотрудничество, 2003. - Раздел I. - Ст. 5. - 23 сент. [Э/р]. – Р/д: www.sng.allbusiness.ru
8. Договор о создании Союзного государства: Международное и межгосударственное сотрудничество. – Москва, 1999. - Раздел I. - Ст. 2. - 8 дек. [Э/р]. – Р/д: www.sng.allbusiness.ru
9. Товарооборот между Россией и Белоруссией / Инфографика / РиоНовости [Э/р]. – Р/д: <http://www.rian.ru/infografika>.
10. Гвоздикова, Е. Южноуральские бизнесмены договорились с казахстанцами о сотрудничестве / Новости онлайн [Э/р]. – Р/д: <http://chelyabinsk.ru>, 2011. – 26 авг.
11. Постсоветское экономическое пространство: современное состояние и перспективы развития / под ред. чл.-корр. РАН В.А. Цветкова. М., 2009. Полушкина, И.Н. Развитие и совершенствование процессов экономической интеграции пространства СНГ в условиях рыночных преобразований: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Н. Новгород, 2006.
12. Ситарян, С. Интеграция стран СНГ: трудности и перспективы взаимодействия // Проблемы теории и практики управления. – 2001. – № 5.
13. Комиссина, И.Н. Шанхайская организация сотрудничества: становление новой реальности / под ред. д-ра ист. наук Е.М. Кожокина. – М., 2005.
14. Концепция формирования Единого экономического пространства: Международное и межгосударственное сотрудничество. - Раздел II. / [Э/р]. – Р/д: www.sng.allbusiness.ru
15. Чернышев, С.В. Торгово-экономическое сотрудничество Российской Федерации со странами СНГ // Федеральный справочник. – 2009. – № I-VI.
16. Сидибее, П. С думой по жизни // Российская газета. – 2009. – № 73.
17. Страны СНГ подписали договор о зоне свободной торговли [Э/р]. – Р/д: <http://dfact.net>, 2011. - 19 окт.

Bibliography

1. Ekonomicheskaya integraciya v ramkakh Sodruzhestva Nezavisimihkh Gosudarstv (doklad rabochej gruppih Nacionaljnogo ehkonomicheskogo soveta k obsuzhdeniyu na VII Rossijskom ehkonomicheskom форуме) // Rossijskiy ehkonomicheskij zhurnal. – 2002. – № 5-6.
2. Shishkov, Yu. Rossiya i SNG: neudavshijysya brak po raschetu / Yu. Shishkov // Pro et Contra / Vneshnyaya politika Rossii: 1991–2000. – 2001. – № 1-2. – Ch. 1. – T. 6.
3. Fillipov, A.B. Noveyishaya istoriya: 1945 – 2006. – M., 2007.
4. Dogovor o «Tamozhennom soyuze» i Edinom ehkonomicheskom prostranstve ot 26 fevralya 1999 g., Moskva, st. 3 // Sobranie zakonodatelstva Rossijskoj Federacii, 2001. - № 42. - 15.10.
5. Zibrova, E. Edinoe ehkonomicheskoe prostranstvo na troikh // Delovoy portal BFM.ru – proekt gruppih kompanij «RUMEDIA». – 2010. – 16 noyab.

6. Programma mnogostoronnego torgovo-ehkonomicheskogo sotrudnichestva stran-chlenov Shankhayjskoj organizacii sotrudnichestva: Mezhdunarodnoe i mezghosudarstvennoe sotrudnichestvo, 2003. - Razdel I. - St. 5. - 23 sent. [Eh/r]. – R/d: www.sng.allbusiness.ru.

7. Programma mnogostoronnego torgovo-ehkonomicheskogo sotrudnichestva stran-chlenov Shankhayjskoj organizacii sotrudnichestva: Mezhdunarodnoe i mezghosudarstvennoe sotrudnichestvo, 2003. - Razdel I. - St. 5. - 23 sent. [Eh/r]. – R/d: www.sng.allbusiness.ru

8. Dogovor o sozdanii Soyuznogo gosudarstva: Mezhdunarodnoe i mezghosudarstvennoe sotrudnichestvo. – Moskva, 1999. - Razdel I. - St. 2. - 8 dek. [Eh/r]. – R/d: www.sng.allbusiness.ru

9. Tovaroborot mezhdu Rossiej i Belorussiej / Infografika / RioNovosti [Eh/r]. – R/d: <http://www.rian.ru/infografika>.

10. Gvozdkova, E. Yuzhnouralskie biznesmenih dogovorilij s kazakhstancami o sotrudnicestve / Novosti onlayn [Eh/r]. – R/d: <http://chelyabinsk.ru>, 2011. – 26 avg.

11. Postsovetskoe ehkonomicheskoe prostranstvo: sovremennoe sostoyanie i perspektivih razvitiya / pod red. chl.-korr. RAN V.A. Cvetkova. M., 2009. Polushkina, I.N. Razvitie i sovershenstvovanie processov ehkonomicheskoy integracii prostranstva SNG v usloviyahh rihochnihkh preobrazovaniy: avtoref. dis. ... kand. ehkon. nauk. N. Novgorod, 2006.

12. Sitaryan, S. Integraciya stran SNG: trudnosti i perspektivih vzaimodejstviya // Problemih teorii i praktiki upravleniya. – 2001. – № 5.

13. Komissina, I.N. Shankhayjskaya organizaciya sotrudnichestva: stanovlenie novoyj realnosti / pod red. d-ra ist. nauk E.M. Kozhokina. – M., 2005.

14. Konceptiya formirovaniya Edinogo ehkonomicheskogo prostranstva: Mezhdunarodnoe i mezghosudarstvennoe sotrudnichestvo. - Razdel II. / [Eh/r]. – R/d: www.sng.allbusiness.ru

15. Chernihshev, S.V. Torgovo-ehkonomicheskoe sotrudnichestvo Rossijjskoj Federacii so stranami SNG // Federalnijih spravochnik. – 2009. – № I-VI.

16. Sidibe, P. S dumoyj po zhizni // Rossijskaya gazeta. – 2009. – № 73.

17. Stranij SNG podpisali dogovor o zone svobodnoj torgovli [Eh/r]. – R/d: <http://dfact.net>, 2011. - 19 okt.

Статья поступила в редакцию 29.10.11

УДК 940

Kabeshhev R.V. LIBERAL DEMOCRACY CRISIS AND THE MAKING OF «THE THIRD WAY THEORY». The article presents the analysis of the ideological sources and the making of «The Third Way Theory» as a socio-political, cultural and historic phenomenon in Europe in XIX-XX centuries.

Key words: 'The Third Way', the Age of Enlightenment, Modernism, Liberalism, Social Democracy, Labour Movement.

P.B. Кабешев, д-р политич. наук, проф. ФГБОУ ВПО «Арзамасский государственный педагогический институт им. А.П. Гайдара», E-mail: kabeshhev@mail.ru

КРИЗИС ЛИБЕРАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ И СТАНОВЛЕНИЕ «ТРЕТЬЕГО ПУТИ»

В статье рассматриваются идейные истоки возникновения и становления «третьего пути» как самостоятельного общественно-политического и культурно-исторического феномена европейской истории XIX-XX веков.

Ключевые слова: «третий путь», эпоха Просвещения, модернизм, либерализм, социал-демократия, рабочее движение.

Синтез и рождение новых идей всегда связаны с глубокими трансформациями и кризисами, первые выступают и как следствие, и как причина последних. Рубеж XIX-XX веков, по оценкам философов, историков стал для европейской цивилизации как раз одним из таких периодов. Начавшись под знаком «кризиса европейской культуры», социокультурный кризис рубежа XIX-XX веков положил начало бурной кризисной эпохе.

Идеология «третьего пути» является самостоятельным, целостным и концептуально оформленным комплексом различных идей и воззрений, базирующимся на ряде общих духовно-ценностных оснований, определяющих миссию, цель и характер существования и развития европейской цивилизации [1].

Главным источником, отправной точкой и методом формирования идеологии «третьего пути» является глубокая, всесторонняя, радикальная критика всего комплекса идей Просвещения, того социального, экономического, политического и идеологического порядков, которые на нем основаны. Это обусловило значительное число заимствований из самых разных источников: марксизма и немарксистского социализма, анархизма и немецких романтиков, «организованного» национализма, критического либерализма и христианского традиционализма, «философии жизни» и Социальной доктрины католицизма, русской религиозной мысли, позитивизма и т.д.

В конце XVIII века модернизм начинает утверждаться как выражение радикального разрыва с прошлым и особенно с его правовыми моделями, где новые тенденции достигают своего апогея. С французским Просвещением получает окончательное развитие философская и научная революции предыдущего века, утверждается идея бесконечного прогресса знания, которая приведет к лучшему, более моральному обществу. Были разработаны со всей конкретностью и применены в политике универсальные основы морали и права. Рационализм, оптимизм и универсализм Просвещения, псевдоабсолютная вера в науку находят непосредственную конкретизацию в желании к рациональной трансформации политической и социальной жизни.

Эра Просвещения – это эра критики, понимаемой одновременно как метод познания, созидания и действия. Существенной характеристикой модернизма является идея целовеческого совершенства, идея, согласно которой человечество способно создать рациональным путем лучшее будущее. Основная черта модернизма – критика религии, философии, морали, права, истории, экономики и политики – и главные идеи эпохи модернизма – прогресс, революция, свобода, демократия – вышли из критики. Именно из революционной критики традиционных устоев и ценностей, в первую очередь, религии, проистекает теория естественного права, абсолютизация индивидуума, идея, согласно которой благополучие

и счастье индивидуума должно всегда быть в центре всякого политического действия. Эта рациональная критика существующего порядка позволяет рассматривать общество как соединение индивидуумов и государства, где последнее выступает как инструмент первого. Эта критика породила гедонистическое и утилитарное видение общества и государства, без которого невозможны либерализм, демократия, социализм. При этом индивид был определяем как субъект исторический, ответственный за свою собственную судьбу.

Раскол общества на множество разрозненных и эгоистических индивидов чем дальше, тем больше требовал усиления значения внешнего фактора – государства, создавал благоприятные условия для нарастания этактистских тенденций. По мере расширения функций политической власти развивалось и представление об идеальном и совершенном государстве. Развитие науки и рациональной философии еще более укрепило взгляд на государство как носителя разума среди хаоса борющихся друг с другом сил, людей и интересов. Изменение государства и его вмешательство в социальную сферу и сферу экономики было результатом не только воли самого государства, но и апелляции к нему со стороны различных слоев общества и прежде всего рабочего класса. Утвердившаяся в XIX веке фабричная организация хозяйства стала материальной основой для осуществления старых утопий. Она требовала формальной рационализации, строгой научности и предсказуемости в жизни социума.

Рабочее движение возникло в XIX веке как сила, оппозиционная государству и индустриальной системе, противостоящая этактистскому национализму. Однако положение наемного работника в условиях фабрично-индустриальной системы производства двойственно. С одной стороны, он заинтересован в устранении отношений господства и угнетения. С другой – рабочий находится под сильнейшим воздействием авторитарных производственных структур «фабричного деспотизма», благодаря которым он получает средства к существованию. Поэтому социальное и личностное освобождение трудящихся не может быть автоматическим следствием развития процессов капитализма, а требует сознательных действий по созданию альтернативных моделей общества.

Движение складывалось на основе самоорганизации, солидарности и взаимной помощи. По мере того, как индустриалистский рационализм все больше пронизывал мир труда, пробивало себе дорогу направление, стремившееся к интеграции масс в систему индустриального общества. Его опорой стали марксистские, социал-демократические партии.

Социал-демократическая теория выдвигала задачу обобществления производства с помощью политической власти, завоеванной рабочим классом. Таким образом, она требовала прежде всего перехода экономики под контроль государства, ее национализации и этактизации. Большинство марксистов конца XIX – начала XX вв. понимало социалистическое общество как единую индустриальную фабрику, но не находящуюся в руках капитала, а подчиненную централизованному механизму, который выражал интересы всего общества. И если для левого, революционного крыла социал-демократии речь по-прежнему шла о новом, «пролетарском» государстве, то ее правые лидеры все больше склонялись к сотрудничеству с существующими режимами, к уступкам национализму и милитаризму.

Руководимое ими движение постепенно интегрировалось в структуру национального государства и сознательно или неосознанно помогало политике правительства. Происходило вращение в мир идей старого общества, обусловленное практической деятельностью рабочих партий и неизбежно влиявшее на духовный настрой их политических представителей. Те самые партии, которые выступили вначале, чтобы под флагом социализма завладеть политической властью, под давлением обстоятельств вынуждены были шаг за шагом жертвовать своими социалистическими принципами в пользу национальной политики государств.

В то же самое время социал-демократическое рабочее движение перестало отстаивать право трудящихся суверенно распоряжаться рабочим временем, контролировать процесс своего труда и определять его смысл и результаты. Все это было принесено в жертву интересам развития производства, которые, в свою очередь, требовали ее деспотической индустриальной организации и централизованного руководства. Предполагалось, что все это будет способствовать общему росту благосостояния и социальным реформам [2, с. 47].

Кризис либерализма, кризис адаптации массового общества и политики масс, явился общеевропейским феноменом. Главное место занимает социальный миф, а политика становится искусством манипулирования инстинктами, чувствами и страхами людей. С другой стороны, демократизация не заканчивается только введением всеобщего избирательного права, но и предполагает культурную интеграцию, которая возможна только в рамках настоящей национальной интеграции.

Повышение образовательного уровня, борьба с безграмотностью, формирование единой государственной системы школ, увеличение в несколько раз тиражей разного рода изданий имели эффект во всех отношениях непредвиденный. Очень быстро стало понятно, что восприятие культуры массами способствует не либерализму и социализму, а национализму. Либералы середины XIX века преподносили повышение культуры масс как важный момент в достижении свободного знания. Однако следующее поколение уже не разделяло этот оптимизм. Стало очевидно, что демократия и культура не трансформировали вчерашних подданных в просвещенных граждан, обогащенных универсальными ценностями.

Демократические ценности к концу XIX века сильно тускнеют. Стало понятно, что закон большинства отнюдь не становится автоматическим законом свободы и справедливости. С чем же был связан кризис модернизма и существующего на его основе демократического порядка? «Демократия, – отмечает Н. Бердяев, носит формальный характер, она сама не знает своего содержания и в пределах утверждаемого ею принципа не имеет никакого содержания. Демократия не хочет знать, во имя чего изъясняется воля народа, и не хочет подчинить волю народа никакой высшей цели. В тот момент как демократия познает цель, к которой должна стремиться воля народа, обретет достойный предмет для своей воли, наполнится положительным содержанием, она должна будет эту цель, этот предмет, это содержание поставить выше самого формального принципа волеизъявления, положить в основу общества. Но демократия знает только формальный принцип волеизъявления, которым дорожит превыше всего и который ничему не хочет подчинять» [3, с. 282]. Тот же тезис отстаивает Карл Шмитт. «До тех пор, – пишет он, пока она была полемическим по сути понятием, то есть отрицанием существующей монархии, демократическая убежденность могла сочетаться и соединяться с различными иными политическими устремлениями. Однако в той мере, в какой демократия становилась действительностью, обнаруживалось, что она служила многим господам и отнюдь не имела содержательно однозначной цели. Когда исчез ее важнейший противник, монархический принцип, сама она не потеряла содержательную точность и разделила судьбу любого полемического понятия. Вначале она совершенно самоочевидным образом была сопряжена с либерализмом и свободой и даже тождественна с ними. В социал-демократии она шла рука об руку с социализмом. Демократия не имеет никакого политического содержания и является только формой организации. Тогда возникает вопрос, какую ценность демократия имеет как форма» [4, с. 168-169].

У либеральной демократии были довольно крепкие позиции, пока существовала вера в тождество индивидуальной пользы и общественного блага. Однако последующая политическая и духовная реальность мало что оставила от тождества, что позволяет сделать двоякий вывод: либо этого ра-

зумного эгоиста не существовало и либеральный порядок поддерживался долиберальным духовным наследием традиций, верований, родительского авторитета, либо этот индивидуум деградировал, капитулировав перед гедонистскими ценностями. Модерн продемонстрировал, что он не имеет других стимулов для совместной социальной жизни, кроме материального интереса и прямого подавления. Однако эта дилемма морально опустошенного секуляризованного сознания, в которой оказалась разрушена духовно-религиозная вертикаль.

Как отмечает Н.Бердяев: «демократия есть идеология критической, а не органической эпохи в жизни человеческих обществ. Демократия и ставит своей целью собрать распавшуюся народную волю. Но человеческая личность есть для нее отвлеченный атом, равный всякому другому, и задача воссоединения людей есть механическая задача. Демократия в силах только механически суммировать волю всех, но общей воли, органической воли народа от этого не получается. Органическая воля народа не может быть арифметически выражена, она необнаружима никаким подсчетом голосов. Воля эта обнаруживается во всей исторической жизни народа, во всем складе его культуры, и прежде всего она находит себе выражение в религиозной жизни народа. Вне органической религиозной почвы, вне единства религиозных верований не существует единой, общей воли народа» [3, с. 283-284].

Кризис идеологических и политических основ выразился в моральной деградации власти и ее беспомощности перед лицом социальных движений и национализма. Демократия носит формальный характер, она сама не знает своего содержания и в пределах утверждаемого ею принципа не имеет никакого содержания. Демократия не хочет знать, во имя чего изъясняется воля народа, и не хочет подчинить волю народа никакой высшей цели. Она одинаково равнодушна и к добру, и к злу. Однако и марксизм не избежал кризиса, претерпев значительную ревизию, в том числе и иррациональную. Марксизм, претендовавший решить фундаментальные вопросы эпохи капитализма, оказался в основе своей неспособен это сделать. Социализм претендовал на то, чтобы иметь истинное содержание и истинную цель. Однако его содержание такая же фикция, он так же бессодержателен, как и демократия.

Конец XIX века был эпохой трансформации классовой структуры общества и формирования массового рабочего класса с четко выраженной классовой идентичностью. Этот процесс сопровождался становлением движений за улучшение положения рабочего класса, также активной политической деятельностью социалистического и коммунистического характера. Наряду с созданием общенациональных организаций в рабочем движении отчетливо присутствовало стремление к международному объединению рабочего класса, к созданию организаций национального уровня в целях борьбы за решение экономических и социальных проблем.

Европейский модерн исчерпал все основания для совместной социальной жизни, кроме наживы и страха. На самом деле это дилемма морально выхолащенного секуляризованного сознания, в котором оказалась разрушена духовно-религиозная вертикаль. Конечный социальный смысл всякой религии – обеспечение духовно-ценностных предпосылок со-

вместной жизни людей: религия дает индивидам возможность жить сообща и сознавать себя обществом. Либерализм пытался убедить всех, что индивид это и есть разумный эгоист, которому удаётся находить тождество индивидуальной пользы и общественного блага. Однако либеральный порядок держался на том духовном базисе, который был выстроен до либерализма: традиции, верования и авторитарно-патриархальное законопослушание. XX век человечество встречало, утратив веру, под знаменами нигилизма.

Несмотря на многообразие форм и методов реализации идей «третьего пути», обусловленных национальными особенностями и конкретной исторической ситуацией, существует ряд общих мировоззренческих принципов, к которым относятся органицизм, элитизм, признание абсолюта, предусмотренного порядка вещей, примата традиций и т.д. Социал-дарвинизм, расизм и антисемитизм не являются определяющими для характеристики данных движений и идеологий. Во-первых, многие идеологи «третьего пути» были противниками национализма (Ницше), тем более шовинизма. Во-вторых, все эти идеологии использовались и либерализмом и марксизмом в не меньшей степени. В-третьих, многие сторонники идей «третьего пути», особенно в первой половине XX века активно поддерживали и выражали симпатии сионизму.

В своем развитии идея «третьего пути» проходит ряд последовательных этапов: идейное течение до первой мировой войны, политическое движение и политический режим в межвоенный период. Первая мировая война заставила значительное число европейцев дать оценку современного порядка и с новой силой осознать всю глубину европейского кризиса. И, наконец, она значительно увеличила и укрепила ряды сторонников идеи «третьего пути».

После второй мировой войны, с крушением фашистского и национал-социалистического режимов, идеология «третьего пути» существует, главным образом, как идейно-политическое течение в лице европейских «новых правых». Это обусловлено дискредитацией данного ансамбля идей фашизмом и бесспорным доминированием идей модерна в послевоенном мире, основывающимся на силе великих держав.

Идеологии «третьего пути» на современном этапе не теряют своей значимости, продолжая пополнять свой идейный багаж, определяя свою цель как выработку альтернативных путей развития современной цивилизации. Процесс глобализации, попытки создания однополярного мира, разрушение государств-наций, переход современного либерализма к расизму и социал-дарвинизму заставляют искать созидательные альтернативы современного проживания.

Из двух парадигм современной духовной истории мира – культурологической, связанной с реабилитацией богатейшего наследия существующих цивилизаций, и духовно-религиозной, нравственной, связанной со спасением мира, движения «третьего пути» наибольшее значение придают первой. Это свидетельствует о том, что секуляризация и богоборчество сделали западно-европейские народы, обладающие огромной технико-экономической мощью, неспособными к духовно-нравственному очищению во спасение себя и человеческого социума.

Библиографический список

1. Кабешев, Р.В. Движения «третьего пути» в Западной Европе в XX веке: монография. – М., 2005.
2. Левые в Европе XX века: люди и идеи. – М., 1998.
3. Бердяев, Н. Демократия, социализм, теократия // Интеллигенция. Власть. Народ. – М., 1993.
4. Шмитт, К. Политическая теология. – СПб., 2000.

Bibliography

1. Kabeshev, R.V. Dvizheniya «tret'ego puti» v Zapadnoy Evrope v KhKh veke: monografiya. – M., 2005.
2. Levihe v Evrope KhKh veka: lyudi i idei. – M., 1998.
3. Berdyaev, N. Demokratiya, socializm, teokratiya // Intelligenciya. Vlastj. Narod. – M., 1993.
4. Shmitt, K. Politicheskaya teologiya. – SPb., 2000.

Статья поступила в редакцию 31.10.11

УДК 902

Dvornikov E.P. SQUARE AND CIRCLE – CORES UNIVERSAL OF ARCHAIC CULTURES. Work is devoted the analysis of researches of the basic universal the archaic cultures reflected in mythology, outlook, and religion.

Key words: circle, square, outlook, culture.

Э.П. Дворников, канд. ист. наук, зав. каф. Археологии, этнологии и источниковедения ГАГУ, г. Горно-Алтайск, Email: dvornikov@yandex.ru

КВАДРАТ И КРУГ – ОСНОВНЫЕ УНИВЕРСАЛИИ АРХАИЧЕСКИХ КУЛЬТУР

Работа посвящена анализу исследований основных универсалий архаических культур, отражённых в мифологии, мировоззрении, и религии.

Ключевые слова: круг, квадрат, мировоззрение, культура.

Современные исследования в области изучения истоков культур дают множество примеров сходства между ними. Существовавшие на разных континентах, в разные исторические периоды, они, по свидетельству А.В. Подосинова [1], Е.М. Мелетинского [2], В.Н. Топорова [3] и Т.Я. Елизаренковой [4], имеют подобный мифологический тип мышления, характерный для первобытной стадии развития человечества. В истории науки общие черты не связанных между собой культур получили название мифологических универсалий [5, с. 14–18]. Мифологический тип мышления ярко иллюстрируется в известных китайских и индийских письменных источниках. Одними из самых распространенных универсалий является круг и квадрат, цветовая триада – белый, красный, черный. В данной статье речь пойдет о первых двух универсалиях, геометрической и семантика которых ярко выражена в мифологии, устройстве мира, структуре погребальной камеры.

Справочные издания указывают, что квадрат геометрический символ, значение которого связывается с числом четыре, равенством, прямоотой, порядком, единообразием, землей. Квадрат предполагает упорядочивание четырех различных элементов. В силу этого он соответствует символике числа четыре и всех четырехчастных структур, четные числа и формы характеризуются свойствами стабильности, в противоположность динамике нечетных чисел и соответствующих им геометрических форм. В системе этических представлений с квадратом связываются истина, справедливость и мудрость. В психологическом отношении он ассоциируется с прочностью и устойчивостью, и это служит объяснением его использования в различных процессах преобразования природных форм. Это образ стабильной структуры, статической целостности. Магический квадрат, как считается, концентрирует в себе энергию, связанную с лежащим в его основе числом. Наиболее известны квадраты **Сатор**, **Меркурия**, **Сатурна** и другие, использовавшиеся в том или ином деле. Так, квадрат Сатор, использовался, как правило, как любовное заклинание. Он исполнялся в виде талисмана, написанного для человека, который являлся объектом вождения поклонника или поклонницы. Размещали его также на стенах домов, дворцов и кораблях. В Древнем же Риме он использовался как защитный амулет от волшебства, отравленного воздуха, колик и заразных болезней. Им также защищали коровье молоко от ведьм. Квадрат выступал, как правило, (наряду с кругом) как основная модель структурирования мира, в элементарном (четыре стихии), в пространственном (четыре стороны света), во временном (четыре времени года, стадии человеческой жизни и эпохи человечества) и в социальном (четыре основных класса) его аспекте. Все эти четверичные структуры задают, как известно, основу порядка и стабильности мироздания. По этой причине связанные со сферой сакрального предметы, имеющие квадратную форму, могут рассматриваться в качестве символов мироздания (шахматная доска, бубны шаманов). Квадрат воплощает в себе основные пространственные ориентиры, организованные в оппозиции (верх - низ, левый - правый). С квадратом обычно соотносит-

ся мужское начало, а с кругом – женское. Однако в ряде традиций, существует обратное соответствие. Так, китайская, индийская и другие традиции считают квадрат «женской» фигурой, поскольку он соответствует земле, в противоположность мужскому образу - круга (неба). Так, например, в китайском трактате «Ли цзи» говорится, что земля квадратная, а небо круглое: ввиду своей ограниченности в пространстве земля описывается знаком квадрата, а бесконечное небо обозначается бесконечной линией (окружностью). Квадрат лежит в основе многих архитектурных сооружений (зиккурат, пирамида, пагода), квадратную форму имеют алтари. Нередко квадратными (в плане) строились и поселения. В иранской мифологии обитель праведников – **Вара** - имела форму квадрата. В этом образе нашла свое отражение идея о квадратном ограждении, внутри которого располагается упорядоченный мир, противопоставляемый внешнему, исполненному хаосу и смерти.

Круг, без сомнения, - это самая универсальная из всех геометрических фигур, - это символ цельности, единства и совокупности, полноты и ограниченности, постоянства и цикличности, вечности и бесконечности. Данная древняя символика круга раскрывается во многих выражениях великорусского языка: единство интересов цементирует «круг единомышленников»; совокупность знакомых определяет «круг общения»; безвыходную ограниченность в замкнутой цельности бытия иллюстрирует «замкнутый круг», а вечность и цикличность времени отмечает «круглый год», поскольку «все возвращается на круги своя». В мифологии совершеннейшая из фигур может олицетворять многие космические объекты: так золотой круг (диск) представляет Солнце, серебряный - Луну, голубой или синий - небо, звездный - бездонный космос, отделяющий от хаоса упорядоченную Вселенную.

Совершенную форму круга принимают и небеса, и земля, и нижний (подземный) мир. Идеальную завершенность миров подчеркивают и числовые характеристики, универсальные числа «3», «7» и «9», заложенные в их основе. Например, число «3» обычно обозначает природные явления (3 слоя неба, 3 попытки), число «7» обычно обозначает число препятствий, срок сражения богатырей и т.д. [6, с. 23]. В мифах славян Землю обволакивают девять сферических небесных слоев, но все прелести рая можно познать, лишь оказавшись на «седьмом небе» - прозрачном дне небесного Океана. Аналогичные представления об устройстве небес характерны для многих древних народов земли. В китайской мифологии тоже насчитывается девять небесных сфер, только расположены они иначе - не друг над другом, а в единой горизонтальной плоскости. Четыре из них ориентированы по четырем сторонам света, еще четыре - по промежуточным направлениям, а девятая - по центру. Каждая сфера обладает собственным цветовым оттенком, а в совокупности они образуют сложную небесную мозаику.

Спустившись с небес на землю, мы попадаем в «круг земной», разделенный, согласно раннесредневековой европейской традиции, на три материка: Европу, Азию и Африку. Что

до Китая, то его древнее землеустройство являлось зеркальным отражением небесного миропорядка, поскольку легендарный император Великий Юй разделил Поднебесную именно на девять больших областей. Территориальное деление на «земные круги» унаследовано и современной картографией. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на учебную модель Земли, именуемую глобусом. Земной глобус, туго стянутый поясом экватора и двумя обручами тропиков, увенчивают две круглые ледяные шапки полюсов, а кроме того, земной шар, словно экзотический фрукт, делят на множество круглых долек меридианы и параллели. Единицей измерения гигантского земного круга служит маленький кружок - градус. На физической карте наша планета изображена в виде двух больших кругов (полушарий), испещренных множеством кружков, обозначающих города. К этому следует добавить огромное количество условных знаков, представленных на различных картах в виде разноцветных кружков. Законченное совершенство мироздания нашло отражение даже в мрачных подземных глубинах ада. Опираясь на поверья средневековых европейцев, великий Данте изобразил ад как подземную воронкообразную пропасть, опоясанную девятью концентрическими кругами - уступами. В каждом круге грешники испытывают определенные мучения, соразмерные с их земными прегрешениями, а в девятом круге, лежащем на дне чудовищной пропасти, страдает сам Люцифер, намертво вмерзший в обледеневшие воды озера Коцит. Миктлан, ад ацтеков и майя, тоже состоит из девяти ярусов, уходящих глубоко в недра земли, но Нарак, ад из древнеиндийской мифологии, насчитывает лишь семь кругов. Настоящие мучения начинаются только в пятом круге Нарак, где грешников терзают дикие звери и жалят ядовитые гады, олицетворяющие болезненные угрызения и у коры совести. В шестом круге несчастные обречены на купание в подземной реке Вайтарани, заполненной кровью, гноем и нечистотами. Венец мучений грешники принимают в седьмом круге. Там, во тьме крошечной, пылающей неугасимым пламенем глубокая яма, поглотившая самых отпетых преступников. Мученики - индусы, отбывшие назначенный им срок наказания, заново возрождаются на земле, но на заключенных в седьмом круге Нарак эта амнистия не распространяется - им предстоит гореть в огне до тех пор, пока в пламени космического пожара не погибнет сама Вселенная.

В религии символика круга представлена исключительно широко. Еще в эпоху бронзы были воздвигнуты загадочные **кромлехи** - гигантские мегалитические сооружения из многочисленных каменных глыб, неизвестно кем и зачем расставленных по кругу. Самый известный из них Стоунхендж, возвышающийся среди холмов Южной Англии со времен неолита, достигает 90 м в диаметре. Подобное сооружение имеется и на территории Горного Алтая, получившее название «Тархатинский мегалитический комплекс» (63 м в диаметре) [7, с. 7-15]. По мнению ряда специалистов, кромлехи являлись древнейшими храмами Солнца, выполнявшими одновременно и функцию календаря. Доказательством этому служит, в частности, главная ось Стоунхенджа, направленная к точке восхода солнца в день летнего солнцестояния.

Имитацией кругового движения планет вокруг единого космического центра выглядят и ритуальные танцы многих народов мира, водивших хороводы вокруг священного огня, идола или алтаря. Круговой ход времени, циклическое обновление и возрождение символизирует хоровод вокруг вечнозеленой новогодней елки, персонифицирующий мифическое Мировое (Космическое) Дерево. Особое место в культе (**народов?**) занимает ритуальная пища. В верованиях язычников наибольшим почетом были окружены два обожествленных космических объекта - Солнце и Луна, определившие их гастрономические пристрастия и вошедшие, в символической форме, в праздничный рацион. У славян, например, традиционным масленичным блюдом стали блины, символизирующие весеннее солнце, а у китайцев, предпочитающих ночное светило дневному, главным лакомством на Празднике Луны до сих пор остаются круглые «лунные» пирожки с изображением

лунного зайца, лунной лягушки и прочей лунной символики. Христианская обрядность внесла свою лепту в символическое культовое меню. Аллегорией тела Христа в католичестве явилась **облатка (сказать, что это такое)**, а в православии - круглая приплюснутая булочка - **просфора**. И та, и другая используются в таинстве причащения. Вкусив такое угощение, чудесным образом превращающееся в желудке в тело Христа, верующий тем самым причащается к Богу. Так, по крайней мере, учит нас христианская церковь.

В древневосточной иконографии круг очерчивает все глобальные аспекты бытия. Круг с крестом, с лучами, с крыльями, с языками-протуберанцами символизировал динамическую, живительную энергию Солнца. Любопытную эмблему солнца ввел в обращение египетский фараон Эхнатон - солнечный диск Атона, с ладонями на концах лучей, распростертыми над землей в жесте благословения. Модель Вселенной в буддийской иконографии представляет **мандала** - сакральный символ в виде круга с вписанным в него квадратом, содержащим, в свою очередь, еще один, восьмилепестковый круг - **янтру**. Внешний ее круг обозначает целостность Вселенной, а границы янтры, внутренний - женское начало; мужское же начало олицетворяет заключенный внутри янтры скипетр - **ваджра**. Кстати, следует отметить, что квадрат, вписанный в круг, - это один из самых устойчивых элементов сакрального строительства, когда насыпь кургана имеет в плане форму круга, а под насыпью, на уровне древнего горизонта, в разных культурах, фиксируется выкладка из плит, имеющая форму квадрата, например, как, в погребальных памятниках бийкенской культуры раннескифского времени [8, с. 322-327].

Дуалистическую модель мира изображает китайский знак **«инь — ян»**, символизирующий неразрывное единство женского и мужского начал в природе. Активный, мужской принцип «Ян» воплощен в круге белого цвета, но в указанном знаке он объединен с пассивным, женским принципом «инь», передаваемым в черном цвете. Черно-белый круг «инь - ян» разделен пополам волнистой S-образной линией, но взаимопроникновении двух противоположных начал свидетельствуют два маленьких кружка (белый кружок на черном фоне «инь» и наоборот). В индуизме, буддизме и джайнизме негативную роль играет порочный замкнутый круг сансары, влекущий все живые существа по бесконечному пути страдания, через бесчисленную цепь перерождений. В египетской религиозной эмблематике наиболее зловещим смыслом наполнен иероглиф в виде круга со звездой в центре, указывающий на **Дуат** - «глубокую, темную и бесконечную» преисподнюю, печальную обитель мертвых. В христианской иконографии круг служит эталоном божественного и духовного совершенства. Три пересекающихся круга - это одна из многочисленных эмблем Божественной Троицы. В виде трех концентрических кругов могли изображаться и ангельские триады. Круглый золотой нимб над головой Богородицы, апостола, мученика или угодника - это признак святости. В магии и оккультизме таинственный магический круг, запечатанный изнутри пентаграммой или простым крестным знаменем, служит надежной мистической защитой для мага и некроманта, осмелившегося вызвать демона или ходячего мертвеца. Слуги Сатаны и выходцы с «того света», крайне недовольные тем, что их побеспокоили, сначала пытаются добраться до дерзкого заклинателя духов, но, натолкнувшись на незримый бастион заколдованного круга, быстро смекают, что для этого у них руки (челюсти, шупальца) коротки. И тогда им поневоле приходится брать на себя хлопотные обязанности золотой рыбки.

Круг является также и базой для целого ряда астрологических знаков, обозначающих космические объекты. Так, знаком Солнца выступает круг с точкой в центре; знаком Земли - круг, увенчанный крестом; Венеры - круг с крестом, обращенным вниз. Подобно Венере изображается и знак Меркурия, но только с дугой на круге, напоминающей рожки. И, наконец, под Марсом в астрологии подразумевается значок в виде круга с наклонно уходящей вверх стрелкой (угол наклона соответствует 45-ти градусам, северо-восточному направлению и часовой стрелке, указывающей на цифру «2»).

В мировой истории символом замкнутого, ограниченного пространства, был и древнеримский цирк (лат. «cirsus» - «круг») - вытянутая арена, закругленная, впрочем, лишь с одной стороны. Там проходили гонки колесниц, торжественные и триумфальные шествия (отсюда и происходит выражение «совершить круг почета»). Современная, действительно круглая форма циркового манежа, впервые появилась только в XVIII веке в жокейских клубах Англии. Принцип «кругового ограничения» с успехом применял в дипломатии римский консул Ленат Попиллий. В 173 году до н.э. сенат направил его для переговоров к сирийскому царю Антиоху Епифану, захватившему значительную часть Египта. Лукавый азиатский владыка радушно встретил посла, отменно угостил его, а потом повел на прогулку в дворцовый сад. Любезное обхождение врага нисколько не обескуражило Попиллия; прервав медовые речи царя, ловко уводившего его от главной темы, римлянин потребовал вывести сирийские войска из Египта. Епифан ответил на это, что такой важный политический вопрос нужно хорошо обдумать. Тогда Попиллий веткой очертил на песке круг вокруг Епифана и предъявил ему ультиматум: царь не покинет пределы круга, пока не даст окончательного ответа. Опасаясь решительного посла и страшась мести грозного Рима, Антиох Епифан был вынужден капитулировать.

В отечественной истории символом порочного замкнутого круга стала и круговая порука. В законодательстве Древней Руси последняя была легальной формой коллективной ответственности всех членов общины, однако с возникновением и укреплением бюрократической системы, она превратилась в свою противоположность, т.е. в форму коллективной безответственности недобросовестных государственных служащих. Во всех органах государственного аппарата, будь то средневековые приказы, петровские коллегии или сменившие их в XIX веке министерства, пышным цветом расцветали одни и те же отвратительные пороки, присущие замкнутой чиновничьей касте: волокита, взяточничество, казнокрадство, произвол и безответственность. Покрывая злоупотребления и преступления друг друга, российские чиновники создали эффективный механизм круговой поруки, гарантировавший им полную безопасность и безнаказанность. Круговая порука - «вечный двигатель» бюрократии, и никакими кампаниями по борьбе с коррупцией его не остановить. Исчезнет он лишь вместе с чиновничеством, но для этого потребуются коренное переустройство всего общества.

Принципиально иное значение имел в российской истории казачий круг - орган самоуправления некогда свободного военного сословия. В первые века существования вольного казачества он был действенным символом равноправия и демократии. Собрав «круг», казаки совместно решали все важные военные и политические вопросы, выбирали атаманов, кошевых и других должностных лиц. Так продолжалось до тех пор, пока процесс социального расслоения в самой казачьей среде не зашел слишком далеко. Окончательный удар по независимости казачества нанесла Екатерина II, уничтожившая Запорожскую Сечь, упразднившая казачьи вольности и подчинившая короне казачьих «старшин». С тех пор казаки, утратившие прежние нравственные ценности в лице свободы, равенства и демократии, превратились в послуш-

ное карательное орудие самодержавия. Третий пример, взятый из отечественной истории, касается подпольных революционных кружков XX века, символизировавших совокупность единомышленников, оппозиционно настроенных по отношению к царскому самодержавию. Первые студенческие кружки (Д. Веневитинова, Н. Станкевича и др.) возникли на рубеже 20-30-х годов, в мрачную эпоху реакции и «чугунной» цензуры николаевской России. Собравшись вместе, молодые патриоты горячо обсуждали тяжелое положение народа, строили иллюзорные планы введения в стране конституционного строя. Тем их деятельность, собственно, и ограничивалась. Разночинские кружки второго поколения (В.Г. Белинского, А.И. Герцена и Н.П. Огарева и др.), действовавшие в 30-40-е годы, развернули революционную агитацию и были разгромлены жандармами. Многочисленные народнические кружки третьего поколения, образовавшиеся вскоре после отмены крепостного права в России, совершили неудачную попытку поднять крестьянство на социальную революцию.

В связи с бурным развитием промышленности в пореформенной России и нещадной эксплуатацией пролетариата, в 70-е годы появились кружки четвертого поколения - рабочие кружки, объединившиеся позднее в «Южнорусский союз рабочих» (основатель - Е.О. Заславский) и «Северный союз русских рабочих» (его руководители - В.П. Обнорский и С.Н. Халтурин). Наконец, кружками пятого поколения следует признать марксистские кружки (Д. Благоева, М.И. Бруснева, Н.Е. Федосеева и др.), возникшие в 80-х годах XIX века. Они вооружали и вдохновляли участников рабочего движения новой революционной идеологией, однако для массовой пропаганды марксизма рамки кружков были слишком тесны. К концу века подпольные кружки изжили себя, уступив место первой революционной рабочей партии - РСДРП.

В военном деле окружение - это серьезнейшее испытание для всего подразделения, чреватое пленом или полным уничтожением. Единственное средство против окружения - круговая оборона с последующим прорывом через вражеские порядки. В начальный период Великой Отечественной войны (1941 - 1942) из-за грубейших стратегических просчетов руководства и маршалов, собиравшихся бить врага малой кровью и при том на чужой территории, советским бойцам пришлось научиться драться в окружении. Эта нелегкая наука далась ценой невероятных страданий и целых рек крови, щедро пропитавших нашу собственную землю.

В наши дни, летом 1999 года, когда американская авиация бомбила беззащитные югославские города, патриоты сербы носили на сердце круглую мишень с надписью «цель», выражая тем самым готовность к самопожертвованию и презрение к лицемерным жандармам народов, повсюду кричащим о правах человека и тут же грубо попиравшим эти самые права, самым наглым и варварским образом.

Итак, подытоживая все вышесказанное, можно отметить, что на протяжении всей истории человечества, да и в настоящее время обозначенные нами универсалии являются основным алгоритмом взаимоотношения человека с природой, космосом, религией и обществом. И от этого - нам никуда не деться.

Библиографический список

1. Подосинов, А.В. *Ex oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии*, 1999. - DjVu, RUS.
2. Мелетинский, Е.М. *Поэтика мифа*. - М., 1976.
3. Топоров, В.Н. *О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках*. - М., 1988.
4. Елизаренкова, Т.Я., *Слова и вещи в Ригведе*. - М., 1999.
5. Антонова, Е.В. *Археология и семиотика / Е.В. Антонова, Д.С. Раевский // Структурно-семиотические исследования в археологии*. - Донецк, 2002.
6. Ойношев, В.П. *Система мифологических символов в алтайском героическом эпосе*. - Горно-Алтайск, 2008.
7. Соёнов, В.И. *Тархатинский мегалитический комплекс / В.И. Соёнов, А.В. Шитов, Д.В. Черемисин, А.В. Эбель // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии*. - Горно-Алтайск. - 2000. - № 5.
8. Тишкин, А.А. *Проблема происхождения бийкенской культуры Алтая раннескифского времени и выделение основных этапов её развития // Социогенез в Северной Азии*. - Иркутск, 2005.
9. Вовк, О.В. *Энциклопедия знаков и символов*. - М., 2007.

Bibliography

1. Podosinov, A.V. Ex oriente lux! Orientaciya po stranam sveta v arkhaiskikh kul'turakh Evrazii, 1999. - DjVu, RUS.
2. Meletinskiy, E.M. Poehtika mifa. - M., 1976.
3. Toporov, V.N. O rituale. Vvedenie v problematiku // Arkhaicheskiy ritual v folklornikh i ranneliteraturnikh pamyatnikakh. - M., 1988.
4. Elizarenkova, T.Ya., Slova i vethi v Rigvede. - M., 1999.
5. Antonova, E.V. Arkheologiya i semiotika / E.V. Antonova, D.S. Raevskiy // Strukturno-semioticheskie issledovaniya v arkheologii. - Doneck, 2002.
6. Ojnoshev, V.P. Sistema mifologicheskikh simvolov v altajskom geroicheskom ehpose. - Gorno-Altajsk, 2008.
7. Soyonov, V.I. Tarkhatinskiy megaliticheskiy kompleks / V.I. Soyonov, A.V. Shitov, D.V. Cheremisin, A.V. Ehbelj // Drevnosti Altaya. Izvestiya laboratorii arkheologii. - Gorno-Altajsk. - 2000. - № 5.
8. Tishkin, A.A. Problema proiskhozhdeniya biyjkenskoy kul'turhi Altaya ranneskifskogo vremeni i vhdelenie osnovnihk ehptapov eyo razvitiya / Sociogenez v Severnoy Azii. - Irkutsk, 2005.
9. Vovk, O.V. Ehnciklopediya znakov i simvolov. - M., 2007.

Статья поступила в редакцию 18.11.11

УДК 351.746.1: 351.86

Gashenko V.A. **HIGH-LEVEL PERSONNEL OF NKVD-NKGB DEPARTMENTS IN WEST SIBERIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR.** The article is dedicated to the State security officers who were at the head of NKVD-NKGB Departments in West Siberia during the Great Patriotic War. The article is based on the little-known and recent biographical facts. The author made an attempt to compare life stories of heads of NKVD-NKGB Departments in Novosibirsk, Kemerovo and Tomsk regions to estimate their professional skills in 1941-1945.

Key words: secret service, State security organs, regular personnel, heads of NKVD-NKGB Departments, Great Patriotic War, 1941-1945.

*V.A. Гашенко, канд. ист. наук, ст. офицер в/ч 44261, г. Новосибирск,
E-mail: furibo@yandex.ru*

РУКОВОДЯЩИЙ СОСТАВ УПРАВЛЕНИЙ НКВД-НКГБ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье рассказывается о сотрудниках органов государственной безопасности СССР, возглавлявших управления НКВД-НКГБ в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны. На основе малоизвестных и впервые вводимых в научный оборот сведений, автор проводит сравнительный анализ биографических данных начальников управлений госбезопасности Новосибирской, Кемеровской и Томской областей в 1941-1945 гг., оценивает их профессиональные и личностные качества.

Ключевые слова: спецслужбы, органы государственной безопасности, кадровый состав, начальники управлений НКВД-НКГБ СССР, Великая Отечественная война 1941-1945 гг.

В последнее время интерес к истории отечественных спецслужб неуклонно возрастает. Это можно объяснить тем, что спецслужбы на всех этапах развития государства и общества активно влияли на внешнюю и внутреннюю политику, являясь важнейшими государственными институтами, призванными обеспечить надежную защиту существующего строя, народа, правящей элиты, суверенитета и территориальной целостности государства. Актуальность глубокого знания истории спецслужб России определяется тем, что учет опыта работавших в них сотрудников, выявление сильных и слабых сторон их деятельности помогает сегодня вырабатывать качественно новые пути перестройки правоохранительной сферы, а также избегать роковых ошибок прошлого в современных формах и методах работы.

Несмотря на наличие большого количества работ, посвященных истории российских спецслужб, в современной историографии существуют проблема, связанная с доминированием исследований, анализирующих именно деятельность, а не кадровый состав органов безопасности. Между тем, основу любой спецслужбы составляют работающие в ней люди. От того, насколько интеллектуальны, образованны, профессионально подготовлены сотрудники органов безопасности, напрямую зависит не только эффективность, но и легитимность их деятельности. В этой связи важно знать, какие требования предъявлялись к кандидатам на службу в тот или иной исторический период, насколько эти требования соблюдались на практике, кто попадал на службу в органы и благодаря каким качествам достигал высот карьерного роста.

Попытки ответить на некоторые из вышеуказанных вопросов уже делались рядом современных исследователей, среди которых, в частности, можно назвать Н.В. Петрова

и К.В. Скоркина [1], М.Л. Серякова и А.И. Колпакиди [2], А. Севера [3] и некоторых других. В работах этих авторов исследовались главным образом кадры центрального аппарата органов госбезопасности, начиная с ВЧК, и заканчивая ФСБ России. Однако акцентирование внимания указанных исследователей преимущественно на высокопоставленных лицах российских спецслужб не позволило им в полной мере изучить представителей периферийных органов безопасности, к которым, в частности, относились руководители областных управлений НКВД-НКГБ 30-х – 40-х годов XX века. Между тем, именно на плечах начальников УНКВД-НКГБ тыловых регионов страны в критические годы существования нашего государства, например, в годы Великой Отечественной войны, лежала большая ответственность, связанная с решением многочисленных социально-экономических и политических задач, по своей важности не уступавших задачам центрального аппарата органов госбезопасности. Поэтому изучение биографических данных руководящих кадров региональных спецслужб представляется нам сегодня достаточно актуальным и перспективным.

Занимаясь многолетним исследованием истории сибирских органов госбезопасности периода Великой Отечественной войны, автор хотел бы в настоящей статье отразить некоторые результаты своей работы, связанной с изучением кадрового состава управлений НКВД-НКГБ одного из крупнейших регионов Западной Сибири военного времени – Новосибирской области, а также выделившихся из нее в 1943-1944 годах Кемеровской и Томской областей. Кто возглавлял указанные областные управления, в какой последовательности и на протяжении какого времени? Какими профессиональными и личностными качествами обладали эти руководители? Как сложи-

лась их судьба после войны и чем они занимались до начала военных действий? На эти и другие вопросы попытался ответить автор в настоящей статье.

Особенностью кадрового состава управления государственной безопасности Новосибирской области в годы войны являлось то, что под влиянием реформ органов НКВД-НКГБ СССР в 1941-1943 годах, а также административно-территориальных преобразований Новосибирской области в 1943-1944 годах, периодически происходили его количественные и качественные изменения. В связи с указанными обстоятельствами, руководство областного управления менялось несколько раз, причем некоторые из его начальников за короткий срок успевали неоднократно сменить свое «амплуа», то есть побывать сперва на должности чекиста, затем – милиционера, или – наоборот. Так, управление НКГБ СССР по Новосибирской области (УНКГБ по НСО) в качестве самостоятельной структуры, независимой от органов внутренних дел, существовало в периоды с 22 июня до июля 1941 года и с апреля 1943 года до окончания войны, а в период с июля 1941 года и до апреля 1943 года все подразделения госбезопасности входили в состав управления НКВД по НСО. Соответственно, подразделения госбезопасности в Новосибирской области возглавляли несколько лиц: с апреля по август 1941 года – капитан госбезопасности М.Ф. Ковшук-Бекман (с апреля по июль 1941 год он возглавлял УНКГБ по НСО, с июля по август 1941 года – подразделения госбезопасности, вошедшие в состав УНКВД по НСО, и с августа по декабрь 1941 года – УНКВД по НСО) [4, с. 30]; с мая 1943 года по октябрь 1944 года – комиссар госбезопасности Л.А. Малинин, который до назначения на указанную должность возглавлял областное управление НКВД [1, с. 282]; с ноября 1944 года до окончания войны (а затем – до марта 1948 года) – комиссар госбезопасности П.П. Кондаков [1, с. 240].

26 января 1943 года из состава Новосибирской области была выделена на правах самостоятельной административной единицы Кемеровская область. В связи с данным преобразованием, приказом НКВД СССР № 00137 от 28 января 1943 года было образовано управление НКВД СССР по Кемеровской области, начальником которого был назначен капитан госбезопасности И.М. Кирюшин. Несколько месяцев спустя, после выделения из системы органов внутренних дел органов государственной безопасности, в Кемеровской области было создано областное управление НКГБ, в которое И.М. Кирюшин был переведен из УНКВД по Кемеровской области на должность начальника [5, с. 20].

После выделения летом 1944 года Томской области из состава Новосибирской, 19 августа 1944 года наркомом госбезопасности СССР В.Н. Меркуловым был подписан приказ № 00309, в соответствии с которым было образовано УНКГБ по Томской области, которое возглавил полковник Я.С. Турчанинов [6, с. 55].

Таким образом, высокие должности начальников органов госбезопасности в Новосибирской, Кемеровской и Томской областях на протяжении военного периода занимали пять человек: М.Ф. Ковшук-Бекман, Л.А. Малинин, П.П. Кондаков, И.М. Кирюшин и Я.С. Турчанинов. Проанализируем основные этапы их трудового пути с целью определения того, кто из них наилучшим образом соответствовал занимаемой должности, какое имел образование и заслуги перед Родиной, а также попытаемся выяснить, как сложилась судьба данных лиц после завершения их службы в органах госбезопасности.

Михаил Фомич Ковшук-Бекман (рис. 1) родился в одном из белорусских сел в 1898 году. Он возглавлял органы госбезопасности Новосибирской области в возрасте сорока трех лет и руководил ими около полугода. До назначения на указанную должность имел стаж чекистской работы более двадцати лет, образование получил начальное (окончил народное училище). До прибытия в Новосибирск возглавлял Пятый отдел Третьего управления НКГБ СССР, то есть работал в центральном аппарате органов госбезопасности. После службы в УНКГБ по НСО, в августе 1941 года возглавил областное управление

НКВД, которое покинул в январе 1942 года. Дальнейшее место работы М.Ф. Ковшук-Бекмана автору статьи, к сожалению, установить не удалось, хотя факт присвоения ему в 1945 году звания «генерал-майор», его отставка в 1948 году, а также сведения некоторых сибирских исследователей [7, с. 276], дают основание полагать, что службу он закончил в Москве.

За заслуги перед Родиной М.Ф. Ковшук-Бекман был награжден боевым оружием «Маузер», орденами Красной Звезды, Красного Знамени, Ленина, медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За оборону Кавказа», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», «30 лет Советской Армии и Флота», знаком «Почетный чекист», а также именными часами [8, с. 55].

Леонид Андреевич Малинин (рис. 2) родился в городе Екатеринбурге в 1907 году. Он возглавлял управление НКГБ по Новосибирской области почти полтора года, и примерно столько же – чекистские подразделения в составе областного УНКВД. В момент назначения на руководящую должность ему было тридцать шесть лет. Образование имел высшее – в 1934 году окончил Томский институт инженеров транспорта. До прибытия на службу в Новосибирск из Одесского управления НКВД стаж его работы в органах безопасности составлял менее десяти лет. После службы в органах госбезопасности Новосибирской области был направлен в УНКГБ СССР по Тернопольской области, которое возглавлял до конца 1945 года [8, с. 58].

Службу в органах закончил в 1945 году в центральном аппарате МГБ СССР, в звании генерал-майора. За свою деятельность был награжден орденами Красной Звезды, Ленина и Трудового Красного Знамени [9, с. 8].

После увольнения из органов безопасности Л.А. Малинин работал заместителем политсоветника при Главном начальствующем Советской военной администрации в Германии, сотрудником Комитета информации при Совете министров СССР, а также занимал ряд инженерных должностей в транспортных организациях города Киева.

Умер Л.А. Малинин в 1982 году в Киеве в возрасте семидесяти пяти лет.

Петр Павлович Кондаков (рис. 3) родился в семье слесаря в 1902 году, в Калужской губернии. Окончил три класса ремесленного училища. Руководящую должность начальника УНКГБ по Новосибирской области занял в возрасте сорока двух лет. Руководил областным управлением госбезопасности последнее военное полугодие (в 1945 году получил звание генерал-майора), а также еще более двух лет после окончания Великой Отечественной войны [8, с. 55].

До назначения в Новосибирск возглавлял УНКГБ СССР по Смоленской области, а после службы в НСО убыл на должность начальника УМГБ СССР по Крымской области. До увольнения в запас из советских органов госбезопасности в 1961 году (с должности начальника УКГБ СССР по Владимирской области) занимал ряд высоких правительственных должностей (в 1952-1953 годах – министр госбезопасности Литовской ССР, в 1953 году – министр внутренних дел Литовской ССР) [10].

Умер П.П. Кондаков в 1970 году в городе Владимире в возрасте шестидесяти восьми лет. За службу в органах был награжден орденами Красной Звезды, Красного Знамени, Ленина, пятью медалями, знаками «Заслуженный работник НКВД» и «Почетный сотрудник госбезопасности» [9, с. 9].

Иван Михайлович Кирюшин (рис. 4) родился в бедной крестьянской семье в Рязанской области в 1903 году. Образование получил начальное. На службу в органы госбезопасности поступил по партийному набору в 1929 году, стаж его чекистской работы к моменту назначения на должность начальника управления госбезопасности в Кемеровской области исчислялся четырнадцатью годами. Возраст вступления в руководящую должность – сорок лет. Возглавлял органы госбезопасности Кемеровской области в годы войны около двух лет, а также почти три года после ее окончания.

До назначения на службу в Кемерово являлся одним из руководителей партизанских отрядов на оккупированной территории Тульской и Смоленской областей.

Умер И.М. Кирюшин в возрасте сорока пяти лет в 1948 году, за своим рабочим столом, будучи начальником УМГБ СССР по Кемеровской области.

И.М. Кирюшин был награжден орденами Красного Знамени, Красной Звезды, медалями «За оборону Москвы», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», Знаком почета, а также знаками «Почетный работник ВЧК-ОГПУ» и «Заслуженный работник НКВД».

Яков Семенович Турчанинов (рис. 5) родился в 1903 году в Оренбургской губернии в крестьянской семье. Образование получил высшее. К моменту назначения на руководящую должность начальника УНКГБ по Томской области ему исполнился сорок один год, за плечами он имел восемнадцатилетний стаж оперативной работы в органах госбезопасности. Последнее место службы до перевода на руководящий пост в город Томск – начальник одного из отделов УНКГБ по Воронежской области [11].

Я.С. Турчанинов возглавлял управление НКГБ по Томской области около девяти последних месяцев Великой Отечественной войны, а также более четырех лет – после ее окончания. Перед увольнением на пенсию занимал должность начальника отдела УМГБ УССР по Закарпатской области, куда был переведен на службу из Томской области в 1949 году.

За службу в органах госбезопасности Я.С. Турчанинов неоднократно награждался орденами и медалями СССР [12].

Обобщая биографические данные о руководителях органов госбезопасности Западной Сибири военных лет, можно сделать следующие выводы.

Средний возраст начальников управлений НКВД-НКГБ Новосибирской, Кемеровской и Томской областей в годы войны составлял около сорока лет. Самым молодым из них был Л.А. Малинин, старшим – М.Ф. Ковшук-Бекман. Срок пребывания на должности начальника управления госбезопасности

у рассмотренных лиц был нестабильным – от шести месяцев до двух лет.

Большинство начальников были выходцами из крестьянских семей и имели начальное и среднее образование. Коренных сибиряков из указанных выше лиц не было, в связи с чем, по-видимому, руководство сибирскими управлениями госбезопасности расценивалось ими в качестве очередной ступени роста в восхождении по служебной лестнице.

В качестве начальника, наиболее знакомого с оперативной обстановкой в Западной Сибири, можно назвать Я.С. Турчанинова, проработавшего до назначения на руководящую должность в Томске много лет на оперативных должностях в органах госбезопасности Западной Сибири. Меньше всего приспособленным к руководству территориальным управлением можно считать П.П. Кондакова, который более десяти лет подряд работал в пограничных органах и, кроме того, много времени уделял своей партийной карьере (например, был депутатом Верховного Совета РСФСР).

В заключение хотелось бы отметить, что в военных условиях главными требованиями к занятию руководящей должности регионального уровня являлось, по-видимому, не наличие хорошего образования, оперативного опыта и глубокого знания специфики возглавляемого подразделения. Главными качествами, которыми должен обладать кандидат на руководящую должность в годы войны, как, впрочем, и в довоенный период, были безграничная преданность делу партии большевиков и отсутствие компрометирующих материалов в личном деле. В этой связи вспоминаются слова Ф.Э. Дзержинского, сказанные им в двадцатых годах XX века: «Если приходится выбирать между, безусловно, нашим человеком, но не совсем способным, и не совсем нашим, но очень способным, – у нас, в ЧК, необходимо оставить первого...» [13, с. 219]. Доминирование этого принципа при подборе кадров советских органов госбезопасности была еще раз подтверждена Великой Отечественной войной.

Приложения

Рис. 1. М.Ф. Ковшук-Бекман

Рис. 2. Л.А. Малинин

Рис. 3. П.П. Кондаков

Рис. 4. И.М. Кирюшин

Рис. 5. Я.С. Турчанинов

Библиографический список

1. Петров, Н.В. Кто руководил НКВД. 1934-1941: справочник / Н.В. Петров, К.В. Скоркин. – М., 1999.
2. Колпакиди, А.И. Щит и меч. Руководители органов государственной безопасности Московской Руси, Российской империи, Советского Союза и Российской Федерации / А.И. Колпакиди, М.Л. Серяков. – М., 2002.
3. Север, А. ФСБ: энциклопедия спецслужб. – М., 2010.
4. Безопасность от А до Я: информационно-аналитический журнал. – 2002. – № 4.
5. Чекисты Кузбасса. 1943 г. – 2003 г. Страницы истории. – Кемерово, 2003.
6. Томские контрразведчики на фронте и в тылу. – Томск, 2005.
7. Тепляков, А.Г. Управление НКВД по Новосибирской области накануне и в начальный период Великой Отечественной войны // Западная Сибирь в Великой Отечественной войне (1941-1945 гг.): сб. науч. трудов. – Новосибирск, 2004.
8. Страницы истории правоохранительных органов города Новосибирска: информационный сборник. – Новосибирск, 2002.
9. Безопасность от А до Я: информационно-аналитический журнал. – 2005. – № 5.
10. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф.П.-4. Оп. 56. Д. 12408. Л. 3-4.
11. Управление ФСБ России по Томской области. 60 лет [Э/р]. – Р/д: 1 электрон. опт. диск (CD-R). – Систем. требования: ПК Pentium III и выше; 128 Мб ОЗУ; MS Windows XP; 4x CD-ROM дисковод; мышь. – Загл. с обложки диска. – Томск, 2004.
12. Голоскоков, И.В. На страже: очерки истории томских органов госбезопасности в биографиях их начальников / И.В. Голоскоков, В.Н. Уйманов. – Томск, 2008.
13. Плеханов, А.М. Дзержинский. Первый чекист России. – М., 2007.

Bibliography

1. Petrov, N.V. Kto rukovodil NKVD. 1934-1941: spravochnik / N.V. Petrov, K.V. Skorkin. – M., 1999.
2. Kolpakidi, A.I. Thit i mesh. Rukovoditeli organov gosudarstvennoy bezopasnosti Moskovskoy Rusi, Rossiyskoy imperii, Sovetskogo Soyusa i Rossiyskoy Federacii. / A.I. Kolpakidi, M.L. Seryakov. – M., 2002.
3. Sever, A. FSB: ehnciklopediya spetsluzhb. – M., 2010.
4. Bezopasnost ot A do Ya: informacionno-analiticheskiy zhurnal. – 2002. – № 4.
5. Chekistih Kuzbassa. 1943 g. – 2003 g. Stranich istorii. – Kemerovo, 2003.
6. Tomskie kontrrazvedchiki na fronte i v tihlu. – Tomsk, 2005.
7. Teplyakov, A.G. Upravlenie NKVD po Novosibirskoy oblasti nakanune i v nachalnih period Velikoy Otechestvennoy voyin // Zapadnaya Sibir v Velikoy Otechestvennoy voyine (1941-1945 gg.): sb. nach. trudov. – Novosibirsk, 2004.
8. Stranich istorii pravookhranitelnih organov goroda Novosibirsk: informacionniyi sbornik. – Novosibirsk, 2002.
9. Bezopasnost ot A do Ya: informacionno-analiticheskiy zhurnal. – 2005. – № 5.
10. Gosudarstvenniyi arkhiv Novosibirskoy oblasti (GANO). F.P.-4. Op. 56. D. 12408. L. 3-4.
11. Upravlenie FSB Rossii po Tomskoy oblasti. 60 let. [Eh/r]. – R/d: 1 ehlektron. opt. disk (CD-R). – Sistem. trebovaniya: PK Pentium III i vihshe; 128 Mb OZU; MS Windows XP; 4x CD-ROM diskovod; mihs. – Zagl. s oblozhki diska. – Disk pomethen v konteyiner 12-14 sm. – Tomsk, 2004.
12. Goloskokov, I.V. Na strazhe: ocherki istorii tomskikh organov gosbezopasnosti v biographiyakh ikh nachalnikov / I.V. Goloskokov, V.N. Uyimanov. – Tomsk, 2008.
13. Plekhanov, A.M. Dzerzhinskiy. Perviy chekist Rossii. – M., 2007.

Статья поступила в редакцию 18.11.11

Раздел 6

ЭКОЛОГИЯ.

ЭКОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА И ГИГИЕНА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Редакторы раздела:

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ ПУЗАНОВ – доктор биологических наук, профессор, зам директора по научной работе Учреждения Российской академии Института водных и экологических проблем Сибирского отделения РАН (г. Барнаул)

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ МЕШКОВ – доктор медицинских наук, профессор Научно-исследовательского института экологии человека и гигиены окружающей среды им. А.Н. Сысина РАМН, член Российской научной комиссии по радиационной защите (г. Москва)

УДК 614.77

Kryatov I.A., Novosiltsev G.I., Tonkopy N.I., Ushakova O.V., Vodyanova M.A., Chernyshenko A.I. **EFFECT OF OIL-CONTAMINATED SOIL ON THE DEVELOPMENT OF PATHOGENS INVASIVE DISEASES.** The article describes the actual problem of parasitic contamination of soils in the combined effect of petroleum products, ubiquitous in urboterritory. Presented by Stages of development of ascarid eggs under the influence of different concentrations of oil. Designated public health risks.

Key words: oil pollution, soil, helminthes.

И.А. Крятов, канд. мед. наук, зав. лабораторией гигиены почвы ФГБУ «НИИ ЭЧ и ГОС им. А.Н. Сысина» Минздравсоцразвития России; **Г.И. Новосильцев**, канд. мед. наук, старший науч. сотрудник отдела медицинской гельминтологии ИМПИТМ им. Е.И. Марциновского ГОУВПО ММА им. И.М. Сеченова; **Н.И. Тонкопий**, канд. мед. наук, ведущий науч. сотрудник лаборатории гигиены почвы ФГБУ «НИИ ЭЧ и ГОС им. А.Н. Сысина» Минздравсоцразвития России; **О.В. Ушакова**, канд. мед. наук, старший научный сотрудник лаборатории гигиены почвы ФГБУ «НИИ ЭЧ и ГОС им. А.Н. Сысина» Минздравсоцразвития России; **М.А. Водянова**, младший науч. сотрудник лаборатории гигиены почвы ФГБУ «НИИ ЭЧ и ГОС им. А.Н. Сысина» Минздравсоцразвития России; **А.И. Чернышенко**, канд. мед. наук, ведущий научный сотрудник отдела медицинской гельминтологии ИМПИТМ им. Е.И. Марциновского ГОУВПО ММА им. И.М. Сеченова, E-mail: lab.pochva(5),mail.ru

ВЛИЯНИЕ НЕФТЕЗАГРЯЗНЕННЫХ ПОЧВ НА РАЗВИТИЕ ВОЗБУДИТЕЛЕЙ ИНВАЗИОННЫХ ЗАБОЛЕВАНИЙ

В работе описана актуальная проблема паразитарного загрязнения почв в сочетании с нефтепродуктами, повсеместно распространенными в урботерриториях. Представлено стадийное развитие яиц аскарид под влиянием различных концентраций нефти. Обозначены риски для здоровья населения.

Ключевые слова: нефтяное загрязнение, почва, гельминты.

В начале XXI века урбанизация, связанная со стремительным ростом городов и городского населения, охватила около 1% площади земного шара. Примерно половина мирового населения уже живет в городских агломерациях, в промышленно развитых странах более 75% составляет городское население. Этот глобальный процесс изменил ландшафты Земли сильнее, чем все другие виды деятельности человека за всю его историю. В связи с этим, задача науки и практики оценить и понять изменения в функционировании биосферы (почвы), вызываемые индустриализацией, перенаселением и загрязнением.

Результаты мониторинга почв по г. Москве, проводившегося в восьмидесятих годах XX века, совместно с Институтом минералогии геохимии и кристаллохимии редких элементов

(ИМГРЭ), а также современных мониторинговых наблюдений за почвами ряда регионов города (например, района «Хамовники» Центрального административного округа г. Москвы и района «Капотня» Юго-восточного административного округа г. Москвы), выполненные в период с 2005 до 2011 гг., показали, что почвы селитебных зон г. Москвы, как в восьмидесятих, так и в период с 2005 до 2011 гг. продолжают оставаться значительно загрязненными биологическими агентами - гельминтами, что создает прямую угрозу заражения людей, особенно детей, имеющих прямой контакт с почвой (игровые площадки, песочницы), кишечными инфекциями и глистными инвазиями. Результаты свидетельствуют о том, что уровень загрязнения почв селитебных зон нефтепродуктами и биологическими агентами стабильно остается на опасном высоком

Влияние нефти на развитие яиц аскарид

Варианты опыта	контроль		500 мг/кг		1000 мг/кг		5000 мг/кг		10000 мг/кг	
	а	в	а	в	а	в	а	в	а	в
7 сутки	238	B₁₆ 212 B₄ 26	224	B₁₆ 172 B₂ 52	238	B₁₆ 115 B₄ 99 B₂ 24	226	B₁₆ 132 B₄ 54 B₂ 40	232	B₁₆ 102 B₄ 71 B₂ 59
17 сутки	224	B₁ 185 M 39	230	M 110 B₁ 120	226	B₁ 40 M 116	241	B₁₆ 96 M 145	218	B₁₆ 150 M 68
27 сутки	220	Lf 94 G 126	226	Lf 43 G 65 B₁ 118	232	G 41 B₁ 123 M 68	234	G 12 M 138 B₁ 84	228	B₁₆ 62 M 54 B₁ 112
37 сутки	242	L 181 Lf 61	239	L 134 Lf 105	240	L 102 Lf 138	235	Lf 142 G 93	232	B₁ 80 G 152
47 сутки	227	L_{in} 201 L 26	234	L_{in} 162 L 40 Lf 32	229	L_{in} 96 L 98 Lf 35	236	L 132 Lf 104	220	Lf 114 G 106
57 сутки	252	L_{in} 247 L 5	234	L_{in} 202 L 30 Lf 2	246	L_{in} 162 L 44 Lf 40	231	L 165 Lf 66	242	L 35 Lf 134 G 73
60 сутки	236	L_{in} 235 L 1	230	L_{in} 218 L 12	244	L_{in} 164 L 74 Lf 6	235	L 170 Lf 65	240	L 30 Lf 139 G 73
70 сутки	246	L_{in} 243	238	L_{in} 220 L 18	229	L_{in} 164 L 45 Lf 6	231	L 109 Lf 101 G 21	232	Lf 142 G 90

B₂ — 2 бластомера.

B₄-4 бластомера.

B₁₆ — 16 бластомеров

M - морула

B₁ — бластула

а – общее кол-во яиц гельминтов (я/г).

в – число развивающихся яиц на различных стадиях.

G — гастрюла.

Lf — формирующаяся личинка.

L - сформировавшаяся личинка.

L_{in} - инвазионная личинка.

уровне. Поэтому *насушной задачей* является изучение влияния нефтезагрязненных почв на развитие паразитарных патогенов, содержащихся в почве.

Материалы и методы: экспериментальные исследования проводились на дерново-подзолистой среднесуглинистой почве, pH 7,13-7,35, с содержанием гумуса 1,3% (по Тюрину) НРК содержание тяжелых металлов ниже ПДК для почвы. В опытах использовалась товарная нефть [1] – смесь нефтей западносибирских месторождений, плотностью

0,876 г/см³, с содержанием серы 1,67%, солей 0,04%, обводненностью 0,12%.

Испытывались концентрации нефти, характеризующие реальные уровни загрязнения почвенного покрова селитебных зон населенных пунктов [2]. В качестве паразитарных тест объектов использовались очищенные взвеси жизнеспособных яиц аскариды человеческой (*Ascaris lumbricoides*) на стадии 1-2 бластомеров развития. В опыте использовано 5 вариантов: контроль, 500мг/кг нефти, 1000 мг/кг, 5000 мг/кг,

10000 мг/кг, в каждую из навесок почвой массой 200 ± 20 г было внесено по 250 ± 10 яиц аскариды. Образцы помещались в открытые контейнеры и после тщательного перемешивания экспонировались в оптимальных для процесса самоочищения почв температурно-влажностных условиях: влажность почвы 60-70% от полной влагоемкости, температура 20°C с доступом воздуха и света. Длительность эксперимента 70 суток, в течение которых поддерживались постоянные условия [3]. Санитарно-паразитологический анализ образцов почвы проводился начиная с 7 суток, а затем каждые 10 суток от закладки опыта в соответствии с МУК 4.2.796-99 «Методы санитарно-паразитологических исследований». В каждом образце учитывалось общее содержание яиц аскарид и число яиц гельминтов на разных стадиях развития. Каждый образец почвы исследовался в полном объеме. Развитие яиц аскарид в почве определялось по 9 стадиям: 1-2 бластомера; 4 бластомера; 16 бластомеров; морула; бластула; гастрюла; формирующаяся личинка; сформировавшаяся личинка; инвазионная личинка [4].

Результаты и обсуждения: результаты исследования показали (табл. 1), что в почве всех вариантов опыта обнаружены яйца аскариды, количество которых колебалось от 252 до 218 экземпляров (экз) 252-220 экз в контроле; 230-224 экз в образцах почвы с концентрацией нефти 500 мг/кг; 246-226 экз в образцах почвы с концентрацией нефти 1000 мг/кг; 241-226 экз в образцах почвы с концентрацией нефти 5000 мг/кг; 242-218 экз в образцах почвы с концентрацией нефти 10000 мг/кг. Различия между числом внесенных в образцы почвы аскарид и обнаруженных в процессе наблюдения не имеет принципиального значения и объясняется потерями при проведении исследований.

Данные санитарно-паразитологических исследований свидетельствуют о том, что в почве контрольных образцов в период наблюдения происходило активное развитие яиц аскариды. Уже на 47 сутки наблюдения 88,8% яиц стали инвазионными, т.е. содержали личинки с чехликом (после второй линьки). К концу эксперимента (70 суток) количество инвазионных яиц достигало 98,8%.

Несмотря на то, что в этот же период также как и в контрольном варианте при концентрации нефти 500 и 1000 мг/кг обнаружены яйца гельминтов, достигшие инвазионной стадии развития, отмечено угнетающее действие нефти, на что указывает более низкий процент обнаружения инвазионной личинки. Это особенно выражено при концентрации нефти 1000 мг/кг, при которой личинки в яйцах достигшие инвазионной стадии развития отмечены в 41,9% (47 сутки) и в 71,6% (в конце наблюдения). Максимальное ингибирование процессов развития яиц аскарид наблюдалось в образцах почвы

с содержанием нефти в почве 5000 мг/кг и 10000 мг/кг. В этих вариантах опыта с самого начала и до окончания опыта яйца аскарид оставались на ранних стадиях развития: в 12,5 – 14,5% на стадии не инвазионной личинки; в 57,9 – 61,2% на стадии формирующейся личинки; в 33,2% на стадии гастрюлы. Ни одно яйцо до конца эксперимента не достигало инвазионного состояния.

Обнаруженный эффект можно объяснить недостатком кислорода необходимого для развития яиц аскарид. Известно, что загрязнение почв нефтью приводит к изменению экологической обстановки [5]. Пропитывая почву, обволакивая почвенные частицы, корни растений, проникая сквозь мембраны клеток, нефть изменяет физико-химические свойства и структуру почвы, нарушает водно-воздушный баланс среды и организмов, приводит к нарушению аэрации и возникновению анаэробных условий [6]. Яйца же аскарид способны развиваться при достаточном доступе кислорода к их наружной оболочке и внутренним структурам. Наряду с этим, учитывая способность нефти растворяться в жирах, нельзя отрицать также возможность прямого токсического воздействия на личинку аскариды в результате проникновения через липидную оболочку яиц гельминтов. Однако это предположение для своего подтверждения нуждается в постановке дополнительных исследований.

Таким образом, в рамках проведенных исследований установлено, что нефтезагрязненные почвы ингибируют на ранних стадиях развитие яиц аскариды человеческой и препятствуют их созреванию до инвазионного состояния при концентрации нефти 5000 и 10000 мг/кг, снижают количество инвазионных яиц на 6,4-19% относительно контроля при 500 и 1000 мг/кг нефти в почве, соответственно. Это позволяет говорить о снижении риска заболеваемости населения аскаридозом в условиях нефтезагрязненных почв, но не исключает его полностью [7]. По мнению Браун, прекращение доступа кислорода останавливает развитие яиц гельминтов, которое вновь продолжается при аэрации. В связи с постоянным разложением нефти в почве и снижением её концентрации можно ожидать улучшения физико-химических, в т.ч. аэрационных условий, что приведет к продолжению процесса развития яиц аскарид.

Для формирования общего окончательного заключения о санитарно-эпидемиологической значимости нефтезагрязненных почв относительно паразитарных заболеваний необходимо дальнейшее расширение исследований по изучению влияния нефти на других представителей паразитозов в почве, выявление механизма их взаимодействия с токсикантом, а также проведение дополнительных наблюдений в натуральных условиях с учетом возможного комплексного воздействия нефти и других загрязнителей в почве.

Библиографический список

1. Информационная карта потенциально опасного химического и биологического вещества. Нефть сырая. Свидетельство о государственной регистрации серия ВТ № 001078 от 04.12.1996.
2. Невзоров, В.М. О вредном воздействии нефти на почву и растения // Изв. вузов. Лесной журнал. – 1976. - № 2.
3. Пиковский, Ю.И. Природные и техногенные потоки углеводородов в окружающей среде. - М., 1993.
4. Романенко Н.А. Санитарная гельминтология. - М., 1982.
5. Романенко, Н.А. Санитарная паразитология / Н.А. Романенко, Н.К. Патченко, Н.В. Чебышев. - М., 2000.
6. Солнцева, Н.П. Общие закономерности трансформации почв в районах добычи нефти (формы проявления, основные процессы, модели) // Восстановление нефтезагрязненных почвенных экосистем. - М., 1988.
7. Трофимов, С.Е. Влияние нефти на почвенный покров и проблема создания нормативной базы по влиянию нефтезагрязнения на почвы / С.Е. Трофимов, Я.М. Амосова, Д.С. Орлов, Н.Н. Осипова, Н.И. Суханова // Вестник Московского университета. – 2000. - № 2.

Bibliography

1. Informacionnaya karta potencialno opasnogo khimicheskogo i biologicheskogo veshchestva. Neftj sihraya. Svidetel'jstvo o gosudarstvennoj registracii seriya VT № 001078 ot 04.12.1996.
2. Nevzorov, V.M. O vrednom vozdeystvii nefiti na pochvu i rasteniya // Izv. vuzov. Lesnoy zhurnal. – 1976. - № 2.
3. Pikovskij, Yu.I. Prirodnihe i tekhnogennihe potoki uglevodorodov v okruzhayuthey srede. - M., 1993.
4. Romanenko N.A. Sanitar'naya gel'mintologiya. - M., 1982.
5. Romanenko, N.A. Sanitar'naya parazitologiya / N.A. Romanenko, N.K. Patchenko, N.V. Chebihshhev. - M., 2000.
6. Solnceva, N.P. Obshchie zakonovernosti transformacii pochv v rayonakh dobichi nefiti (formih proyavleniya, osnovnihe processih, modeli) // Vosstanovlenie nefitezagryaznennihk pochvennihk ehkosistem. - M., 1988.
7. Trofimov, S.E. Vliyanie nefiti na pochvenniyhj pokrov i problema sozdaniya normativnoy bazih po vliyaniyu nefitezagryazneniya na pochvih / S.E. Trofimov, Ya.M. Amosova, D.S. Orlov, N.N. Osipova, N.I. Sukhanova // Vestnik Moskovskogo universiteta. – 2000. - № 2.

Статья поступила в редакцию 29.10.11

УДК 556.114

Dolmatova L.A. THE PECULIARITIES OF CHEMICAL COMPOSITION OF RIVER WATERS FROM THE CLOSED DRAINAGE IN THE OB-IRTYSH INTERFLUVE. The study of chemical water composition of rivers Kasmala, Suetka, Kulunda, Burla revealed the water contamination by organic matter and biogens. The least polluted is r. Suetka, the most contaminated - r. Kasmala. Ion composition of the water from the rivers under study is similar, and the water qualifies as the sodium-carbonate one, except for the sites in r. Burla mid- and downstream.

Key words: dissolved oxygen, ion composition, mineralization, phosphate phosphorus, ammonium nitrogen, nitrate nitrogen, sulphate and hydrocarbonate water.

Л.А. Долматова, канд. хим. наук, н. с. ИВЭП СО РАН, г. Барнаул, E-mail: iwep@iwep.asu.ru

ОСОБЕННОСТИ ХИМИЧЕСКОГО СОСТАВА ВОДЫ РЕК БЕССТОЧНОЙ ОБЛАСТИ ОБЬ-ИРТЫШСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

Химический состав воды рек Касмала, Суетка, Кулунда, Бурла свидетельствует, что вблизи истоков вода рек пресная, а возле устья становится солоноватой. Показано, что эти реки загрязнены органическим веществом и биогенами. Наиболее чистой является р. Суетка, наиболее грязной - р. Касмала. Вода исследованных рек, за исключением среднего и нижнего течения р. Бурла, однотипна по ионному составу и относится к гидрокарбонатно-натриевым водам.

Ключевые слова: растворенный кислород, ионный состав, минерализация, фосфатный фосфор, аммонийный азот, нитратный азот, сульфатные, гидрокарбонатные воды.

Речной бассейн, не имеющий связи с другими речными системами, называется бессточным или замкнутым бассейном. Его дно, как правило, занимает бессточное озеро, которое не имеет поверхностного стока или подземного отвода воды в соседние водосборы. Такие озера являются солёными или даже высохшими солончаками [1].

Реки Касмала, Суетка, Кулунда, Бурла расположены в бессточных бассейнах озер юга Западной Сибири [2]. Касмала течет на юго-запад, впадает в оз. Горькое. Суетка и Кулунда с ее левым рукавом (р. Солонювка) несут свои воды в крупнейшее соленое озеро Кулундинское. Бурла впадает в оз. Б. Ажбулат на территории Казахстана [3]. Руслу этих рек расположены на днищах ложбин древнего стока: касмалинской, суеткинской, кулундинской (верхней, средней и нижней), бурлинской [4].

Река Касмала берёт начало южнее истока одноименной реки (бассейна р. Обь) у села Кадниково (Мамонтовский район Алтайского края). Она протекает по Касмалинскому лен-точному бору через озера Малое и Большое Островное, Игнахино, Бучанцево, Мельничное и впадает в озеро Горькое на территории этого же района. Общая ее длина 49 км, без озёр — 32 км [5]. Расход воды в июне 2009 г. вблизи устья составил 1,1 м³/с — по данным ЛВЭ ИВЭП СО РАН.

Река Суетка берет свое начало у п. Соколовского Суетского района, впадает в оз. Кулундинское. Длина 61 км, площадь водосбора 961 км². Основной приток — р. Макариха. Водосбор равнинный. Грунты суглинистые, почвы — южные маломощные черноземы, в низовьях — луговые солонцы и солончаки.

Река Кулунда берет свое начало из небольшого болота в 2 км к северу от с. Усть-Мосиха Шарчинского района, впадает двумя рукавами в оз. Кулундинское. Длина 412 км, площадь водосбора: общая — 12400 км², действующая — 11500 км². Левый рукав дельты р. Кулунда называют р. Солонювка.

Водосбор равнинный, пересечен с северо-востока на юго-запад древними ложбинами стока. На водосборе насчитывается более 100 озер. Грунты суглинистые, почвы — черноземные, среднегумусные, в южной части — каштановые. По характеру долины, поймы и русла реку можно разделить на три морфологически различных участка: верхний — от истока до с. Овечкино (412-317 км); средний — от с. Овечкино до впадения р. Прослауи (317-182 км); нижний — от впадения р. Прослауи до устья (182-0 км).

Река Бурла берет свое начало в 8 км к северо-востоку от с. Долганка Крутихинского района. Длина реки 489 км, площадь водосбора 12800 км², действующая — 9140 км² [3]. В нижнем своем течении р. Бурла образует 8 озер. В сухие

годы они разобщаются между собой, даже совсем пересыхают. Их связь с озером Б. Ажбулат прекращается, и сток реки заканчивается в оз. Б. Топольное [3].

По характеру долины, поймы и русла реку можно разделить на три части: верхнее течение — от истока до с. Береговое (489-390 км), среднее течение — от с. Береговое до оз. Топольное (390-228 км), нижнее течение — оз. Топольное (включительно) до устья (228-0 км) [3].

Целью работы являлось исследование химического состава воды и особенностей гидрохимического режима рек древних ложбин стока и оценка качества их воды.

Материал и методы

Пробы воды исследуемых рек были отобраны в различные гидрологические периоды 2008-2010 гг.: от половодья до летне-осенней межени. Их отбирали как на левом, так и на правом берегах рек, в верхнем, среднем и нижнем течении рек Кулунда и Бурла, как наиболее протяженных. Для каждого образца воды определяли физико-химические (рН, Е_h, удельная электропроводность) и химические показатели (концентрация растворенного кислорода (по Винклеру), содержание основных ионов, органических и биогенных веществ) в соответствии со стандартными методиками [6-9]. Суммарное содержание натрия-калия и сумму ионов — расчетным методом [10].

Результаты и обсуждение

Касмала. Для этой реки имеются многочисленные натурные данные почти по всем гидрологическим сезонам 2008-2009 г. (табл. 1), за исключением осенне-зимней межени. Река мелководная, прозрачность воды была до дна (д/д) или практически до дна (0,50-0,62 м). Водородный показатель (рН) сильно колебался: от нейтральной среды (7,30, в сентябре 2008 г.) до щелочной (9,10-9,35, в июле-августе 2008-2009 гг.). Окислительно-восстановительный потенциал был положительным (98-146 мВ). Концентрация растворенного кислорода колебалась от 6,08-6,69 мг/дм³ (в июле-августе 2008-2009 гг.) до 13,28 мг/дм³ (в половодье, апрель 2009 г.), когда наблюдается весеннее массовое развитие альгоценозов [11] и концентрация кислорода становится пересыщенной, вследствие их фотосинтетической деятельности.

Биохимическое потребление кислорода (БПК₅) было высоким (2,56-5,92 мг О₂/дм³), превышало ПДК [12], за исключением сентября 2008 г. (0,02 мг О₂/дм³). Перманганатная окисляемость (ПО) была повышенной во все гидрологические периоды (21,6-35,6 мг/О₂/дм³), что согласно комплексной экологической классификации качества поверхностных вод суши [13] соответствует классам качества воды 5а (весьма грязная) и 5б (предельно грязная). Среди минеральных

Таблица 1

Химический состав воды рек, поверхность, 2008-2009 гг.

Показатель	Касмала		Суетка (выше с. Нижняя Суетка)	Кулунда			Левый рукав дельты, 11 км от устья	
	при впадении в оз. Мельничное	2 км от устья реки		выше с. Овечкино	выше с. Андроновое	выше с. Шимolino	берег	середина
Дата отбора проб	07.06.09 г.	2008–2009 гг.	02.08.09 г.				11.08.08 г.	
T, °C	18,4	10,1–20,6	19,1	20,2	22,4	20,8	23,2	20,3
Прозрачность, м	д/д	0,50–0,62	д/д	д/д	0,35	0,50	0,28	0,32
pH	7,79	7,30–9,35	7,95	8,20	8,89	8,00	8,90	8,91
Eh, мВ	98	146	–	143	–	135	191	204
χ, мСм/см	1,214	0,965–1,271	1,74	0,80	1,75	2,16	4,00	3,62
O ₂ , мг/дм ³	7,84	6,08–13,28	7,36	7,36	7,36	4,80	13,88	11,34
БПК ₅ , мгО ₂ /дм ³	3,20	0,02–5,92	0,96	1,44	3,68	1,60	–	–
ПО, мгО/дм ³	32,5	21,6–35,6	12,8	10,8	30,4	23,8	–	–
NH ₄ ⁺ , мгN/дм ³	1,21	0,71–0,83	0,39	0,03	1,46	0,90	–	–
NO ₂ ⁻ , мгN/дм ³	0,001	0,001-0,003	0,003	0,001	0,015	0,010	–	–
NO ₃ ⁻ , мгN/дм ³	0,83	0,17-0,87	0,17	0,12	0,26	0,60	–	–
CO ₃ ⁻² , мг/дм ³	–	30,2–30,9	–	–	–	–	–	–
HCO ₃ ⁻ , мг/дм ³	611	387–586	585	431	634	530	573	573
Cl ⁻ , мг/дм ³	77,3	46,8–85,7	87,0	25,8	193	238	527	543
SO ₄ ²⁻ , мг/дм ³	123	102-166	264	75	200	280	720	720
Общая жесткость, °Ж	5,54	4,54-6,35	9,50	6,50	8,00	9,50	14,3	14,4
Ca ²⁺ , мг/дм ³	31,5	18,6-34,5	72,1	64,1	46,1	60,1	52,8	56,9
Mg ²⁺ , мг/дм ³	48,3	38,3-57,2	71,7	40,1	69,3	79,0	142	141
ΣNa ⁺ +K ⁺ , мг/дм ³	230	130-256	201	71,3	300	293	624	633
Σи, мг/дм ³	1122	733-1168	1281	632	1442	1480	2639	2667
Классификация по О.А. Алекину [14]	C _{1,1,1} Na ⁶	C _{1,0,7, Na 5 – Na 6 Na 6 C 1,1,2}	C _{1,1,3} Na ¹⁰	C _{1,0,6} Mg ⁷	C _{1,1,4} Na ⁸	C _{1,1,5} Na ¹⁰	SCl _{Na 14} II _{2,6}	CIS _{Na 14} II _{2,7} Na
Соленость по [13]	β- мезогаалинные солоноватые воды	β- олигогаалинные пресные– β- мезогаалинные солоноватые воды	β- мезогаалинные солоноватые воды	β- олигогаалинные пресные воды	β- мезогаалинные солоноватые воды		β- мезогаалинные солоноватые воды	

форм азота в июне и августе 2009 г. наблюдали повышенные концентрации аммонийного (0,71-1,21 мг N/дм³) и нитратного азота (0,17-0,87 мг N/дм³), которые соответствуют, согласно [13], классам качества вод от 4а (умеренно загрязненные) до 4б (сильно загрязненные). По ионному составу вода р. Касмала относится к гидрокарбонатно-натриевым водам I типа [14]. Минерализация воды реки составляла 733-1168 мг/дм³. Общая жесткость воды средняя (4,54-6,35 °Ж). По солености [13] ее воды колеблются от β олигогаалинных пресных вод (в половодье 2009 г., 733 мг/дм³) до α олигогаалинных пресных вод (в июле и сентябре 2008 г.) и β- мезогаалинных солоноватых вод (в июне и августе 2009 г.) (табл. 1).

Река Суетка относится к Суеткинской ложбине древнего стока [4] и представляет собой поверхностные воды этой ложбины. В августе 2009 г. реакция среды (pH) в воде р. Суетка была слабо щелочная (7,95). Концентрация растворенного кислорода была 7,36 мг/дм³ (табл. 1). БПК₅ составило 0,96 мгО₂/дм³. Перманганатная окисляемость была повышенной: 10,8 мг О/дм³. Содержание минеральных форм азота также было невысоким: аммонийного азота – 0,39 мг N/дм³, нитритного – 0,003 мгN/дм³, нитратного – 0,17 мг N/дм³. Согласно комплексной экологической классификации [13], по уровню концентраций органических и биогенных веществ качество воды р. Суетка соответствует классам 2а (очень чистая) – 4а (умеренно загрязненная) вода.

По данным 1950-х годов [3] минерализация воды в половодье изменялась от 200 до 400 мг/дм³, вода была мягкая. Летом этот показатель увеличивался до 600-800 мг/дм³, вода становилась умеренно жесткой (4-5 °Ж). В ионном составе было выражено преобладание гидрокарбонатов или сульфатов и натрия. Согласно ретроспективным данным вода р.

Суетка по солености относилась к β и α-олигогаалинным пресным водам [13]. В августе 2009 г. (через 50 лет) вода реки по ионному составу продолжает относиться к гидрокарбонатно-натриевым водам I типа [14]. Другие показатели качества воды (табл. 1) изменились – они возросли. Минерализация составляет 1281 мг/дм³. Общая жесткость воды стала выше ПДК_в [12]: 9,50 °Ж. В летний меженный период 2009 г. вода р. Суетка по солености стала относиться к β- мезогаалинным солоноватым водам. В связи с изменением климатических условий на территории бессточной области Обь-Иртышского междуречья происходит метаморфизация химического состава природных вод I рода, характерная для засушливого климата [14]. Наблюдается увеличение минерализации воды водных объектов, расположенных на этой территории. Их вода из пресной переходит в солоноватую и соленую.

Река Кулунда располагается в трех древних ложбинах стока: Верхне-Кулундинской, Средне-Кулундинской и Нижне-Кулундинской [4]. В августе 2009 г. реакция воды была щелочной, pH изменялся от 8,00 (в нижнем течении) до 8,89 (в среднем течении). Окислительно-восстановительный потенциал Eh (от 143 до 135 мВ) и концентрация растворенного кислорода (от 7,36 до 4,80-мг/дм³) по течению убывали. В среднем течении наблюдали пик содержания органических веществ (БПК₅ = 3,68 мг О₂/дм³, ПО = 30,4 мг О/дм³), аммонийного (1,46 мг N/дм³) и нитритного (0,015 мг N/дм³) азота (табл. 1). Для азота нитратов была характерна тенденция увеличения концентрации по течению реки (от 0,12 до 0,60 мг N/дм³). Качество воды р. Кулунда, согласно комплексной экологической классификации [13], в верхнем течении соответствует классам 2а (очень чистая) и 4а (умеренно загрязненная); среднем течении, – 2б (вполне чистая) и 5б (пре-

Химический состав воды р. Бурла, поверхность, 2010 г.

Показатель	Курья	Бурла								
	выше с. Усть-Курья	исток	выше с. Долганка	выше оз. Прыганское	выше с. Панкрушиха	выше с. Хабары	выше оз. М. Топольное	ниже оз. Хорошее	у с. Бурла	устье
Дата отбора проб	30.08.10 г.	02.09.10 г.		01.09.10 г.	30.08.10 г.		25.08.10 г.	27.08.10 г.		29.08.10 г.
T, °C	19,2	–	16,7	16,9	19,0	20,2	17,0	17,8	25,0	21,1
Прозрачность, м	д/д	–	д/д	д/д	д/д	д/д	1,04	д/д	д/д	д/д
pH	8,29	9,54	8,04	7,52	8,23	8,75	8,62	8,64	7,96	8,46
Eh, мВ	87	33	145	83	149	37	80	163	173	106
χ, мСм/см	3,380	0,430	0,575	2,734	0,534	1,858	1,284	2,230	2,980	6,660
O ₂ , мг/дм ³	6,24	–	7,20	2,72	8,32	7,20	8,32	8,80	3,84	6,40
БПК ₅ , мгО ₂ /дм ³	1,44	–	1,12	0,48	2,24	1,12	0,80	2,72	0,32	1,28
ПО, мгО/дм ³	25,5	10,5	12,1	27,9	27,9	28,4	20,6	21,0	38,0	41,8
PO ₄ ³⁻ , мг P/дм ³	0,924	0,057	0,111	0,035	0,177	0,297	0,242	0,022	0,066	0,177
NH ₄ ⁺ , мгN/дм ³	0,77	0,39	0,33	0,51	0,43	0,51	0,65	0,29	0,80	1,14
NO ₂ ⁻ , мгN/дм ³	0,012	0,009	0,001	0,005	0,008	0,006	0,005	0,001	0,004	0,014
NO ₃ ⁻ , мгN/дм ³	0,25	0,11	0,13	0,55	0,17	0,22	0,20	0,11	0,31	0,03
CO ₃ ²⁻ , мг/дм ³	< 10,0	< 10,0	< 10,0	< 10,0	< 10,0	< 10,0	< 10,0	< 10,0	< 10,0	20,4
HCO ₃ ⁻ , мг/дм ³	619	456	762	190	267	547	508	626	736	906
Cl ⁻ , мг/дм ³	351	< 10,0	< 10,0	< 10,0	18,2	200	94,8	267	404	913
SO ₄ ²⁻ , мг/дм ³	1063	129	153	51,6	99,0	645	393	705	1175	2550
Общая жесткость, °Ж	7,84	7,25	8,14	2,65	3,63	9,80	7,91	9,80	13,0	21,8
Ca ²⁺ , мг/дм ³	41,3	82,5	69,7	31,4	27,5	70,7	65,4	43,2	60,9	76,6
Mg ²⁺ , мг/дм ³	70,3	38,1	56,6	13,1	27,4	76,3	56,5	93,0	121	219
∑Na ⁺ +K ⁺ , мг/дм ³	859	72,7	190	38,7	83,2	456	282	566	878	1814
∑и, мг/дм ³	3008	779	1235	328	525	2002	1403	2301	3384	6500
Классификация по О. А. Алекину [14]	S _{13,0} ^{Na8}	C _{10,8} ^{Ca7}	C _{11,2} ^{Na8}	C _{10,3} ^{Ca3}	C _{10,5} ^{Na4}	S _{11,2,0} ^{Na10}	CS _{11,4} ^{Na8}	S _{12,3} ^{Na10}	S _{Na13} ^{3,4}	S _{11,6,5} ^{Na22}
Соленость по [13]	β-мезо-галлинные солоноватые воды	α-олиго-галлинные пресные воды	β-мезо-галлинные солоноватые воды	α-гипо-галлинные пресные воды	β-олиго-галлинные пресные воды	β-мезо-галлинные солоноватые воды			α-мезо-галлинные солоноватые воды	

дельно грязная); нижнем течении – 3а (достаточно чистая) и 5а (весьма грязная) вода.

По ретроспективным данным 50-х годов прошлого столетия [3] в половодье минерализация воды верхнем и среднем течении р. Кулунда изменялась от 150 до 350 мг/дм³. В ионном составе было выражено преобладание гидрокарбонатов и кальция, вода была мягкая и умеренно жесткая (жесткость 1,5–4,0 °Ж). На приустьевом участке (ниже с. Шилоино) в маловодные годы минерализация воды составляла 500–700 мг/дм³ с неявно выраженным преобладанием сульфатов и ионов натрия, вода была жесткая (6–7 °Ж). В летнюю межень минерализация увеличивалась до 600–800 мг/дм³. Ионный состав воды был аналогичен весеннему периоду, вода стала жесткой. В нижнем течении минерализация возрастала до 1,2–2,0 г/кг. В ионном составе было выражено преобладание гидрокарбонатов или хлоридов и натрия, вода была очень жесткая (9–10 °Ж). По солености вода относилась к β-олигогаллинным пресным водам в верхнем течении и β-мезогаллинным солоноватым водам в нижнем течении [13].

По современным данным (табл. 1) ионный состав воды практически не изменился в летнюю межень: в верхнем течении вода реки гидрокарбонатно-магниевая I типа, в среднем и нижнем течении – гидрокарбонатно-натриевая I-II типа [14]. Минерализация возрастает от 632 мг/дм³ (верхнее течение) до 1480 мг/дм³ (нижнее течение). Общая жесткость воды увеличивается от средней (6,00 °Ж, в верхнем течении) до высокой (9,50 °Ж, в нижнем течении). По солености [13] вода реки относится к α-β-мезогаллинным солоноватым водам в среднем и нижнем течении. Таким образом, ионный состав и минерализация р. Кулунда очень мало изменились за пятидесятилетний период.

Река Бурла. В августе 2010 г. pH ее воды изменялся от слабо щелочной среды (7,52) до сильно щелочной (9,54) (табл. 2). В большинстве точек pH находился в интервале 8,2–8,6. В отдельных случаях концентрация растворенного кислорода была ниже ПДК_{В.Р.} [12] для летнего времени или близка к нему (6 мг/дм³). Биохимическое потребление кислорода БПК₅ было невысоким (0,32–2,72 мг О₂/дм³). Минимум и максимум относились к нижнему течению. По течению реки перманганатная окисляемость возрастала от 10,5 (в истоке) до 41,8 мг О₂/дм³ (в устье). Для р. Бурла характерны высокие концентрации фосфатного фосфора и аммиачного азота. Концентрации фосфатного фосфора в р. Бурла варьировали от 0,022 (в нижнем течении до 0,297 мг P/дм³ (в среднем течении). Наиболее высокие концентрации фосфатного фосфора зарегистрированы в воде р. Курья – 0,924 мг P/дм³. Концентрации аммиачного азота составляли 0,29–1,14 мг N/дм³ в нижнем течении р. Бурла. В отдельных случаях (устья рек Бурла и Курья) наблюдали повышенные концентрации нитритов. Содержание нитратного азота было невысоким и составило 0,03–0,55 мг N/дм³. Его концентрация снижалась по течению реки. Согласно комплексной экологической классификации [13], качество воды р. Бурла по содержанию органических и биогенных веществ соответствует классам 2а (очень чистая) – 5б (предельно грязная) вода.

По ретроспективным данным 1947–1958 гг. [3] в период летней межени минерализация воды верхнего участка составляла 400–600 мг/дм³. Вода умеренно жесткая (4–5 °Ж). В среднем и нижнем течении минерализация возрастала до 1,0–1,5 г/кг. По солености вода реки относилась к β-олигогаллинным пресным водам в верхнем и β-мезогаллинным солоноватым водам в нижнем течении [13]. Ионный состав воды характеризовался неявно выраженным преобладанием од-

ного из анионов (28 % экв. HCO_3^- , 28-24 % экв. SO_4^{2-} или около 20% экв. Cl^-) и натрия среди катионов (29-24 % экв. Na^+), вода жесткая и очень жесткая. В верхнем течении вода р. Бурла – карбонатная, в среднем и нижнем течении – сульфатная [4].

В летнюю межень 2010 г. ионный состав воды р. Бурла [14] был разнообразен (табл. 2). В верхнем течении это карбонатная вода группы натрия (содовая) и кальция I типа. В среднем и нижнем течении вода становится сульфатно-натриевой I-II типа. Исключение составляет р. Бурла в среднем течении, выше оз. М. Топольное, вода, которой относится к смешанным карбонатно-сульфатным водам группы натрия I типа. Жесткость воды в реке от истока к устью возрастала от мягкой (2,65 °Ж) до очень жесткой (21,8 °Ж) [12]. Минерализация воды варьировала в интервале 328–6500 мг/дм³, что по солености [13] соответствует α -гипогалинным пресным водам и α -мезогалинным солоноватым водам. Сравнительный анализ ретроспективных [3] и современных данных (табл. 2) показывает, что, в зависимости от участка течения в период летней межени, с годами, происходит возрастание жесткости, минерализации и солености воды р. Бурла до α -гипогалинных пресных и α -мезогалинных солоноватых вод.

Заключение

Исследование химического состава воды сходных по происхождению рек Касмала, Суетка, Кулунда, Бурла показало, что по ионному составу она однотипна и относится к гидрокарбонатно-натриевым (содовым) водам. Исключением является среднее и нижнее течение р. Бурла и левый рукав дельты р. Кулунда. В среднем и нижнем течении р. Бурла

и ее притоке р. Курья вода по ионному составу является сульфатно-натриевой. В левом рукаве дельты р. Кулунда (р. Солюновка) – смешанной сульфатно-хлоридной и хлоридно-сульфатной группы натрия.

Химический состав воды перечисленных рек свидетельствует, что вблизи истоков вода рек пресная, а возле устья становится солоноватой. Сравнительный анализ современных и ретроспективных [3] данных показывает, что за 50 лет, в связи с изменением климатических условий на территории бессточной области Обь-Иртышского междуречья, наблюдается возрастание жесткости, минерализации и солености воды рек Суетка и Бурла, т. е. происходит метаморфизация химического состава природных вод I рода, характерная для засушливого климата [14].

Исследованные реки загрязнены органическим веществом и биогенами. Их экологическое состояние различно. Наиболее чистой является р. Суетка. Ее вода соответствует классам качества от 2а (очень чистые) до 4а (умеренно загрязненные). Вода наиболее протяженных рек Кулунда и Бурла в зависимости от участка течения сверху вниз соответствует классам качества от 2а (очень чистая) до 5б (предельно грязная) вода. Река Касмала наиболее загрязнена. Ее экологическое состояние соответствует классам качества от 4а (умеренно загрязненная) до 5б (предельно грязная) вода.

Автор выражает благодарность сотрудникам Лаборатории водной экологии ИВЭП СО РАН, принимавшим участие в отборе проб воды: О.Н. Жуковой, А.В. Котовщикову, Е.Н. Крыловой, М.И. Соколовой. Работа выполнена при поддержке Грант РФФИ № 08-05-98019 и в соответствии с Интеграционный проектом СО РАН по Программе «Проблема опустынивания Центральной Азии» (2008-2010 гг.).

Библиографический список

1. География. Современная иллюстрированная энциклопедия. – М., 2006.
2. Абрамович, Д.И. Воды Кулундинской степи. – Новосибирск, 1960.
3. Ресурсы поверхностных вод районов освоения ресурсных и залежных земель: Вып. 4: Равнины Алтайского края и южной части Новосибирской области. – Л., 1962.
4. Никольская, Ю.П. Процессы солеобразования в озерах и водах Кулундинской степи. – Новосибирск, 1961.
5. Свободная энциклопедия Википедия [Э/р]. – Р/д: /ru.wikipedia.org/http://slovari.yandex.ru
6. Руководство по гидрохимическому анализу поверхностных вод суши. – Л., 1977.
7. Методы исследования качества воды водоемов. – М., 1990.
8. ПНД Ф 14.1.2.99-97. Количественный химический анализ вод. Методика выполнения измерений содержания гидрокарбонатов в пробах природных вод титриметрическим методом. – М., 1997.
9. РД 33 -5.3.04-96. Качество вод. Количественный химический анализ вод. Методика выполнения измерений массовой концентрации хлоридов в природных и очищенных сточных водах титриметрическим методом с солью серебра. – М., 1996.
10. Алекин, О.А. Методы исследования физических свойств и химического состава воды // Жизнь пресных вод СССР. – М.;Л., 1959. – Т. IV. – Ч. 2.
11. Трифонова, И.С. Экология и сукцессия озерного фитопланктона. – Л., 1990.
12. Гидрохимические показатели состояния окружающей среды: справочные материалы. – М., 2007.
13. Оксийук, О.П. Комплексная экологическая классификация качества поверхностных вод суши / О.П. Оксийук, В.Н. Жукинский, Л.П. Брагинский [и др.] // Гидробиол. журн., 1993. – № 29 (4).
14. Алекин, О.А. Основы гидрохимии. – Л., 1953.

Bibliography

1. Geografiya. Sovremennaya illyustrirovannaya ehnciklopediya. – M., 2006.
2. Abramovich, D.I. Vodih Kulundinskoyj stepi. – Novosibirsk, 1960.
3. Resursih poverkhnostnihkh vod rayonov osvoeniya resursnihkh i zaleznhnihkh zemelj: Vihp. 4: Ravninih Altajskogo kraja i yuzhnoj chasti Novosibirskoj oblasti. – L., 1962.
4. Nikoljskaya, Yu.P. Processih soleobrazovaniya v ozerakh i vodakh Kulundinskoyj stepi. – Novosibirsk, 1961.
5. Svobodnaya ehnciklopediya Vikipediya [Eh/r]. – R/d: /ru.wikipedia.org/http://slovari.yandex.ru
6. Rukovodstvo po gidrokhimicheskomu analizu poverkhnostnihkh vod sushi. – L., 1977.
7. Metodih issledovaniya kachestva vodih vodoemov. – M., 1990.
8. PND F 14.1.2.99-97. Kolichestvennihy khimicheskiy analiz vod. Metodika vihpolneniya izmereniy soderzhaniya gidrokarbonatov v probakh prirodnihkh vod titrimetricheskim metodom. – M., 1997.
9. RD 33 -5.3.04-96. Kachestvo vod. Kolichestvennihy khimicheskiy analiz vod. Metodika vihpolneniya izmereniy massovoyj koncentracii khloridov v prirodnihkh i ochithennihkh stochnihkh vodakh titrimetricheskim metodom s solju serebra. – M., 1996.
10. Alekin, O.A. Metodih issledovaniya fizicheskikh svoystv i khimicheskogo sostava vodih // Zhiznj presnihkh vod SSSR. – M.;L., 1959. – T. IV. – Ch. 2.
11. Trifonova, I.S. Ehkologiya i sukcessiya ozernogo fitoplanktona. – L., 1990.
12. Gidrokhimicheskie pokazateli sostoyaniya okruzhayutheyj sredih: spravochnihe materialih. – M., 2007.
13. Oksiyuk, O.P. Kompleksnaya ehkologicheskaya klassifikaciya kachestva poverkhnostnihkh vod sushi / O.P. Oksiyuk, V.N. Zhukinskiy, L.P. Braginskiy [i dr.] // Gidrobiol. zhurn., 1993. – № 29 (4).
14. Alekin, O.A. Osnovih gidrokhimii. – L., 1953.

Статья поступила в редакцию 03.11.11

УДК 630.1.231

Shults A.N., Paramonov E.G. ECOLOGICAL FACTORS IMPACT ON RENEWABLE POTENTIAL OF SUBURBAN PINE FORESTS. Penetration of direct and diffuse radiation into the forest canopy makes an effect on soil moisture, ground cover, self-seeding and regrowth. The most favorable conditions are observed at a 25 m distance from the forest edge. Moving deep in the forest, the projective cover by herbaceous vegetation decreases, pine self-seeding and its loss takes place.

Key words: cutting, forest barriers, solar radiation, soil moisture, pine self-seeding, growth processes.

А.Н. Шульц, директор ГОУ СПО «Бийский лесхоз-техникум», г. Бийск;

Е.Г. Парамонов, д-р сельхоз. наук, проф., гл. н.с., ИВЭП СО РАН, г. Барнаул, E-mail: peg@iwep.asu.ru

ВЛИЯНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ВОЗОБНОВИТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРИГОРОДНЫХ СОСНЯКОВ

Проникновение прямой и рассеянной солнечной радиации под полог леса напрямую влияет на влажность почвы, состояние живого напочвенного покрова, появление самосева и рост подроста. Наиболее благоприятные условия создаются на расстоянии до 25 м от опушки. При продвижении вглубь снижается проективное покрытие травянистой растительностью, усиливаются появление самосева сосны и его гибель.

Ключевые слова: вырубка, кулиса леса, солнечная радиация, влажность почвы, самосев сосны, подрост, ростовые процессы.

Сосновые насаждения в пригородных зонах у промышленно развитых центров испытывают повышенное рекреационное влияние и техногенное загрязнение в течение многих десятилетий, что уменьшает их жизнестойкость. Исследованиями М.И. Трунова [1] и Е.А. Валетовой [2] установлено, что в сосняках у г. Бийска загрязнение атмосферы поллютантами вызывает снижение интенсивности фотосинтеза и, следовательно, ростовых процессов, происходит уменьшение количества семян и продолжительности жизни как самосева, так и подроста. В связи с этим необходима, в целях совершенствования ведения хозяйства в данных лесах, оптимизация рубок для предотвращения смены сосны обыкновенной кленом ясенелистным.

Пригородные леса у г. Бийска характеризуются преобладанием чистых по составу сосняков в приспевающем возрасте и с полнотой 0,7-1,0. По продуктивности сосновые насаждения преимущественно отнесены к 1-11 классам бонитета. При оптимальном режиме увлажнения (450 мм в год) под пологом сосновых насаждений (даже при такой высокой полноте материнского полога) формируется мощный травяной покров из высокостебельных видов и видов, образующих дернину.

В настоящее время средний прирост по объему в сосняках составляет 3,5 м³/год, а текущий периодический, за последние 5 лет – 3,0. Когда этот показатель становится меньше среднего, это свидетельствует о снижении жизнеспособности у насаждения. Это, в свою очередь, уменьшает интенсивность влияния его на окружающую среду в качестве кислородообразующего фактора и депонирования углерода.

Снижение среднего периодического прироста по диаметру по отношению к среднему является показателем возраста экологической спелости данного насаждения [3] и в то же время началом деградации экосистемы, что должно неизбежно вести к ее омоложению. Но этого процесса не происходит в силу того, что появляющийся самосев сосны в массе гибнет по вышеназванным причинам, и в итоге получается возрастная разрыв между деревьями в материнском пологе и отсутствием молодого поколения. В данном случае нишу соснового молодого поколения занимает клен ясенелистный, который устойчив не только к рекреационному воздействию, но и влиянию поллютантов.

В городских лесах имеется достаточно сосновых насаждений также приспевающего возраста, но не подвергающихся техногенному загрязнению. В них по причине высокой полноты и хорошо развитого живого напочвенного покрова также прерывается возобновительный процесс и отсутствует молодое поколение сосны. Сложилась ситуация, при кото-

рой, наряду с 80-100-летними деревьями сосны, находятся 3-5-летние сосенки, которые, как правило, отмирают. В перспективе такая возрастная структура сосновых экосистем приведет к снижению экологической роли как минимум на 100 лет (50-60 лет в течение постарения и 40-50 лет появившееся молодое поколение).

Проведение классических рубок ухода в течение многих десятилетий не оказало существенного влияния на интенсивность процесса естественного возобновления сосны. Выборочная форма хозяйства в данных условиях даже при строжайшем соблюдении лесоводственных требований оказывается неэффективным мероприятием. Все это обуславливает необходимость изыскания новых, более совершенных способов ведения хозяйства в данных сосновых насаждениях с учетом повышения не только интенсивности естественного возобновления, но и сохранения сосняками средобразующих функций [4].

В этих целях в наиболее распространенном в пригородной зоне 85-летнем сосняке разнотравном 1 класса бонитета с полнотой 0,9 на площади 25 га был заложен опыт с проведением комплекса мероприятий со сплошной рубкой. Ширина лесосек – 25 м, длина – 250 м, площадь – 0,6 га, между лесосеками – кулисы шириной 25, 50, 75 и 100 м. На 30 % площади каждой вырубке было проведена обработка почвы плугом ПКЛ-70 при удельной минерализации почвы 25 %. Под пологом кулис на 30 % площади был вырублен подлесок. В центре вырубок и кулис взяты образцы почвы из горизонтов А₁ и А₂ для установления влажности. В июле (в период наибольшего солнцестояния в 13-15 час.) под пологом в кулисах определена освещенность через 12,5 м с использованием люксметра Ю-116 [5].

Установлено, что более низкая влажность верхнего горизонта почвы на вырубке (13,1 %) объясняется большим притоком солнечной энергии и более интенсивным испарением. Под пологом леса более повышенная влажность (до 25,0 %) в горизонте А₁ связана с меньшим испарением с поверхности почвы, а более низкая в горизонте А₂ – с функционированием корневых систем деревьев материнского полога и подлеска.

Под полог высокополнотного соснового насаждения проникает солнечной энергии в пределах 10 % от открытого места, что совершенно недостаточно для роста подроста сосны. В то же время от краев кулис на расстоянии до 25 м интенсивность освещенности оказывается более высокой (до 30 % от открытого места) за счет как прямой, так и рассеянной радиации.

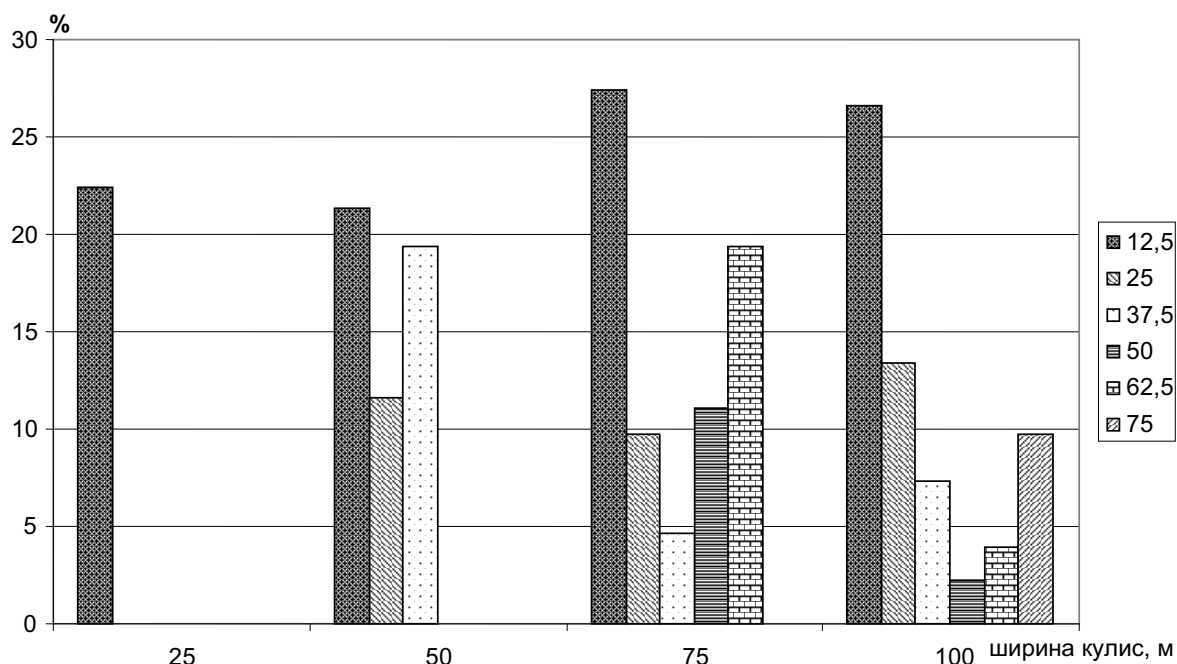

Рис. 1. Влияние ширины кулис на интенсивность появления самосева сосны

Таблица 1

Динамика возобновительного процесса, тыс. шт./га

Вариант	Самосев		Кол-во подроста через 10 лет
	1-летний	2-летний	
Вырубка	17,7	3,5	–
Кулиса 25 м	6,7	0,5	5,8
Кулиса 50 м	22,0	0,3	1,7
Кулиса 75 м	22,4	1,0	3,1
Кулиса 100 м	27,4	1,0	1,2

Выполненный комплекс мероприятий по содействию естественному возобновлению сосны обыкновенной как на вырубках, так и под пологом леса вызвал существенное появление самосева в сравнении с контролем до 4 раз. Но сохранность самосева уже на второй год жизни оказалась низкой, двухлетних сосенок осталось в пределах 20-40%. Наиболее высокий удельный вес сохранившихся 2-летних растений имеет место под пологом кулисы шириной 25 м, что связано с достаточным прямым и рассеянным освещением. Под пологом кулис другой ширины показатель сохранности самосева резко снижается по причине, связанной также с интенсивностью солнечной инсоляции, проникающей к поверхности почвы.

На вырубках 2-летнего самосева оказалось не более 20 % от количества однолетнего. На наш взгляд, это связано с мощным развитием подлеска (в частности малины) и живого напочвенного покрова, что приводит к выпреванию самосева под войлоком отмершей травы в конце первого года роста.

Из общей схемы несколько выпадает интенсивность процесса естественного возобновления в кулисе шириной 50 м потому, что в 2008 г. в ней произошел низовой лесной пожар, и часть подроста погибла. В учет взяты были только оставшиеся в живых экземпляры.

Библиографический список

1. Трунов, М.И. Сосновые экосистемы в условиях техногенного загрязнения. – Барнаул, 2002.
2. Валетова, Е.А. Морфологические изменения хвои сосны под влиянием поллютантов // Состояние и перспективы развития плодородия, овощеводства и лесного хозяйства Западной Сибири. – Барнаул, 2005.
3. Шульц, А.Н. Установление экологического возраста спелости в пригородных сосняках // Кулундинская степь: прошлое, настоящее, будущее. – Барнаул, 2003.
4. Молчанов, А.А. Влияние леса на окружающую среду. – М., 1973.
5. Побединский, А.В. Изучение лесовосстановительных процессов. – М., 1962.

Bibliography

1. Trunov, M.I. Sosnoviye ehkositemy v usloviyakh tekhnogennoy zagryazneniya. – Barnaul, 2002.
2. Valetova, E.A. Morfologicheskie izmeneniya khvoi sosnih pod vliyaniem pollyutantov // Sostoyaniye i perspektiviy razvitiya plodovodstva, ovochevodstva i lesnogo khozyajstva Zapadnoy Sibiri. – Barnaul, 2005.
3. Shuljts, A.N. Ustanovlenie ehkologicheskogo vozrasta spelosti v prigorodnikh sosnyakakh // Kulundinskaya step: proshloe, nastoyathee, buduthee. – Barnaul, 2003.
4. Molchanov, A.A. Vliyaniye lesa na okruzhayutuyu sredyu. – M., 1973.
5. Pobedinskiy, A.V. Izuchenie lesvosstanovitel'nykh processov. – M., 1962.

Статья поступила в редакцию 03.11.11

УДК 911.6:911.52(1-925.15/24/.32)

Chernykh D.V., Zolotov D.V. **ALTAI-KHANGAI-SAYAN MOUNTAIN COUNTRY: POSITIONAL-GEOGRAPHICAL APPROACH TO REGIONALIZATION.** Altai-Khangai-Sayan physical-geographical country is a complex mountain-depression formation at the boundary of bioclimatic belts and longitude sectors distinguished by the features of North, Central and Middle Asia and the influence of Atlantic and Pacific air masses. The positional analysis is proposed to determine a key factor or a number of factors that separate the regional geosystem and give its difference from the adjacent ones. All in all, 10 physical-geographical regions were distinguished within the territory mentioned; some of them are considered for the first time.

Key words: regional geosystems, positional analysis, Altai-Khangai-Sayan physical-geographical mountain country and its regions.

Д.В. Черных, канд. географ. наук, доц., с.н.с. ИВЭП СО РАН, г. Барнаул, cher@iwer.asu.ru;

Д.В. Золотов, канд. биол. наук, с.н.с. ИВЭП СО РАН, г. Барнаул, zolotov@iwer.asu.ru.

АЛТАЕ-ХАНГАЕ-САЯНСКАЯ ГОРНАЯ СТРАНА: ПОЗИЦИОННО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ПОДХОД К РАЙОНИРОВАНИЮ

Алтае-Хангае-Саянская физико-географическая страна – это сложное горно-котловинное образование на границе биоклиматических поясов и долготных секторов с взаимопроникновением черт Северной, Центральной и Средней Азии, влияния воздушных масс Атлантики и Пацифики. Предложен позиционный анализ, позволяющий выделить ведущий фактор или группу факторов, обособляющих региональную геосистему, и дать отличие ее от соседних. В пределах обозначенной территории выделены 10 физико-географических областей, некоторые из которых в подобных границах рассматриваются впервые.

Ключевые слова: региональная геосистема, позиционный анализ, Алтае-Хангае-Саянская физико-географическая горная страна и ее области.

Районирование всегда имело в российской географической науке особый статус – статус одной из самых сложных частей, высшего уровня знаний, венца географического исследования территории. По мнению Л.В. Смирнягина [1], отечественная географическая школа выделяется на мировом фоне не только пристальным вниманием к районированию и его проблемам, но и значимыми достижениями в этой области. Научное районирование, разработанное силами географов, постоянно использовалось в нашей стране не только для исследовательских целей и описания, но и для народнохозяйственной практики.

Безусловно, одной из наиболее методически обоснованных и неплохо проявивших себя выглядит модель комплексного природного (физико-географического, ландшафтного) районирования, разработанная при участии многих отечественных физико-географов. Разработка основ физико-географического районирования явилась попыткой связать учения о биоклиматической зональности и морфоструктурах [2]. Однако в силу сложности поставленной задачи к настоящему времени не произошло абсолютной стандартизации таксономических ступеней районирования и не сформулировано однозначных критериев, позволяющих отличать один ранг от другого. Такая ситуация во многом явилась следствием того, что во время самой процедуры районирования исследователи, как правило, опирались лишь на малую часть принципов, из тех что назывались основополагающими для него. Чаще всего, несмотря на декларацию обратного, в качестве ведущего использовался принцип наложения (сопоставления) частных видов районирования. При этом линии или зоны совпадения (близкого расположения) границ частных видов районирования принимались в качестве границ комплексных географических районов.

Анализ литературных и картографических источников показывает, что большинство спорных вопросов пространственной организации геосистем «надландшафтного уровня» наиболее ярко проявляются на примере районирования горных территорий. Причиной большинства возникающих сложностей является непоследовательность в использовании принципов районирования. И это несмотря на то, что принципам районирования посвящено немало работ. В этих работах, в качестве основополагающих, фигурируют разные принципы, при этом одни и те же принципы трактуются неодинаково. Это накладывает отпечаток на схемы райониро-

вания, разработанные разными авторами и коллективами. В результате исследователь вынужден либо принимать какую-то из имеющихся схем, либо предлагать новую. При этом в первом случае в процессе работы, в результате детальных исследований, как правило, вскрываются огрехи принятой схемы. Это вынуждает автора дорабатывать первоначально принятый вариант и, по сути, предлагать собственную схему районирования. Такой алгоритм работы имеет массу недостатков и нередко отвлекает исследователя от изучения самого объекта. Так, критерии, обозначенные в определениях горных физико-географических стран, областей и провинций («определенная степень континентальности», «единство орографии» и др.) вызывают весьма неоднозначные толкования в силу своей относительности. В этой связи, нарушается базовый принцип классификаций – *принцип сохранения единства оснований деления на одном классификационном уровне*.

В этой связи, интересной представляется идея В.И. Булатова, который предлагает в качестве первого шага в исследовании по районированию территории рассматривать так называемый пионерный вариант. Пример пионерного районирования – выделение участков территории, контрастно отличающихся от смежных площадей по фотоизображению на космическом снимке или по изолиниям топографической карты [3]. Высказанная идея согласуется с довольно популярным в среде географов мнением, что прежде чем районировать территорию, выделять районы исследователь строит мысленный, идеальный, теоретический район. Этот теоретический район, своего рода лекало, необходим на первых этапах районирования [4].

Из сказанного следует основной, на наш взгляд, вывод в отношении принципов районирования: пионерное районирование позволяет сформировать у исследователя представление о подразделениях территории, как о целостных объектах. Более того, по нашему мнению, именно представление о *целостности* – основное достижение районирования как рефлексии.

Целостность – принцип районирования, признаваемый хотя и не всеми, но большинством географов. Опора на этот принцип позволяет разграничить индивидуальные объекты и ареалы. Эти, во многом, ключевые для географии понятия в последнее время нередко отождествляются. Исходя из того, что границы природных явлений имеют разную выражен-

ность, и не всегда бывают сплошными, ряд авторов считают, что сплошные контуры на деле нет. Так, В.Л. Каганский [5] полагает, что границы всегда проводятся ценой сочетания огромной условности и абстрагирования от очень больших объемов содержания. По его мнению, нужна интеллектуальная воля, чтобы замкнуть границы районов. В подтверждение сказанного приводится высказывание Д.Л. Арманда [6], который считал районирование интеллектуальным приёмом для обобщения эмпирических данных, более эффективным способом познания мира, а не выявлением заранее данных объективных районов, которые при известных усилиях не могут быть не выделены.

Действительно, следует признать, что многовариантности районирований избежать невозможно. Однако необходимость определения места и статуса изучаемого территориального объекта в пределах более крупных географических единств всякий раз заставляет географа обращаться к проблеме районирования.

Выбор тех или иных принципов зависит от задачи районирования, понятийного аппарата, моделей объекта и процедуры районирования, поскольку именно по принципам осуществляется своего рода переход от теоретических построений к деятельности по выделению районов. В этом случае они приобретают особое положение связующего звена. Необходимо, чтобы не было неопределенности в таксономической значимости руководящих классификационных признаков [3]. И здесь важным становится корректное использование принципов районирования, а если говорить более конкретно – корректный отбор принципов и согласование их с принципом целостности.

Так как пионерные исследования характеризуются неполнотой (в плане глубины познания), то необходим поиск дополнительных способов подтверждения целостности выделенных на пионерном этапе таксонов. И здесь в качестве важного шага для получения системных параметров целесообразно использовать принцип, названный В.И. Булатовым *обобщение опыта предыдущего районирования* [3]. Обращение к опыту предшественников в момент, когда исследователь уже имеет некоторое общее представление о территории, имеет очевидные преимущества, так как в таком случае меньше шансов сбиться на один из частных видов районирования, поддавшись, например, давлению научного авторитета кого-то из классиков. Еще одним плюсом является то, что в процессе обобщения опыта районирований предшественников вскрывается существенная часть проблем, в частности, обнажаются многие спорные моменты, связанные с проведением границ. Как результат, появляется возможность наметить пути преодоления обозначенных сложностей, что, на наш взгляд, достижимо при одновременном и корректном использовании принципов комплексности, однородности и генетического единства.

Принцип *комплексности* сводит до минимума возможность перерастания ландшафтного районирования в один из видов частного (отраслевого) географического районирования. По нашему мнению, комплексность районирования достигается не попытками искусственного объединения в границах одного района разнокачественных характеристик отдельных природных сред (наложение частных видов районирования), а путем ранжирования компонентной информации и нахождения компромисса между отдельно взятыми средовыми свойствами. Чем больше таких свойств будет учтено и проанализировано, тем больше вероятность найти компромиссное решение.

На этапе анализа значимой средовой информации необходимо осторожно применять принцип *однородности*, который, на наш взгляд, актуальнее для типологической классификации, чем для районирования. Этот принцип для районирования должен преломляться в контексте принципа целостности и рассматриваться как однородность (более правильно – индивидуальность) сочетаний. Близкие мысли можно найти у В.С. Михеева, который говорил об аксиоме

«функционального подобия и единства пространственных связей». Он считал, что в процессе исследования должно конкретизироваться системное соответствие обобщаемой информации, уровня организации системы и уровня ее исследования. Тем самым реализуется доказательство единства множественной информации при создании некоторого обобщенного образа, т.е. согласовываются противоположные стороны некоторого целостного объекта [7].

Еще один принцип, который нередко пытаются использовать для доказательства целостности выделенных в процессе районирования таксонов, – их *генетическое единство*. Очевидный, на первый взгляд, принцип часто бывает сложно реализовать на практике. Например, генетическое единство геологического фундамента далеко не всегда обуславливает целостность соответствующих ему территориальных выделов. Так, в возрожденных эпиплатформенных горных системах и поясах изначальные различия в строении фундамента могут стираться за время этапов тектонического покоя и последующей неотектонической активизации.

Кроме этого, целый ряд аспектов целостности и генетической общности подчиняются в горах иным – не структурным закономерностям. Так, разные макросклоны одного хребта климатически могут быть более контрастны, чем смежные участки двух хребтов и даже горных поднятий, тем самым, характеризуясь разным биотическим наполнением, например, различаться генезисом флоры. По многим характеристикам бассейновая организация территории в наибольшей степени определяет генетическое единство и целостность. Например, В.С. Михеев как частный случай принципа генетического единства рассматривает принцип *парагенетической связности*, когда устанавливается связь двух или более комплексов, каждый из которых не может существовать без другого и сопровождает один другого [7].

В этой связи логично согласиться с мнением В.С. Михеева [7], который считал нужным говорить о принципе *относительного генетического единства* физико-географических единиц. Согласно его мнению, генетическим единством обладают все категории иерархии ландшафтных комплексов. В результате на разных уровнях названный принцип реализуется в генетическом единстве лишь отдельных характеристик. И это единство, как правило, порождается определяющим влиянием каких-то факторов географического положения.

При таком акценте самодостаточным принципом районирования становится *позиционный принцип*. Позиционному анализу в различных его проявлениях (суперпозиция, потоковые, ядерные структуры, оси симметрии и т.д.) в классических работах по природному районированию внимания практически не уделялось. Он шире использовался в социально-экономической и политической географии. Однако в последние годы, благодаря работам Б.Б. Родомана, А.Ю. Ретюма, А.Н. Ласточкина и др. позиционный принцип нашел применение в физико-географических исследованиях.

Позиционный анализ направлен на изучение положения или позиции географического объекта относительно потоков вещества, энергии и информации, энергетических полей, природных и антропогенных тепл. Согласно Б.Б. Родоману [8], научное объяснение в географии обязано начинаться с попыток позиционной редукции, сведения феномена к его географическому положению и его объяснению, прежде всего, на основе положения. По В.Л. Каганскому [9] позиционные, связанные с пространственным положением свойства столь же существенны, что и все остальные. Согласно теоретико-географическим моделям отношений районов их основные, интенсивные связи идут отнюдь не через общие периферии, но через центры, по связывающим их магистральям, через контактные границы. Исходя из сказанного, можно заключить, что позиционный принцип становится позиционным фактором геосистемной дифференциации, интеграции и упорядоченности в целом. Позиционный принцип позволяет рассматривать системную упорядоченность с позиций полиструктурности, при этом соблюдены принцип целостности.

Изложенные выше положения мы попытались выстроить в алгоритм действий и реализовать при районировании северной части Внутренней Азии, представленной, главным образом, горными территориями Алтая, Саян, Хангая и разделяющими их межгорными пространствами. Районирование территории выполнялось, главным образом, «сверху» и ограничивалось двумя уровнями единиц – уровнем физико-географической страны и уровнем физико-географической области. Подход «снизу» использовался в качестве дополнительного, для подтверждения или опровержения авторских или иных воззрений. При этом мы старались придерживаться традиционных и наиболее однозначных определений физико-географической страны и физико-географической области.

Из всех определений стран и областей, на наш взгляд, наиболее четкими по отношению к горам являются следующие. *Физико-географическая страна* – крупная часть материка, характеризующаяся единством плана морфотектуры, орографии и масштаба неотектонических движений, своеобразием взаимодействия морфоструктур с движением воздушных масс, которые определяют состав, характер и степень выраженности биоклиматических зон на равнинах и высотных поясов в горах [2]. *Физико-географическая горная область* – это территориальная единица, чаще всего горная система, с особым планом орографического строения и соответствующая крупной тектонической структуре или системе структур, объединенных новейшими тектоническими движениями, либо части тектонической зоны, с господствующей тенденцией неотектонического развития [10]. Особенности орографического плана, на наш взгляд, целесообразно считать основным критерием разграничения физико-географических областей в горных странах, а биоклиматические показатели – вспомогательными.

Анализ схем природного районирования горных территорий юга Сибири и смежных районов Казахстана, Монголии и Китая показывает, что на макрорегиональном уровне наиболее четко выделяются два подхода. В первом случае рассматривается Алтае-Саянская или Южно-Сибирская горная страна в границах, близких к государственному границам России [11]. Ей противопоставляется Центральноазиатская страна: Монгольский и Гобийский Алтай, Хангай и другие ее горные сооружения.

Второй подход исходит из объединения Русского, Монгольского и Гобийского (не всегда) Алтая, новейшие структуры которых тесно связаны в Алтайскую горную страну, относящуюся к Центральноазиатскому горному поясу, тогда как массивные сооружения Саян, Тувы, Хангая и мегакотловины относятся уже к Монголо-Сибирскому горному поясу [12]. Например, И.С. Новиков [13] считает, что рассмотрение Рудного и Горного Алтая в составе Алтае-Саян неприемлемо, поскольку объединяются резко различные в геодинамическом отношении территории и выпадает из внимания монгольская и китайская части Алтая.

Попытка объединения данных подходов отразилась в выделении Южно-Сибирской горной области Северной Азии [14], Алтае-Хангае-Саянского экорегиона [15], отчасти Алтае-Саянской горной страны, с включением Монгольского Алтая [16], хотя в последнем случае на рассматриваемой нами горно-котловинной территории авторы выделяют целых 4 физико-географических страны.

На наш взгляд, рассматриваемый горный регион целесообразно рассматривать как Алтае-Хангае-Саянскую горную страну (далее – АХС), которая заключена между тремя массивами-ядрами: Алтаем, Хангаем и Восточным Саяном, разделенными котловинами Убсунурской и Больших Озер, Долиной Озер, сниженными нагорьями Тувы. Структурные элементы страны связаны общей историей развития геолого-геоморфологической основы и биоты. АХС – это сложное и высокое горное поднятие на границе биоклиматических поясов и долготных секторов с сочетанием типичных черт Северной, Центральной и Средней Азии, влияния Атлантики

и Пацифики, поэтому ее нельзя однозначно отнести к одному из этих мегарегионов. Многие исследователи [17, 18, 19] отмечают сочетание признаков контрастных сред как одну из важнейших особенностей АХС. Так по Монгольскому Алтаю и Хангаю на юг проникают сибирские леса, а по котловинам на север – пустынные центральноазиатские элементы, в высокогорьях сочетаются горные тундры, альпийские луга и сухие степи. Контрастность проявляется на всем протяжении АХС, определяя богатство биоты и своеобразие структуры высотной поясности, которые резко отличают АХС от типичных регионов Центральной и Северной Азии.

Положение АХС на границе контрастных биоклиматических сред и соседство с контрастными геоструктурами вызывают объективные трудности при проведении ее границ. В зависимости от характера контактных зон возникает ряд принципиальных вопросов: проблема границы АХС с Западносибирской и Среднесибирской странами связана с предгорьями, которые на разных схемах районирования относят то к равнинам, то к горам; критерии обособления страны от расположенных к востоку и северо-востоку горных сооружений; граница на юге в контексте проблемы разграничения Северной и Центральной Азии; западные и юго-западные границы в связи с близостью ландшафтов Алтая по ряду параметров с ландшафтами Казахского мелкосопочника, а также Саура и Тарбагатая.

Н.А. Гвоздецкий [20] относил предгорные равнины и равнины передовых прогибов к равнинно-платформенным физико-географическим странам. В.Б. Сочава [17] говорил, что предгорные равнины испытывают преобладающее влияние со стороны гор в большинстве компонентов ландшафтов: климате, литологии, растительном покрове, почве. В этой связи логичным выглядит мнение В.А. Николаева [21], который, характеризуя место предгорий Алтая по отношению к соседним равнинам и горам, пришел к выводу, что подгорные наклонные аккумулятивные равнины, денудационные предгорья и мелкосопочник образуют единую систему предгорий, которая характеризуется чертами, переходными от равнин к горам, что проявляется во всех компонентах ландшафтов. И если на отдельных участках за границу между АХС и Западносибирской страной можно с большими основаниями принять разлом, совпадающий с фасом Алтая [22; 13], то там, где горы и равнины разделены полосой предгорий и мелкосопочника, сделать это значительно труднее. Еще сложнее провести границу Среднесибирской страны и Саян, где амплитуда высот не так значительна, а тектонические границы не всегда коррелируют с геоморфологическими. Южная тектоническая граница Сибирской платформы смещена к оси Восточного Саяна, а ее южная периферия составляет нижний геоморфологический ярус Восточного Саяна, отделенный от Среднесибирского плоскогорья Иркутско-Черемховской равниной [23]. Исходя из этого, В.Б. Сочава [17] считал, что северная граница Южно-Сибирской области проходит по северному краю подгорных равнин, включая Южно-Енисейский кряж с Красноярской и Канской подгорными равнинами.

В настоящей работе мы вслед за Н.А. Гвоздецом [20] не включаем предгорья в АХС и относим их к равнинам, поскольку в предгорьях не проявляется высотная поясность – главное отличие гор от равнин.

Восточные границы АХС в наименьшей степени определяются неотектоникой и лишь на незначительном протяжении представлены отдельными разломами. В то же время здесь уравнивается влияние Атлантики и Пацифики, континентальность климата достигает максимальных значений, в ландшафтах территории сочетается чрезвычайно контрастные черты. Поэтому, на наш взгляд, в качестве дополнительного критерия при проведении границы АХС необходимо привлекать анализ структуры высотной поясности, который используется для индикации границ физико-географических единиц более низкого уровня – уровня провинций. В этом случае выявление провинциальных границ позволит более точно провести границы более высоких рангов.

В.Б. Сочава [24] объединял в одну провинцию Предбайкалье и Забайкалье, отделяя Восточное Забайкалье, на основании проникновения Алтае-Саянских таежных формаций (*Larix sibirica*) в глубь Селенгинского среднегорья. М.А. Решиков [25] сближал Западное и Восточное Забайкалье, руководствуясь флористическим сходством горно-лесостепного ландшафта, но отчленял от них Предбайкалье. Е.М. Лавренко и др. [26] выделяют Орхоно-Нижнеселенгинскую и Нерчинско-Ононскую горнолесостепные провинции Центральноазиатской подобласти Евразийской степной области, которые глубоко внедряются на территорию Забайкалья.

На схеме лесорастительного районирования [27] в состав Восточнотувинско-Южнозабайкальской горной области входят Восточнотувинское нагорье, южная часть Восточного Саяна, горы Южного Забайкалья и южный макросклон Хамар-Дабана, тогда как его северный макросклон отнесен к Прибайкальской лесорастительной области вместе с хребтами Приморский, Байкальский и Улан-Бургасы.

И.С. Урусевская [28] объединяет хребты Восточный Саян, Хамар-Дабан и Тункинскую котловину в Восточно-Саянскую почвенно-географическую провинцию, к северу от которой расположена Лено-Ангарская провинция, а к востоку – Забайкальская. У последних двух провинций в отличие от Восточно-Саянской в структуре высотной поясности не выражен гольцовый или горно-тундровый пояс.

Авторы Ландшафтной карты СССР [29] относят хр. Хамар-Дабан к Прибайкальско-Забайкальским ландшафтам, а значительную часть Южного Забайкалья к Даурско-Дальневосточным. Однако на «Схеме поясно-секторных групп, типов и подтипов ландшафтов» видно несомненное сходство хр. Хамар-Дабан с Восточным Саяном по распространению горных тундр, чернево-таежных и пихтовых лесов, общей структуре поясности и абсолютной высоте.

Согласно [30] в Байкальской Сибири выделяются четыре ботанико-географические провинции: Джугджурская; Даурская (до Яблонового хребта); Предбайкальская (до Хамар-Дабана включительно) с растительностью типичной для Алтае-Саянского центра; Забайкальская – коридор между хр. Хамар-Дабан и Яблоновый, впадины и нагорья юга Бурятии и Орхон-Селенгинского среднегорья в Монголии, по которому продвигаются к северу рубежи Центральноазиатской степной подобласти Е.М. Лавренко [26].

На наш взгляд, все четыре провинции следует относить к разным физико-географическим странам, а к АХС исключительно Предбайкальскую, поскольку только здесь распространен тип поясности, где хорошо выражены лесостепной, лесной, субальпийский (подгольцово-субальпийский), альпийский (гольцово-альпийский) и нивальный пояса; а в лесном поясе развиваются темнохвойные (кедр, ель, пихта) леса, специфическая черневая тайга и высокотравная подтайга.

Что касается южной границы АХС, то ее проведение издавна вызывает споры в связи с неоднозначностью содержания, вкладываемого в понятия Северная Азия и Центральная Азия. В.А. Обручев относил горы северной Монголии к Центральной Азии, а В.Б. Сочава и Д.А. Тимофеев [14] отмечали, что они неразрывно связаны с горами Южной Сибири, проводя границу Северной и Центральной Азии по северным пределам распространения пустынно-степных центральноазиатских ландшафтов. Согласно этим авторам [14] к Северной Азии относятся части Монгольского Алтая и Хангая, а к Центральной – котловины Убсунурская и Больших Озер, часть Монгольского и Гобийский Алтай, часть Хангая, т.е. структурно-геоморфологическая и биоклиматическая дифференциации территории резко противоречат друг другу.

На наш взгляд, решение проблемы представляется в согласовании названных выше оснований деления с учетом позиционного фактора. Гобийский Алтай и субширотное окончание Монгольского являющегося в неотектоническом отношении самостоятельной сдвиговой зоной [13], но орографически представляют собой непосредственное продолжение

основной части Алтая. Гобийский Алтай практически замыкает Котловины Больших Озер и Долину Озер с юга, поэтому непрерывного контура «типично центральноазиатских ландшафтов» не образуется. Мегакотловины являются частью АХС, поскольку формирование ландшафтов этих территорий озерно-аллювиального генезиса неразрывно связано с окружающими горами.

Целостность Алтая подтверждается флорогенетическими построениями Р.В. Камелина [19], предложившего интересное и во многом революционное понимание Алтайской горной страны: Русский, Казахский, Китайский, Монгольский, частично Гобийский Алтай, Западный Саян и Алтаиды (Саур и Тарбагатай), а также мелкие горные сооружения, связывающие их и Большой Алтай. Флора Большого Алтая сформировалась при взаимодействии Бореальной Евро-Сибирской, Бореально-Древнесредиземноморской контактной и Древнесредиземноморской, но численно преобладают бореальные виды. Бореально-азиатский характер флоры отражают спектры хорологический и ведущих семейств, богатство родов *Carex*, *Salix* и наличие почти всех североазиатских вересковых.

Е.М. Лавренко и др. [26] Монгольский и Гобийский Алтай включают в состав Монголоалтайской горностепной подпровинции Северогобийской пустынно-степной провинции, к которой еще относят пустынно-степную подпровинцию котловины Больших Озер и Северо-восточного Саяна пустынно-степную подпровинцию, к которой в АХС относится Долина Озер. Е.А. Волкова [31] рассматривает как единое целое Монгольский и Гобийский Алтай за исключением хребтов южной цепи Гобийского Алтая (хр. Гурван-Сайхан-Ула и др.), которые она относит к Северогобийской геоботанической провинции. По Е.А. Волковой Монгольский и Гобийский Алтай соответствуют в ботанико-географическом районировании группе горных провинций, а в физико-географическом – стране. На наш взгляд, рассматриваемая территория ближе физико-географической горной области. Что касается южных границ АХС, то здесь позиция Е.А. Волковой имеет точки соприкосновения с позицией геоморфологов. Так И.С. Новиков [13] считает, что сменяющие Монгольский Алтай цепочки коротких хребтов и горных массивов Гобийского Алтая, протягиваются примерно до 103° в.д. Далее параллельно Гобийскому Алтаю с юга тянется продолжение Китайского Тянь-Шаня – Гобийский Тянь-Шань. По сути хр. Гурван-Сайхан-Ула можно рассматривать как продолжение Алтая, так и Тянь-Шаня. В то же время отмечается, что и Гобийский Алтай и Гобийский Тянь-Шань морфологически отличаются от основных сооружений Алтая и Тянь-Шаня и по существу являющиеся самостоятельной тектонической областью, сформированной в зоне крупного субширотного разлома, ограничивающего с юга Монгольскую микроплиту. На наш взгляд, изложенные выше ботанико-географические аргументы, а главное структурное единство Гобийского Алтая с остальной частью АХС позволяет провести южную границу страны по подножью южного склона хр. Бага-Богд-Ула, однозначно, исключив из ее пределов хр. Гурван-Сайхан-Ула.

На западе большинство исследователей включает в Алтай Калбинский хребет и проводят границу по его юго-западному подножию, через Чарскую впадину к Зайсанской котловине [13]. Но далее мнения разнятся, причем как среди геологов и геоморфологов, так и среди ботаников и ботанико-географов. В.С. Ерофеев [32] в новейшей структуре южной периферии Алтая выделяет три крупнейшие структуры первого порядка – Алтайское сводовое поднятие, Предалтайский прогиб и внешнюю цепь поднятий Алтая (Саурский и Тарбагатайский структурные районы). С другой стороны, на Геологической карте СССР [33] Тарбагатай относится к Чингиз-Тарбагатайской складчатой системе, а Зайсанская впадина наряду с Южным Алтаем, Рудным Алтаем и Калбой – к Зайсанской. Авторы Ландшафтной карты СССР [29] на «Схеме региональных родов ландшафтов» причисляют Зайсанскую котловину, Саур, Тарбагатай и Семистай к Тянь-Шань-Джунгарским ландшафтам.

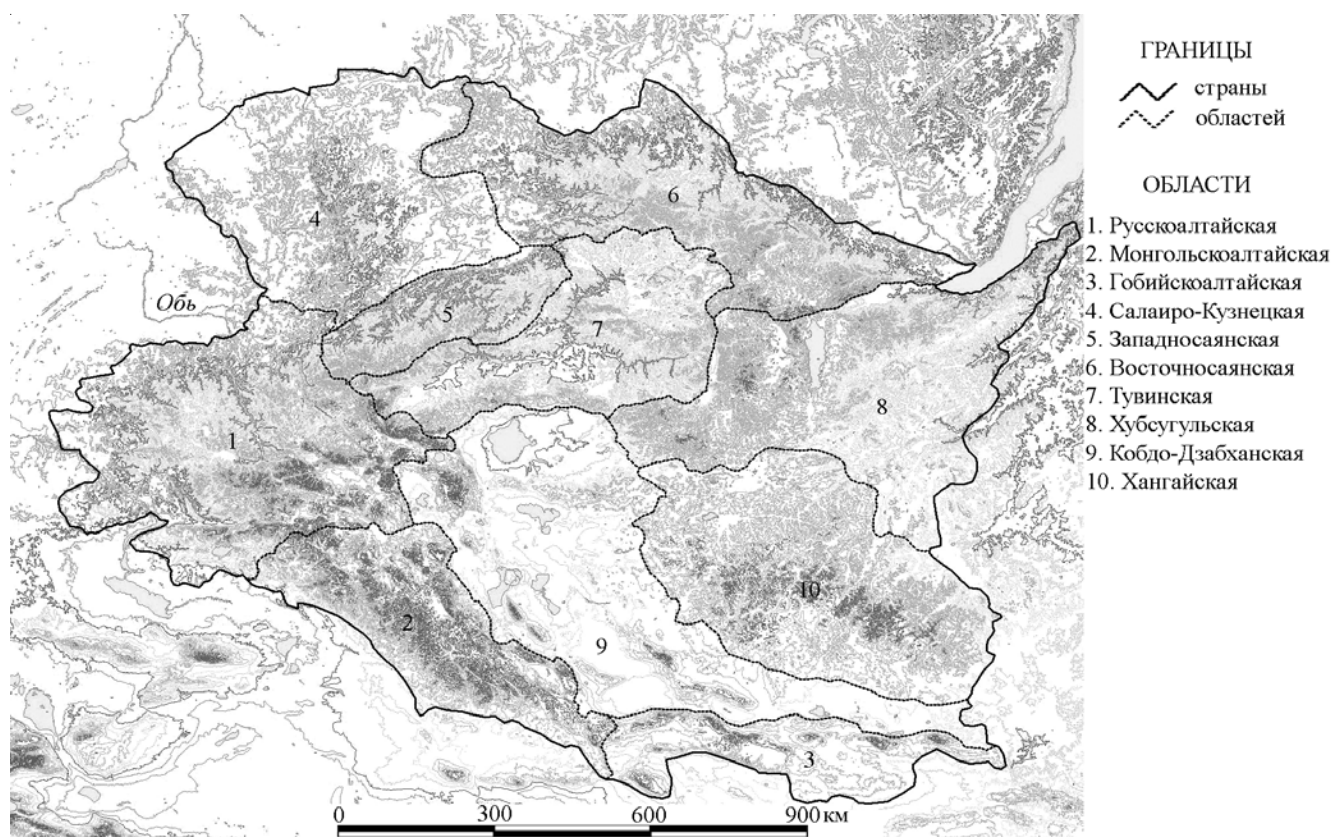

Рис. 1. Физико-географические области Алтае-Хангае-Саянской горной страны

Р.В. Камелин [19] показал, что степи Тарбагатай ближе к Алтаю, нежели Тянь-Шаню. Его Алтае-Джунгарская ботанико-географическая провинция объединяет юго-запад Русского, Казахский и Китайский Алтай, в Монгольском бассейне Иртыша и Урунгу, часть бассейна Кобдо-гола с выраженным лесным поясом, Тарбагатай, Семистай, Саур, межгорные котловины Барун-Хурай, Зайсанскую и окружающие их горные массивы. Е.А. Волкова [31] указывала, что Тарбагатай и Саур, ее Северозападная Монголоалтайская провинция и северо-западная часть Русского Алтая относятся к восточноказахстанско-западномонгольской группе типов поясности и Причерноморско-Казахстанской подобласти Степной области Евразии [26].

В.А. Обручев [34] на геологическом, орографическом и ботанико-географическом материале пришел к выводу, что Саур и Тарбагатай не могут быть отнесены ни к Тянь-Шаню, ни к Алтаю, и продолжают на западе в массиве Казахского мелкосопочника.

На наш взгляд, Алтаиды (хребты Саур и Тарбагатай), а также мелкие и средние горные сооружения (типа Бэйшаня и хр. Гурван-Сайхан-Ула) целесообразно включать составными частями в крупную самостоятельную Гоби-Джунгарскую физико-географическую страну, основу которой составляют пустынные равнины Джунгарии, Такла-Макан, Гоби, Алашань, разделенные горными перемычками, позволяющими обособляться ряду физико-географических областей.

Таким образом, рассматриваемая территория в указанных границах достаточно четко выделяется на фоне окружающих пространств и соответствует определению физико-географической страны. Выделение физико-географических областей в пределах АХС также вызывает сложности. Основным критерий области – единый структурный и орографический план вроде бы очевиден, однако при проведении границ возникает много вопросов. Нами в пределах АХС выделено 10 физико-географических областей (рис. 1).

Новейшая структура Русского и Монгольского Алтая тесно связаны, но Русский Алтай более сложен, т.к. ограничен с севера жесткой Евразийской плитой, а Монгольский Алтай в неотектоническом отношении более прост [13]. Русский Алтай понимается нами в данном случае в широком смысле, включая в него Казахский Алтай, который выделяется политически и административно, но не физико-географически. Аналогично Китайский Алтай рассматривается нами в составе Монгольского. Выраженные различия в неотектоническом режиме и орографическом плане, на наш взгляд, являются основанием выделять Русский, Монгольский и Гобийский Алтай как самостоятельные физико-географические области.

На северной периферии АХС выделена Салаиро-Кузнецкая область, в которую по общей ориентировке и биотическим характеристикам, кроме Салаира и Кузнецкого Алатау, разделенных Кузнецкой котловиной, целесообразно включать и систему Минусинских котловин.

Три горные области выделяются в системе Саян и горных сооружений Тувы: Западносаянская, Восточносаянская и Тувинская. Разделение Саян на две области основано не только на различной ориентировке этих горных сооружений, но и на отличиях в их биотическом наполнении. Часть Саян, расположенная к востоку от Енисея, отличается иным типом черновой тайги с *Mitella nuda* и *Mertensia strigosa*, высокогорными комплексами с родоретумами из *Rhododendron adamsii*, *Rh. parvifolium*, горными тундрами с *Phyllodoce caerulea* [19].

Выделенная в качестве самостоятельной Хубсугульская физико-географическая область прежде не выделялась в таких границах. Кроме расположенных севернее Хангай средневысотных горных хребтов, в ее состав включен хр. Хамар-Дабан. Специфической чертой области является то, что она разбита разноориентированными разломами на ряд относительно обособленных горных сооружений. Кроме этого, здесь в ландшафтах в той или иной степени отражены

важнейшие черты АХС в целом, например, широко представлены темнохвойные леса.

Самостоятельность Хангая как горного образования не вызывает сомнения, поэтому он также рассматривается в качестве самостоятельной горной области.

Граница мегакотловин – Убсунурской, котловины Больших Озер и Долины Озер с окружающими горными сооружениями достаточно сложна. Тем не менее, общий характер рельефа, климата и биотического наполнения ландшафтов позволяет включить всю территорию в единую физико-географическую область. Она названа нами Кобдо-Дзобханская по названиям основных водных артерий.

ВЫВОДЫ

1. Алтае-Хангае-Саянская горная страна – это сложное и высокое горно-котловинное образование на границе биоклиматических поясов и долготных секторов с взаимопроникновением и сочетанием типичных черт Северной, Центральной и Средней Азии, влияния воздушных масс Атлантики и Пацифики.

2. Страна интегрируется тремя высоко приподнятыми на фоне окружающих территорий массивами-ядрами: Алтаем, Хангаем и Восточным Саяном. Ядра имеют четко выраженное северо-западное магистральное направление основных орографических элементов. Они разделены системой крупных разновысотных котловин, занимающих центральную часть АХС. По периферии ядра соединены (или почти соединены) менее высокими поднятиями (Западный Саян

и Кузнецкий Алатау, горы Прихубсугуля, Гобийский Алтай), которые, как правило, сложно ориентированы. Все входящие в АХС структурные элементы связаны общей историей развития как геолого-геоморфологической основы, так и биоты.

3. Границы АХС имеют различную степень выраженности и различную природу. «Ядра» АХС достаточно четко обособлены от соседних территорий («фас Алтая», северо-восточный макросклон Восточного Саяна, юго-западный макросклон Монгольского Алтая, восточный макросклон Хангая). На остальных участках границы АХС с окружающими пространствами менее резки и нередко вызывают неоднозначные толкования. В каждом конкретном случае основу проведения границы составляет позиционный анализ, а не частные характеристики сходства-различия.

4. В пределах АХС выделены 10 физико-географических областей, в том числе с учетом позиционного фактора. Некоторые из областей в подобных границах рассматриваются впервые. Дальнейшее районирование с выделением провинций и более мелких региональных единиц также должно учитывать позиционные особенности территории. Так при обособлении горных физико-географических провинций в качестве одного из ведущих выступает внутренний позиционный фактор, определяющий спектр высотной поясности ландшафтов. Кроме этого, взаимное наложение (суперпозиция) региональных ядер типичности служит фактором формирования региональных геоэкотонов, ранг которых определяется индивидуально.

Библиографический список

- Смирнягин, Л.В. Районирование общества США: дис. ... д-ра географ. наук. – М., 2005.
- Рихтер, Г.Д. Комплексное природное районирование СССР / Г.Д. Рихтер, В.С. Преображенский, Е.А. Нефедьева // Современные проблемы природного районирования. – М., 1975.
- Булатов, В.И. Обь-Иртышский бассейн как геосистема: вопросы теории и практики эколого-географического изучения / В.И. Булатов, Н.О. Игенбаева. – Ханты-Мансийск, 2010.
- Кудрявцев, А.Ф. Проблема объективного и субъективного в понимании районов и районировании // Вестник Удмуртского ун-та. Биология. Науки о Земле. – 2009. – Вып. 2.
- Каганский, В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: сб. статей. – М.: НЛО, 2001.
- Арманд, Д.Л. Наука о ландшафте. – М., 1975.
- Михеев, В.С. Ландшафтный синтез географических знаний. – Новосибирск, 2001.
- Родоман, Б.Б. Позиционный принцип и давление места // Вестник МГУ. – 1979. – № 4. – Сер. географ.
- Каганский, В.Л. Пространство в теоретической географии школы Б.Б. Родомана: итоги, проблемы, программа // Известия РАН. – 2009. – № 2. – Сер. географ.
- Гвоздецкий, Н.А. Ландшафтная карта и схема физико-географического районирования Закавказья // Ландшафтное картографирование и физико-географическое районирование горных областей. – М., 1972.
- Физико-географическое районирование СССР // Карта / науч. ред. Н.А. Гвоздецкий. – М., 1967.
- Уфимцев, Г.Ф. Монголо-Сибирский горный пояс и его аналоги // Геоморфология. – 1988. – № 1.
- Новиков, И.С. Морфотектоника Алтая. – Новосибирск, 2004.
- Сочава, В.Б. Физико-географические области Северной Азии / В.Б. Сочава, Д.А. Тимофеев // Доклады Института географии Сибири и Дальнего Востока. – Иркутск, 1968. – Вып. 19.
- Самойлова, Г.С. Ландшафтная карта Алтае-Хангае-Саянского экорегиона – основа для проектирования сети ООПТ севера Внутренней Азии / Г.С. Самойлова, А.В. Веселовский, А.Е. Субботин // Особо охраняемые природные территории. Материалы II Международной конференции. – СПб., 2000.
- Самойлова, Г.С. Концепция физико-географического районирования как обоснование региональной дифференциации трансграничных территорий гор Южной Сибири / Г.С. Самойлова, И.А. Авессаломова, В.А. Снытко // Мир науки, культуры, образования. – 2008. – № 5 (12).
- Сочава, В.Б. Географические аспекты Сибирской тайги. – Новосибирск, 1980.
- Огуреева, Г.Н. Ботаническая география Алтая. – М., 1980.
- Камелин, Р.В. Краткий очерк природных условий и растительного покрова Алтайской горной страны // Флора Алтая. – Барнаул, 2005. – Т. 1.
- Гвоздецкий, Н.А. Дискуссионные вопросы физико-географического районирования Сибири и Дальнего Востока // Доклады Института географии Сибири и Дальнего Востока. – Иркутск, 1968. – Вып. 19.
- Николаев, В.А. Предгорья Алтая – региональный ландшафтный экотон / В.А. Николаев // Вест. МГУ. – 1994. – № 2. – Сер. 5.
- Адаменко, О.М. Предалтайская впадина и проблемы формирования предгорных опусканий. – Новосибирск, 1976.
- Атлас «Байкал». – М.; Омск, 1993.
- Сочава, В.Б. Определение некоторых понятий и терминов физической географии // Доклады Института географии Сибири и Дальнего Востока. – Иркутск, 1963. – Вып. 3.
- Рещиков, М.А. К вопросу об истории степной растительности Забайкалья и геоботаническом районировании // Естественные пастбища Забайкалья. – Улан-Удэ, 1971.
- Лавренко, Е.М. Степи Евразии / Е.М. Лавренко, З.В. Карамышева, Р.И. Никулина. – Л., 1991.
- Типы лесов гор Южной Сибири. – Новосибирск, 1980.
- Урусевская, И.С. Типы поясности и почвенно-географическое районирование горных систем России / И.С. Урусевская // Почвоведение. – 2007. – № 11.
- Ландшафтная карта СССР: м. 1:2 500 000 / отв. ред. И.С. Гудилин. – Л., 1985.
- Основные черты и закономерности растительного покрова // Бурятия: растительный мир. – Улан-Удэ, 1997. – Вып. II.
- Волкова, Е.А. Ботаническая география Монгольского и Гобийского Алтая // тр. ботанического ин-та им. В.Л. Комарова. – СПб., 1994. – Вып. 14.
- Ерофеев, В.С. Геологическая история южной периферии Алтая в палеогене и неогене. – Алма-Ата, 1969.
- Геологическая карта СССР. Масштаб 1: 1 000 000 (новая серия). Лист М-44 (45). Усть-Каменогорск. Объяснительная записка / отв. ред. Д.А. Авров. – Л., 1980.
- Мурзаев, Э.М. Рассказы об ученых и путешественниках. – М., 1979.

Bibliography

1. Smirnyagin, L.V. Rayjonirovaniye obshchestva SShA: dis. ... d-ra geograf. nauk. – M., 2005.
2. Rikhter, G.D. Kompleksnoye prirodnoye rayjonirovaniye SSSR / G.D. Rikhter, V.S. Preobrazhenskij, E.A. Nefedjeva // Sovremenniye problemih prirodnogo rayjonirovaniya. – M., 1975.
3. Bulatov, V.I. Obj-Irtihshskij basseyjn kak geosistema: voprosih teorii i praktiki ehkologo-geograficheskogo izucheniya / V.I. Bulatov, N.O. Igenbaeva. – Khantih-Mansijsk, 2010.
4. Kudryavcev, A.F. Problema objektivnogo i subjektivnogo v ponimanii rayonov i rayjonirovaniy // Vestnik Udmurtskogo un-ta. Biologiya. Nauki o Zemle. – 2009. – Vihp. 2.
5. Kaganskiy, V.L. Kul'turnihy landshaft i sovetskoye obitaemoye prostranstvo: sb. statey. – M.: NLO, 2001.
6. Armand, D.L. Nauka o landshafte. – M., 1975.
7. Mikheev, V.S. Landshaftniy sintez geograficheskikh znaniy. – Novosibirsk, 2001.
8. Rodoman, B.B. Pozitsionniy princip i davlenie mesta // Vestnik MGU. – 1979. – № 4. - Ser. geograf.
9. Kaganskiy, V.L. Prostranstvo v teoreticheskoy geografii shkolih B.B. Rodomana: itogi, problemih, programma // Izvestiya RAN. – 2009. – № 2. - Ser. geograf.
10. Gvozdeckiy, N.A. Landshaftnaya karta i skhema fiziko-geograficheskogo rayjonirovaniya Zakavkaziya // Landshaftnoye kartografirovaniye i fiziko-geograficheskoye rayjonirovaniye gornihkh oblastey. – M., 1972.
11. Fiziko-geograficheskoye rayjonirovaniye SSSR // Karta / nauch. red. N.A. Gvozdeckiy. – M., 1967.
12. Ufimcev, G.F. Mongolo-Sibirskiy gorniy poyas i ego analogi // Geomorfologiya. – 1988. – № 1.
13. Novikov, I.S. Morfotektonika Altaya. – Novosibirsk, 2004.
14. Sochava, V.B. Fiziko-geograficheskiye oblasti Severnoy Azii / V.B. Sochava, D.A. Timofeev // Dokladih Instituta geografii Sibiri i Dal'nego Vostoka. – Irkutsk, 1968. – Vihp. 19.
15. Samoylova, G.S. Landshaftnaya karta Altae-Khangae-Sayanskogo ehkoregiona – osnova dlya proektirovaniya seti OOPT severa Vnutrenney Azii / G.S. Samoylova, A.V. Veselovskiy, A.E. Subbotin // Osobo okhranyaemiye prirodniye territorii. Materialih II Mezhdunarodnoy konferencii. – SPb., 2000.
16. Samoylova, G.S. Konceptiya fiziko-geograficheskogo rayjonirovaniya kak obosnovaniye regionalnoy differenciacii transgranichnihkh territoriy gor Yuzhnoy Sibiri / G.S. Samoylova, I.A. Avessalomova, V.A. Snihtko // Mir nauki, kul'tur, obrazovaniya. – 2008. – № 5 (12).
17. Sochava, V.B. Geograficheskiye aspektih Sibirskoy taygi. – Novosibirsk, 1980.
18. Ogureeva, G.N. Botanicheskaya geografiya Altaya. – M., 1980.
19. Kamelin, R.V. Kratkiy ocherk prirodnihkh usloviy i rastitel'nogo pokrova Altayskoy gornoj stranih // Flora Altaya. – Barnaul, 2005. – T. 1.
20. Gvozdeckiy, N.A. Diskussionniye voprosih fiziko-geograficheskogo rayjonirovaniya Sibiri i Dal'nego Vostoka // Dokladih Instituta geografii Sibiri i Dal'nego Vostoka. – Irkutsk, 1968. – Vihp. 19.
21. Nikolaev, V.A. Predgoriya Altaya – regionalniy landshaftniy ehkoton / V.A. Nikolaev // Vest. MGU. – 1994. – № 2. - Ser. 5.
22. Adamenko, O.M. Predaltayskaya vpadina i problemih formirovaniya predgornihkh opuskaniy. – Novosibirsk, 1976.
23. Atlas «Baykal». – M.; Omsk, 1993.
24. Sochava, V.B. Opredeleniye nekotorykh ponyatiy i terminov fizicheskoy geografii // Dokladih Instituta geografii Sibiri i Dal'nego Vostoka. – Irkutsk, 1963. – Vihp. 3.
25. Rethikov, M.A. K voprosu ob istorii stepnoy rastitel'nosti Zabaykalya i geobotanicheskom rayjonirovaniy // Estestvenniye pastbita Zabaykalya. – Ulan-Udeh, 1971.
26. Lavrenko, E.M. Stepi Evrazii / E.M. Lavrenko, Z.V. Karamihsheva, R.I. Nikulina. – L., 1991.
27. Tipih lesov gor Yuzhnoy Sibiri. – Novosibirsk, 1980.
28. Urusevskaya, I.S. Tipih poyasnosti i pochvenno-geograficheskoye rayjonirovaniye gornihkh sistem Rossii / I.S. Urusevskaya // Pochvovedeniye. – 2007. – № 11.
29. Landshaftnaya karta SSSR: m. 1:2 500 000 / otv. red. I.S. Gudilin. – L., 1985.
30. Osnovniye chertih i zakonomernosti rastitel'nogo pokrova // Buryatiya: rastitel'niy mir. – Ulan-Udeh, 1997. – Vihp. II.
31. Volkova, E.A. Botanicheskaya geografiya Mongol'skogo i Gobijskogo Altaya // tr. botanicheskogo in-ta im. V.L. Komarova. – SPb., 1994. – Vihp. 14.
32. Erofeev, V.S. Geologicheskaya istoriya yuzhnoy periferii Altaya v paleogene i neogene. – Alma-Ata, 1969.
33. Geologicheskaya karta SSSR. Masshtab 1: 1 000 000 (novaya seriya). List M-44 (45). Ustj-Kamenogorsk. Objyasnitel'naya zapiska / otv. red. D.A. Avrov. – L., 1980.
34. Murzaev, Eh.M. Rasskazih ob uchenihkh i puteshestvennikakh. – M., 1979.

Статья поступила в редакцию 03.11.11

УДК 574.587

Yanygina L.V. **BIOINDICATION OF R.KASMALA WATER QUALITY BY MACROZOOBENTHOS.** The data on taxonomic structure, abundance and biomass of zoobenthos in R. Kasmala are presented. The use of different indices for bioindication of river water pollution is discussed. The assessment of ecological state of the object under study is made.

Key words: zoobenthos, taxonomic structure, bioindication, Kasmala river.

Л.В. Яныгина, канд. биол. наук, доц., с.н.с. ИВЭП СО РАН, г. Барнаул, E-mail: zoo@iwer.asu.ru.

БИОИНДИКАЦИЯ КАЧЕСТВА ВОДЫ РЕКИ КАСМАЛА ПО МАКРОЗООБЕНТОСУ

Приведены данные по таксономической структуре, численности и биомассе зообентоса р. Касмала. Проанализированы возможности применения различных показателей для биоиндикации загрязнения речных вод. Дана оценка экологического состояния исследованного участка реки.

Ключевые слова: зообентос, таксономическая структура, биоиндикация, река Касмала.

Большинство водотоков любого водосборного бассейна составляют малые и очень малые реки. Гидрологические, гидрохимические и гидробиологические характеристики малых водотоков тесно связаны с ландшафтом, что и определяет их особую зависимость не только от состояния водных ресурсов, но и от процессов, происходящих на водосборе. Кроме того, малые реки особо уязвимы к антропогенным воз-

действиям, что объясняется, прежде всего, низкой разбавляющей способностью вследствие небольшого расхода воды. Малые водотоки являются начальными звеньями гидрографической сети и во многом определяют особенности гидрологического, гидрохимического, гидробиологического режимов и качества воды средних и крупных рек, в которые они впадают.

В бассейне р. Обь насчитывается более 1,5 тысяч малых рек [1], однако гидробиологические исследования равнинных водотоков этого типа сравнительно немногочисленны. Нами были проведены исследования на р. Касмала (левый приток р. Обь), которая по среднему многолетнему расходу воды (2 м³/с), согласно классификации Л.М. Корытного [1], относится к малым рекам [2]. Долина р. Касмала расположена в ложбине древнего стока, в Касмалинском ленточном бору. Река зарегулирована у г. Павловск. Водохранилище объемом 2 млн. м³ используются для рыборазведения, орошения и рекреации.

Материал и методы исследований

Зообентос и зооперифитон р. Касмала и рек ее бассейна (р. Боровлянка и р. Плещиха) были исследованы в июле 2008 г., а также в июне и августе 2009 г. Донные отложения отбирали дночерпателем ГР-91 (с площадью захвата 0,007 м²) в каждой точке по две повторности. Затем пробы промывали через капроновый газ с размером ячеек 350х350 мкм, животных выбирали, фиксировали 70 % этиловым спиртом и после установления постоянного веса разбирали по систематическим группам, считали и взвешивали на торсионных весах ВТ-500. Для определения таксономического состава зооперифитона применяли метод ручного сбора беспозвоночных с поверхности субстратов (макрофитов, затопленных коряг). За период исследований было проанализировано 15 количественных проб зообентоса и 7 качественных проб зооперифитона.

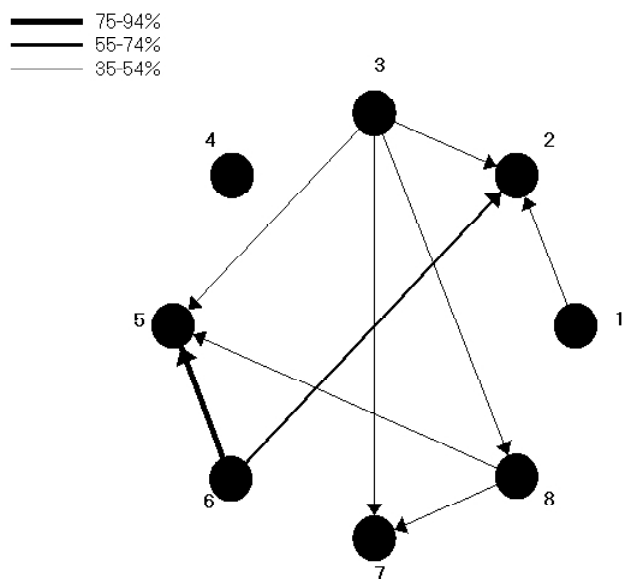

Рис. 1. Ориентированный мультиграф бинарных отношений на множестве мер включения описаний таксономического состава зообентоса бассейна р. Касмала по наличию видов (1 – р. Касмала у с. Суислово, 2 – р. Касмала у с. - Паново, 3 – р. Касмала у с. Ключки, 4 – р. Боровлянка, 5 – р. Касмала выше с. Чернопятово, 6 – р. Касмала ниже с. - Касмала, 7 – р. Касмала выше г. Павловска, 8 – р. Касмала ниже г. Павловска)

Результаты и обсуждение

Таксономический состав. В 2008-2009 гг. в реках бассейна р. Касмала обнаружено 73 вида беспозвоночных, большая часть которых (64 вида) относится к насекомым. Среди других классов беспозвоночных отмечены олигохеты (2 вида), пиявки (1), брюхоногие (2) и двусторчатые (1) моллюски, ракообразные (1), мшанки (2 вида). Наиболее часто встречались *Chironomus sp.* (62 % проб) и *Cladotanytarsus gr. mancus* (31 % проб). Меры включения [3] описаний таксономического состава зообентоса для различных участков бассейна составляли от 35 % до 94 %. Наиболее оригинален был зообентос р. Боровлянка, а также сообщества песков верх-

него течения (ниже оз. Мельничное) и нижнего участка р. - Касмалы (у с. Чернопятово). Отдельные ценозы были представлены небольшим числом видов (5-7 видов в пробе), достигая на некоторых участках (р. Касмала выше г. Павловска) 12 видов в пробе (рис. 1). Индекс видового разнообразия Шеннона изменялся от 0 до 2,6 бит/экз. (в среднем 1,4±0,2 бит/экз.), минимальные значения индекса отмечены на чистых песках. Зообентос исследованного участка реки был представлен преимущественно лимнофильным комплексом видов.

Численность и биомасса зообентоса р. Касмала зависели от типа донных отложений (рис. 2) и увеличивались в ряду: песок – заиленный песок – ил. Такое распределение отражает общую тенденцию увеличения обилия гидробионтов на более богатых органическими веществами субстратах. Биомасса зообентоса песков большинства участков соответствовала ультраолиготрофному типу водоемов по шкале С.П. Китаева [4] и только в р. Касмала ниже г. Павловска достигала бета-олиготрофного уровня. На заиленных песках и илах биомасса зообентоса соответствовала уровню водоемов мезотрофного типа. Максимальные для исследованного района значения численности и биомассы зообентоса (11,5 тыс. экз./м² и 24,8 г/м²), характерные для бета-эвтрофного типа водоемов, были отмечены на илах р. Касмала выше г. - Павловска. Доминировали по численности и биомассе хирономиды, за исключением участка р. Касмала выше г. Павловска, где в течение всего периода исследований доминировали олигохеты.

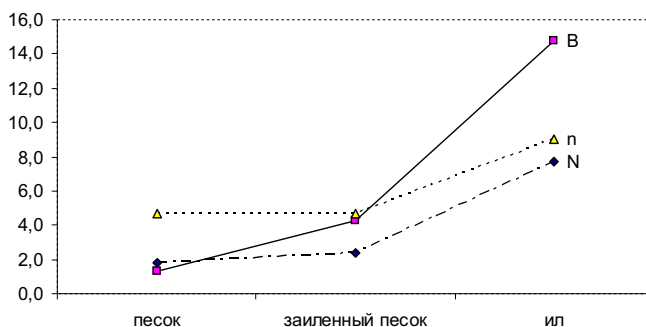

Рис. 2. Средние для различных типов грунтов значения численности (N, тыс. экз./м²), биомассы (B, г/м²) и числа видов (n) зообентоса в р. Касмала

Оценка экологического состояния. Для оценки экологического состояния р. Касмала и рек ее бассейна использовали широко применяемые в гидробиологической практике индексы Гуднайта-Уитли и Вудивисса [5]. В качестве дополнительной информации анализировали таксономическое разнообразие (по Шеннону) бентосных сообществ.

Широко применяемый в гидробиологической практике олигохетный индекс Гуднайта и Уитли, разработанный для Европы, не всегда пригоден для оценки уровня загрязнения в других регионах. Олигохеты обычно достигают большой численности в местах поступления хозяйственно-бытовых сточных вод и индицируют преимущественно органическое загрязнение. Кроме того, малощетинковые черви предпочитают илы, их численность, разнообразие и встречаемость резко снижаются на твердых грунтах и при повышенной скорости течения, что ограничивает их применение для индикации состояния текучих вод. На исследованных участках р. Касмала преобладали малоприспособленные для обитания олигохет пески и заиленные пески, что объясняет невысокую встречаемость (54 % проб) олигохет. Индекс Гуднайта и Уитли большинства проанализированных участков соответствовал «очень чистым и чистым водам» и лишь в р. Касмала выше г. Павловск достигал значений «умеренно загрязненных», а в августе 2009 г. даже «грязных» вод (табл.).

Индекс Ф.С. Вудивисса [6] основан на последовательности исчезновения отдельных групп животных при загрязнении. Наиболее чувствительны к загрязнению веснянки (отр. Plescoptera): они исчезают первыми уже при незначительном изменении среды. Индикатором чистых вод может служить и высокая доля поденок (отр. Ephemeroptera) в структуре сообщества. Менее чувствительны к загрязнению ручейники (отр. Trichoptera). В грязных водах обитают только некоторые виды олигохет и хирономид. Индикаторные группы предпочитают каменистые грунты, обитают, преимущественно в реках с быстрым течением, поэтому индекс Вудивисса рекомендуется применять в ритрали. Исследованные участки р. Касмала по классификации И. Иллиеса и Л. Ботосаняну [7] относятся к потамали, что, вероятно, и обусловило низкие значения индекса (соответствующие категории «грязные воды») большинства участков. Лишь в верхнем течении р. - Касмала и в р. Боровлянка значения индекса соответствовали «умеренно загрязненным водам». Индекс Вудивисса, рассчитанный по пробам зооперифитона, был существенно выше и соответствовал «чистым – умеренно загрязненным» рекам. Следует отметить, что в заиленных донных отложениях обычно происходит накопление несомой потоком взвеси и загрязняющих веществ. Это, возможно, и определяет более низкую оценку экологического состояния реки по бентосным организмам по сравнению с перифитонными. С другой стороны, чувствительные к загрязнению таксоны, учитываемые при расчете индекса Вудивисса, относятся преимущественно к литореофильным и фитофильным группировкам, что определяет их невысокую встречаемость в зообентосе и может приводить к заниженной оценке качества вод. Возможно, имеет смысл использовать таксономический состав, структуру зообентоса и рассчитанные на их основе биоиндикационные показатели для оценки экологического состояния донных отложений, а аналогичные показатели зооперифитона – для оценки качества воды.

Индекс таксономического разнообразия Шеннона исследованных участков р. Касмала изменялся от 0 до 2,6 бит/экз. Максимальные значения индекса зарегистрированы в августе 2009 г., минимальные – в июне 2009 г. Самые низкие значения (0 бит/экз.) индекса отмечены для песков и, вероятно, связаны с нестабильностью этого типа донных отложений, а не с антропогенным загрязнением реки. Значения индекса, соответствующие «загрязненным водам» отмечены в р. - Боровлянка, а также в р. Касмала в окрестностях с. Паново (июнь 2009) и выше г. Павловск (август 2009).

Таким образом, по большинству исследованных показателей р. Касмала можно отнести к «чистым – умеренно загрязненным» рекам. Снижение качества среды обитания до категории «загрязненные воды» по нескольким показателям отмечены только в августе 2009 г. на участке р. Касмала выше г. Павловск. Однако ниже города качество воды восстанавливается, что, возможно, связано с влиянием водохранилища, способствующего интенсивной седиментации взвеси и самоочищению нижележащего участка реки.

Таблица 1

Значения биоиндикационных индексов в р. Касмала и реках ее бассейна (номера точек как на рис. 1)

Номер точки	Дата отбора	Индекс Шеннона, бит/экз.	Индекс Гуднайта-Уитли, %	Индекс Вудивисса	
				по зообентосу	по зооперифитону
1	06.07.2008	2,1	36	5	5
2	09.07.2008	1,5	25	2	8
3	10.07.2008	2,1	0	5	5
4	10.07.2008	1,3	6	2	7
5	11.07.2008	1,9	0	2	8
6	12.07.2008	2,0	0	2	6
2	12.06.2009	1,1	29	2	5
5	14.06.2009	0,0	0	1	8
7	14.06.2009	2,0	43	4	-
8	14.06.2009	0,0	0	1	-
2	14.08.2009	0,0	0	1	-
7	26.08.2009	1,2	76	3	-
8	26.08.2009	2,6	3	3	-

Библиографический список

1. Корытный, Л.М. Бассейновая концепция в природопользовании. – Иркутск, 2001.
2. Ресурсы поверхностных вод районов освоения целинных и залежных земель. Вып. VI. Равнинные районы Алтайского края и южная часть Новосибирской области. – Л.: Гидрометеиздат, 1962.
3. Андреев, В.Л. Классификационные построения в экологии и систематике. – М., 1980.
4. Китаев, С.П. Экологические основы биопродуктивности озер разных природных зон. – М., 1984.
5. ГОСТ 17.1.3.07-82 «Гидросфера. Правила контроля качества воды водоёмов и водотоков» // Охрана природы. – М., 2000.
6. Woodiwis, F.S. The biological system of stream classification used by the Trent River Board // Chemistry and Industry. – 1964. – Vol. 11.
7. Illies, J., Botosaneanu L. Problemes et methodes de la zonation ecologique des eaux corantes, considerees sur tout du point de vue faunistice / J. Illies, L. Botosaneanu. - Mitteilungen, Internat. Vereinigung fur Theoretische und Angevandte Limnol., 1963. – Vol. 12.

Bibliography

1. Korihtnihij, L.M. Bassejynovaya koncepcija v prirodopoljzovanii. – Irkutsk, 2001.
2. Resursih poverkhnostnihkh vod rayonov osvoeniya celinnihkh i zaleznhkh zemelj. Vihp. VI. Ravninnihe rayonih Altajskogo kraja i yuzhnaya chastj Novosibirskoj oblasti. – L.: Gidrometeoizdat, 1962.
3. Andreev, V.L. Klassifikacionnihe postroeniya v ehkologii i sistematike. – M., 1980.
4. Kitaev, S.P. Ehkologicheskie osnovih bioproduktivnosti ozer raznihkh prirodnihkh zon. – M., 1984.
5. ГОСТ 17.1.3.07-82 «Gidrosfera. Pravila kontrolya kachestva vodih vodoyomov i vodotokov» // Okhrana prirodih. – M., 2000.
6. Woodiwis, F.S. The biological system of stream classification used by the Trent River Board // Chemistry and Industry. – 1964. – Vol. 11.
7. Illies, J., Botosaneanu L. Problemes et methodes de la zonation ecologique des eaux corantes, considerees sur tout du point de vue faunistice / J. Illies, L. Botosaneanu. - Mitteilungen, Internat. Vereinigung fur Theoretische und Angevandte Limnol., 1963. – Vol. 12.

Статья поступила в редакцию 03.11.11

УДК 911.52 (571.6); 504.54.05 (571.6)

Alekseev I., Stupnikova T. THE ECOLOGICAL GEOGRAPHICAL CHARACTERISTIC OF LANDSCAPES OF A SOUTHERN PART OF REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA). In the basis contains the geographical and ecological characteristic of landscapes of a southern part of Republic of Sakha (Yakutia). The analysis of natural components of this territory is interesting because of uniqueness and variety. Besides this territory becomes range of a landing (fall) of the first steps of rockets - carriers of the cargo space ships, which will be started with «Vostochny» of launching site.

Key words: landscape, ecological analysis, «Vostochny» of launching site, vegetative community, landscapes of a southern part of Republic of Sakha (Yakutia).

И.А. Алексеев, канд. географ. наук, доц., начальник отдела организации научной деятельности Благовещенского гос. пед. ун-та, E-mail: alexeev@bgru.ru; **Т.В. Ступникова**, канд. биол. наук, доц. каф. ботаники и методики обучения биологии Благовещенского гос. пед. ун-та, г. Благовещенск, E-mail: stupnikovat@yandex.ru

ЭКОЛОГО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛАНДШАФТОВ ЮЖНОЙ ЧАСТИ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)

Дана географическая и экологическая характеристика ландшафтов южной части республики Саха (Якутия). Анализ природных компонентов этой территории интересен из-за их уникальности и разнообразия. Кроме того, эта территория станет полигоном приземления (падения) первых ступеней ракет-носителей грузовых космических кораблей, которые будут запускаться с космодрома «Восточный».

Ключевые слова: ландшафт, экологический анализ, космодром «Восточный», фитоценоз, ландшафты южной части республики Саха (Якутия).

Дальний Восток и Восточная Сибирь – наименее изученные, с точки зрения физической географии, биогеографии, геоэкологии и фитоценологии, регионы России. Между тем разнообразие условий в пределах горных комплексов, межгорных долин и равнинных участков порождает уникальность ландшафтно-ценотической структуры территории исследуемого района. Южная часть Якутии также представляет интерес для полного и достоверного изучения как полигон приземления (падения) первых ступеней ракет-носителей грузовых космических кораблей, которые будут стартовать с проектируемого космодрома «Восточный». Территория интересна сочетанием характерных типов ландшафтно-ценотической структуры, которая обуславливается развитием буферных морфоструктур и морфоскульптур Алдано-Станового комплекса, низкими среднегодовыми температурами, незначительными величинами осадков.

Регион имеет хорошо выраженные физико-географические рубежи: юг ограничен от Амурской области системой куполов и хребтов Станового комплекса и его предгорной части, северная граница образована тектоническими уступами Среднесибирского (Алданского) комплекса. В целом территория представлена локализованными низко- и среднегорными складчато-глыбовыми и вулканогенно-складчатыми комплексами в сочетании с обширными долинными комплексами.

Орографические комплексы характеризуются интенсивным расчленением, сглаженными очертаниями и представленными увалообразными, куполообразными возвышенностями и холмогорьями. Для мезоформ характерно доминирование денудационных и эрозионных склонов с крутизной 30-65°, линейно вытянутых плакоров, веретеновидных в плане долинных комплексов с котловинообразным днищем. К северу рассматриваемой территории наблюдается увеличение размеров уплощенных поверхностей вершин холмогорий, определяя переход к участкам плоскогорий. Абсолютные высоты варьируют от 1500 до 650 м.

Межгорные долины в плане имеют четковидное строение. Их борта представлены как крутыми, так и выположенными склонами. В долины нередко открываются десерпционные, солифлюкционные склоны и курумники. Для площадок днищ характерен наклон от 10° до 20°. Широко распространены термокарстовые воронки. На отдельных участках среднекрутых склонов проявляются каменные кольца. Лока-

лизованные участки днищ долинных комплексов характеризуются развитием бугров пучения.

Низкие температуры воздуха, небольшая продолжительность безморозного периода, незначительная мощность рыхлых материнских пород определили однообразие и слабое развитие почвенного покрова. Мерзлотно-буротаежные почвы, имеющие слабо дифференцированный, маломощный профиль, распространены на участках выположенных и среднекрутых склонов среднегорий, низкогорий и днищ долинных комплексов. Их гумусированные горизонты имеют мощность до 5 см и четко выраженную ореховатую структуру. На всем профиле вплоть до материнских пород прослеживаются конкреции и незначительные следы олеения.

Щебнистые горнотундровые почвы локализованы в пределах платообразных площадок вершин среднегорий и низкогорий. Мощность гумусированного слоя варьирует от 1 до 2,5 см. Он спорадически истончается до 0,5 см. Пятна щебнистых горнотундровых почв проявляются и в пределах курумников. Мерзлотно-болотные почвы проявляются как в пределах днищ выровненных и котловинообразных площадок, так и на выположенных склонах, вогнутых площадках водоразделов, участках курумников. Торфяной слой выражен незначительно. Мощность горизонтов в пределах рассматриваемой области не превышает 55 см.

Характеристика растительного покрова исследуемой территории дана на основе анализа геоботанических описаний фитоценозов, выполненных в вегетационный сезон 2011 г. по стандартным методикам [1], номенклатура таксонов – по сводке С.К. Черепанова [2].

В растительном покрове региона хорошо прослеживается высотная поясность: лиственничники с елью (до 900-950 м), пояс кедрового стланика (950-1100 м) и горно-тундровый (выше 1100 м). Наиболее широко распространенная лесная формация в исследуемом районе – лиственничники. Они занимают обширные участки нагорных плато, склоны в пределах низко- и среднегорного высотных поясов, распространяясь вплоть до подгольцового пояса. В долинах рек (непосредственно в пойме и на надпойменных террасах) формируются как относительно чистые, так и смешанные насаждения (рис. 1, здесь и далее фото И.А. Алексеева). Почвенный покров часто имеет субстратный или скелетизированный характер. Многие выделы фаций имеют высокий уровень антропогенной трансформации, обусловленной пирогенными воздействиями и разработкой золотосодержа-

щих месторождений, или же являются вторичными (замещенными).

Древостой в долинных лиственничниках дифференцирован на подъярусы. В первом (высота до 25-26 м) к лиственнице примешивается *Chosenia arbutifolia*, *Populus suaveolens*, *Betula platyphylla*. Второй древесный подъярус слагают низкие мезофильные деревья: *Alnus hirsuta*, *Padus asiatica*, *Sorbus sibirica*. Кустарниковый ярус средней густоты. Он многовидовой, сложен ивами (*Salix udensis*, *S. rorida*), *Rosa acicularis*, *Pentaphylloides fruticosa*, *Lonicera edulis*, *Spiraea salicifolia*, *Swida alba*, *Vaccinium uliginosum*, *Ledum palustre*, *Pinus pumilla* и др. Травяно-кустарничковый ярус весьма мозаичен: его формируют представители лесо-лугового высокоотравья (*Thalictrum contortum*, *T. sparsiflorum*, *Saussurea amurica*, *Aconitum*, *Cacalia hastata*, *Calamagrostis langsdorffii*), осоки, вечнозеленые кустарнички и травы (*Vaccinium vitis-idaea*, *Pyrola*, *Orthilia secunda*, а также мезофильные низкие травы (*Mitella nuda*, *Majanthemum bifolium*, *Goodyera repens*). Каменистые, песчаные или иловатые субстраты, периодически затопляемые во время весенне-летних паводков заселяют *Astragalus alpinus*, *A. frigidus*, *Hedysarum hedysaroides*, *Cardamine prorepens*, *Silene repens*.

Склоны в пределах низко- и среднегорного поясов заняты преимущественно брусничными и багульниковыми типами лиственничников (рис. 2). Сообщества характеризуются небольшими таксационными показателями (высота 10-12 м, диаметр стволов – 8-10 см) и незначительной сомкнутостью крон древостоя (0,3-0,4). Первый подъярус подлеска формирует кедровый стланец, высотой до 2-3 м, во втором подъярусе отмечены *Betula divaricata*, *B. fruticosa*, *Duschekia fruticosa*, в виде примеси – *Rosa acicularis*, *Pentaphylloides fruticosa*. В травяно-кустарничковом ярусе доминируют *Vaccinium vitis-idaea*, *Empetrum stenopetalum*. На крутых щебнистых склонах южных экспозиций видовой состав подлеска и травяно-кустарничкового ярусов значительно богаче. Из кустарников появляется *Juniperis sibirica*, *Spiraea elegans*, *S. flexuosa*, *Rubus sachalinensis*, *Sorbaria pallassii*, из трав – *Pulsatilla ajanensis*, *Campanula rotundifolia*, *Iris*, *Tilingia ajanensis*, *Aegopodium alpestre*, *Dryopteris fragrans*, *Woodsia ilvensis*, *Poa*. Хорошо выражены синузии эпигейных (*Cetraria*, *Cladonia*, *Parmelia*, *Lecanora*) и эпилитных (*Collema*, *Rizocarpon*, *Aspicilia*) лишайников.

Рис. 1. Лиственнично-мелколиственно-кустарничково-травяно-моховый долинный лес

Рис. 2. Типичный горный бруснично-шикшевый лиственничник

Ельники-зеленомошники, образованные *Picea ajanensis*, развиваются на склонах северной и северо-восточной экспозиции в пределах высот от 850 до 950 м (рис. 3). Подлесок развит слабо, представлен единичными особями *Duschekia fruticosa*, на корнях которой паразитирует *Boschniakia rossica*. Травяно-кустарничковый ярус развит слабо, в нем доминирует олиготрофный вечнозеленый кустарничек – *Vaccinium vitis-idaea*. Сплошной моховый покров формируют широко распространенные в Голарктике зеленые гипновые (*Ptilium crista-castrensis*, *Hylocomium splendens*, *Rhizidiadelphus triquetrus*, *Rhizidium rugosum*) и сфагновые (*Sphagnum fimbriatum*, *S. girgensohnii*) мхи.

В пределах склонов и днщ долинообразных понижений и речных долин лесные комплексы характеризуются антропогенно обусловленной значительной разреженностью древесной растительности и однотипностью, обеднением подлеска. В пределах нижней трети склонов и подошвы бореальные комплексы имеют вторичный, восстановительный характер, обусловленный пирогенными воздействиями как естественного, так и антропогенного генезиса. На выровненных площадках вершин возвышенных форм рельефа наблюдаются разреженные таежные комплексы, заключающие в себе элементы гольцовых, горно-тундровых сообществ.

На высотах от 950 до 1100 м распространены кедровостланичники, находящиеся в сложных динамических отношениях с лиственничниками, ельниками и горно-тундровыми сообществами (рис. 4). Они представляют собой труднопроходимые сообщества со значительной сомкнутостью, высотой до 3-3,5 м. В первом подъярусе к стланику примешивается *Duschekia fruticosa*. Единично отмечена *Betula lanata*. Средний подъярус разреженный. Его, как правило, формирует *Betula divaricata*, *Ledum palustre*. Травяно-кустарничковый ярус развит весьма слабо (в просветах). В его составе отмечены *Empetrum stenopetalum*, *Vaccinium vitis-idaea*, *Arctous alpina*, *Cassiope ericoides*, *Carex alticola*, *Agrostis trinnii*.

Горно-тундровые и гольцовые комплексы в пределах рассматриваемой территории распространены спорадически в пределах отдельных вершин холмогорий на высотах более 1100 м. Они имеют специфический пятнисто-мозаичный характер и очень часто расчленяются комплексами кедрового стлани-

ка. Для фациальной структуры этого пояса характерны монотипность, малая расчлененность, доминирование изометричных и округлых по форме контуров выделов. Все фациальные выделы горно-тундровых и гольцовых комплексов не имеют даже слабодифференцированных антропогенных трансформаций.

Рис. 3. Горный ельник-зеленомошник

Рис. 4. Заросли кедрового стланика

Горно-тундровые комплексы образованы кустарничково-мохово-лишайниковыми фациями (рис. 5). Преобладают фации с изометричными и округлыми дырчатыми контурами выделов. Антропогенные трансформации обычно либо отсутствуют, либо не проявляются в изменении ландшафтной структуры. Первый подъярус в таких сообществах слагают кустарничковые виды – *Betula divaricata*, *Salix brachypoda*, *Ledum palustre*, *Vaccinium uliginosum*, *Rosa acicularis*, *Rubus sachalinensis*, *Sorbaria pallassii*, *Ribes fragrans*. В травяно-кустарничковом ярусе развиваются *Arctous alpina*, *Cassiope ericoides*, *Rubus chamaemorus*, *Andromeda polifolia*, *Loiseleuria procumbens*. Отдельными пятнами встречаются *Sphagnum*, *Dicranum*, *Hylocomium*, *Polytrichum*. В микропонижениях на моховом покрове развиваются типичные болотные виды – *Smilacina trifoliata*, *Drosera rotundifolia*, *Oxycoccus microcarpus*, *Pinguicula villosa*, *Eriophorum komarovii*, *Eleocharis palustris*, *Pedicularis labradorica*.

Гольцами заняты вершины холмогорий и хребтов на высотах более 1300 м. Гольцовые комплексы развиваются как на относительно уплощенных поверхностях водоразделов, так и на отдельных возвышенностях – останцах выветривания, представляющих собой угловатые обломки, отдельные глыбы, сложенные щебнисто-обломочным материалом. На останцах выветривания, как правило, развиваются мохово-лишайниковые ассоциации, уплощенные поверхности водоразделов заняты лишайниково-кустарничковыми сообществами, в составе которых отмечены *Arctous alpina*, *Cassiope ericoides*, *Empetrum stenopetalum*. Хорошо выражены синузии эпигейных (*Cladonia*, *Cetraria*, *Arctoparmelia*, *Stereocaulon*) и эпилитных (*Collema*, *Rizocarpon*) лишайников. Гольцы не имеют значительного распространения: образуют небольшие «пятна» площадью до 200 м². Антропогенные трансформации не дифференцируются, структура имеет естественный характер.

Маревые комплексы приурочены к котловинообразным участкам днищ межгорных понижений, вершин низкогорий и уступов среднекрутых и выположенных склонов. Небольшие площади на выположенных, котловинообразных участках склонов хребтов и холмогорий занимают бореальные маревые болота. Мощность торфа не превышает 0,75 м. Антропогенные элементы в их туре отсутствуют.

Мари характеризуются слабой расчлененностью ландшафтной структуры и, как правило, наличием 2-3 видов фаций (растительных ассоциаций). Первый подъярус сложен единичными сильно угнетенными особями *Larix gmelinii*. Кустарничковый ярус в маревых фитоценозах образуют *Salix brachypoda*, *S. myrtilloides*, *Vaccinium uliginosum*, *Betula divaricata*, *Chamaedaphne calyculata*. Травяно-кустарничковый ярус густой, в нем доминирует *Carex minuta* и *Calamagrostis langsdorfii*. В виде примеси – *Rubus chamaemorus*, *R. arcticus*, *Vaccinium vitis-idaea*, *Eriophorum russeolum*, *Tilingia ajanensis*, *Smilacina trifoliata*. Моховый ярус достигает значительного покрытия, его формируют *Sphagnum*, *Polytrichum*. В центральной части маревых комплексов обычно формируются кочкарные травяно-моховые, моховые и мохово-лишайниковые комплексы с небольшими куртинами *Betula divaricata* (рис. 6). Периферийные участки марей характеризуются наличием либо курумообразных долин временных водотоков с мохово-лишайниковым и лишайниковым покровом, либо светлохвойно-кустарничково-травяно-моховыми фациями на скелетизированных мерзлотно-буртаежных почвах. Они имеют следы пирогенного воздействия. Долинные мари нередко имеют вторичный характер и формируются на участках уничтожения таежных комплексов при дражной или карьерной разработке россыпных или рудных месторождений золота.

Для ландшафтов территории южной части Якутии характерны значительные антропогенные трансформации. Стоит отметить орографическую приуроченность различных по типу антропогенных трансформаций ландшафтно-ценотических выделов. Долговременное, глубокое преобразование природных компонентов долинных и отдельных участков склонов горных ландшафтов обусловлено развитием горнодобывающих комплексов, лесозаготовок, пирогенных воздействий и др. Интенсивное хозяйственное освоение этой части Якутии началось в 30-х годах XX века. Основными видами хозяйствования в вышеуказанный период были нелегитимированная немеханизированная вырубка лиственницы, кустарно-артельная золотодобыча. В 60-х годах XX века за счет внедрения механизации производственных процессов объемы до-

Рис. 5. Горно-тундровые сообщества

Рис. 6. Кочкарно-осоково-моховая марь

бычи золота и лесозаготовок возросли. С началом создания в этот же период новых поселков усиливаются пирогенные антропогенные воздействия, процессы иссушения водотоков и заболачивания котловинообразных понижений. Однако антропогенный прессинг в условиях анализируемой террито-

рии приводит либо к полной сукцессии фитоценозов (например, смена таежных сообществ болотными или кустарниковыми), либо к развитию процессов самовосстановления с формированием вторичной растительности. В настоящее время в трансформированных драгами и бульдозерами долинах рек сформировались восстановительные лиственнично-ивово-моховые и ивово-осоково-моховые комплексы.

Строительство Амурско-Якутской магистрали и сети сопутствующих ей дорог определило линейно-узловой тип локализации интенсивно трансформированных антропогенными воздействиями ландшафтов. Интенсивное освоение рудных месторождений золота в южной части Якутии связано именно с повышением уровня транспортной доступности.

В целом юго-западная часть Якутии характеризуется более значительным общим уровнем антропогенной трансформированности ландшафтно-ценотической структуры. Пирогенез и нелимитированные вырубки бореальных сообществ определили формирование разреженных светлехвойных и мелколиственных лесов, индуцированных антропогенным прессингом горно-тундрово-гольцовых ландшафтов, марей, слабодифференцированных речных долин с водотоками, вода в которых малоприспособна даже техническим нужд. Стоит также отметить развитие процессов осушения и исчезновения малых и средних водотоков в результате функционирования золотодобывающих предприятий.

Для целей последующего ландшафтно-ценотического и биогеохимического мониторинга воздействий ракетно-космической деятельности на космодроме «Восточный» и на участках траектории полета ракет-носителей были выполнены следующие работы: на территории Тындинского, Зейского, Свободненского и Шимановского районов Амурской области в полевые периоды 2008-2011 гг. были заложены, детально изучены и документированы 75 фоновых ключевых участков, 47 фоновых ландшафтно-геохимических профилей, 65 стационарных площадок фитоценотического описания; на территории южной части Якутии в полевой период 2011 были заложены и детально изучены 25 фоновых ключевых участков, 14 фоновых ландшафтных профилей, 25 стационарных площадок фитоценотического описания.

В полевые периоды 2012-2013 гг. (до начала функционирования космодрома «Восточный») планируется определение геохимического и биогеохимического фона в пределах ландшафтно-геохимических профилей на территории южной части Якутии, Тындинского, Зейского районов Амурской области.

Библиографический список

1. Программа и методика биогеоценотических исследований. – М., 1974.
2. Черепанов, С.К. Сосудистые растения России и сопредельных государств (в пределах бывшего СССР). – СПб., 1995.

Bibliography

1. Programma i metodika biogeocenoticheskikh issledovaniy. – M., 1974.
2. Cherepanov, S.K. Sosudistih rasteniya Rossii i sopredel'nykh gosudarstv (v predelakh bihvshego SSSR). – SPb., 1995.

Статья поступила в редакцию 03.11.11

Раздел 7

ФИЛОСОФИЯ

Редактор раздела:

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ГУК – доктор философских наук, профессор, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово)

УДК 141.41

Almacova E.V. PHILOSOPHY AND CHRISTIAN THEOLOGY: METHODOLOGICAL AND AXIOLOGICAL ASPECTS.

The paper considers the most significant moments of intersection and community of philosophic and religious understanding. It is possible to assume that the juxtaposition of approaches can enrich the idea of methodology and, probably, clear up the position and tasks of philosophy and religion in the society.

Key words: mentality pattern; system of activity causes; theological method; ultimate meaning.

Е.В. Алмакова, ассистент каф. «Теории и практики связей с общественностью» ГОУ ВПО «Самарской государственной областной академии (Наяновой)», г. Самара, E-mail: almacova.ev@yandex.ru

ФИЛОСОФИЯ И ХРИСТИАНСКАЯ ТЕОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В статье рассматриваются наиболее значимые моменты пересечения и общности философского и религиозного осмысления. Можно предположить, что сопоставление подходов способно обогатить представление о методологии и, возможно, прояснить место и задачи философии и религии социуме.

Ключевые слова: канон мышления, система мотивов деятельности, богословский метод, предельный смысл.

Специфика философии заключается в том, что она одновременно исследует канон мышления и формулирует программу достойной жизни. Философия имеет дело с нравственным, ценностным содержанием человеческой жизни, в той мере, в какой они могут быть разумно осмыслены и рационально аргументированы, в какой они связаны с ориентированным на истину познанием и вытекает из него. Что же касается конечных целей человека, его посмертной судьбы, то они составляют сферу особого интереса религии. Философия рассматривает их в той мере, в какой они зависят от собственных, обусловленных истинными знаниями, суждениями и действиями самого человека. Словом, располагаясь между наукой и религией, философия соединяет начальные основы всего сущего, которые открываются в познании, с конечными целями человеческого существования, которые формируются в качестве нормативной программы [1, с. 5].

С уверенностью можно назвать следующие значимые моменты пересечения и общности философского и религиозного осмысления: с одной стороны, религиозное богословие – канон мышления, и в этом качестве может исследоваться философами наряду с другими системами мышления; с другой стороны, религиозное сознание оказывает свое влияние, прежде всего, на систему мотивов деятельности через осознание смысла жизни, философия занимается проблемами определения, поиска предельных оснований жизни и деятельности. В данном случае сопоставление подходов способно обогатить представление о методологии и, возможно, прояснить место и задачи философии и религии социуме.

Рассуждая о возможностях научного исследования религиозных вопросов, сложно принять обязательное наличие в религии определенных аксиоматических представлений

и суждений, выраженных в виде догматов. Еще более сложен вопрос о том, насколько можно считать научными богословские труды, изучение которых обязательно для проведения научного исследования. Постараемся рассмотреть и проанализировать следующие положения.

1. Число догматизированных, в строгом смысле этого слова, утверждений сравнительно мало. История показывает, что догматизировались лишь те основания веры, разномыслия вокруг которых грозили самому существованию Церкви. По остальным вопросам допускалось известное разномыслие.

2. Не только в теологии, в любой другой науке есть аксиоматические утверждения, которые принимаются на веру и служат основанием всех последующих суждений. В этом качестве они задают определенную систему координат проводимого исследования. Предмет же такого исследования может быть любым. Следовательно, значение, которое имеют догматы для христианских богословов, хотя и не совпадает, но может быть сопоставлено со значением аксиом в любой другой науке.

3. Существует представление, что для христианской теологии в любой ее форме главной целью считается обоснование бытия Бога и истинности Откровения. Но такой является задача обоснования только одного из разделов теологии – апологетики. Апологетическая задача является важной, но не является единственной для научного богословия. У теологии есть и другие задачи, расцениваемые как не менее важные.

То, насколько исследование является научным, аргументированность и обоснованность результатов, определяется методологией исследования. Что касается теологических исследований, то в их проведении используются философские, общенаучные, а также специфические методы, харак-

терные для гуманитарных исследований, некоторые социологические методы. Выводы теологических исследований, методологически обоснованные таким образом, можно определить как научные аргументированные. Если говорить о специальном богословском методе, то позднее автор описывает подходы к его определению.

В свете этих положений, исследования религиозных аспектов существования человека и общества не должны вызывать сомнений в своей научности, ни с точки зрения проблематики, ни с точки зрения методологии исследования. Скорее стоит проанализировать специфику подхода не просто специально научного, а философского исследования религиозных аспектов бытия человека и социума.

С философией появляется теоретическое отношение к миру, своеобразное удвоение реальности. Когда мир воспринимается как объект осмысления, то появляется мир осмысливаемый и существующий одновременно. Философия соотносит существующие нормы мышления с человеческими потребностями и меняющимися целями. Религиозное сознание также подразумевает очевидное удвоение реальности. Но для религии соотношение возможно лишь с одним каноном мышления, с одной системой потребностей человека, которые в представлении религии не могут меняться. В таком сопоставлении определяются предельные смыслы существования. Религия, таким образом, сохраняет, и для философского осмысления тоже, метафизический, неизменный канон мышления. Такую ситуацию делает возможной использование богословского метода.

С определением богословского метода как особого способа познания мира, разумеется, ситуация представляется сложной. Для дальнейшего рассуждения возьмем за основу идеи и утверждения, представленные К.О. Польсковым в его работе «К вопросу о научном богословском методе» [2, с. 95-96]. Польсков предлагает следующее минималистское определение богословского научного метода в широком понимании – это соотношение культурно-исторического явления с нормой религиозного сознания, формализованной в рамках конкретной традиции, с целью выявления его предельных (сотериологических) смыслов. Такое соотношение, по мнению автора указанной работы, можно считать ядром теологического метода, так как оно присутствует в любом богословском тексте, в любое время, в любой церковно-исторической обстановке. При этом очень важны следующие замечания.

Во-первых, термин «формализация» необходимо понимать как определенную материальную фиксацию нормы религиозного сознания в форме, в которой она становится общедоступной для научного изучения [2, с. 96].

Во-вторых, требование научности предполагает общедоступность изучаемого явления для всех представителей исследовательского сообщества. Верующие основывают норму своего религиозного сознания на Божественном Откровении, а результатами формализации которого ими и будет проводиться процедура богословского сопоставления. Но в отношении тех, кто не разделяет религиозного мировоззрения, нельзя говорить о нормативности такой процедуры и вообще самом факте признания Откровения. Именно поэтому в сопоставление изучаемого богословским методом явления должно проводиться по отношению не к самому Откровению, а к результатам осуществления в рамках конкретной богословской традиции формализации нормы религиозного сознания – Священного Писания, литургической традиции, то есть всего того, что является зафиксированной в материальных носителях нормой религиозного сознания, влияющей на жизнь, поведение и культуру человечества [2, с. 96-97].

Поясним еще и термин «сопоставление», столь важный для богословского метода. В данном случае сопоставление не может являться простым механическим сравнением ис-

следуемого явления со Священным Писанием или Преданием. Эта процедура выступает в качестве вспомогательной. Богословское сопоставление связано с особым характером понимания, укладывающимся в известную схему М.М. Бахтина: от знака к понятию, а от понятия к идее [3, с. 381-432]. То есть богословское сопоставление имеет герменевтическую направленность.

Богословский метод позволяет исследователю пройти путь от абстрактного знака (явления культуры) к богословской идее или богословскому обобщению. Целеполагание и направленность такого процесса особенно ярко выявляются при сопоставлении трех взаимосвязанных операций, выполняемых богословом в процессе работы:

1) Структурно-семантического анализа, то есть выявления того, в каких знаках выражено исследуемое явление и как эти знаки взаимодействуют с исследователем на уровне «знак-означаемое» (это, в первую очередь, историко-филологическая критика, а также интерпретация ее результатов);

2) Экзегетического анализа, имеющего целью истолкование, то есть выявление содержания исследуемого явления;

3) Собственно богословского сопоставления, то есть помещения исследуемого явления в перспективу между тем, что он есть и тем, чем оно призвано быть в эсхатологическом свершении. Эта процедура, по сути, является выявлением сотериологического смысла [2, с. 98].

Первые два указанных этапа не являются специфически богословскими, но обосновывают богословские выводы. Наконец, выявление предельного сотериологического смысла исследуемого явления (собственно богословский метод) опирается на вероучительный авторитет Церкви и вне его принципиально невозможен. Такое выявление оперирует понятиями, лежащими вне исторических рамок, и восходит к этим понятиям. Именно этот третий смысл и определяет теологическую ценность богословского метода. Вне данной перспективы труд богослова если и не теряет полностью смысл, то становится мало отличимым от того, что делают гуманитарии, работающие в смежных областях [4, с. 98].

Рассмотрим теперь философию и религию как системы мотивов деятельности. Религия базируется на сотериологическом смысле, то есть на конечности земного бытия и возможности спасения. В этом ключе вопросы определения предельных смыслов не стоят, ибо смысл уже определен Божественным Откровением и там же указаны основания жизни. Философия же работает с проблемами определения, поиска предельных оснований жизни и деятельности, универсальных способов вписанности человека в мир [3, с. 30]. Речь идет о формировании неких рамок, которые наполняются конкретным содержанием в определенных культурных и исторических ситуациях. Философия исходит из того, что последние меняются, в том числе потому, что меняется человек. Поэтому в новых условиях приходится решать, казалось бы, те же самые (но в действительности получающие новое содержание) вопросы. Философия, претендуя разрабатывать системы мотивов деятельности, исходит из того, что эти мотивы могут и должны меняться.

Религия практически не меняет подходов к основаниям жизни и деятельности, предельный смысл которых для нее неизменен. Есть одна важная качественная особенность: и в философском осмыслении, и в религиозном, идея конечности земного бытия обуславливает представления о человеческих возможностях, о допустимом и недопустимом, о правах и обязанностях. Эта точка пересечения, столкновения, парадоксальности, безусловно, роднит религию и философию, она же может служить четким разграничителем сфер их приложения, если рассматривать идею конечности бытия не с точки зрения спасения, а с точки зрения серьезнейшей проблемы возможности познания, методологической проблемы теории познания.

Библиографический список

1. Гусейнов, А.А. Философия между наукой и религией // Вопросы философии. – 2010. – № 8.
2. Польсков, К.О. К вопросу о научном богословском методе // Вопросы философии. – 2010. – № 7.
3. Бахтин, М.М. К методологии гуманитарных наук // Эстетика словесного творчества. – М., 1986.
4. Лекторский, В.А. Философия, общество знания и перспективы человека // Вопросы философии. – 2010. – № 8.

Bibliography

1. Guseynov, A.A. Filosofiya mezhdou naukoj i religiej // Voprosih filosofii. – 2010. – № 8.
2. Poljskov, K.O. K voprosu o nauchnom bogoslovskom metode // Voprosih filosofii. – 2010. – № 7.
3. Bakhtin, M.M. K metodologii gumanitarnihk nauk // Ehstetika slovesnogo tvorchestva. – M., 1986.
4. Lektorskiy, V.A. Filosofiya, obthstvo znaniya i perspektivih cheloveka // Voprosih filosofii. – 2010. – № 8.

Статья поступила в редакцию 29.10.11

УДК 101.1:316 + 323.28

Baryshnikov S.G. Philosophical-methodological bases of terrorist activities research. The article deals with certain provisions of scientific knowledge of history, making up philosophical-methodological bases of terrorist activities research and construction of its general theory. Only scientific idea of social life, which is in natural-historical process, permits to open the theory of terrorist activities development, changes of content of its functional dependence on a state power character in accordance with the law of negation of negation.

Key words: the principle of historicism, philosophical-methodological bases, terrorist activities, theory.

С.Г. Барышников, соискатель ЧелГУ, г. Челябинск, E-mail: SG.Baryshnikov@mail.ru

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматриваются отдельные положения научного познания истории, составляющие философско-методологические основания исследования террористической деятельности и построения ее общей теории. Только научное представление об общественной жизни, находящейся в естественно-историческом процессе, позволяет вскрыть теорию развития террористической деятельности, изменения содержания ее функциональной зависимости от характера государственной власти в соответствии с действием закона отрицания отрицания.

Ключевые слова: принцип историзма, философско-методологические основания, террористическая деятельность, теория.

Начало любого научного исследования, в том числе и террористической деятельности как сложного социально-политического явления общественной жизни, предполагает обращение к одному из философских принципов научного познания объективной действительности – историзму [1], в соответствии с которым объекты и явления должны рассматриваться в их закономерном историческом развитии и в связи с конкретными условиями их существования.

Какие основные положения научного познания истории составляют исходные философско-методологические основания исследования террористической деятельности и построения общей теории ее развития? Научное понимание истории заключается в правильном отражении основных законов общественной жизни, в диалектическом методе познания всех явлений общественной жизни, в основе которого лежит анализ экономического положения государств и вытекающей отсюда их политической истории, что позволяет выяснить смысл, направленность и формы развития исторического процесса.

Под направленностью исторического процесса понимается его развитие по восходящей линии, его восхождение от низшего к высшему, движение от простого к более сложному. Научное представление об общественной жизни, находящейся в естественноисторическом процессе, позволяет вскрыть теорию развития террористической деятельности, изменения содержания ее функциональной зависимости от характера государственной власти в соответствии с действием закона отрицания отрицания, что также составляет важнейшее философско-методологическое основание исследования исторических этапов развития террористической деятельности, а потому, представляет собой важное исходное теоретико-методологическое основание построения ее общей теории.

Важным философско-методологическим (теоретико-методологическим) основанием для выяснения природы (происхождения и сущности) террористической деятельности, для научного обоснования исторической необходимости антитеррористической деятельности государств, для раскрытия сущности их функции на современном этапе общественной жизни, является понимание форм развития исторического процесса, то есть форм развития политической истории государств, в которых возникает, существует и исторически изменяется террористическая деятельность.

Для научного понимания сущности террористической деятельности необходим анализ жизненно важных интересов государств. Поскольку непосредственное содержание любого общественного явления и процесса, механизм внутригосударственного и межгосударственного взаимодействия по всем вопросам общественного бытия определяется характером материальных (экономических) отношений, постольку объективная природа и конкретное социально-историческое содержание интересов государств, в конечном счете, обусловлены их экономическим положением.

Интересы конкретных людей, социальных групп, классов, государств, наций (субъектов общественных отношений) представляют собой объективное проявление их взаимодействия (взаимных воздействий), в которых заключены возможности процесса обеспечения условий сохранения, развития и укрепления их социального положения, то есть социального самоутверждения. В этом состоит сущность интересов [2]. Социальные интересы напрямую связаны с экономическим и политическим самоутверждением государств, то есть с отношениями, в рамках которых обеспечивается укрепление их экономического и политического положения, и осуществляется, в конечном счете, реализация их экономических и политических интересов. Содержание и характер интере-

сов социальных групп, государств проявляются в способе, с помощью которого они отстаивают и закрепляют свое экономическое и политическое положение на внутригосударственном и межгосударственном уровнях общественной жизни.

Весь ход политической истории, в том числе и современной, убедительно доказывает, что экономически развитые государства с помощью государственной власти осуществляют на международной арене политическое господство, которое, составляя содержание их политических интересов, в конечном счете, предстает как способ их самоутверждения во всех сферах общественной жизни. Обеспечение функционирования государственной власти есть ее важнейшая функция, осуществление которой предстает как способ сохранения экономического и политического положения государств во всех сферах общественной жизни (экономической, политической, духовной, социальной).

Для обеспечения своего функционирования каждое государство создает и содержит силы и средства (спецслужбы, правоохранительные органы, армию), которые стоят на страже государственных интересов. В этой связи необходимо рассмотреть вопрос о соотношении общечеловеческих и государственных интересов. Рассмотрение этого вопроса имеет актуальную значимость, так как сущность межгосударственных отношений обосновывается тезисом о приоритете общечеловеческих интересов над государственными интересами. С решением этого вопроса связывается решение вопросов об интересах и правах отдельного человека (гражданина), об интересах гражданского общества и интересах общественного развития в целом. Что же представляют собой общечеловеческие интересы?

Тезис о приоритете общечеловеческих интересов и ценностей над интересами и ценностями государственными провозглашен в связи с возникшей в ядерный век глобальной проблемы «выживания человечества». Логика рассуждений проста: выживание стало общечеловеческим интересом, а потому интересы общественного развития, различных государств отодвигаются на второй план или вообще отбрасываются.

Жизнедеятельность каждого человека (гражданина) обусловлена принадлежностью к конкретно-исторической общности людей (класс, нация) и конкретно-историческим содержанием общественных отношений, субъектом которых он является, и из которых личность каждого отдельного человека представляется своим конкретно-историческим содержанием. Следовательно, человек (индивид) будучи субъектом труда, общения, познания и т.д. является носителем общечеловеческих социальных свойств, которые имеют место на индивидуальном уровне социальных взаимодействий (обмена деятельностью), на уровне взаимосвязей индивидов «я» и «ты», что и определяет их место и роль, границу их существования.

Вместе с тем тот или иной индивид одновременно является носителем конкретно-исторических общественных от-

ношений, характеризующих его как представителя интересов определенного государства, а потому на внутригосударственном и межгосударственном уровнях социального взаимодействия возникают и существуют государственные интересы и ценности.

Следовательно, в ядерный век возникла проблема выживания отдельного человека на индивидуальном уровне социального взаимодействия, представляющая общечеловеческий интерес, и проблема выживания каждого отдельного государства на внутригосударственном и межгосударственном уровнях социального взаимодействия. Вопрос о приоритете общечеловеческих интересов над государственными интересами сводится, таким образом, к вопросу о приоритете выживания отдельного человека над выживанием того или иного государства.

Исходя из изложенного, представляется логичным определить в некоторых выводах, также, по нашему мнению, являющимися философско-методологическими основаниями построения общей теории развития террористической деятельности:

- террористическая деятельность как политическое насилие возникает, существует и осуществляется в государственной политике – в политических отношениях социальных групп, слоев, государств (материальных носителей терроризма), их политической деятельности по поводу сохранения и укрепления функций государственной власти во всех сферах жизнедеятельности общества, обеспечению всех видов безопасности государства: политической, экономической, духовно-культурной и информационно-психологической;

- террористическая деятельность представляет собой политическое отношение подавления, принуждения воли одной социальной силы, государства другой социальной силой, государством, возникающее и существующее на внутригосударственном и межгосударственном уровнях осуществления государственной политики;

- политическое насилие и его разновидность – террористическая деятельность являются зависимыми от характера (сущности и направленности) государственной власти, определенной формой выражения задач, решаемых субъектами терроризма (субъектами террористической и антитеррористической деятельности). Иначе говоря, функция террористической деятельности в политической борьбе определяется характером государственной власти, а потому функция терроризма выражает задачи, решаемые субъектами терроризма. Отсюда следует, что функциональным объективным законом существования и осуществления террористической деятельности является ее функциональная зависимость (связь) от существующего характера государственной власти;

- террористическая деятельность по уровням осуществления государственной политики и своим материальным носителям (историческим общностям людей), субъектам террористической деятельности, подразделяется на внутригосударственную и межгосударственную.

Библиографический список

1. Бердяев, Н.А. Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы. – М., 1990.
2. Лавриненко, В.Н. Проблемы социальных интересов. – М., 1978.

Bibliography

1. Berdyaev, N.A. Smysl istorii. Opiht filosofii chelovecheskoj sudjbi. – М., 1990.
2. Lavrinenko, V.N. Problemih socialjnihkh interesov. – М., 1978.

Статья поступила в редакцию 03.11.11

Раздел 8

СОЦИОЛОГИЯ

Ведущий эксперт раздела:

ЮРИЙ ЕФИМОВИЧ РАСТОВ – д-р социологических наук, профессор, действительный член Академии социальных наук, зам. председателя диссертационного совета по социологии при Алтайском Государственном университете (г. Барнаул)

УДК 04.21.51

Mamedov A.K., Temnova L.V. KNOWLEDGE SOCIETY: PARADOXES OF THE SOCIAL DEVELOPMENT. Crises and contradictions of the world community, base (system) characteristics of a new-coming epoch, a new economics and a new community are described in the work.

Key words: information society, contradictions of the social development, crisis of a modern society.

А.К. Мамедов, д-р социол. наук, проф. МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, E-mail: akmnauka@rambler.ru;

Л.В. Темнова, д-р психол. наук, проф. МГУ им. М.В. Ломоносова г. Москва, E-mail: temnova.larisa@yandex.ru

ОБЩЕСТВО ЗНАНИЯ: ПАРАДОКСЫ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

В работе описаны кризисы и противоречия мирового сообщества, базовые (системные) признаки новой наступающей эпохи, новой экономики и нового общества.

Ключевые слова: информационное общество, противоречия социального развития, кризис современного общества.

Масштабность современного кризиса, на непредсказуемость которого сейчас ссылаются все, заставляет осмыслить базовые принципы современных социальных теорий, провести ревизию доминирующих воззрений. Усиление (непредсказанное никем) роли государства, необходимость введения жестких директивных мер в современной рыночной экономике, глобальность кризиса привели и к переоценке макросоциальных теорий. Неслучайно, в общественном сознании доминирует кризисная оценка развития социальных наук, которые, в силу ряда причин, не смогли спрогнозировать кризис, его параметры, социальное поле и технологии выхода из него.

Налицо кризис «гиперрассказа» (Лиотар), кризис рациональности, что, несомненно, приведет к необходимости смены парадигм в социальных теориях, к нарушению status-quo, который поневоле устраивал многих, ибо позволял в едином научном поле сосуществовать диаметрально противоположным теориям как отражение и отображение экзистенциалистского «разорванного мышления». В этом отношении кризис берет поневоле на себя и функции санации. Но в этом «тоннеле всегда виден свет» (И. Павлов), поэтому кризис в силу своего характера, глубины и продолжительности должен стать «могильщиком» устаревших социальных технологий и идей, превратив их в «научный архив», «кладбище прошлых мыслей».

Новая экономика и новое общество – это данность современной социальной среды, преобразованная структурно и изнутри. В социологическом мире не сложилось единого мнения по поводу названия новой стадии социального развития, так, наряду с понятием «информационное общество» используется довольно широкий спектр эпитетов: «сверхиндустриальная цивилизация» (О. Тоффлер), «технотронное общество» (З. Бжезинский) и другие. Как правило, в социологической литературе для обозначения нового общества употребляются термины, содержащие приставку «пост» – это

во многом обусловлено тем, что оно (определение) находится в стадии становления, и у теоретиков в полной мере не сложился его цельный образ, позволивший бы им оперировать более содержательными понятиями. «Понятие информационного общества выглядит предпочтительнее общества постмодернистского, ибо указывает принцип, вокруг которого организовано сообщество, а не только лишь на то, за какой социальной формой оно следует, – отмечает С. Лэш¹, – Термины «постмодернити» или «поздняя модернити» представляются мне излишне аморфными, в отличие от термина «информация»². Стремление в науке выразить сущность нового информационного века вылилось в целый спектр определений. Дж. Литхайм говорит о постбуржуазном обществе, С. Алстром – постпротестантском, Г. Кан – постэкономическом, Р. Сейденберг – постисторическом, Р. Барнет вносит в этот калейдоскоп определений прагматическую нотку, предлагая термин «постнефтяное общество», понятно, что в основе всех дефиниций – понятие «постиндустриальное общество», популяризованное Д. Беллом. Общая приставка этих терминов, по мнению Дайзарда, отдает каким-то осенним чувством увядания, свойственным нашему веку, – ощущением конца (заканчивается определенная историческая эпоха). Это связано с «концом гиперрассказа», где текст утрачивает свой смысл, впрочем, как и все социально-экономические понятия и категории.

В своей основе данные теории носят скорее метафорический образный, чем строго научный системный характер и отображают лишь одну из граней новой, пока еще не интеллигентной, социальной конструкции. Хотя понятно, что в принципе любые теории в современной науке – это только

¹ Lash S. Critique of Information / S. Lash – London: Thousands of Oars (Ca). 2002. P.1.

² Там же, Р. 2.

метафоры³, но речь идет в данном случае не об описательной стороне процесса познания. Так, в определении С. Алстрома «постпротестантское» упор делается на смену трудовой протестантской этики на гедонистическую. При этом, игнорируется, что помимо М. Вебера, есть концепция католической этики труда (В. Зомбарт), православной (С. Булгаков), исламской (М. Абдо) и т.д. Понятия «постнефтяное» (Р. Барнет), «постэкономическое» (Г. Кан) и др. также отдают «одноточностью» (термин Б. Хазанова), где теория рождается как частная, периферийная, иногда маргинальная идея, а затем начинает претендовать на всеобщую «философию Цезарей и Чингисханов» (Ортега-и-Гассет). Перечисленные определения, на наш взгляд, не являются полными и системными, выполняют лишь частную функцию социальной маркировки, но не раскрытия существенных механизмов развития. Авторы более склонны именовать грядущее как общество знаний, в силу обретения в новую эпоху знаниям особого социального статуса. Так, один из значимых теоретиков в этой области Джон Несбитт отмечает, что «в отличие от других природных энергий, знание не подчиняется закону сохранения энергии: его можно создать, его можно уничтожить, но главное – знание синергично, т.е. целое, как правило, больше суммы частей»⁴. Ему вторит П. Друкер: знание стало уже сейчас базовой отраслью экономики и центральным ресурсом.

Тем не менее, констатировать реальные параметры надвигающейся эры разума кажется несколько преждевременным, ибо дискретность и неуловимость (призрачность) будущего уже сегодня создают ряд новых антагонистических противоречий, еще не вполне преодолев «классические пережитки». Общественно-научные разбросы и поиски новой «единственно верной» парадигмы на все времена привели, по сути, к утрате функций социального прогнозирования, отсутствию адекватной системы социальных гипотез. Налицо типично платоновская установка: главное – назвать социальный феномен, дать ему громкое название, а затем можно и действительность подогнать под него. Руководствуясь принципом Л. Больцмана, что нет ничего практичнее хорошей теории, попытаемся выделить системные противоречия современного общества, пойдем от практики и реалий современного социума. В эпоху быстрого экстенсивного развития нашего общества в начале XXI в., неслучайно прозванного «тучными годами», идея о диалектических инструментариях познания общества вызвала некую вполне объяснимую снисходительную иронию, что-де такие теории были, но они характерны были для раннего капитализма XIX в., от которого все дружно откристились. Современная же эпоха свободна от кризисов, циклов и иных «родимых пятен», т.е. в научном сообществе совершенно неоправданно господствовал некий праволиберальный романтизм. Ныне кризисные реалии и реакция на них, в частности, опыт ряда стран в реализации антикризисных технологий, заставили по-иному взглянуть на методологию К. Маркса, да и социальную диалектику в целом, в интерпретации А. Грамши, Г. Лукача, Э. Фромма, Р. Дарендорфа и др., которая предусматривает, в первую очередь, раскрытие внутренних системных противоречий в обществе. Так А. Турен отмечает, что новому обществу присущ некий вид диалектики, который обуславливает развитие от порядка к беспорядку, а затем и к новому порядку⁵. Как замечает А. Осмоловский (в качестве «важного методологического императива левого мышления»), «основная задача любого интеллектуала – находить различия, а не отмечать схожесть»⁶. Автор напоминает, что «Фуко принадлежит очень удачная мысль, что основное отличие Маркса от всех предшествовавших мыслителей заключается в том, что именно Маркс сделал различие краеугольным аспектом развития своей теории»⁷.

Если Маркс в XIX в. увидел данное противоречие в системном единстве общественного способа производства и частного способа присвоения, то современный кризис в силу интенсивности обнаружил еще большее обострение.

В первую очередь, наверное, это цивилизационный кризис обострения напряженности между человеком и человечеством. Этот общечивилизационный тренд, получивший экспоненциальное значение в последнее время, приводит к отчуждению человека от достижений человеческого Разума. Поток информации, ее агрессивность и всеохватность поневоле «рационализируют человека», заставляют его выстраивать защитные барьеры, искать «иные лагуны» и заводи для собственного уединенного бытия.

Следующая группа противоречий вытекает из единства противоположных всеобъемлющих трендов: глобализация и регионализация, универсализация и дискретность, всеобщность и лоскутность. Вследствие этого, глобализация производства, в том числе и научной продукции, и архаичный (частный) способ получения прибыли. Подавляющее большинство (если не все) научных и производственных инноваций были, в основном, профинансированы государством, затем они (инновации) уже в готовой форме используются частными фирмами в виде приобретенной и закреплённой интеллектуальной собственности. К тому же, государство в новых условиях выполняет, казалось бы, несистемную в рыночных условиях функцию страховки на случай кризиса и основного антикризисного спасителя. При этом, форма собственности, а следовательно, и механизм распределения благ остается прежним. Опыт современного кризисного поля показал, что предприниматель в классическом смысле, с его постоянным риском, ответственностью, определенной аскетичной этикой, инициативой, сменяется довольно узким и закрытым кланом, для которого важнее nepотические и личные связи с чиновниками, а не риск и инновации. Соответственно, и рекрутмент в данный класс возможен по совершенно иным правилам, а именно непрозрачным и коррумпированным, т.е. теряется сама суть предпринимательства, ее статусность и социальная роль, престиж и функции.

Исходя из данного, основного, на наш взгляд, противоречия современного общества вытекают и производные, как-то общественный способ производства научных знаний и частный способ присвоения результатов научной деятельности, в том числе и в форме выпускников на рынке труда. Далее, современный труд и инновационное производство характеризуются небывалой степенью глобализации и обобществления, а субстрат труда, его носитель и конечная цель – воспроизводство человека – все более архаизируется и маргинализируется. Воспроизводство совокупного работника в современной социальной системе передается в частную сферу и удивительно увязывается с закрытием детских садов и школ, уходом государства из социальной сферы, передачей основополагающей функции государства – образования – в частные предпринимательские структуры, полное игнорирования функции воспитания и замены его псевдоуниверсальной социализацией.

Общественно-научные разбросы и поиски новой «единственно верной» парадигмы на все времена привели, по сути, к утрате функций социального прогнозирования, отсутствию адекватной системы взаимосвязанных социальных гипотез. Более плодотворным, на наш взгляд, является осмысление основных трендов и признаков эпохи, т.е. попытки индуктивного воспроизводства неких моделей становящейся реалий. Современный немецкий исследователь Н. Штер выделяет следующие характеристики:

1) насыщение всех сфер жизни и деятельности научным знанием (сциентификация);

³ Hutton E.H. The language of modern Physics: An introduction to the philosophy of science. N.Y.: MacMillan. P.278.

⁴ Несбитт Дж. Мегатренды. М., 2003. С. 22.

⁵ Lash S. Critique of Information / S. Lash – London: Thousands of Oars (Ca). 2002. P.4.

⁶ Осмоловский А. Прологомены к методологическому принуждению // Художественный журнал. 2003. №48/49.

⁷ Там же.

- 2) замещение других форм знания научной;
- 3) развитие науки в качестве непосредственной производительной силы;
- 4) появление специализированных направлений политической деятельности (научная и образовательная политика);
- 5) формирование нового сектора в экономике;
- 6) изменение в структуре власти (дебаты о технократии);
- 7) трансформация основ легитимизации власти в направлении специализированного знания (экспертотократия, но вовсе «не путь интеллектуалов к классовому господству»⁸);
- 8) развитие знания на основе социального неравенства и социальной солидарности;
- 9) трансформация основных источников социальных конфликтов.

Ни в коем случае не оспаривая в целом удачную концепцию Н. Штера, авторы хотели бы выделить свои базовые (системные) признаки новой формации.

1. Изменился стиль мышления эпохи.

Как отмечает российский ученый З.М. Оруджев, «объективные основы этого процесса изменения свободы заключаются в том, что уже сегодня совершается переход от индустриального к информационному обществу. Индустриальное общество больше нуждается в «коллективных способностях» индивидов, в то время как информационное общество больше нуждается в «индивидуальных способностях» даже в коллективе»⁹. Современное общество требует оригинальности, инновации, непохожести, что в корне меняет трудовые установки, стандартное, машинное сменяется единичным. Заводы сменяются проблемными лабораториями¹⁰.

2. Преваляирование знаний над капиталом.

Доминанта главного ресурса современной компании – интеллект ее сотрудников – быстро и неуклонно растет. Технически грамотные, оригинально мыслящие, склонные к инновациям сотрудники ценятся сегодня чрезвычайно высоко. Они могут работать сразу на несколько различных организаций, быть фрилансерами. Вводится новая теория – «принцип анти-Питера». В соответствии со знаменитым принципом Питера, люди продвигаются по служебной иерархической лестнице до пределов своей компетентности. Согласно новому принципу, люди продвигаются по служебной лестнице до тех пор, пока получают от этого удовольствие. Когда удовольствие исчезает, талантливые работники увольняются – как правило, чтобы стать свободными агентами (что в принципе соответствует и тенденции смены протестантской этики труда гедонистической). Капитализм сегодня уже полностью освободился от унаследованного поневоле от Реформации аскетизма и приобрел способность реализовать свою власть не посредством идейного тоталитаризма и политического принуждения, а, наоборот, посредством поощрения разнообразия и полного поглощения всех новых идей и движений. Как пишет Брайан Массуми, описывая логику современного технологического, научного общества, «чем разнообразнее, эксцентричнее – тем лучше. Норма утрачивает свою власть. Правильность, системность постепенно сдают позиции. И этот отказ от нормальности есть часть динамики капитализма. Это не просто освобождение, а форма господства самого капитализма. Миром перестает править дисциплинарная институциональная власть – по мере насыщения рынков ей на смену приходят власть и способность капитализма производить многообразие. Создай ассортимент – и ты найдешь нишу на рынке. Сгодятся самые странные и аффективные из замыслов – ведь они за это платят. Капитализм начинает интенсифицировать или диверсифицировать аффект, но лишь затем, чтобы извлечь сверхприбыль»¹¹.

Меняются и качественные традиционные особенности интеллектуальных работников, их основными характеристиками являются:

- независимость от границ;
- мобильность;
- одинаковая вероятность успеха и поражения.

Глобализация приводит к невиданным по масштабам интеллектуальным потокам, перемещениям «креативного класса», капитала, технологий. Мобильность становится отличительной чертой интеллектуала, его «modus vivendi». При этом, инновация требует необычных рисков, поэтому деятельность современного специалиста равновероятно нацелена на успех и поражение, что дает невиданный психологический подъем в творчестве¹².

3. Усиление роли человеческого фактора, а значит и необратимые изменения в социальной структуре общества.

Характеризуя данный тренд, З. Бауман отмечает: «Принадлежать «модернити» – значит вечно опережать самого себя, находиться в состоянии постоянной трансгрессии, это значит обладать индивидуальностью, которая может существовать лишь в виде незавершенного проекта»¹³. Еще раньше М. Тетчер констатировала, что нет такого феномена, как общество. Это является метафорическим переносом идеи о роли индивидуума в современном мире. Тоффлер также описывал «конец эпохи Миттерниха», где территория, народ и армия играли первостепенную роль, соответственно и повышалась, причем линейно, роль фабричного производства и сельского хозяйства.

Сегодня в объеме ВВП развитых стран доля сельского хозяйства сократилась до минимума. Соответственно и численность сельского населения в этих странах резко сократилась (как следствие – тотальная депопуляция). Общество будущего уже отходит в структурном отношении от норм того общества, в котором большинство до сих пор живет. Появляется описанное в западной социологии «странное общество» с принципиально иной социальной структурой, как-то появление «новых пролетариев», новой элиты (эксперты, нетократия), нового креативного класса и т.д.

4. Усиление значения творческого и снижение роли неквалифицированного труда.

Общество будущего, с точки зрения П. Друкера¹⁴, охарактеризовано следующими тенденциями:

- старение населения;
- равенство между знаниями и информацией;
- минимизация сельского хозяйства;
- разрушение пенсионной системы;
- усиление иммиграции;
- минимизация ручного труда.

В западной социологической мысли отмечается лавинообразное увеличение (в том числе и интенсивное) интеллектуальных работ, сферы обслуживания, фактор командной роли, а также появление женщин (как элемент стабильности) во всех сферах общества.

Важно отметить приоритет и доминанту образования, которое Друкер выделяет особо. Образование, безусловно, является основным фактором формирования социального капитала и обратной связи в социальных институтах. Примером могут служить «Города как школы»¹⁵, в которых дети от 13-14 лет обучаются сразу на практике и там же работают без получения среднего образования (фактически они получают диплом об окончании средней школы, но практически

⁸ Цитата по «Концепция общества знания в современной социальной теории». РАН ИНИОН, 2010. С.44-45.

⁹ Оруджев З.М. Способ мышления эпохи. М.: УРСС, 2009. С.361.

¹⁰ См. об этом Латур Б. Дайте мне лабораторию, и я переверну мир // Логос. №5-6 (35) 2002.

¹¹ Brian Massumi. "Navigating Movements", in: Hope, ed. Mari Journazi. New York: Routledge 2002, p.224. Цит. по: Жижек С. Удары в сердце Империи? // Художественный журнал (Moscow Art Magazine). 2004. №4 (56).

¹² См. об этом Мертон Р. Наука и социальный порядок// Личность. Культура. Общество. Т.2. Вып.2(3). М., 2000.

¹³ Бауман З. Индивидуализированное общество / З.Бауман; пер. с англ. М.: Логос, 2002. С.390.

¹⁴ Друкер П. «Управление в обществе будущего» - М.: Вильямс, 2007.

¹⁵ Эпштейн М. «Плоды альтернативного просвещения» // «Вокруг Света». – М.: Вокруг Света, 2009.-2.

не обучаются по стандартным программам). Возрастает важность непрерывного процесса повышения квалификации. «Разворачивающиеся процессы глобализации детерминируют развитие таких качеств современного профессионала как универсальность, способность к унификации когнитивных и технологических процессов, выделение общих, присущих различным социокультурным и экономическим областям подходов, теорий, методов. В то же время, в современных социальных институтах приоритеты все более отдаются уникальным, единичным специалистам, которые ценятся, прежде всего, за креативность, способность к дивергентному («верному») мышлению, продуцирующему единственные в своем роде, неповторимые решения»¹⁶

5. Знания сотрудников как средство производства.

Новые средства производства очень компактны и могут легко перемещаться. Интеллектуальные работники обеспечивают корпорации «капитал» в том же объеме, что и владельцы-инвесторы корпорации. Стороны зависят друг от друга в равной степени. Теперь интеллектуальные работники не собственность корпорации, а равноправные партнеры¹⁷.

Корпоративный рынок профессионалов весьма далек от традиционного управления кадрами. Главное отличие в том, что сотрудники выстраивают свою карьеру и несут за нее персональную ответственность. По сути, каждый сотрудник – это лидер. Проблема в том, что само существование подобного рынка опровергает традиционное представление о том, что высшее руководство «владеет» и полностью распоряжается сотрудниками компании, что в корне меняет трудовые отношения, коммуникативные потоки.

Опережающий рост происходит в сфере интеллектуальных технических специалистов: компьютерщиков, разработчиков компьютерных программ, аналитиков, промышленных технологов и новаторов, эти люди в равной мере, в силу характера работы, являются работниками как физического, так и умственного труда. В основе их физического труда лежат глубокие теоретические познания, которые может дать только серьезное специальное образование, что отмечалось ранее.

Как отмечает российский исследователь А.И. Неклесса, «XX век ознаменовался социокультурной революцией, выдвинувшей и продвинувшей в сферу практики ряд новых версий прочтения цивилизационного текста. Секуляризация, выступив как надконфессиональная форма христианского мировоззрения, создала культурную оболочку глобальных пропорций..., прямо или косвенно способствуя расцвету мультикультурности, возрождению различных религиозных и культурных кодов, обустроив т.о. пространство открытой конкуренции мировоззренческих систем»¹⁸. Вместе с тем, на этом фоне проистекают не только вышеназванные тренды социального развития, но и цивилизационные «сдвиги»: 1) глобализм, универсальность, социальная гомоморфность; 2) становление нового суверена – активной творческой личности, сообщества личностей, получивших доступ к невиданному до сих пор технологическим богатствам. И смещения (комбинация), что произойдет поневоле, могут дать совершенно неожиданные социальные конструкции и метаморфозы. Становится новая эклектическая культура, свободные ассоциации и гибкие структуры заменяют устоявшиеся институты, социальный транзит незавершен, постоянно изменяется, что, безусловно, потребует еще дальнейших научных (в первую очередь социологических) построений.

В рамках становящихся процессов сциентизации общества, безусловно, зреют и иные не столь рациональные тенденции. Современное общество, как бы кому-то ни хотелось, асимметрично и дискретно, где может ужиться организация и рынок, компьютер и экономика впечатлений, порядок и хаос. И этот ряд бинарных несхожестей и составляет основную канву развития.

В этом смысле, уже постмодернизм стал, по сути, «кантовской» реакцией на метафизические и глобальные притя-

зания разума¹⁹ (У. Бек, Т. Адорно, А. Макинтайр и даже К. Поппер). Возникает вопрос о «веке» науки или же о ее неадекватной интерпретации. Макс Борн указывал, что «попытка природы создать на этой земле мыслящее животное вполне может закончиться ничем»²⁰. Ибо девальвация этических ценностей, эрозия вековых норм, «которые создавались... и позволяли сохранять достойный образ жизни даже во времена жесточайших войн и повсеместных опустошений»²¹. Дихотомия достижений науки и моральной деградации общества нередко приводит к искусственному сдерживанию развития науки. Группа генетиков во главе с П. Бергом добровольно наложила мораторий на исследования в области генной инженерии. «Именно в силу того, – подчеркивал Р. Мертон, – что научное исследование проводится не в социальном вакууме, его последствия простираются в другие сферы ценностей и интересов. И в той мере, в какой эти последствия считаются социально нежелательными, ответственность за них возлагается на науку»²². Другая сторона этого процесса отмечается в работе известного американского социолога А. Макинтайра «После добродетели. Исследования теории морали», где прямо декларируется, что в области морали «все мы находимся в столь плачевном состоянии, что нет, по большому счету, лекарства от него... целостная субстанция морали в значительной степени фрагментирована и даже частично разрушена»²³.

Как пишет российский исследователь К.Х. Делокаров, «представляется крайне спорным отождествление рациональности человека с господствующей научной формой мышления. Человек рационален и иррационален одновременно. В постижении мира участвуют и разум, и чувства, и вера, и воля. Абсолютизация какой-то из этих форм постижения человеком себя и мира приводит к негативным последствиям»²⁴. Мы можем конкретизировать данный тезис примерами из теории, как-то средневековая Европа, современный Иран, тоталитарные режимы XX века, где гипертрофированное представление об одной или нескольких формах общественного сознания приводили к brutalным социальным экспериментам, социальному застою и маргинализации общественной жизни.

Помимо этого, знание является неотъемлемым элементом бинарной цепи «знание-незнание». Уже в произведениях Н. Кузанского, Р. Декарта, Канта, Гегеля и других постулируется диалектическая взаимообусловленность знания и незнания; соразмерность знания и незнания (Р. Декарт), вещь-в-себе (И. Кант), циклическое движение от известного к неизвестному (Гегель)²⁵, здесь же «круг непотаенности» (М. Хайдеггер). Известный историк Дж. Коллингвуд постулировал, что незнание есть объект и стимул поисковой деятельности, «наука начинается со знания нашего собственного незнания – не незнания всего, а незнания какой-то оп-

¹⁶ Добренков В.И., Зырянов В.В., Темнова Л.В. Социально-технологический подход к в созданию модели деятельности социолога / Формирование и развитие социально-технологической культуры специалиста: сб. материалов симпозиума. Белгород. Константа. 2011. С. 86.

¹⁷ Елизаров А.П. «Республика ученых»: социальное пространство «невидимого общества» / Пространство и время в современной социологической теории. Под ред. Ю.Л. Качалова. М., ИС РАН, 2000

¹⁸ Неклесса А.И. Эпоха Постмодерна и новый цивилизационный контекст. М.: Научный эксперт, 2008. С. 18.

¹⁹ Бек У. Что такое глобализация – ответы на глобализацию. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 21.

²⁰ Борн М. Моя жизнь и взгляды. – М.: Прогресс, 1973. С. 39.

²¹ Там же. С. 39.

²² Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006. С. 761.

²³ Макинтайр А. После добродетели. Исследования теории морали. – М.: Академ.Проект, 2000. С. 10.

²⁴ Делокаров К.Х. Является ли «общество, основанное на знаниях», новым типом общества // Концепция «общества знания» в современной социальной теории. – М., 2010. С. 32.

²⁵ Более подробно об этом – Новиков А.С. Научные открытия. – УРС М., 2003. С. 6-8.

ределенной вещи»²⁶. Однако наука – это не просто проявление интеллектуального бунта или разрушение незнания, но сложный социальный институт, «своеобразная сфера человеческой творческой деятельности, назначение которой – выработка, накопление и теоретическая систематизация научного знания, а также его использование в практической деятельности»²⁷.

Основной причиной новой волны сциентизма и панэпистемизма, на наш взгляд, явилась утвердившаяся с 70-х годов прошлого века тенденция к росту вертикальных, иерархических бизнес-структур. Растет количество стандартизированной продукции, даже в сфере услуг все более доминирующий статус приобретают Старбакс, Макдоналдс, Бургеркинг и другие гиганты. Именно маргинализация мелких структур (носящая временной циклический характер) сформировала в обществе, казалось бы вполне обоснованный, ренессанс раннепозитивистских установок. Но, справедливости ради, надо отметить, что уже тогда предпринимались попытки обозначить «пределы роста» новой идеологии. Так Д. Гордон в работе «Жирный и скупой» отметил, что рационализация имеет и обратную сторону, как пример, неуклонный рост менеджеров в области контроля и надзора²⁸. Раздаются и отдельные голоса по поводу преувеличения роли образования в экономическом развитии. Так, по мнению Б. Рула и Я. Безена, инвестиции в научную и образовательную сферу дают огромный эффект первые годы, затем эффективность капиталовложений резко снижается²⁹. Они различают в этом процессе и следующий феномен: в этих инвестициях более всех заинтересована существующая элита, для которой диплом, ученая степень и т.д. есть в том числе и средство (форма) дифференциации в обществе, консервации существующего равновесия.

Знание (впрочем, как и образование) всегда амбивалентно, оно постулированием какого-то явления «вызывает беспокойство» и, тем самым, утверждает что-то иное. Оно не

может рассматриваться в метафизической оторванности от иных форм социальной деятельности. Об этом писал И. Кант: «Мне пришлось ограничить разум, очистив место для веры», И. Тургенев о всезнающем ничего не делающем Гамлете и все делающем ничего не знающем Дон-Кихоте, Фр. Ницше, И. Иллич «Общество без школ» и т.д.

Любое знание открывает не менее широкий пласт незнания, как отмечал М. Мамардашвили, «в области знания как события и незнания есть действующая причина»³⁰. Тем самым, усложняется процесс социального познания, социальное прогнозирование. Становление современных социальных конструкций является эволюционным (естественным) феноменом и политическим намерением. Поэтому, становление нового общества, да и любое социальное воспроизводство имеет широкий спектр измерений: политическое, культурное, научное и т.д. Поэтому, Г. Бехманн делает как бы обобщающий вывод: «Тот факт, что человеческое действие основано на знании, может рассматриваться как антропологическая константа. Социальные группы, социальные ситуации, социальные взаимодействия и социальные роли зависят от знания и опосредуются им. Отношения между индивидами основаны на знании ими друг друга. В самом деле, рассматривая общую идею знания как основание социального взаимодействия и социального порядка, мы должны осознавать, что подлинная возможность социального взаимодействия требует ситуационно-трансцендентного знания, которое разворачивается индивидами, вовлеченными в социальное действие. <...> Признавая значение знания для общества и социального действия, в особенности для развитых обществ, необходимо понимать, что знание не является, как некогда полагали, универсальным ключом к постижению тайн природы и общества. В связи с этим возникает необходимость в социологической концепции знания, позволяющей дифференцировать объекты знания, содержание знания и знание как отношение»³¹.

Библиографический список

- Lash, S. Critique of Information. – London: Thousands of Oars (Ca), 2002.
- Hutton, E.H. The language of modern Physics: An introduction to the philosophy of science. – N.Y.: MacMillan.
- Несбитт, Дж. Мегатренды. – М., 2003.
- Осмоловский, А. Прологомены к методологическому принуждению // Художественный журнал. – 2003. – № 48/49.
- Концепция общества знания в современной социальной теории: РАН ИНИО, 2010.
- Оруджев, З.М. Способ мышления эпохи. – М., 2009.
- Латур, Б. Дайте мне лабораторию, и я переверну мир // Логос. – 2002. – № 5-6 (35).
- Brian, Massumi. Navigating Movements, in: Hope / ed. Mari Zournazi. – New York: Routledge, 2002.
- Мертон, Р. Наука и социальный порядок // Личность. Культура. Общество. – М., 2000. – Т.2. – Вып. 2 (3).
- Бауман, З. Индивидуализированное общество. – М., 2002.
- Друкер, П. Управление в обществе будущего. – М., 2007.
- Эпштейн, М. Плоды альтернативного просвещения // Вокруг Света. – М., 2009. – № 2.
- Добренков, В.И. Социально-технологический подход в создании модели деятельности социолога / В.И. Добренков, В.В. Зырянов, Л.В. Темнова // Формирование и развитие социально-технологической культуры специалиста: сб. материалов симпозиума. – Белгород, 2011.
- Елизаров, А.П. «Республика ученых»: социальное пространство «невидимого общества» // Пространство и время в современной социологической теории / под ред. Ю.Л. Качалова. – М., 2000.
- Неклесса, А.И. Эпоха Постмодерна и новый цивилизационный контекст. – М., 2008.
- Бек, У. Что такое глобализация – ответы на глобализацию. – М., 2001.
- Борн, М. Моя жизнь и взгляды. – М., 1973.
- Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура. – М., 2006.
- Макинтайр, А. После добродетели. Исследования теории морали. – М., 2000.
- Делокаров, К.Х. Является ли «общество, основанное на знаниях», новым типом общества // Концепция «общества знания» в современной социальной теории. – М., 2010.
- Новиков, А.С. Научные открытия. – М., 2003.
- Коллингвуд, Дж. Идея истории. Автобиография. – М., 1980.
- Бабосов, Е.М. Социология науки / Е.М. Бабосов, А.К. Мамедов. – М., 2011.
- Gordon, D.M. Fat and mean. The corporate squeeze of working Americans and the myth of managerial "downsizing". – N.Y.: Free Press, 1996.

²⁶ Коллингвуд Дж. Идея истории. Автобиография. – М., 1980. С.12.

²⁷ Бабосов Е.М., Мамедов А.К. Социология науки. М., 2011. С.7.

²⁸ Gordon D.M. Fat and mean. The corporate squeeze of working Americans and the myth of managerial "downsizing". NY, Free Press, 1996.

²⁹ См. об этом Rule J.B., Besen Y. The once and future information society // Theory of society. – Dordrecht. 2008 – vol.37, NY. P.317-342.

³⁰ Мамардашвили М.К. К пространственно-временной феноменологии событий знания // Вопросы философии, 1994. №1. С.75.

³¹ Бехманн Г. Общество знания – трансформация современных обществ // Концепция «общества знания» в современной социальной теории. М., ИНИОН РАН, 2010. С.62-63.

25. Rule J.B., Besen Y. The once and future information society // Theory of society. – Dordrecht; N.Y. – 2008 – Vol. 37,
 26. Мамардашвили, М.К. К пространственно-временной феноменологии событий знания // Вопросы философии. – 1994. – № 1.
 27. Бехманн, Г. Общество знания – трансформация современных обществ // Концепция «общества знания» в современной социальной теории. – М., 2010.
 28. Жижек, С. Удары в сердце Империи? // Художественный журнал (Moscow Art Magazine). – 2004. – № 4 (56).

Bibliography

1. Lash S. Critique of Information / S. Lash – London: Thousands of Oars (Ca). 2002.
2. Hutton E.H. The language of modern Physics: An introduction to the philosophy of science. N.Y.: MacMillan.
3. Naisbitt J. Megatrends. Moscow, 2003.
4. Osmolovskiy A. Prolegomena at Methodological Coercion // Art magazine. 2003. №48/49.
5. Concept of "knowledge society" in the modern social theory. Moscow., ISI RAS, 2010.
6. Orudjev Z.M. The Way of Thinking of the Epoch. Moscow., URSS, 2009
7. Latour B. Give Me a Laboratory and I will Raise the World // Logos #5-6 (35) 2002.
8. Brian Massumi. "Navigating Movements", in: Hope, ed. Mari Zournazi. New York: Routledge 2002.
9. Merton R. Science and the Social Order // Personality. Culture. Society. V.2. Edition 2(3). Moscow., 2000.
10. Bauman Z. The Individualized Society / Z. Bauman; translated from English. Moscow.: Logos, 2002.
11. Drucker P. "Managing in the Next Society" – Moscow.: Vilyams, 2007
12. Aptstein M. "Benefits of Alternative Enlightenment" // "Round the world". – Moscow.: Round the world, 2009. – №2.
13. Dobrenkov V.I., Zuryanov V.V., Temnova L.V. Socio-technological approach in the creation of the model of sociologist's activity / Formation and development of socio-technological culture of a specialist: source book of the symposium. Belgorod. Konstanta. 2011.
14. Elizarov A.P. "Republic of Scientists": social space of "invisible society" / Space and time in the modern social theory. Under the editorship of Y.L. Kachalova. Moscow., ISI RAN, 2000.
15. Necklessa A.I. The Epoch of the Postmodern and New Civilized Context. Moscow.: Scientific Expert, 2008.
16. Beck U. What is Globalization. – Moscow.: Progress-Tradition, 2001.
17. Born M. My Life and My Views. – Moscow.: Progress, 1973.
18. Merton R. Social Theory and Social Structure. Moscow., 2006.
19. Macintyre A. After Virtue. Investigations of Moral Theory. – Moscow.: Academ.Project, 2000.
20. Delokarov K.H. Whether "a Society Based on Knowledge" is a New Type of Society // Concept of "Knowledge Society" in the Modern Social Theory. – Moscow., 2010.
21. Novikov A.S. Scientific Discovery. – Moscow. URSS, 2003.
22. Collingvyd Dg. Idies of Histopy. – Moscow, 1980. P.12.
23. Babosov E.M., Mamedov A.K. Sociology of Science. – Moscow, 2011. P. 7.
24. Gordon D.M. Fat and mean. The corporate squeeze of working Americans and the myth of managerial "downsizing". NY, Free Press, 1996.
25. Rule J.B., Besen Y. The once and future information society // Theory of society. – Dordrecht. 2008 – vol.37, NY.
26. Mamardashvili M.K. Space-temporal phenomenology of knowledge events // Philosophical magazine, 1994. – №1.
27. Bechmann G. Knowledge Society – Transformation of Modern Societies // Concept of "knowledge society" in the modern social theory. Moscow., ISI RAS, 2010.
28. Zhizhek, S. Are There Hits at the Heart of Empire? // Moscow Art Magazine. 2004. №4 (56).

Статья поступила в редакцию 10.11.11

Раздел 9

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Ведущий эксперт раздела:

ТАМАРА МИХАЙЛОВНА СТЕПАНСКАЯ – доктор искусствоведения, профессор Алтайского государственного университета (г. Барнаул)

УДК 37+001.12/18

Kuznetsova O.N. ABOUT RELIGIOUS SENSES OF TRANSFORMATION IN RUSSIAN ORTHODOX ICON. In given article it is a question of senses of life, from the point of view of theosophy and religious art, about art traditions their reflexion in Russian icon. In a context of the given problematic questions on spirituality of the person and a society, about oppositions spiritual and carnal in religious art again are staticized.

Key words: Art, art activity, spirituality, religious art, asceticism, transformation, соборность, Russian philosophy.

О.Н. Кузнецова, докторант АлтГУ, г. Бийск, E-mail: onk2007@yourline.ru

О РЕЛИГИОЗНЫХ СМЫСЛАХ ПРЕОБРАЖЕНИЯ В РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ИКОНЕ

В данной статье речь идет о смыслах бытия, с точки зрения теософии и религиозного искусства, о художественных традициях, их отражении в русской иконе. В контексте данной проблематики вновь актуализируются вопросы о духовности человека и общества, о противопоставлении духовного и плотского в религиозном искусстве.

Ключевые слова: искусство, художественная деятельность, духовность, религиозное искусство, аскетизм, преображение, соборность, русская философия.

Поиски смысла жизни, полные тонкого драматизма, всегда были свойственны русской философии. Глубоко религиозная русская философия всегда выполняла функцию этического учения, поскольку неизменно ставила во главу угла проблему нравственного выбора, основным критерием которого выступает не разум человека, а его сердце. Звучит достаточно метафорично, с точки зрения категориальных традиций западной философской мысли, но вполне специально – в контексте духовно-психологических традиций русской культуры, которые специфицируют, соответственно, и русскую философию. Сверхрационалистический, интуитивный характер русской философии, как ее отличительную особенность, исследовали такие философы, как Н.А. Бердяев, Г.Г. Шпет, Н.О. Лосский, В.В. Зеньковский, А.Ф. Лосев.

В традициях русской ментальности вектор познания истины проходит в первую очередь не через сознание человека, а через его сердце. Н.А. Бердяев говорит об этом так: «Помимо всякой философии, всякой гносеологии, я всегда сознавал, что познаю не одним интеллектом, не разумом, подчиненным собственному закону, а совокупностью *духовных сил*, также своей волей к торжеству смысла, своей напряженной эмоциональностью. <...> Философия есть *любовь* к мудрости, *любовь* же есть эмоциональное и страстное состояние» [1, с. 98]. В русской философии девятнадцатого века были легализованы и введены в категориальный аппарат философских наук такие понятия, как *любовь*, *совесть*, *страдание*, *соборность* в отличие от традиционных категориальных предпочтений западной философии: рационализма, индивидуализма, воли к власти. *Соборность* – русское слово, не имеющее соответствующих семантических аналогов в других языках. С точки зрения русского православия: религии, философии, искусства, именно соборность противостоит мировому хаосу, где царит закон всеобщего разрушения

и бессмыслицы. При этом слово *соборность* понимается как то, что отсутствует в настоящем, но то, к чему человечество должно стремиться.

Являясь духовной целью традиционной русской культуры, идея соборности находит полное воплощение в русском православном храме, *соборе*. Внутренняя архитектура храма утверждает будущее соборное объединение Бога, ангелов, человека и «всякого дыхания земного» как преодоление всеобщей раздробленности и вражды (конкуренции!), узаконенных на земле «князем мира сего». Храмовая иконопись, подчиняясь архитектуре храма и идее соборности, воплощает образ иного, преображенного, соборного человека, следовательно, решение данной задачи потребовало когда-то иного изобразительного языка – языка *символов*. Именно этот язык, язык символических изображений является главным препятствием на пути понимания главных мировоззренческих смыслов древней русской иконы для современного массового зрителя. То есть, массовый зритель сталкивается с проблемой, аналогичной той, которая возникает при попытке общения с авангардным искусством – незнание и непонимание языка символов, каждый из которых говорит не о себе самом, но всегда о чем-то ином, о том, что надо разгадывать, расшифровывать, а это требует больших душевных и интеллектуальных затрат. *Религиозное искусство*, как и всякое другое, являясь образной моделью мира, априори несет в себе базовые мировоззренческие смыслы, определяющие ту или иную религию и выраженные каноническим языком.

В отличие от реалистической живописи для традиционной русской иконы характерен «аскетизм», и это делает ее еще более неинтересной в глазах среднестатистического обывателя. Возникает вопрос о глубинных, сокрытых смыслах аскетизма, выступающего характерной чертой русской

иконописи вплоть до семнадцатого века. Иконописные образы святых не соответствуют нашему восприятию природной реальности, их изображениям чужды натуралистичность и материальность окружающего нас внешнего мира. Смысл их иконного изображения не в том, чтобы показать нам то, что мы видим в природе, а в том, чтобы наглядно изобразить тело, воспринимающее то, что не поддается нашему обычному восприятию: восприятие мира духовного. Икона своим условным, не реалистическим языком передает безстрастие и невосприимчивость к мирским возбуждениям, отрешенность от этих пристрастий и, наоборот, восприимчивость к миру духовному, которая достигается подвигом святости. Православная икона является образным выражением Херувимской Песни Великой Субботы: «Да молчит всякая плоть человека, и ничтоже земное в себе да помышляет». Все здесь подчинено общей гармонии, которая выражает мир и порядок Царствия Духа Святого.

Бесплотные фигуры святых, их изможденные, скорбные лики, неестественно тонкие конечности – вся эта просвечивающая, истонченная человеческая плоть являет собой *символически* выраженное неприятие «биологизма» как одного из главнейших принципов в отношениях между людьми, отрицание крупномасштабной эстетизации сытого, холеного тела, возведенного современным обществом в статус высшей и безусловной заповеди. В свою очередь, одухотворенные образы соборного человечества русской иконы, подчиняющиеся призыву «да молчит всякая плоть человеческая», воспринимаются современным зрителем *отчужденно* по причине несовпадения эстетических идеалов: с одной стороны усмирение плоти, с другой – жажда полноты телесных наслаждений. Кроме того, канонические принципы изображения в иконе делают ее скучной, наивной в глазах неподготовленного зрителя и даже слишком простой, где и понимать-то, по их мнению, собственно нечего.

Так эффект непонимания и, как следствие, неприятия подобной живописи массовым сознанием, зачастую обусловлен фактором кажущейся неразрешенности проблемы *движения* в русской иконописи. Внутренний строй души человека, изображенного на иконе, соответствует его внешнему образу: святые не жестикулируют – они предстоят Богу, священнодействуют, и каждое их движение и само положение их тела носит сакраментальный, знаковый характер. Строгие канонические традиции действительно сковывают физическое действие, ограничивая его рамками неподвижности. Казалось бы, творческая свобода живописца также ограничена. Однако именно многовековой канон предусматривает и освящает существенное, отвлекая внимание от «неглавного». Даже там, где движение полностью отсутствует, у живописца есть главный способ его передачи – это выражение *глаз святых*, их взгляда, который является средоточием *движения их духа*, их духовной жизни. Так шестые праведников в рай на фреске Андрея Рублева в Успенском соборе во Владимире выражается исключительно их глазами, в которых нет нарочитого восторга, но спокойная уверенность, внутреннее горение при физической неподвижности говорят о необыкновенном внутреннем напряжении, о моще восходящего духа. Иное впечатление от знаменитой фрески В. Васнецова «Радость праведных о Господе», где полет праведников в рай изображен слишком реалистично для выражения тех смыслов, которые изначально заложены в иконе, физическое движение их тел излишне естественно, праведники устремляются в рай не только мыслями, но и всем «туловищем». Духовная жизнь, передаваемая исключительно выражением глаз абсолютно неподвижного облика, является *символическим* выражением силы и власти *духовного* над *телесным*. Это состояние совпадения человека с Богом, с божественной благодатью, человека с человеком *соборным*.

Напротив, образ человека, не причастного высшей духовной благодати изображается в русской иконописи чрезвычайно подвижным. Красноречивым свидетельством того можно назвать икону «Видение Иоанна Лествичника», где

изображено стремительное движение падения грешников в неестетических позах с «лестницы», ведущей в рай. На многих новгородских иконописных изображениях Преображения Господня неподвижными остаются фигуры Спасителя, святых, при этом, повергнутые в состояние ужаса апостолы показаны мечущимися, упавшими на четвереньки, на спину, «на лицо», то есть, вниз головой. Однако, обнаруживая, таким образом, свое несовершенство, свидетели Преображения Господня все-таки являющиеся причастными божественной благодати, поскольку в силу своих возможностей узрели это таинство, были допущены к нему, в то время, как косным, примитивным людям эта духовная реальность никогда не откроется. Об этом митрополит Московский Филарет говорит: «Мир не видит святых подобно тому, как слепые не видят света» [2]. Поэтому мир соборный открывается не для каждого, но для тех, кто открыл в себе иной уровень, уровень духовного плана.

Даже при условии причастности человека высшей реальности, для него возникает почти неразрешимая проблема свидетельствовать об этой духовной благодати, поскольку обычные, «человеческие» средства оказываются недостаточными для выражения «несказанных» смыслов и образов. В иконе на них можно лишь указать *символически*, при помощи соответствующих форм, красок и линий – художественным языком иконописного канона. Евангельское свидетельство о Преображении Господнем сравнивает свет Преображения со светом солнечным, на что преподобный Иоанн Дамаскин указывает, как на сравнение, поневоле неточное, «ибо невозможно в твари адекватно изобразить несозданное» [2]. Поэтому природный, ослепительный свет солнца может быть лишь *символом* «нетварного», Божественного света. При этом художественное воспроизведение самого символа – озаряющего светом, сияющего солнца, не говоря уже о свете, превосходящем само солнце, выступает сложной изобразительной проблемой, поскольку даже самые лучшие краски оказываются в этой ситуации беспомощными.

Свет «нетварный» в иконописи традиционно передается венчиком или нимбом, который и является символом, указанием на определенное явление духовного мира. Свет, которым сияют лики святых и который окружает их голову, имеет сферическую форму. Свидетели преображения преподобного Серафима Саровского рассказывали об увиденном так: в середине солнца, в самой блистательной яркости его полуденных лучей, лицо человека, с вами разговаривающего [2]. Здесь нимб не является аллегорией, но выступает, как символ иной реальности, указывает на сияние благодатным светом лика преобразенной плоти. Он является необходимым атрибутом иконы и указывает не только на внешнее состояние «обоженой» плоти, но, в первую очередь, инсказательно, символически он указывает, конечно, на внутреннее состояние человека. Это состояние высшего духовного подъема, восхищения и прославления настолько непередаваемо, что святые Отцы церкви в своих писаниях указывают на него, как на полное безмолвие и замирание в человеке всего плотского, так как и душа, и тело его становятся причастными Божественной жизни. Иконопись в православии, таким образом, выступает видимым выражением христианской идеи Преображения, которое понимается и передается как высшая объективная реальность, как конечная истина духовного становления бытия.

Противостояние духовного и плотского, суетного особенно выразительно в иконе «Суд Пилата» из иконостаса Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря. Неподвижная фигура Иисуса Христа, одетого в темную багряницу, его скованные цепью руки контрастируют с суетой, царящей на троне судей во главе с Понтием Пилатом. Интересно то, что исторически временная последовательность действий судей показана обобщенным одновременным планом. Так, юноша, олицетворяющий иудейский народ, весь захвачен собственным призывом: «Распни его!». Первосвященник, повернувшись к нему торсом, склонив голову, под-

няв руку, активно поддерживает юношу. Другой его коллега, отпрянув от Пилата, выражает собой жест отказа от предложения помолвить Христа. Одновременно Понтий Пилат протягивает руки для омовения под струи воды, которую льет из кувшина изображенная же здесь женщина. Причудливые ракурсы этих образов, их многосложные действия лишены всякого величия, напротив, они исполнены тщетной суеты и беспомощности. Эффект тщетности и беспомощности судилища усиливается шаткостью трона, на котором восседает суд, поскольку одним из углов основания трон Пилата повисает над пустотой, не находя опоры. Чуждым ничтожности и суетности происходящего является величие недвижимой фигуры Христа. Его лик исполнен глубокого и сложного выражения – это и кротость, и самоотречение, и всезнание, и милосердная любовь.

Вообще для христианского иконописного искусства характерно то, что лики святых обычно взирают прямо на зрителя или повернуты на три четверти. То есть, святой присутствует не где-то в пространстве, а здесь – перед нами. Обращаясь к нему, мы должны видеть его перед собой, как бы встретиться с ним лицом к лицу. Очевидно, это и является причиной того, что святых почти никогда не изображают в профиль, только очень редко в сложных композициях, где они обращены к композиционному и смысловому центру.

В суровом аскетизме русской иконы, в скорбных ликах святых, взирающих на нас со стен храмов, есть что-то отталкивающее и одновременно влекущее. Ярким проявлением этой странной диалектики выступают благословляющие персты святых образов, которые одновременно и призывают нас, и преграждают нам путь. Призывают тех, кто преодолел в себе естественную жажду наслаждения жизнью, которая фактически господствует в современном мире, и отталкивают всех других. Более прямолинейно и безапелляционно говорит об этом Е.Н. Трубецкой: «Чувство острой тошноты, которое я испытал при виде рубенсовских вакханалий, тотчас объяснило мне то самое свойство икон, о котором я думал: вакханалия и есть крайнее олицетворение той жизни, которая отталкивается иконой. Разжиревшая трясущаяся плоть, которая услаждается собою, жрет и непременно требует убивать, чтобы пожирать, – это то самое, чему прежде всего преграждают путь благословляющие персты. Но мало этого: они требуют от нас, чтобы мы оставили за порогом и всякую пошлость житейскую, потому что «житейские пощения», которые требуются отложить, также утверждают господство сытой плоти. Пока мы не освободимся от ее чар, икона не заговорит с нами. А когда она заговорит, она возвестит нам *высшую радость* – сверхбиологический смысл жизни, конец звериному царству» [3, с. 26]. Высшая радость – это и есть то самое соборное объединение всего «тварного» мира, уже духовно преображенного. Исаак Сирийский говорит о том, как у преображенного человека сжимается сердце от жалости и сострадания ко всему, что есть в мире [4].

Это есть начало грядущего преображения мира. В человеке и через человека раскрывается и осуществляется сопричастность всякой твари земной вечной Божественной жизни. Так же, как тварь пала по вине человека, так же его обожением она и спасается. Указание на это начало восстановления нарушенного грехом единства всей твари нам дает

пребывание Спасителя в пустыне: Он был со зверьми, и Ангелы служили Ему. Вокруг Него собирается небесное и земное, предназначенное стать в Богочеловеке новой тварью. Эта мысль о единении всей твари проходит через всю православную иконографию. Это объединение всех существ в Боге, начиная с Ангелов и кончая низшей тварью, и есть обновленный во Христе грядущий космос, который противопоставляется всеобщему раздору и вражде среди твари. Собор всей твари, как грядущий мир вселенной, как всеобъемлющий храм Божий, является основной мыслью православного церковного искусства, которая господствует и в архитектуре, и в живописи. Вот почему на иконе изменяется все, что окружает святого. Мир, окружающий благовестника и носителя Божественного Откровения, человека, становится образом нового грядущего, преображенного мира. Все теряет свой обычный беспорядочный вид, все становится по чину: люди, пейзаж, животные, архитектура. Все, что окружает святого, подчиняется вместе с ним ритмическому строю, все отражает присутствие Божие, приближаясь к Богу. Земля, мир растительный, мир животный изображаются здесь не для того, чтобы приблизить нас к тому, что мы видим вокруг себя, то есть к миру в его «падшем» и тленном состоянии, а чтобы показать участие этого мира в освящении человека.

Действие святости на весь тварный мир и, в частности, на диких животных является характерной чертой множества житий святых. Епифаний, ученик преподобного Сергия Радонежского, замечая особенное отношение диких зверей к святому, говорит о том, что человеку, в котором «живет Бог и почитает Дух Святой», все покорно, как все было покорно первозданному Адаму, до преступления заповеди Божией, когда он также жил один в пустыне. В житии святого Исаака Сирина также говорится о том, что звери приходили к Адаму смиренно до его грехопадения. Поэтому и звери на иконе изображаются не реалистично, поскольку все природное претерпевает изменение в таинстве Преображения, хотя каждый вид и сохраняет свои узнаваемые черты. Это могло бы показаться странностью или неумением художника, если бы мы не понимали символического языка иконописцев, указывающих таким способом на недоступную нам теперь тайну «именования» животных Адамом в раю [2].

Наше размышление о смысле человеческой жизни, о смысле бытия в целом прошло путь от сурового аскетизма русской иконы до открытия великой радости преображенного тварного мира, которая нашла выражение в целом ряде икон: «Всякое дыхание да хвалит Господа», «Хвалите имя Господне», «О тебе радуется, обрадованная всякая тварь». Если остановиться на этом этапе рассмотрения смыслов бытия и отражения их в религиозном искусстве, то некоторая рядоположенность категорий аскетизма и великая радость останется очевидной и, в какой-то степени, непреодолимой. Дело в том, что аскетизм как феномен православной культуры невозможно рассматривать отдельно от теософии исихазма, где он выступает необходимой практикой, а в иконописи – одной из главных и характерных особенностей. Обращение к самой теории исихазма позволит расширить спектр видения и решения тех проблем, о которых шла речь в настоящей статье и продолжить их дальнейшие исследования.

Библиографический список

1. Бердяев, Н.А. Самопознание. – Л., 1991.
2. Успенский, Л.А. Богословие иконы православной церкви. – М., 2001.
3. Трубецкой, Е.Н. Умозрение в красках. – М., 1916.
4. Откровенные рассказы странника духовному своему отцу. – М., 1991.

Bibliography

1. Berdyayev, N.A. Samopoznanie. – L., 1991.
2. Uspenskiy, L.A. Bogoslovie ikonih pravoslavnoy cerkvi. – M., 2001.
3. Trubeckoy, E.N. Umozrenie v kraskakh. – M., 1916.
4. Otkrovenniye rasskazih strannika dukhovnomu svoemu otcu. – M., 1991.

Статья поступила в редакцию 29.10.11

УДК 378+ 70

Plahotnikov A.G. THE CONCEPT OF ART PREPARATION STUDENTS OF AVERAGE VOCATIONAL TRAINING "COLLEGE". It is presented: a research objective of average vocational training in preparation of the teacher of the fine arts and design of initial classes; problems systems of development of average vocational training of the person defining the basic direction: masters, the artist, the teacher FROM in initial classes; working out of conceptual model of art preparation of students of average vocational training "College".

Key words: the concept, model, the fine arts, design, formation, the teacher, college, level, a step, development, continuous, art, professional.

А.Г. Плахотников, канд. пед. наук, доц. каф. изобразительного искусства, Воронежского государственного педагогического университета, г. Воронеж, E-mail: plahotnikov@mail.ru

КОНЦЕПЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ «КОЛЛЕДЖ»

В статье представлены цель исследования среднего профессионального образования в подготовке учителя изобразительно-го искусства и дизайна начальных классов и задачи, определяющие основное направление системы развития среднего профессионального образования личности мастера, художника, учителя ИЗО в начальных классах. Разработана концептуальная модель художественной подготовки студентов среднего профессионального образования «Колледж».

Ключевые слова: концепция, модель, изобразительное искусство, дизайн, формирование, учитель, колледж, уровень, ступень, развитие, непрерывное, художественное, профессиональное.

Среднее профессиональное образование в дальнейшем (СПО) является вторым уровнем образовательной среды, представленной ниже концептуальной «модели» непрерывного художественно-профессионального образования третьей ступени развивающего обучения студентов (колледж) изобразительному искусству и дизайну.

Целью исследования среднего профессионального образования «подготовка учителя изобразительного искусства и дизайна в начальных классах» является:

- определение и выявление социально-педагогических условий в интересах творческой личности студентов СПО по повышению их качественного потенциала в эффективном развитии обучения: народно-художественным ремеслам, декоративно-прикладному и изобразительному искусству, дизайну и художественному проектированию.

Задачи, определяющие основное направление системы развития среднего профессионального образования личности мастера, художника, состоят:

- в формировании деятельного мышления, в способности аргументировать свою точку зрения по отношению к различным произведениям в сфере применения методов развивающего обучения будущего учителя изобразительного искусства и дизайна;
- в формировании навыков самостоятельной творческой работы при эффективном усвоении графики, живописи, цветоведения и колористики, композиции, компьютерной графики, художественного проектирования;
- в реализации творческого потенциала в собственной художественно-творческой деятельности, в осуществлении самоопределения и самореализации личности на эстетическо-художественном уровне;
- в развитии субъект-субъектных отношений учащихся и преподавателя в создании условий для диалога, рисующего студента в форме «художника», на уроках мастер-класса.

Необходимость перехода системы СПО на реализацию модели развивающего обучения, в основе которого лежит идея развития личности, развитие самой системы СПО и ее влияния на основные общественные процессы. Опережающее образование в отличие от традиционного ориентирования в подготовке специалистов не столько на конкретную профессиональную деятельность, сколько на формирование готовности к освоению новых знаний, умений и навыков.

В соответствии с изменением требований к среднему профессиональному образованию определяются следующие исходные *принципы* его развития.

1-й принцип вариативности образования предполагает гибкое реагирование СПО на изменения внешней среды и как следствие - диверсификацию профессиональных образовательных программ, видов и организационно-правовых форм средних специальных учебных заведений, а также форм государственно-общественного управления и социального партнерства.

2-й принцип непрерывности образования предполагает преемственность среднего профессионального образования с другими образовательными уровнями с учетом сложившихся традиций формирования структуры и содержания образования. Исходным моментом в развитии взаимодействия среднего профессионального образования с начальным профессиональным и высшим профессиональным образованием является общность совместно принятых концептуальных подходов и их реализация в подготовке кадров, удовлетворении потребностей личности в непрерывном образовании. При реализации программ дополнительного профессионального образования средняя профессиональная школа должна формировать гибкие системы повышения квалификации и переподготовки кадров с ориентацией на удовлетворение индивидуальных профессионально-образовательных потребностей.

3-й принцип регионализации образования предполагает последовательную ориентацию деятельности учебных заведений на комплексное социально-экономическое развитие региона, местные рынки труда и запросы населения, гибкое сочетание федерального, отраслевого и регионального управления средними специальными учебными заведениями с участием государственно-общественных структур.

4-й принцип автономности средних специальных учебных заведений предполагает развитие их академической и хозяйственной самостоятельности, совершенствование механизма самоуправления, формирование программ экономического развития образовательных учреждений.

5-й принцип эффективности социального взаимодействия отражает необходимость согласования действий всех субъектов образовательного пространства и направлен на формирование и проведение единой образовательной политики в целях развития среднего профессионального образования [1, с. 9-10].

Все концепции художественного образования едины в одном: ученик как личность – центр образовательного процесса, не только объект педагогического сопровождения, но, главное, субъект учебного процесса наряду с учителем.

На 2-ом уровне непрерывного профессионального образования является концепция среднего профессионального образования (СПО). Система непрерывного профессионального образования соответствует интересам государства, работодателей и потребителей образовательных услуг.

Непрерывное профессиональное образование позволяет:

- подготовить специалиста нового типа, практико-ориентированного, владеющего рабочими профессиями и квалификацией учителя изобразительного искусства младших классов;
- повысить социальные гарантии и конкурентоспособность выпускников;
- сократить сроки обучения за счет исключения дублирования учебных курсов;
- увеличить эффективность использования учебно-материальной базы, кадрового и финансового ресурсов;
- создать интегрированный единый коллектив педагогических работников, объединенных единством целей и задач;
- обеспечить условия мотивированной реализации потребностей обучающихся в профессиональном росте [1, с. 10].

При реализации подготовки специалиста среднего профессионального образования в системе непрерывного профессионального образования следует руководствоваться принципами: преемственности уровней, включающей в себя комплексность содержания, технологии обучения и воспитания; углубления специализации, гибкости и вариативности образовательных программ; дифференциации обучения в соответствии с личными способностями и потребностями обучающихся; единства образовательного и воспитательного пространства.

Средняя профессиональная подготовка учащихся и студентов может быть реализована в системе непрерывного профессионального образования следующими путями: *независимым*, когда выпускники последовательно получают начальное (НПО), среднее (СПО) и высшее профессиональное образование (ВПО). Это путь, требующий больших временных и материальных затрат; *сопряженным*, при котором (НПО) и (СПО) реализуется в сокращенные сроки, что позволяет более эффективно использовать имеющиеся ресурсы; *сквозным*, позволяющим сопрягать профессиональные образовательные программы НПО и СПО, внося коррективы в государственные образовательные стандарты. Это наиболее перспективный путь, но на сегодняшний день он не имеет нормативно-правовой базы [2, с. 26].

Известно, что 198 училищ, лицеев, техникумов, колледжей Москвы были объединены в 63 колледжа, фактически ставших ресурсными центрами развития. Училищ, лицеев, техникумов не стало. После и параллельно с объединением учреждений профобразования идет активная работа по интеграции содержания образования, особенно в части непрофильных профессий НПО и специальностей СПО.

Эта модель интеграции была одобрена Госсоветом России по образованию 24 марта 2006 года. Одновременно в проекте действий Правительства обозначена не интеграция, не инновационные подходы (основные термины в материалах Государства), а разработка типового Положения об учреждении НПО (IV квартал 2007 года). Слово «интеграция» вообще прозвучало один раз в одном из 36 пунктов июльского Правительственного Комплекса межведомственных мероприятий по развитию НПО и СПО до 2010 года [3, с. 27].

Таким образом, реализация интегративных процессов в начальном и среднем профобразовании в системной форме в ближайшие годы будет вести только Москва. Это сопровождается дополнительными трудностями, например, когда создавались колледжи, имелось в виду, что в них будет реализация повышенного уровня СПО и бакалавр. Тем самым созданные колледжи как бы лишаются перспектив по вертикали образования [3, с. 30].

Сегодня в начале XXI века, в качестве основных преимуществ развития в рамках интеграционных процессов в учреждениях НПО и СПО можно назвать следующие:

– повышение качества подготовки через объединение кадровых и материально-технических ресурсов 2-х уровней учреждений профобразования;

– организация динамичной, гибкой, целевой 2-х уровневой подготовки рабочих и специалистов в условиях одного образовательного учреждения;

– возможность подготовки в сокращенные сроки обучения по интегрированным учебным планам и программам, что радикально изменяет отношение обучающихся к учебному процессу. Создается база для мотивированного сочетания режимов обучения и самообразования, образования и самообразования, воспитания и самовоспитания. В будущем специалисте (через его готовность к саморазвитию и самореализации) формируется современный уровень конкурентоспособности;

– значительный рост эффективности социального партнерства с новым работодателем, заинтересованным в высококвалифицированных кадрах с повышенными индивидуальными, в том числе амбициозными, качествами;

– развивается разнообразие учебно-методического обеспечения образовательного процесса; в ресурсных центрах концентрируется не только кадровый и методический потенциал, но также информационный банк и средства телекоммуникационной связи;

– формируется научно-методический потенциал образовательного учреждения, база для творческой и научной деятельности;

– повышается экономическая эффективность подготовки рабочих и специалистов.

В целом возможность реализации образовательного процесса в рамках взаимодействия по горизонталям и вертикалям уровневого обучения позитивно меняет методику и методологию учебно-воспитательного процесса и сам характер субъект-субъектных отношений. Соотношение объемов 2-го уровня подготовки студентов СПО может и должно определяться региональными требованиями и спецификой социального партнерства [3, с. 31].

Таким образом, инновационная деятельность учреждений НПО и СПО России и профессиональных колледжей Москвы, реализующих 2-го уровня подготовки на ближайшие годы, будет определяться развитием таких направлений, как:

– законодательная поддержка инновационных процессов, например, возможностей интеграции 2-го уровня профобразования;

– формирование нового перечня профессий НПО и специальностей СПО и направлений подготовки в училищах, колледжах и техникумах (особое внимание при этом на специальности повышенного уровня подготовки как основы по специальности, например, специалистов в рамках бакалавр);

– нарастающая в России и переходящая в массовую (по опыту Москвы) организационная и содержательная интеграция начального и среднего профобразования;

– разработка нового поколения Госстандартом НПО и СПО (как федеральных компонентов, так и особенно, национально-региональных компонентов) как основы для реализации повышенных требований работодателей к подготовке кадров; при этом возможна и другая модель развития; разработка профессиональных стандартов на базе компонентного подхода через определение ключевых компетенций рабочих специалистов на основе «заказов» работодателей и рефлексии молодых специалистов, состоявших на производстве. На такую модель потребуются многие годы;

– организация и активизация взаимодействия учреждений профобразования с работодателями, привлечение их к разработке профессиональных стандартов, привязанных к каждой профессии и национальной системе квалификации;

– развитие разных форм социального партнерства учреждений профобразования на рынке труда и образовательных услуг;

– формирование адекватного мышления нового работодателя, пока далеко не всегда способного оценить роль системной подготовки кадров высокой квалификации, в том числе и с его участием. На это требуется время;

– организация и обеспечение последовательного перехода на нормативно-душевое финансирование учреждений профобразования с акцентом на результативность и эффективность их работы;

– преодоление консерватизма значительной части руководителей педагогических коллективов учреждений профобразования. Для многих из них перестройка подготовки кадров – зачастую лишние заботы. Им трудно отказаться от привычного «распределительного» бюджета финансирования;

– подготовка и переподготовка педагогических кадров системы НПО и СПО, способных обеспечить инновационную

деятельность своих учреждений по основным направлениям работы, в том числе в условиях рыночной экономики [3, с. 31].

Таким образом, важность и актуальность проблемы формирования у будущих учителей изобразительного искусства и дизайна их профессиональной устойчивости в СПО учебных заведениях, ее недостаточность для современного образования научно-теоретическая и практическая разработанность и послужили ее исследования в рамках настоящей публикации статьи: «Концепция художественной подготовки студентов среднего профессионального образования колледж». В этой связи мы предлагаем разработанную нами концептуальную модель деятельного подхода в обучении СПО обеспеченности специальности: «Учитель изобразительного искусства и дизайн начальных классов» [4, с. 11-19].

Таблица 1

Концепции 2-го уровня, 3-й ступени среднего профессионального образования в подготовке учителя изобразительного искусства и дизайна

Индекс	Наименование дисциплин и их основные разделы СПО	максимальная нагрузка	обязательных часов
	Обязательная часть циклов ОПОП:	3365	2243
ОГСЭ.00	Общий гуманитарный и социально-экономический цикл	678	452
ОГСЭ.01	<i>Основы философии.</i>		48
ЕН.02	<i>Анатомия, физиология и гигиена.</i>		100
ЕН.03	<i>Начертательная геометрия.</i>		254
П.00	<i>Профессиональный цикл</i>	2429	1619
ОП.00	<i>Профессиональные дисциплины</i>	672	448
ОП.01	<i>Педагогика</i>		89
ОП.02.	<i>Психология</i>		89
ОП.03	<i>Безопасность жизнедеятельности</i>		89
ОП.04	<i>История изобразительного искусства и дизайна.</i>		34
ОП.05	<i>Композиция.</i>		147
ПМ.00	<i>Профессиональные модули</i>	1757	1171
ПМ.01	<i>МДК 01.01. Основы теории и методики преподавания изобразительного искусства.</i>		136
ПМ.02	<i>Основы теории и методики преподавания черчения и художественное проектирование.</i>		200
ПМ.03	<i>МДК 03.01. Основы выполнения графических работ.</i>		200
	<i>МДК 03.02. Основы выполнения живописных работ.</i>		192
	<i>МДК 03.03. Основы выполнения объемно-пластических и дизайнерских работ.</i>		136
	<i>МКД 03.04. Основы выполнения работ по декоративно-прикладному оформительскому искусству, художественно-дизайнерской обработке материалов и народных ремесел.</i>		205
ПМ.04	<i>МКД 01.01. Теоретические основы и методика организации внеурочной деятельности в сфере изобразительного искусства и дизайна.</i>		34
ПМ.05	<i>МДК 05.01. Теоретические и практические аспекты методической работы учителя изобразительного искусства и дизайна начальных классов.</i>		68
	Итого:	3107	2071

Исследование 2-го уровня, 3-й ступени художественной подготовки студентов СПО показывает, что прогрессивное развитие личности на 2-ом этапе обучения изобразительному искусству и дизайну состоит из процесса физического и психического изменения индивида, предполагающего развитие восприятия, мышление и воображения на основе последовательного совершенствования, сравнения, анализа, синтеза и обобщение мыслительной деятельности студентов. Происходит формирование качественных изменений в развитии коммуникативных способностей, навыков, умение субъекта в развивающем обучении художественному про-

ектированию, рисунку, живописи, композиции, изобразительному искусству и дизайну в целом.

Анализ концепции непрерывного профессионального образования в СПО показывает, что под обучением следует понимать не процесс «передачи» готовых знаний от преподавателя к студентам, а широкое взаимодействие между обучающим и обучающимся, способом осуществления педагогического процесса как создание «педагогических условий» с целью развития личности посредством организации усвоения студентами новых знаний и способов художественно-мыслительной деятельности студентов СПО.

Библиографический список

1. Приказ Минобразования России: О программе развития среднего профессионального образования России на 2000-2005 гг., 2002. - № 3052. - 01.02.
2. Татару, Н.Д. Непрерывная профессиональная подготовка по интегрированным программам // Профессиональное образование. Столица. – 2007. – № 3.
3. Ткаченко, Е.В. Интеграция начального и среднего профессионального образования: необходимость и неизбежность // Профессиональное образование. Столица. – 2007. - № 3.
4. Приказ министра образования и науки Российской Федерации: Федеральный государственный стандарт среднего профессионального образования по специальности 072501 Дизайн (по отраслям), 2010. - № 838. - 01.25.08.2010.

Bibliography

1. Prikaz Minobrazovaniya Rossii: O programme razvitiya srednego professional'nogo obrazovaniya Rossii na 2000-2005 gg., 2002. - № 3052. - 01.02.
2. Tataru, N.D. Nprerivhnaya professional'naya podgotovka po integrirovannim programmam // Professional'noe obrazovanie. Stolica. – 2007. – № 3.
3. Tkachenko, E.V. Integraciya nachal'nogo i srednego professional'nogo obrazovaniya: neobkhodi-mostj i neizbezhnostj // Professional'noe obrazovanie. Stolica. – 2007. - № 3.
4. Prikaz ministra obrazovaniya i nauki Rossijskoj Federacii: Federal'nij gosudarstvennij standart srednego professional'nogo obrazovaniya po special'nosti 072501 Dizayn (po otraslyam), 2010. - № 838. - 01.25.08.2010.

Статья поступила в редакцию 29.10.11

Раздел 10

ФИЛОЛОГИЯ

Ведущие эксперты раздела:

ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ЖАТКИН – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой перевода и переводоведения Пензенской государственной технологической академии (г. Пенза)
ЛАРИСА МИХАЙЛОВНА ВЛАДИМИРСКАЯ – доктор филологических наук, профессор Алтайской академии экономики и права (г. Барнаул)

УДК 811.112.2'42

Beresneva V.A. LINGUISTIC SYNCRETISM AS EMBODIMENT AND REFLECTION OF THE UNITY OF THE WORLD. In the article linguistic syncretism is considered taking into account philosophical and psychological theories considering language as a special embodiment of existence and the laws of material world development. The objective status of linguistic syncretism as a reflection of ontological syncretism, as well as the syncretic character of mind is stated.

Key words: linguistic syncretism, unity of the world, the form of materializing the spiritual, embodiment of ontological syncretism.

V.A. Береснева, доц. каф. романо-германской филологии Вятского государственного гуманитарного университета, г. Киров, E-mail: avis@novo.kirov.ru

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ СИНКРЕТИЗМ КАК ВОПЛОЩЕНИЕ И РЕФЛЕКСИЯ ЕДИНСТВА МИРА

В статье, с опорой на достижения философии и психологии лингвистический синкретизм, осмысливается язык как особая форма воплощения бытия и законов развития материального мира. Констатируется объективный статус языкового синкретизма как выражения онтологического синкретизма, синкретичности мышления.

Ключевые слова: лингвистический синкретизм, единство мира, форма материализации духовного, воплощение онтологического синкретизма.

Проблема синкретизма – хотя и не новая для лингвистики – все еще не нашла окончательного решения. В то время как взгляд на синкретизм как нерасчлененность явлений на начальных стадиях их развития представлен в науке о языке достаточно широко, существование синкретизма после размежевания элементов синкретичных языковых явлений признается немногими. Даже если рассмотрение вопроса о языковом синкретизме на современном этапе его развития получает положительный исход, истолкование синкретизма в лингвистике, по-видимому, не может быть оценено как вполне удовлетворительное. Характеристика языкового синкретизма в своем развитии часто не идет дальше структурной фазы, ограничивается обсуждением формальных или нормативных аспектов синкретизма [1, с. 1784; 2, с. 18]. Порой наблюдается подмена понятия синкретизма понятиями нейтрализации [3, с. 343], контаминации [4, с. 446], игры слов [5; 6, с. 24–25]. Встречаются в литературе и довольно противоречивые, на наш взгляд, суждения, объединяющие различные категории формально-содержательной связи в языке. Говорят, к примеру, о «синкретизме значений многозначного слова» [7, с. 74], синкретизме «функциональных омонимов» [8, с. 15–17], о совмещении при синкретизме «признаков омонимии и многозначности» [9, с. 71] и т. д.

В среде специалистов отсутствует необходимое понимание того, что структура научного знания о синкретизме в обязательном порядке должна также включать и то, что принято называть основаниями научного знания. Речь здесь прежде всего идет о таких составляющих блоках оснований науки, как

научная картина мира, а именно тот ее аспект, который соответствует представлениям о структуре и развитии синкретизма, и философские идеи и принципы, обосновывающие содержательные представления научной картины мира и обеспечивающие включение научного знания в культуру (о сложных взаимоотношениях языка и философии см. в: [10]).

Размышление о синкретизме в языкознании остановилось на простой констатации факта некоего соединения, объединения. Именно такое слишком широкое понимание синкретизма позволяет лингвистам применять его для характеристики языковых явлений, в отношении которых об объединении можно вести речь лишь в самом общем смысле этого слова. Между тем уже внутренней логикой проблемы синкретизма предполагается дальнейшее движение от вопроса о соединении, объединении к раскрытию сущности этого соединения, всех его оттенков и аспектов.

В основе предлагаемого в работе научно-лингвистического понимания синкретизма – идея об «универсальной целостности» мира [11, с. 342]. Своими историческими корнями учение о единстве мира, неразрывно связанное с мыслью о противоречивости, антиномичности последнего, уходит в далекое прошлое. Оно, по-видимому, восходит к Гераклиту, который «впервые ясно почувствовал, что существует Бог-Слово, – впервые открыл высшую гармонию и сверх-мирное единство бытия», вместе с тем «со всею возможною <...> остротой увидал внутреннюю вражду мира» [12, с. 154]. «Противодействие сближает», – говорил он. «Из противоположностей образуется совершенная гармония. Все возникает

благодаря вражде», а потому «соединяй целое и нецелое, согласное и несогласное, созвучное и несозвучное. Все дает одно, и одно дает все» [цит. по: 12, с. 155]. Вслед за именем Гераклита в истории интересующей П.А. Флоренского идеи антиномии, которой он посвящает специальный параграф в своей книге «Столп и утверждение истины», мыслитель ставит «славные имена элейцев», имена Платона, Николая Кузанского «с его учением о *coincidentia oppositorum*, т. е. о совпадении в Боге противоположных определений», Гегеля, Фихте, Шеллинга, Ренувьё и др. [12, с. 156–157].

В силу того, что язык служит формой материализации духовного, заключает в себе, таким образом, духовное как содержание, духовному же как одной из основных сфер бытия внутренне присуще единство («Вне первичного факта оппозиции противоположностей и как следствия их синтетического примирения нет иного способа для становления мышления», – писал Эмелин [цит. по: 13, с. 324]), подход к языку как единству многообразного, как «совокупной (и расчлененной) целостности» [11, с. 343] обязательно должен был родиться в науке о языке. Именно в онтологическом (бытийном) единстве, как нам представляется, следует искать *истоки лингвистического синкретизма*. Атрибуты «единство многообразного», «совокупная (и расчлененная) целостность» уже проливают некоторый свет на существо синкретизма в языке. Философское объяснение единства мира – следующий пункт на пути к выяснению сущности исследуемой лингвистической категории.

Идея единства «бесконечного разнообразия мира» привела специалистов к представлению об общей основе всего существующего. Для обозначения такой основы в философии была выработана категория «субстанции» [11, с. 364]. Все философские концепции, признающие важность онтологической проблематики и исследующие ее в опоре на естественные науки, рассматривают многообразие бытия с точки зрения его материального единства [11]. В таком случае мир, в котором мы живем, есть материальный мир. К всеобщим свойствам материи, обеспечивающим единство объектов мира, относятся структурность и движение [11, с. 364–365].

Говоря о строении материи, философия рассматривает любой объект материального мира «в качестве *системы*, то есть особой целостности, которая характеризуется наличием элементов и связей между ними» [11, с. 365]. Указывая далее на обязательное взаимодействие материальных систем с внешним окружением, исследователи отмечают, что некоторые свойства и связи элементов при этом меняются, но основные связи могут сохраняться, что обеспечивает существование системы как целого, а устойчивые связи и отношения между элементами системы образуют ее *структуру* [11, с. 366].

Под *движением* материи в философии понимается «не только механическое перемещение тел в пространстве, но и любые взаимодействия, а также изменения состояний объектов, которые вызываются этими взаимодействиями» [Там же, с. 373]. Выделяют два основных типа движения. Первый тип связан с сохранением качества предмета. Ко второму типу движения относят «процессы, связанные с преобразованием качества предметов, с появлением новых качественных состояний, которые как бы разворачивают потенциальные возможности, скрытые и неразвернутые в предшествующих качественных состояниях» [11, с. 375] и характеризуют такие процессы как *развитие*.

Сознание человека как совокупность психических образов, которые по своему содержанию являются отражением свойств, связей и отношений внешнего мира, освоенных субъектом психики в процессе взаимодействия с миром, носит, таким образом, системный характер, обладает структурой, «благодаря которой всякое содержание тотчас же принимает свою специфическую форму и к которой в процессе взаимодействия присоединяются другие элементы содержания» [14, с. 423]. Приобретающий сравнительно определенную форму результат содержания сознания на-

зывается мыслью, или смыслом, идеей, концептом (Б. Рассел) [15, с. 527]. По причине того, что бытие духовного «изначально и непреложно включено в целостное бытие как таковое» [11, с. 363], сознание включено в «эволюцию бытия как целого» [11, с. 361].

Рассмотрим интересующие нас онтологические свойства мира и их гносеологические интерпретации более подробно.

Закономерная связь идей обозначается в науке термином «ассоциация». На основании мнения специалистов относительно ассоциативных процессов можно заключить, что ассоциации являются смыслообразующим фактором и имеют своим следствием *сопряженность концептов*. В случае «вторичного восприятия» посредством ассоциаций происходит объединение «образов первичного восприятия» с образами, идеями, составляющими «фоновые знания», и вместе с тем ассоциации приводят к тому, что в рамках самих «терминов внутреннего опыта» *совмещаются* содержательные элементы, представляющие, с одной стороны, передачу *первичной объективной* информации, а с другой стороны – интерпретацию *опосредованной* первичной *вторичной* информации, обуславливают *би- и поликонцептность* содержания сознания [15, с. 39–40].

В связи с вторичным восприятием уместно говорить о такой фундаментальной психологической закономерности, как апперцепция. Выдающийся языковед-мыслитель А.А. Потебня, уделивший большое внимание вопросу апперцепции, относящий к апперцепции случаи, когда «полученное уже впечатление подвергается новым изменениям, как бы вторично воспринимается» [16, с. 105], определяющий апперцепцию «более общим выражением» как «участие известных масс представлений в образовании новых мыслей» [16, с. 109], различает «две стихии апперцепции» [16, с. 106]. Первая из них – это воспринимаемое и объясняемое, а вторая есть совокупность мыслей и чувств, которой подчиняется первая и посредством которой она объясняется. Ученый подчеркивает, что результатом взаимодействия двух стихий апперцепции всегда является нечто новое, не сходное ни с одной из них [16, с. 110], и указывает, что в апперцепции «воспринимаемое вновь и объясняемое должно известным образом соприкасаться с объясняющим», что между двумя стихиями апперцепции имеются «общие черты», называемые им «средством апперцепции» [16, с. 121].

Здесь особое значение приобретает разрабатываемое А.А. Потебней понятие внутренней формы слова, поскольку именно внутренняя форма, по мысли исследователя, выступает в качестве «третьей общей между двумя сравниваемыми величинами» [16, с. 123]. В качестве примера апперцепции с «третьей стихией» А.А. Потебня приводит свои наблюдения относительно сравнения в выражении «не горит, а тлеет» жизни больного или несчастного человека с медленным и пассивным горением. Рядом с этим сравнением, замечает исследователь, можно поставить областное «модеть» (о дровах: тлеть, худо гореть; о человеке: хиреть, болеть). Слово «модеть» выражает общее между болезнью и огнем, является средством апперцепции. И это, убежден А.А. Потебня, лишь по той причине, что собственное содержание этого слова, его внутренняя форма, обнимает не все признаки горения, а только один из них, встречаемый и в болезни [16, с. 122–123].

В соответствии с теорией апперцепции первичная объективная информация есть апперципирующая, объясняющая стихия, а вторичная информация представляет результат взаимодействия вышеназванной стихии и вновь воспринимаемого и объясняемого, т. е. апперципируемой стихии, являющий собой нечто новое, отличное от обеих стихий. Между этими отличающимися друг от друга стихиями, однако, есть нечто общее (иначе не было бы апперцепции), и это общее выражается словом, его внутренней формой, которая тем самым становится средством апперцепции. Внутренняя форма слова как «присущий языку прием, порядок выражения и обозначения с помощью слова нового содержания» [17,

с. 590], как преобладающий над всеми остальными признаками образа воспроизводится при каждом новом восприятии, чем обеспечивает *внутреннее единство* образа, сообщая при этом знание о нем.

Подчиняясь «общему закону всякого развития» [18, с. 145], сознание, мышление человека проходят в своем развитии две стадии синкретизма. Первоначальный мыслительный синкретизм может быть назван *мифологическим* синкретизмом, по причине того что мифология, миф является средоточием данного вида синкретизма [11, с. 13–14]. В условиях синкретического мифологического мышления образующие содержание мира сознания идеи, концепты существуют лишь потенциально, находятся в безразличии, или смешении. С развитием научного осмысления действительности, строгой научной логики происходит обособление концептов. По закону развития, отмежевавшиеся концепты для их полного развития должны отрицать друг друга. Ввиду того, что ни один из них не может получить исключительного господства, они вынуждены вступать во *внутреннее свободное единство*, восполняя друг друга в соответствии со своим назначением [18, с. 143]. Осуществление этого нового единства есть второй этап развития синкретизма в сознании человека.

Взаимодействие концептов в случае вторичного восприятия на новом этапе развития синкретизма создает качественно новые нерасчлененные, синкретические, явления, так называемые превращенные объекты [19, с. 270], характер которых определяется восполняющим и восполняемым, или – в соответствии с иной терминологией – апперципируемым и апперципирующим, концептами. Речь при этом идет об объединении образов первичного восприятия с образами, составляющими фоновые знания, и о сущностном, обусловленном присущим человеку стремлением «обнять многое одним нераздельным порывом мысли» совмещении в рамках «терминов внутреннего опыта» содержательных элементов, представляющих, с одной стороны, передачу первичной объективной информации, а с другой стороны – интерпретацию вторичной информации, опосредованной первичной информацией.

«Форма мысли в нормальных условиях есть ее языковое выражение» [14, с. 280]. Цитируя известного русского литературоведа, ученика и последователя А.А. Потебни Д.Н. Овсяннико-Куликовского, «слово есть сложный психический процесс, принадлежащий к тому отделу психики, который называется *мыслью*, и сводящийся к известным процессам *ассоциации и апперцепции*» [20, с. 69]. Обнаруживающаяся в рамках сознания би- и поликонцептность объективируется в языке как *парадигматическое совмещение двух и более сигнификативных функций одним языковым знаком*. Объединение в системе языка в общее целое сигнификативных функций языкового знака и составляет *сущность лингвистического синкретизма*. Синкретичность мышления вызывает синкретизм в языке.

Первоначальный мыслительный синкретизм приводит к *первоначальному, или первородному, синкретизму в языке*. В лингвистике этот факт весьма наглядно интерпретирован известным отечественным языковедом М.М. Маковским. «Образное мифопоэтическое», «допонятийное» мышление, пишет ученый, «располагает в ряд то, что в объективной действительности имеет иерархию, оно подменяет качественные отношения количественными, подходит к любому объекту с точки зрения его значимости для субъекта и обращает объект на субъект» [21, с. 14]. «Тем самым и знак, – полагает исследователь, – приобретает смысл только в процессе непосредственного оперирования с ним и тем самым не различает смысла и значения. Применительно к контексту знак может иметь и один, и другой, и третий смысл, каждый из которых может обращаться в его значение по мере приобретения данным контекстом характера образца, модели» [21].

Безразличие содержательных элементов сознания на ранних этапах развития человечества обуславливает сме-

шение содержательных элементов на ранних ступенях развития языка. «Если представить себе, – говорит В. фон Гумбольдт, – создание языка постепенным (а это естественное всего), то нужно будет принять, что это создание, подобно всякому рождению <...> в природе, происходит по началу развития изнутри <...>. Чувство, проявлявшееся в звуке, заключает в себе все в зародыше, но не все в то же время видно в звуке» [цит. по: 16, с. 134]. Хорошо известно, например, что в древнегерманских языках время глагола было тесно связано с видовыми значениями [22, с. 247; 23, с. 40].

Следует согласиться с мнением А.А. Потебни об «отсутствии метафоры в мифе, так как о метафоричности мы вправе говорить лишь там, где она признается самим человеком» [24, с. 262] (ср. аналогичный взгляд на метафору, «предполагающую известную степень сознательности», выраженный известным русским литературоведом А.Н. Веселовским [25, с. 63]). «Появление <...> метафоры в смысле сознания разнородности образа и значения, – пишет ученый, – есть тем самым исчезновение мифа. Но о другой метафоричности при создании мифа в слове не может быть и речи. Для человека, для коего есть миф *туча-корова*, одновременное с этим названием тучи коровою есть самое точное, какое только возможно» [24, с. 261].

«Объясняя мифы, – читаем далее, – мы вовсе не переводим *метафорического* и первобытного языка на *простой и современный*. Если бы мы делали это, то наше толкование было бы умышленным искажением, анахронизмом. Мы только подыскиваем подлежащие, не выраженные словом, к данному в мифе сказуемым и говорим, что предметом такого-то мифического объяснения (-корова) было восприятие тучи» [24, с. 262].

А.А. Потебня подчеркивает: «Метафоричность выражения, понимаемая в тесном смысле, начинается одновременно со способностью человека сознать, удерживать различие между субъективным началом познающей мысли и тем ее течением, которое мы называем (неточно) действительностью, миром, объектом. И мы, как и древний человек, можем назвать мелкие белые тучи *барашками*, другого рода облака *тканью*, душу и жизнь – *паром*; но для нас это только сравнения, а для человека в мифическом периоде сознания – это полные истины до тех пор, пока между сравниваемыми предметами он признает только несущественные различия, пока, например, тучи он считает хотя и небесными, божественными, светлыми, но все же барашками; пока *пар* в смысле жизни есть все-таки, несмотря на различие функций, тот же пар, в который превращается вода» [24].

Когда в древневерхненемецком языке для обозначения будущего времени использовался презенс [22, с. 293; 23, с. 113], речь шла не о сознательном поиске и обнаружении аналогии между восприятиями настоящего и будущего времени, а именно о нерасчлененности в восприятии временных предметов, о выражении «настоящего-будущего» [22, с. 293], ср. из древневерхненемецкого текста «Муспилли»: *tano vallit, prinnit mittilagart* («*месяц упадет, сгорит срединная земля*») [22].

Грамматическая функция морфемы «презенс» в современном немецком языке заключается в выражении качества «настоящее относительно актуального момента». Но хорошо известно также употребление презенса и в сфере прошлого и будущего, который в этом случае функционирует на временном уровне претеритальных и футуральных временных форм соответственно.

Простого дублирования одной и той же функции двумя различными формами при этом, однако, не происходит. Различные грамматические формы служат для обозначения различных форм «переживаний времени», в которых «полагаются „объективно темпоральные“ данные» [26, с. 12]. Прошрое, к примеру, всегда относится к сфере нашего воспоминания, но воспоминание может осуществляться в разных формах. При помощи претерита мы можем обозначить лишь так называемое воспоминание «в простом подхватывании

(Zugreifen), когда воспоминание „всплывает“, и мы направляем на вспомненное некоторый луч взгляда, при этом вспомненное смутно <...> и не есть повторяющееся воспоминание» [26, с. 40]. Благодаря ассоциациям как закономерной связи идей и апперцепционным процессам мы также можем осуществлять и «действительно воспроизводящее (nacherzeugende), повторяющееся воспоминание, в котором временной предмет снова полностью выстраивается в континууме воспроизведений (Vergegenwärtigungen), мы его как бы снова воспринимаем» [26].

Выражение такого «прошедшего, но как будто настоящего» находится вне компетенции претерита. Презенс же вследствие своей внутренней формы, которая может быть обозначена как «воспринимаемое», способен обозначить действительно вос-производящее, повторяющее воспоминание, ср.: *Auf dieser Balustrade also setzt Charlotte Menzel in einer warmen Juninacht des Jahres 1925 ihren, gelinde gesagt, angetsterten Tischherrn ab...* (Wolf Ch. «Kindheitsmuster»).

Функция по выражению прошлого в форме презенса представлена одним признаком, взятым из грамматической функции морфемы «презенс». Этот признак, связующий обе вышеназванные функции, и есть внутренняя форма презенса [ср.: 27, с. 212].

В этом случае соответствующее событие / бытие «псевдоактуализируется», осуществляется его «образное» – но не действительное! – восприятие. *Внутреннее свободное единство* концептов «настоящее относительно актуального момента» и «прошедшее относительно актуального момента» реализуется как превращенное образование, концепт «псевдоактуализированное прошлое», которому свойственна синкретичность, нерасчлененность (ср.: «прошлое» + «псевдоактуализация»), происходящая из синкретичности отражения нами объективной реальности.

Упорядоченность и последовательность элементов нового отношения, как можно наблюдать, отличается от упорядоченности и последовательности действительного отношения (ср.: восполнение концепта «настоящее» со стороны концепта «прошедшее» в случае с действительным отношением и «псевдоактуализация прошлого», т. е. модификация «прошедшего» под влиянием «настоящего», апперцепирование «прошедшего» со стороны «настоящего» в случае с возникшим квазипредметом как результатом взаимодействия двух «стихий» апперцепции).

При вос-производящем воспоминании происходит «выход за пределы наличной информации и ее интерпретация в терминах внутреннего опыта». Функция презенса по выражению настоящего относительно актуального момента события / бытия воплощает первичную объективную информацию. Функция же выражения презенсом прошлого (равно как и будущего) обнаруживает интерпретацию вторич-

ной информации, опосредованной первичной информацией, концептуальный троп, и выступает в качестве языкового тропа, коннотации.

Превращенные образования как качественно цельные явления сливаются со свойствами их материального носителя (в нашем случае – со свойствами презенса). В результате восполнения концепта «настоящее относительно актуального момента» со стороны концептов «прошедшее относительно актуального» и «футуральность, будущность» происходит нейтрализация различных темпоральных дифференциальных признаков в рамках одной единой грамматической категориальной формы презенса. Нейтрализация же на уровне временной формы приводит, в свою очередь, к объединению в системе языка в общее нерасчлененное целое сигнификативных функций данной временной формы, т. е. к ее парадигматическому синкретизму. Синкретизм презенса в современном немецком языке, воплощающий результат действия ассоциаций по сходству и апперцепционного механизма, представляет собой *второй этап* развития *языкового синкретизма*.

Лингвистический синкретизм, таким образом, существует объективно как воплощение *онтологического* синкретизма, синкретичности мышления – совместной реализации концептов как итога закономерной деятельности ассоциативно-апперцептивного мышления. Подобно тому как природа и общество, человек и все созданное им, включая его мысли и идеи, наличествуют не только в их различиях, но и в рамках совокупного существования мира, так и язык как форма воплощения бытия идеального пребывает в различии и единстве его основных целостностей. Как присутствие всего, что есть, было и будет в мире, есть выражение универсальной целостности мира, так и различные сигнификативные функции языкового знака – это проявление его неразрывного единства. В основе понимания синкретизма как противоречивого, но в то же время сущностного единства языкового знака и его различных сигнификативных функций – общелингвистические идеи о языке как организме, системе и структуре и о языковом развитии.

Становление предлагаемого понимания синкретизма как нового направления исследований в современном языковедении только начинается. Плодотворность лингвистического синкретизма в научном изучении грамматической категории времени в немецком языке [см. об этом также в: 28] позволяет, однако, уже сегодня заявить его в качестве результативного метода исследования такого типа отношения формы и содержания, где одному элементу плана выражения на парадигматическом уровне соответствуют два и более элемента в плане содержания. В силу же эффективности лингвистического синкретизма в переводоведении [см.: 29] правомерно также говорить и о его прикладном значении.

Библиографический список

1. Grammatik der deutschen Sprache / hrsg. von G. Zifonun, L. Hoffmann, B. Strecker: in 3 Bänden. – Berlin; New York, 1997. – Bd. 3.
2. Eisenberg, P. Grundriss der deutschen Grammatik: in 2 Bänden / P. Eisenberg. – Stuttgart; Weimar, 2006. – Bd. 1.
3. Ельмслев, Л. Прологомены к теории языка: пер. с англ. Ю.К. Лекомцева // Новое в лингвистике: сб. статей / сост. В.А. Звегинцев. – М., 1960. – Вып. 1.
4. Бабайцева, В.В. Синкретизм // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М., 1990.
5. Друговейко, С.В. Синкретизм языкового знака в поэзии постмодернизма // Вестник С.-Петербург. ун-та. – СПб., 2000. – Вып. 2. – № 10.
6. Бузаров, В.В. Синкретизм как равноуровневое средство реализации языковой экономии // Лингвистические категории в синхронии и диахронии: межвуз. сб. науч. трудов. – Пятигорск, 1996.
7. Еремин, А.Н. Переходность и синкретизм в лексической семантике просторечного слова // Языковая деятельность: переходность и синкретизм: сб. ст. науч.-метод. семинара «TEXTUS» / под ред. К.Э. Штайн. – М.; Ставрополь, 2001. – Вып. 7.
8. Богданов, С.И. Переходность в системе частей речи. Субстантивация: учеб. пособие / С.И. Богданов, Ю.Б. Смирнов. – СПб., 2004.
9. Демидова, К.И. Синкретичные явления в лексике современного русского языка // Языковая деятельность: переходность и синкретизм: сб. ст. науч.-метод. семинара «TEXTUS» / под ред. К.Э. Штайн. – М.; Ставрополь, 2001. – Вып. 7.
10. Береснева, В.А. Гносеологические корреляции термина «синкретизм» в философии и лингвистике // Славянские терминоведение: теоретический журнал по проблемам терминоведения и терминологистики. – М., 2009. – № 1.
11. Введение в философию: учеб. пособие для вузов / И.Т. Фролов [и др.]. – М., 2002.
12. Флоренский, П.А. Столп и утверждение истины: опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. – М., 1914.
13. Кобляков, А.А. Синергетика, язык, творчество // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. – М., 2002.
14. Философский энциклопедический словарь. – М., 1997.
15. Словарь философских терминов / науч. ред. проф. В.Г. Кузнецов. – М., 2007.
16. Потенба, А.А. Мысль и язык // Потенба А.А. Слово и миф / сост., подг. текста и прим. А.Л. Топоркова; отв. ред. А.К. Байбури. – М., 1989.
17. Топорков, А.Л. Примечания // Потенба А.А. Слово и миф / отв. ред. А.К. Байбури. – М., 1989.

18. Соловьев, В.С. Философские начала цельного знания // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. / общ. ред. и сост. А.В. Гулыги, А.Ф. Лосева. – М.: Мысль, 1990. – Т. 2.
19. Мамардашвили, М.К. Как я понимаю философию / сост. и общ. ред. Ю.П. Сенокосова. – М., 1992.
20. Овсяннико-Куликовский, Д.Н. О значении научного языкознания для психологии мысли // Овсяннико-Куликовский Д.Н. Литературно-критические работы: в 2 т. / сост., подг. текста, прим. И. Михайловой; вступ. ст. Ю. Манна. – М., 1989. – Т.1.
21. Маковский, М.М. Язык – Миф – Культура. Символы жизни и жизнь символов. – М., 1996.
22. Жирмунский, В.М. История немецкого языка. – М., 1965.
23. Москальская, О.И. История немецкого языка. – М., 1977.
24. Потебня, А.А. Из записок по теории словесности. Фрагменты // Потебня А.А. Слово и миф / сост., подг. текста и прим. А.Л. Топоркова; отв. ред. А.К. Байбурин; предисл. А.К. Байбурина. – М., 1989.
25. Веселовский, А.Н. Из истории эпитета // Веселовский А.Н. Историческая поэтика. – М., 1989.
26. Гуссерль, Э. Собрание сочинений. Феноменология внутреннего сознания времени: пер. с нем. / Э. Гуссерль / сост., вступ. ст., пер. В.И. Молчанова. – М., 1994. – Т. 1.
27. Потебня, А.А. Психология поэтического и прозаического мышления // Потебня А.А. Слово и миф / сост., подг. текста и прим. А.Л. Топоркова; отв. ред. А.К. Байбурин; предисл. А.К. Байбурина. – М., 1989.
28. Береснева, В.А. Синкретизм временных форм современного немецкого языка. – Киров, 2008.
29. Береснева, В.А. К вопросу о переводе синкретичных языковых форм // Вестник Московского университета: науч. журнал. – М. – 2010. – № 4. – Сер. 22.

Bibliography

1. Grammatik der deutschen Sprache / hrsg. von G. Zifonun, L. Hoffmann, B. Strecker: in 3 Bänden. – Berlin; New York, 1997. – Bd. 3.
2. Eisenberg, P. Grundriss der deutschen Grammatik: in 2 Bänden / P. Eisenberg. – Stuttgart; Weimar, 2006. – Bd. 1.
3. Eijmslev, L. Prolegomenih k teorii yazihka: per. s angl. Yu.K. Lekomceva // Novoe v lingvistike: sb. statej / sost. V.A. Zvegincev. – М., 1960. – Виһ. 1.
4. Babajceva, V.V. Sinkretizm // Lingvisticheskiy ehnciklopedicheskiy slovarj / gl. red. V.N. Yarceva. – М., 1990.
5. Drugovejko, S.V. Sinkretizm yazihkovogo znaka v poezii postmodernizma // Vestnik S.-Peterb. un-ta.– SPb., 2000. – Виһ. 2. – № 10.
6. Buzarov, V.V. Sinkretizm kak raznourovnevoe sredstvo realizacii yazihkovoy ehkonomii // Lingvisticheskie kategorii v sinkhronii i diakhronii: mezhvuz. sb. nauch. trudov. – Pyatigorsk, 1996.
7. Eremin, A.N. Perekhodnostj i sinkretizm v leksicheskoy semantike prostorechnogo slova // Yazihkovaya deyatel'nostj: perekhodnostj i sinkretizm: sb. st. nauch.-metod. seminar «TEXTUS» / pod red. K.Eh. Shtayjn. – М.; Stavropolj, 2001. – Виһ. 7.
8. Bogdanov, S.I. Perekhodnostj v sisteme chastej rechi. Substantivaciya: ucheb. posobie / S.I. Bogdanov, Yu.B. Smirnov. – SPb., 2004.
9. Demidova, K.I. Sinkretichniye yavleniya v leksike sovremennoogo russkogo yazihka // Yazihkovaya deyatel'nostj: perekhodnostj i sinkretizm: sb. st. nauch.-metod. seminar «TEXTUS» / pod red. K.Eh. Shtayjn. – М.; Stavropolj, 2001. – Виһ. 7.
10. Beresneva, V.A. Gnoseologicheskie korrelyacii termina «sinkretizm» v filosofii i lingvistike // Slavjanskoe terminovedenie: teoreticheskiy zhurnal po problemam terminovedeniya i terminologistiki. – М., 2009. – № 1.
11. Vvedenie v filosofiju: ucheb. posobie dlya vuzov / I.T. Frolov [i dr.]. – М., 2002.
12. Florenskij, P.A. Stolp i utverzhenie istin: opit pravoslavnyj teodicej v dvenadcati pisjmakh. – М., 1914.
13. Koblyakov, A.A. Sinergetika, yazihk, tvorcestvo // Sinergeticheskaya paradigma. Nelinejnoe mihslenie v nauke i iskusstve. – М., 2002.
14. Filosofskij ehnciklopedicheskiy slovarj. – М., 1997.
15. Slovarj filosofskih terminov / nauch. red. prof. V.G. Kuznecov. – М., 2007.
16. Potebnya, A.A. Mihslij i yazihk // Potebnya A.A. Slovo i mif / sost., podg. teksta i prim. A.L. Toporkova; отв. ред. А.К. Байбурин. – М., 1989.
17. Toporkov, A.L. Primechaniya // Potebnya A.A. Slovo i mif / отв. ред. А.К. Байбурин. – М., 1989.
18. Solovjev, V.S. Filosofskie nachala celjnogo znaniya // Solovjev V.S. Soch.: v 2 t. / obth. red. i sost. A.V. Gulihgi, A.F. Loseva. – М.: Mihslij, 1990. – Т. 2.
19. Мамардашвили, М.К. Как я понимаю философию / сост. и обth. ред. Ю.П. Сенокосова. – М., 1992.
20. Овсяннико-Куликовский, Д.Н. О значении научного языкознания для психологии мысли // Овсяннико-Куликовский Д.Н. Литературно-критические работы: в 2 т. / сост., подг. текста, прим. И. Михайловой; вступ. ст. Ю. Манна. – М., 1989. – Т.1.
21. Маковский, М.М. Язык – Миф – Культура. Символы жизни и жизнь символов. – М., 1996.
22. Жирмунский, В.М. История немецкого языка. – М., 1965.
23. Москальская, О.И. История немецкого языка. – М., 1977.
24. Потебня, А.А. Из записок по теории словесности. Фрагменты // Потебня А.А. Слово и миф / сост., подг. текста и прим. А.Л. Топоркова; отв. ред. А.К. Байбурин; предисл. А.К. Байбурина. – М., 1989.
25. Веселовский, А.Н. Из истории эпитета // Веселовский А.Н. Историческая поэтика. – М., 1989.
26. Гуссерль, Э. Собрание сочинений. Феноменология внутреннего сознания времени: пер. с нем. / Э. Гуссерль / сост., вступ. ст., пер. В.И. Молчанова. – М., 1994. – Т. 1.
27. Потебня, А.А. Психология поэтического и прозаического мышления // Потебня А.А. Слово и миф / сост., подг. текста и прим. А.Л. Топоркова; отв. ред. А.К. Байбурин; предисл. А.К. Байбурина. – М., 1989.
28. Береснева, В.А. Синкретизм временных форм современного немецкого языка. – Киров, 2008.
29. Береснева, В.А. К вопросу о переводе синкретичных языковых форм // Вестник Московского университета: науч. журнал. – М. – 2010. – № 4. – Сер. 22.

Статья поступила в редакцию 29.10.11

УДК 49 + 493.3 – 25

Darzhay A.V. **ANALYTICAL VERB OF THE TUVINIAN LANGUAGE, FORMED ON MODELS N+V** ^{кыл= 'do'}. The Article is dedicated to analytical verb of the tuvinian language, formed on models N+V ^{кыл= 'do'}. Whole us is revealed 79 units which name the analytical verb, built by syntax way on models N + V ^{cop. кыл= 'do'}.

Key words: analytical verb, model, the first component, the second component, auxiliary verb.

A.V. Даржай, аспирант ТуВГУ, г. Кызыл, Email: aldynai_d@mail.ru

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ГЛАГОЛЫ В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ, ОБРАЗОВАННЫЕ ПО МОДЕЛИ N + V ^{кыл= 'ДЕЛАТЬ'}

Статья посвящена аналитическим глаголам тувинского языка, образованным по модели N+V^{кыл= 'делать'}. Выявленная нами модель является самой частотной по употреблению среди аналитических глаголов в тувинском языке, образованных по модели N+V^{АUX}. Всего нами выявлено 79 единиц, образованных по модели N+V^{кыл= 'делать'}. В предложении они выполняют разные синтаксические функции.

Ключевые слова: аналитический глагол, модель, первый компонент, второй компонент, вспомогательный глагол.

Под аналитическими глаголами мы понимаем объединение двух компонентов, образованные сочетанием имени существительного, звуко-и образоподражательных слов со вспомогательными глаголами, передающие значение действия и состояния. В аналитических глаголах, образованных по модели $N+V^{AUX}$, основное лексическое значение заключается в первом компоненте, второй компонент – вспомогательный глагол – вводит в глагольную парадигму именной компонент, вербализуя его. Следовательно, грамматическое значение вспомогательных глаголов равнозначно функции глаголообразующих аффиксов.

Материалы проведенного исследования показали, что тувинский язык обладает значительной спецификой, что достаточно неожиданно. При сравнении тувинского языка с другими языками огузского типа оказалось, что в нем аналитических глаголов, вопреки ожиданию, оказалось немного. В тюркских языках аналитические глаголы образуются по двум основным моделям $N+V^{эрт}$, кыл= 'делать' и $N+V^{бол}$, ол= 'быть'. В тувинском языке для каждого вспомогательного глагола действует индивидуальная модель. Всего выявлено 14 моделей аналитических глаголов: $N+V^{кыл}$ 'делать' (79 единиц), $N+V^{бер}$ 'дать' (16 единиц), $N+V^{бол}$ 'быть' (9 единиц), $N+V^{сал}$ 'класть' (9), $N+V^{н}$ 'выходить' (8), $N+V^{ал}$ 'взять' (5), $N+V^{кир}$ 'вносить' (4), $N+V^{тырт}$ 'тянуть' (3), $N+V^{чет}$ 'достичь' (2), $N+V^{кр}$ 'видеть' (2), $N+V^{апар}$ 'становиться' (2), $N+V^{тут}$ 'держать' (1), $N+V^{дш}$ 'спускаться' (1), $N+V^{эрт}$ 'пройти' (1). Из них самой частотной по употреблению является модель $N+V^{кыл}$ 'делать'. По этой модели нами выявлено 79 единиц.

Исследуя исторический процесс обособления глагола от имени, глагольного сказуемого от именного сказуемого на материале типологически различных языков (индоевропейских, яфетических, палеазиатских, тюркских и др.) академик И.И. Мещанинов справедливо отмечает, что вспомогательный глагол выступает в различных смысловых значениях и в разнообразных смысловых сочетаниях с именными и глагольными формами [1, с. 178].

В данной статье нами будут рассмотрены аналитические глаголы, построенные по модели $N+V^{кыл}$ 'делать', поскольку, как мы отметили выше, данная модель является самой продуктивной среди аналитических глаголов. По сравнению с другими вспомогательными глаголами в тувинском языке вспомогательный глагол *кыл*=, вступая в сочетание с именами существительными, звуко-и образоподражательными словами, принимает активное участие в образовании аналитических глаголов.

В тувинском языке глагол *кыл*= 'делать' употребляется как полнозначное слово со значением 'делать', и в то же время как вспомогательный компонент в аналитических глаголах, построенных по модели $N+V^{кыл}$, приобретая словообразовательное значение. «Вспомогательными глаголами называются такие глаголы, которые в одних случаях сохраняют свое основное лексическое значение, а в других теряют его и выражают лишь грамматические, а также дополнительные лексические значения другого (основного) глагол» [2, с. 411]. Как показало исследование, в состав первого компонента аналитических глаголов тувинского языка, образованных по модели $N+V^{кыл}$ входят абстрактные и конкретные имена существительные. Но чаще вспомогательный глагол *кыл*= сочетается с абстрактными понятиями.

Итак, в качестве первого компонента аналитического глагола, образованного по модели $N+V^{кыл}$ выступают следующие имена существительные:

1. Абстрактные имена существительные, обозначающие отвлеченные понятия: *байысаалга* 'допрос', *тайылбыр* 'объяснение', *оор* 'воровство', *дыңнадыг* 'сообщение', *илткел* 'сообщение', 'доклад', *ажыл* 'работа', *садыг* 'торговля', *хүлзээзин* 'тревога', *кочу* 'насмешка', 'презрение', *бүрүткел* 'регистрация', *бадылаашкын* 'голосование', *алдаг* 'ошибка', *эндег* 'ошибка (гибельная)', *тңнел* 'вывод', *казыг* 'ошибка',

моондак 'препятствие', *удурланышкын* 'сопротивление', *деткимче* 'поддержка', *истелге* 'расследование'.

2. Абстрактные имена существительные мысли и речи: *бодал* 'мысль', *чугаа* 'разговор'.

3. Конкретные имена существительные, обозначающие названия лиц по родственным отношениям и виду занятости или деятельности: *чиш* 'скот, предназначенный на убой (для запасов на зиму)', *күдээ* 'зять', *кадай* 'жена', *хөдел* 'слуга'.

Кроме перечисленных выше имен существительных вспомогательный глагол *кыл*= сочетается звуко-и образоподражательными словами, значение которых основано на подражании звуков, видов и образов: *караш* 'мелькание темного предмета', *пет* 'шлепанье', *дарс* 'издание треска', *чивеш* 'мелькание, мерцание', *шокараш* 'мелькание пестрого предмета', *шимирт* 'ёкнуть', *серт* 'вздрогнуть, встрепенуться', *каңгырт* 'звенеть', *ток* 'стучать', *диг* 'гремять', *карбаш* 'взмахнуть', *уяраш* 'унывать', *караңгылаш* 'потемнеть', *сыйт* 'свистнуть', *чык* 'грязнуть', *намдаш* 'утихать', *чавырлыш* 'затихать', *амыраш* 'радоваться', *кылаш* 'блестеть'.

В каракалпакском языке, по мнению Н.А. Баскакова, для передачи значения «превратив кого-либо во что-либо или в кого-либо» употребляется только глагол *кылув*: *түйе кылув* – превращать в верблюда, *хайал кылув* – сделать женой. Употребление этого глагола в других значениях рассматривается как особенность юго-западного диалекта, где он используется в некоторой степени факультативно [3, с. 329].

В турецком языке глагольным компонентом аналитических глаголов выступают глаголы *etmek*, *yarpmak*. Глагол *kilmak* в функции вспомогательного глагола постепенно исчезает из литературного языка и становится малоупотребительным. В современном турецком языке он встречается чрезвычайно редко в диалектах, а также в канцелярском языке, в документах, в отдельных выражениях. Он не принимает активного участия в образовании аналитических глаголов, поэтому едва ли его можно рассматривать наряду с глаголом *etmek* и считать равноправным его синонимом. Для современного языка он является архаичным вспомогательным глаголом и самостоятельно не употребляется [4, с. 109].

Исходя из изложенного выше, можно сказать, что в тувинском языке в значении 'делать', 'сделать', 'налаживать', 'исправлять', 'совершать что-либо' употребляется только вспомогательный глагол *кыл*=.

Профессор Д.М. Насилов отмечает, что в турецком языке «сложные (составные) аналитические глаголы представлены поровну с синтетическими глаголами» [5, с. 262]. Мы разделяем точку зрения профессора Д.М. Насилова, так как в тувинском языке аналитические глаголы, построенные по модели $N+V^{кыл}$ 'делать' имеют также простые синтетические параллели глаголов, которые образованы от основы того же имени путем прибавления к ним словообразовательных аффиксов =ла/=ле, =лан и формообразовательного аффикса =ш. Например: *тайылбыр кылыр* – *тайылбырлаар* 'объяснить' (от *тайылбыр* 'объяснение'), *оор кылыр* – *оорлаар* 'воровать', *доклад кылыр* – *докладтаар* 'докладывать' (от доклад), *садыг кылыр* – *садыглаар* 'торговать' (от садыг 'торговля'), *моондак кылыр* – *моондактаар* 'препятствовать' (от *моондак* 'препятствие'), *ажыл кылыр* – *ажылдаар* 'работать' (от *ажыл* 'работа'), *чугаа кылыр* – *чугаалажыр* 'разговаривать' (от *чугаа* 'разговор').

В современном тувинском языке, как и в других тюркских языках, имеется небольшое количество аналитических глаголов, построенных по модели $N+V^{кыл}$, в качестве первого компонента которых выступают имена существительные, заимствованные из русского языка. Они также могут иметь простые синтетические параллели глаголов, образованных при помощи глаголообразующего аффикса =ла. Например: *агитация кылыр* – *агитация=ла=ар* 'агитировать' (от *агитация*), *доклад кылыр* – *доклад=та=ар* 'докладывать' (от

доклад), дезинфекция кылыр – дезинфекция=ла=ар ‘дезинфицировать’ (от дезинфекция), классификация кылыр – классификация=ла=ар ‘классифицировать’ (от классификация), комментарий кылыр – комментарий=лэ=эр ‘комментировать’ (от комментарий), конспект кылыр – конспект=лэ=эр ‘конспектировать’ (от конспект), перевод кылыр – перевод=та=ар ‘переводить’ (от перевод), регистрация кылыр – регистрация=ла= ар ‘регистрировать’ (от регистрация), ревизия кылыр – ревизия=ла=ар ‘ревизовать’ (от ревизия).

Изучая материалы других тюркских языков, можно заметить, что в тюркских языках в качестве первого компонента аналитических глаголов выступает глагол в неопределенной форме, а в тувинском же языке в качестве первого именного компонента аналитических глаголов выступает заимствованное имя существительное. Например: *переводить эт* ‘переводить’ (алт.), *бронировать итеу* ‘бронировать’ (башк.), *звонить килмак* ‘звонить, позвонить’ (уйг.), *диктовать кылуу* ‘диктовать’ (кирг.). Для этих тюркских языков сочетание инфинитива русского глагола со вспомогательным глаголом *кыл=, эт=* ‘делать, сделать’ стало литературной нормой, глагол русского языка в неопределенной форме воспринимается как имя существительное.

В отношении уйгурского языка Кибиров Ш. отмечает, что «в разговорной речи часто выступают формы инфинитива русского глагола на =ить, особенно, на =овать» [6, с. 151]. Например: *звонить килмак* ‘звонить, позвонить’, *редактировать этмек* ‘редактировать’, *мобилизовать килмак* ‘мобилизовать’, *регистрировать килмак* ‘регистрировать’.

Синтаксические функции аналитического глагола, образованного по модели N+V^{кыл=} ‘делать, сделать’ в предложении не одинаковы. Аналитический глагол может функционировать в функции определения, функции инфинитного сказуемого и в функции (конечного) (финитного) сказуемого. Например: *Садыг кылган кижы азы байыыр, азы ядараар* [7, с. 53]. –

Торговавший (человек) или разбогатеет, или разорется. *Уптээшкин кылган улус тып чадап, душкан-на аныяк улусту суп турар улус эвесле* [8, с. 29] – Не могут найти людей, совершивших грабеж, поэтому задерживают всех, кто встречается на их пути. Аналитические глаголы *садыг кылган* (от *садыг* ‘торговля’), *Уптээшкин кылган* (от ‘грабеж’) выступают в приведенных предложениях в функции определения. *Оон кедерезе чамдыктары ажыл кылбас, удуп чыда хүнзээр* [7, с. 78]. – Если захотят, некоторые могут не работать, спят целый день. В этом предложении аналитический глагол *ажыл кылбас* (от *ажыл* ‘работа’) выступает в функции инфинитного сказуемого. *Кижы деп адың сыктың халак, частырыг кылдың* [9, с. 29]. – Не теряй свое достоинство, не ошибись. В предложении аналитический глагол *частырыг кылдың* (от *частырыг* ‘ошибка’) выступает в функции финитного сказуемого.

Обобщая результаты проделанного анализа, можно сделать следующий вывод, что аналитический глагол в тувинском языке, образованный по модели N+V^{кыл=} ‘делать, сделать’ всегда функционирует в речи как одно неделимое слово. Грамматическое и синтаксическое использование равнозначно грамматическому и синтаксическому использованию простого глагола: аналитический глагол свободно варьируется по всем временам, лицам, наклонениям, но не имеет видовых форм.

Таким образом, аналитические глаголы в современном тувинском языке, образованные по модели N+V^{кыл=} ‘делать, сделать’ представляют собой особый случай образования аналитических глаголов с переходным значением, лексическое значение которых заключено в именном компоненте. Принципы, лежащие в основе образования аналитических глаголов, образованных по модели N+V^{кыл=} и аффиксального глаголообразования, одни и те же. Разница лишь в том, что в одном случае они реализуются аналитическим, в другом синтетическим способом.

Библиографический список

1. Мещанинов, И.И. Глагол. – М; Л., 1949.
2. Исхаков Ф.Г. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология / Ф.Г. Исхаков, А.А. Пальмбах. – М., 1961.
3. Баскаков, Н.А. Составные глаголы в каракалпакском языке // Каракалпакский язык. – М. – 1952. – Т. 2.
4. Исенгалиева, В.И. Тюркские глаголы с основами, заимствованными из русского языка. – Алма – Ата, 1966.
5. Насилов, В.М. Язык орхон-енисейских памятников. – М., 1960.
6. Кибиров, Ш. Об отыменных сложных основах глагола в современном уйгурском языке. – Алма-Ата, 1959. – Т. 1.
7. Кудажы, К.К. Уйгу чок Улуг-Хем. – Кызыл, 1996.
8. Кыргыз, Б. Улгедигниң ялазы. – Кызыл, 1996.
9. Куулар, Н.Ш. Мээң таныжым – тайга ээзи дагына. – Кызыл, 2008

Bibliography

1. Methaninov, I.I. Glagol. – M; L., 1949.
2. Iskhakov F.G. Grammatika tuvinskogo yazhka. Fonetika i morfologiya / F.G. Iskhakov, A.A. Paljmbakh. – M., 1961.
3. Baskakov, N.A. Sostavnihe glagolih v karakalpakskom yazhke // Karakalpakskiy yazhik. – M. – 1952. – Т. 2.
4. Isengalieva, V.I. Tyurkskie glagolih s osnovami, zaimstvovannih iz russkogo yazhka. – Alma – Ata, 1966.
5. Nasilov, V.M. Yazhik orkhono-enisejskikh pamyatnikov. – M., 1960.
6. Kibirov, Sh. Ob otihmennihkh slozhnihkh osnovakh glagola v sovremennom uyjgurskom yazhke. – Alma-Ata, 1959. – Т. 1.
7. Kudazhih, K.K. Uyigu chok Ulug-Khem. – Kihzihl, 1996.
8. Kihrgihs, B. Ylgedignih yazhik. – Kihzihl, 1996.
9. Kuular, N.Sh. Mehehñ tanihzhim – tajga ehehñ da?ghina. – Kihzihl, 2008

Статья поступила в редакцию 29.10.11

УДК 82.091

Mongush E.D. GENDER PERSPECTIVES AND ARTISTIC REALIZATION IN SMALL PROSE L. PETRUSH-EVSKAYA. The feature of gender and its artistic realization is considered in small prose L. Petrushevskaya. The boundaries of the distribution of gender concepts in modern fiction are defined in the article, revealing the dramatic relations of women and men.

Key words: gender, aspect, society, social sex, type of annihilation, transgrediense, prose and image.

Е.Д. Монгуш, соискатель сектора литературы Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, зам. директора по инновационной деятельности Тувинского института гуманитарных исследований при Правительстве Республики Тыва, E-mail: mongun2005@yandex.ru

ГЕНДЕРНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА И ЕЕ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ В МАЛОЙ ПРОЗЕ Л. ПЕТРУШЕВСКОЙ

В статье рассматривается особенность гендерной проблематики и её художественная реализация в малой прозе Л. Петрушевской. Определены границы распространения гендерных концепций на современную прозу, раскрывающей драматизм отношений женщины и мужчины.

Ключевые слова: гендер, аспект, социум, социальный пол, аннигиляционный тип, трансгрессионность, проза, образ.

Понятие «гендер» впервые использовано в 50-е годы XX века для описания социально определенных характеристик мужчин и женщин в отличие от биологически определенных характеристик, называемых «пол». В своей статье «Гендерный подход в исторических исследованиях» Н.Л. Пушкарева пишет: «В 1958 психоаналитик университета Калифорнии (Лос-Анджелес, США) Роберт Столлер ввёл в науку термин «гендер», под которым понимал социальные проявления принадлежности к полу или «социальный пол». В 1963, выступая на конгрессе психоаналитиков в Стокгольме, он говорил о понятии социополового (то есть гендерного) самосознания. Его концепция строилась на разделении «биологического» и «культурного». Изучение пола (англ. - sex) Р. Столлер считал задачами биологии и физиологии, а анализ гендера (англ. - gender) рассматривал как предметную область исследований психологов, социологов, культурологов. «Предложение Р. Столлера о разведении биологической и культурной составляющих в изучении вопросов, связанных с полом, и дало толчок формированию особого направления в современном гуманитарном знании – гендерным исследованиям» [1].

В России на рубеже XX – XXI вв. широкое распространение гендерных концепций оказало своё влияние и на литературоведение. Так, один из номеров журнала «Филологические науки» (2000, № 3) был полностью посвящён гендерной проблематике. Марья Рюткенен (Финляндия) в статье «Гендер и литература: проблема «женского письма» и «женского чтения», рассмотрев проблематику «женского письма», поставила вопрос о возможности изучения гендера в художественном тексте. Той же проблеме посвящены опубликованные там же статьи М. Абашевой, Е. Трофимовой, Г. Брандт, Э. Шорэ.

Фактически под гендерными литературоведческими исследованиями понимается изучение женского творчества, произведений женщин-писательниц, особенно, женщинами-литературоведами, а также «изучение женских образов в женской литературе» [1]. Это не совсем так. К гендерным относятся как «женские», так и «мужские» исследования, как в плане проблематики, так и плане авторства художественных исследований.

Т. Ровенская, исследовательница гендерного аспекта в женской прозе, утверждает, что женщина в доминирующих случаях становится темой или объектом любых дискурсов: романтических, реалистических, постмодернистских и т.д. [2]. В диссертационном исследовании Г.А. Пушкарь «Типология и поэтика женской прозы: гендерный аспект (на материале рассказов Т. Толстой, Л. Петрушевской, Л. Улицкой)» (Ставрополь 2007) определены три типа русской женской прозы. Андрогинная женская проза, которая, оставаясь женской, несёт в себе маскулинный взгляд на мир, тип аннигиляционный, когда оба начала взаимоуничтожаются, и проза феминного типа. Прозу Л. Петрушевской Г.А. Пушкарь относит к аннигиляционному типу. Под аннигиляцией исследовательницей трактуется такой синтез противоположностей, в данном случае маскулинного (мужского) и феминного (женского), который ведёт к устранению их непосредственных проявлений в словесной ткани рассказа. Условно говоря, формируется нечто третье, художественная условность, изнутри раскрывающая драматизм отношений женщины и мужчины.

А. Бастриков утверждает, что «проза Л. Петрушевской ситуативна, так как в центре повествования семейно-бытовые события, окружающие женщину. Однако самые обычные

житейские истории пронизаны различными мотивами (литературными, библейскими)... Картина мира Петрушевской в своей основе имеет мифологическую модель. Отмечены мифом все уровни текста: семантический, стилистический, семиотический, сюжетно-композиционный, уровень культурных ассоциаций. Основными концептами для автора становятся Человек, Женщина, Мужчина, Ребёнок, Жизнь, Смерть, Судьба, Время, Пространство» [3]. Тому подтверждение одна из сцен рассказа «Дитя»: «Если не было оправдания и тогда, когда она совершала своё чёрное дело, и тогда, в особенности, когда она уже стояла за зарешеченным окном на первом этаже родильного дома...» [4, с. 120].

Какое чёрное дело совершила героиня рассказа? Женщина поздней ночью родила ребёнка и пыталась убить его, заложив его камнями возле дороги. И это сделала женщина, имеющая уже двоих детей!.. Как выяснилось, все дети незаконорожденные, неизвестен и отец новорожденного мальчика. Сама роженица работает где-то в столовой уборщицей и содержит своего отца-инвалида и детей. Героиня никому ни слова не говорила о своей беременности, не ходила к врачам и не брала отпуска; при ее полной фигуре всё прошло незамеченным, а когда подошел срок, она взяла приготовленный чемоданчик, в котором было шило и вата, и пошла рожать к реке. С самых первых дней героиня рассказа «Дитя» готовилась убить будущего ребёнка. Окружающие «пытались выяснить хоть какие-нибудь обстоятельства столь запутанного дела, спрашивали её, не хотела ли она поначалу родить ребёнка для кого-то, с которым ей хотелось в дальнейшем жить, но который её оставил» [4, с. 120]. Но ответа не получали.

На первый взгляд, сюжет рассказа прост. Женщина хотела избавиться от ребёнка. Мы ещё не знаем, осудят ли её близкие люди. Автор рассказа рисует сцену тюремного свидания с героиней её родных: «Действительно, дети были одеты, как на праздник, как на праздник вырядился и отец, слепец с палочкой – он был в светлой рубашке с короткими рукавами. Всю эту *компанию бедняков*, вырядившуюся, как на праздник, сопровождала старушка, как будто он требовал ухода и наблюдения даже в то время, когда стоял неподвижно и беседовал о чём-то со своей *преступной* дочерью, еле различимой за решеткой окна» [4, с. 124] (курсив наш – Е.М.).

Видно было, что её беззащитные родственники воспринимают преступление с какой-то иной стороны, нежели все остальные. А также они совершенно не принимали во внимание, что перед ними страшная преступница, почти детоубийца, за зарешеченным окном они говорили с ней и даже как-то передали ей за решетку какой-то *нищенский* кулёк, и вид у них был такой, словно с ними что-то произошло, какое-то несчастье; даже у посторонней старушки, которая всё время вылезала вон из кожи, чтобы дети выглядели прилично, и без нужды поправляла на них *бедные* матросские шапочки» [4, с. 121] (курсив наш, Е.М.). Для них, т.е. для старика-слепца и детей эта женщина, прежде всего, была кормилицей. Что будет с ними, если она не вернётся? Нищие и бедные, кому они нужны? Где им найти опору? Что натолкнуло эту женщину на совершение столь бесчеловечного поступка? Казалось бы, девять месяцев женщина носит в себе своё дитя. Что может быть радостнее, светлее этих месяцев, дней, которые наполнены ожиданием чуда! Но почему всё это светлое обернулось для этой женщины кошмаром той тёмной ночью, когда она совершила преступление? Для

слепого отца и детей героиня остается дорогим человеком. И поэту на встречу с ней «эта компания бедняков», «вырядилась как на праздник». В конце рассказа нет авторского вывода, умозаключений ни о женщине, ни о её преступлении – это остаётся на суд читателя, автор отстраняется, это то, что М. Бахтин обозначил, как «трансгредиентность» [5]. Выражения «бедные шапочки», «нищенский кулёк», «компания бедняков» – это те «социальные сигналы», которые и помогут читателю сделать соответствующие выводы о героине, именно в ракурсе «социальный пол».

А в рассказе «Еврейка Верочка» совсем иная ситуация, главная героиня жертвует собою только из-за того, что хочет родить ребёнка, т.е. автор «пометил» ещё одну немаловажную проблему женщины в современном мире.

При этом автор здесь один из персонажей: вспоминает о Верочке с любовью, сочувствует ей: «Верочка ведь родила одна, – сказала она, – без мужа. Она очень любила одного человека, но он был женат» [5, с. 128]. Но что же происходит с героями Людмилы Петрушевской? Нет нормальных семей. Жизнь настолько запутана. Маленький ребёночек Веры останется сиротой. Судьба его искалечена. Любовь и сострадание, внимание к человеку исчезают из нашей жизни, они уже не могут существовать без материальной поддержки. Петрушевская остро чувствует тенденции развития современного общества и ярко обнажает проблему. Однако обнаруживается её желание подсказать путь решения этой проблемы. Это слова соседки Веры: «Мы, евреи, – сказала соседка, – мы детей своих не бросаем, да. Отец его навещает. Покупают ему, что надо, да там и своих денег некуда девать. Там за ним глядят» [5, с. 128].

Наряду с образом женщины, жертвы обстоятельств и судьбы, причём нечастой судьбы, Петрушевская нередко даёт художественное исследование внутреннего мира женщины-матери. Так, в рассказе «Свой круг» мать жестоко избивает сына с единственной целью – вызвать к нему острое сочувствие окружающих. Она знает, что обречена на смерть, так как больна смертельной болезнью, что окружающим её людям предстоит отвечать за мальчика. Но дешёво доставшаяся сцена с избиванием ребёнка получает желаемое продолжение: сложнейшая интрига, затеянная рассказчицей и основанная на точном психологическом расчёте, оканчивается блистательным успехом. Всё это произошло на вечере, устраиваемом рассказчицей раз в год на Пасху: вместо трогательного прощания – удар по лицу ребёнка. Мать надеется, что после её смерти сын поймёт и простит её за это. Казалось бы, непонятно, почему героиня именно таким способом оставляет сына на попечении окружающих. Кто эти люди, откуда они?

Андрей Зорин в своей статье «Круче, круче, круче...» даёт характеристику героям рассказа «Свой круг»: «Одна из героинь рассказа бесплодна и не имеет четырёх передних зубов, другой – стукач и полный импотент, о чём все знают, благодаря болтливости жены, у которой, в свою очередь, «глаз выскакивает из орбиты и вываливается на щеку, как яйцо всмятку», что единственно и сообщает эротические возможности её мужу, оказывающемуся на высоте только в ночи её припадков...» [6, с. 198-204].

Почему мать-рассказчица прибегла к такой мере: избить своего ребёнка? По-видимому, здесь произошёл поразительный излом, вернее, слом, извечная для русской литературы тема сострадания к ребёнку, тема «детской слезинки». Вид детской крови действовал на взрослых угнетающе. Они все как один не могли видеть детской крови, они могли спокойно разрезать друг друга на части, но ребёнок, дети для них святое. Расчет матери был верным. Она спокойно умрёт, ибо знает, что её сына окружают вниманием. Таня будет брать Алёшку на лето к морю. Коля, взявший Алёшку на руки, уже не тот Коля, который ударил когда-то этого Алёшку плашмя по лицу только за то, что тот обмочился. Мариша тоже будет любить и жалеть маленького гнилозубого Алёшку. И богатый в будущем Жора подкинет от своих щедрот средств, и, гля-

дишь, устроит Алёшу в институт. Дольше всех романтически будет любить его Андрей-стукач и его бездетная жена.

Все эти люди в равной степени способны и на сострадание, и на жестокость (вспомним, если бы мать не устроила его судьбу, то он после её смерти пошёл бы по интернатам и был бы трудно принимаемым гостем в доме отца). Это говорит о том, как невыносимо трудно жить женщине-матери, и потому она порой ищет чудовищно неординарные решения физического и психологического свойства.

Всё это делает прозу Людмилы Петрушевской, лишённой метафоричности, изыска, красоты и гармонии, очень обыденной и приниженной: герои рассказа «Свой круг» – «бесплодна», «беззуба», «с глазами, выскакивающими из орбиты», и «импотент», «стукач», «гнилозубый» Алёшка с «недержанием мочи». Петрушевская лишь копирует жизнь, она как бы выступает в роли художника, который своим пером обнажает противоречивую действительность до уродств.

Персонажи Петрушевской, безусловно, «маленькие люди». Здесь немаловажную роль сыграла традиция отечественной классики (Н. Гоголь, Ф. Достоевский, А. Чехов) с её вниманием к «бедным людям», «маленькому человеку», с её гуманизмом и состраданием.

С.П. Бавин пишет в своём библиографическом очерке, что неоднократно об этом говорила и сама Петрушевская, в частности, в преамбуле к своему сценарию мультфильма по «Шинели» Гоголя: «Милосердие есть первое движение человека, охваченного жалостью... Попробуй-ка, приюти бездомного!... И добрый, благонравный человек инстинктивно отшатывается от несения такого креста... Литература XIX века не решала вопросы немедленно. Не давала адреса того тщедушного старика... Литература, как людская молва утром после убийства, разглашала обстоятельства. Газета бы потребовала наказать виновных. Суд бы их приговорил. Литература обратилась к чувству милосердия читателя...» [7, с. 5].

В этом социуме женщина является главным действующим лицом. На хрупкие женские плечи падает этот тяжелейший груз обыденной жизни. Женщины у Петрушевской жесткие, злые, циничные. Волчицы, но волчицы, спасающие детёнышей. Поэтому злоба и жестокость, оскаленные зубы, но ради детей, а значит рядом и жалость, и любовь, и страдание. Материнство для этих женщин является высшей ценностью, мерилом совести и морали. Петрушевская всегда с ними. Она сострадает им, переживает их драмы. Проживает их жизни.

В рассказе «Я тебя люблю» героиня- женщина-мать. Это рассказ о заурядных людях. Главным персонажем является интеллигентный неудачник: это ясно из первых же строк: «С течением времени все его мечты могли исполниться, и он мог бы соединиться с любимой женщиной, но путь его долог и ни к чему не привёл... Он схоронил тещу, а теперь *терпеливо* дожидается. Пока умрёт жена. Почему-то он знал, что она умрёт и освободит его и готовился к этому очень активно: вёл здоровый спортивный образ жизни, занимался по утрам бегом, баловался даже гириями, ел только по системе, и при этом успевал много работать и дослужился до зав.отделом, ездил по заграницам – всё ЖДАЛ» [8, с. 123-124] (курсив наш, Е.Д.).

С самого начала на протяжении всего рассказа главного героя сопровождает деталь – журнальная картинка с фотографией любимой женщины. Она висела над столом на кнопках, а жена ни в чём не перечила, хотя была строгой женщиной и повелевала всем в доме. Эта фотография висела у него над столом и тогда, когда умерла теща, и тогда, когда он ушёл на новое место работы, и даже тогда, когда дети его, мальчик и девочка, подросли. В этой картинке были видны только «пухлые ножки в туфельках» [8, с. 124]. В жизни же обладательница этих ножек капризная блондинка, которая стремится не упустить свой шанс. Антиподом этой женщины является жена главного героя. В прошлой жизни, когда жена была молодой, симпатичной, с ямочками, с толстой косой, она становится для читателя привлекательной, своей

женственностью и «домашностью». Петрушевская подробно описывает, как «жена ухаживала за мужем и за матерью, следила за детьми, преданно бегала для хозяина своей жизни на базар» [8, с. 123]. Главное – у неё были дети, с которыми она по выходным старалась ходить в походы и посещать планетарии. Дети были её будущим, она надеялась на них, надеялась, что в старости они не бросят мать одну. Потому что «она-то, похоже, и вообще не верила в то, что муж её любил, что этот шикарный, с седыми висками, мужчина – её муж» [8, с. 125]. Желаемая развязка, когда муж «казнит» себя за то, что недолюбил, недодал, приходит в конце, но нет уже той, которая ему отдала всё.

Образу героини в данном рассказе всегда противопоставит образ мужчины, он далек от супермена и героя, в типичной гендерно-женской прозе. Он неудачник. По мнению критика Т. Касаткиной, – «Мужчина у Петрушевской так всегда и будет «толстеньким ребенком», ничего не понимающим и безответственным, причиной, поводом для любви, для страдания, для самоотдачи – для отдачи того, что никому вроде бы и не нужно, и за что никто не поблагодарит, но без чего, на самом деле, не будет стоять мир» [9]. В этом рассказе героиня Петрушевской в социальном аспекте была порабощена мужчиной, который не считался с её мнением, ей только оставалось остаться наедине с детьми. Напрашивается вывод – это участь многих женщин.

История женского одиночества, обречённости, отчаяния – главная сюжетная линия в рассказе «Сон и пробуждение». Героиня рассказа – девушка лёгкого поведения. Она постоянно обманывает себя, что завтра начнёт новую жизнь. Вторая сторона её двойного портрета резко контрастирует с реальным образом жизни этой героини: «Лицо скульптуры, из тех римских богинь, которые иногда рождаются на Украине – брови взрывают, нос короткий и тупой, рот полный и классически вылепленный, подбородок крутой, круглый, просто какая-нибудь Минерва. Всё красиво и гармонично, всё дышит классической печалью, только зачем всё это, когда нет жилья, снимает комнату и дешёво идет в любые руки, просто от тоски» [8, с. 122]. Здесь развивается одна из важных тем русской классической литературы – тема проституции как символа жертвенности, ярко представленная в романах Ф. Достоевского. Продолжая традицию Достоевского, Петрушевская даёт описание женщин лёгкого поведения через

сострадательное к ним отношение: «Каждый вечер лихорадочные приготовления, каждый вечер надежды на несбыточное, вроде найти принца, бросить курить и т.д., и каждое утро стремление завтра начать новую жизнь, а вчерашнее – сон, кошмар, ошибка» [8, с. 122]. Суть этого контраста в самих строках повествования.

Петрушевская широко применяет приём антитезы. Он используется писательницей практически во всех её рассказах и повестях, где надо соотнести контрасты жизненных реалий и ситуаций. М. Липовецкий пишет; «Индивидуальность, «диалектика души», все прочие атрибуты реалистического психологизма... полностью замещены одним – роком. Человек у неё полностью равен своей судьбе, которая, в свою очередь, вмещает в себя какую-то крайне важную грань всеобщей – и не исторической, а именно той вечной, изначальной судьбы человечества» [10].

Современное состояние нашего общества ведёт к нелёгким социальным взрывам. Расширяется пропасть между «богатыми» и «бедными». Люди становятся бесчувственными и безразличными.

Известный критик Д. Быков метко и образно охарактеризовал проблемную прозу Л. Петрушевской, сказав, «Что такую прозу, как у Людмилы Петрушевской, мог бы написать гестаповец: жестоко и сентиментально одновременно. Дело только в том, что жестокость – обратная сторона сентиментальности: так воспринимает мир изначально сентиментальный, мучительно страдающий человек. Надо приспособиться, привыкнуть. Вместе с героем меняются язык, автор и, наконец, читатель. И тогда ему открывается не то, чтобы просвет, но утопия в аду, идиллия на руинах. Все прежние мифы разрушены до основания» [11, с. 34-35]. Сказано язвительно, но верно. Важно и то, что из обломков мифов творится новый, современный, хоть и страшный, но, может быть, счастливый мир.

Рассмотренная в данной статье гендерная проблематика и её реализация в малой прозе Л. Петрушевской подтверждает, что в женской прозе зачастую особое внимание уделяется феномену отчуждения, жестокости в человеческих взаимоотношениях, постижению автором-женщиной не только внутреннего мира женщины, но и миропорядка мужчины, крутых поворотов бытия, в которых оказывается просто человек.

Библиографический список

1. Пушкарёва, Н.Л. Гендерный подход в исторических исследованиях // Вопросы истории. – 1998. – № 6.
2. Ровенская, Т.А. Новая амазонка в интерьере женской прозы // Иной взгляд. Международный альманах гендерных исследований. – Минск, 2000.
3. Бастриков, А.В. Особенности женской картины мира (на материале текстов Л. Петрушевской) // Русская и сопоставительная филология: лингвокультурологический аспект. – Казань, 2004
4. Петрушевская, Л.С. В садах других возможностей. Рассказы // Новый мир. – 1993. – № 2.
5. Бахтин, М. Автор и герой в эстетической деятельности. – М., 1979.
6. Зорин, А. «Круче, круче, круче...» // Знамя. – 1992. – № 10.
7. Бавин, С.П. Обыкновенные истории Л.С. Петрушевской. Библиографический очерк. – М., 1995.
8. Петрушевская, Л.С. В садах других возможностей. Рассказы // Новый мир. – 1993. – № 2.
9. Касаткина, Т. «Но страшно мне: изменишь облик ты» // Новый мир. – 1996. – № 4.
10. Липовецкий, М.Н. Трагедия и мало ли что ещё // Новый мир. – 1994. – № 10.
11. Быков, Д. Рай уродов (О творчестве Л.Петрушевской): очерк // Новый мир. – 1993. – № 8.

Bibliography

1. Pushkareva, N.L. Genderniy podkhod v istoricheskikh issledovaniyakh // Voprosih istorii. – 1998. – № 6.
2. Rovenskaya, T.A. Novaya amazonka v interjere zhenskoy prozih // Inoy vzglyad. Mezhdunarodniy aljmanakh gendernihkh issledovaniy. – Minsk, 2000.
3. Batrikov, A.V. Osobennosti zhenskoy kartinih mira (na materiale tekstov L. Petrushevskoy) // Russkaya i sopostavitel'naya filologiya: lingvokulturologicheskij aspekt. – Kazanj, 2004
4. Petrushevskaya, L.S. V sadakh drugih vozmozhnostey. Rasskazih // Novihyj mir. – 1993. – № 2.
5. Bakhtin, M. Avtor i geroy v ehsteticheskoy deyatel'nosti. – M., 1979.
6. Zorin, A. «Kruche, kruche, kruche...» // Znamya. – 1992. – № 10.
7. Bavin, S.P. Obihknovennihe istorii L.S. Petrushevskoy. Bibliograficheskij ocherk. – M., 1995.
8. Petrushevskaya, L.S. V sadakh drugih vozmozhnostey. Rasskazih // Novihyj mir. – 1993. – № 2.
9. Kasatkina, T. «No strashno mne: izmenishj oblik tih» // Novihyj mir. – 1996. – № 4.
10. Lipoveckij, M.N. Tragediya i malo li chto ethyo // Novihyj mir. – 1994. – № 10.
11. Bihkov, D. Rayj urodov (O tvorchestve L.Petrushevskoy): ocherk // Novihyj mir. – 1993. – № 8.

Статья поступила в редакцию 29.10.11

УДК 811.512.141

Salyakhova Z.I. **THE CONCEPTS OF VOICE PROBLEMS STUDYING IN LINGUISTICS.** The article is devoted to studying the concepts of voice problems in linguistics. The history and development of the doctrine of voice category, as well as its various ways in linguistics are demonstrated. Urgent on modern phase of linguistics theory voice category, which is associated with functional-semantic trend in the study of linguistic phenomena is considered.

Key words: voice, classification, principle, semantics, word formation, morphogenesis, transitivity, intransitivity, reflexivity.

З.И. Салыхова, канд. филол. наук, доц. СГПА им. Зайнаб Бишшевой, г. Стерлитамак,
E-mail: s.zuhra@hotmail.com

ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ ИЗУЧЕНИЯ ЗАЛОГОВОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ В ЛИНГВИСТИКЕ

Статья посвящена изучению концепций залоговой проблематики в лингвистике. Прослеживается история и развитие учения о залогах, а также различные направления изучения категории залога в языкознании. Рассматривается особо актуальная на современном этапе развития теории языкознания категория залоговости, которая связана с функционально-семантическим направлением изучения языковых явлений.

Ключевые слова: залог, залоговость, классификация, принцип, семантика, словообразование, формообразование, переходность, непереходность, возвратность.

Термин *залог* (перевод с греческого *diathesis*) употреблялся уже в древнейших грамматиках церковнославянского, а затем и русского языков. Будучи калькой, точным морфологическим слепком греческого слова, этот термин издавна не удовлетворял русских грамматистов (даже тех, кто признавал категорию залога живым и существенным элементом грамматической системы русского глагола). В понятие залога вкладывалось и вкладывается крайне разнообразное и противоречивое лексико-грамматическое содержание [1, с. 476]. Несмотря на то, что категория залога прошла длинный путь исторического развития, учение о залогах до сих пор содержит очень много неясностей. Еще древнеиндийские, древнегреческие, римские и латинские языковеды определили залог как грамматическую категорию, его формы (действительный, страдательный, средний, общий, отложительный), семантический признак и предполагали существование безличного залога. Исследования древних языковедов послужили отправной точкой для изучения залоговой проблематики в лингвистике.

Мелетий Смотрицкий впервые целю изложил систему славянских залогов. Смотрицкий предварительно до изложения системы залогов устанавливает два класса глаголов: переходных и непереходных («самостоятельных»). Далее Мелетий Смотрицкий устанавливает пять залогов: действительный, страдательный, средний, отложительный и общий. «Действительный залог есть, иже действие знаменует слога *–ся*, страдательный из себе творит: яко *бую*, *творю* и прочая. Страдательный есть, иже страдание знаменует, и за отложением *–ся* слога действительный бывает: яко *буюся*, *творюся* и прочая. Средний есть, иже ни действие знаменует, ни страдание, и во страдательное не прелагается: яко *стою*, *здравствую*, *теплюю* и прочая. Отложительный есть, иже окончание убо страдательного иметь, знаменование же или действительного самого яко *буюся* или самого среднего яко *трудождлюся* и прочая. Общий есть, иже окончание страдательного иметь, знаменование же действительного вкупе и страдательного яко *касаюся* и прочая» [2, с. 182]. Все эти определения представляют собой механическое перенесение греко-римской грамматической традиции на почву славянской грамматики [3, с. 17]. Установленная им система залогов, отличалась всеми недостатками, характерными для греко-римской классификации глаголов по залогам, несмотря на это концепция Мелетия Смотрицкого послужила отправной точкой для целого ряда авторов более поздних периодов при изучении залогов. Влияние греко-римских традиций наблюдалось и во взглядах М.В. Ломоносова на залогов. Все же он подверг существенным изменениям систему Мелетия Смотрицкого, приспособив ее в значительной мере к особен-

ностям русского языка. Он определил шесть залогов: действительный, страдательный, возвратный, взаимный, средний и общий. М.В. Ломоносов дал определение каждому залогу. Исключив из системы Смотрицкого отложительный залог, он на основе значений глаголов на *–ся* установил два новых залога: возвратный и взаимный. Необходимо отметить, что М.В. Ломоносов обратил внимание на связь залоговых форм с различиями реальных значений глаголов и с различиями их синтаксического употребления и впервые обстоятельно осветил значение глаголов на *–ся* и их развитие, чем он дал большой толчок лингвистической мысли для работы в этой области.

В грамматиках первой половины XIX в. учение о залоге сводилось к лексико-синтаксической классификации глаголов по характеру отношения действия к объекту [1, с. 477] А.Х. Востоков устанавливает в глаголах те же шесть залогов, что и М.В. Ломоносов. Но он делает оговорку: «Из них главные суть два: действительный и средний. Прочие происходят от действительного» [3, с. 20]. А.Х. Востоков считал, что залогов различаются не по окончаниям, а «по значению», какое глагол получает в употреблении с другими словами. Продуктивными представляются мысли А.Х. Востокова о том, что залог глагола определяется в зависимости от его конкретных синтаксических связей. С точки зрения А.Х. Востокова, в категории залога чаще всего выступает синтаксическая и лексическая стороны глагола в их взаимной связи, в их соотношении. Его концепция в основном характеризуется тем, что в ней отсутствует единый принцип определения залога, который мог бы служить единым основанием для деления глаголов по залоговым группам [3].

Г.П. Павский выделил в категории залога три общих семантико-грамматических типа: действительный, страдательный и средний (т.е. глаголы переходного, страдательного и непереходного значений). Он связывал это деление глаголов с «различными состояниями живущих, действующих и страдающих существ» [4, с. 3]. По мнению Г.П. Павского, основная функция возвратной формы – делать глаголы непереходными. В связи с этим возвратные глаголы включаются в систему среднего залога (кроме тех, которые имеют страдательное значение). Действительный глагол, принявший частицу *–ся*, которая останавливает действие при самом лице и не позволяет ему переходить на внешние предметы, принимает вид и значение среднего залога, и все возвратные глаголы можно назвать средними [4]. Г.П. Павский так же как и А.Х. Востоков утверждал, что среди глаголов «средних возвратных» обособленную группу составляют слова, которые образуются посредством приклейки *–ся* к формам среднего

залога: *стареться, белеться, краснеться*. Г.П. Павский сопоставлял эти глаголы со словосочетаниями *идет себе, живет себе («снег белеет» равносильно: белеет себе)*, а также различал взаимные глаголы и глаголы, в которых частицу *–ся* изображает безличность. В трудах Г.П. Павского было установлено несколько новых значений, свойственных формообразующему суффиксу *–ся*. Несмотря на продуктивность исследования залога, в концепции Г.П. Павского была затенена синтаксическая точка зрения на залог [1, с. 478].

Ф.И. Буслаев в работе «Историческая грамматика» собрал очень богатый фактический материал, освещенный с исторической точки зрения, чем значительно способствовал разрешению основных вопросов, связанных с проблемой залогов. Залог, по мнению Ф.И. Буслаева, прежде всего, означает действительность предмета или переходящую на другой предмет, напр., *читаю книгу, привыкаю к труду*, или непереходящую, напр., *стою* [5, с. 343-344]. Буслаев называет глаголы первого типа переходящими, глаголы второго типа непереходящими. Эти два общих и основных класса глаголов, связанных с разными синтаксическими конструкциями, – глаголов переходящих и непереходящих – по залоговым различиям одинаково распадается на группы действительных, страдательных, средних и возвратных глаголов. В.В. Виноградов подверг критике это деление и отметил, что в делении глаголов выступают ошибки и противоречия, так как, по Буслаеву, действительные глаголы находятся как среди переходящих, так и непереходящих глаголов.

Между тем «действительный глагол» означает действие предмета, переходящее на другой предмет, название которого ставится в винительном падеже [1, с. 479]. А.А. Потебня писал: «Каким же образом действительный глагол, по сущности переходящий, может быть в то же время непереходящим и, наоборот, средний, по сущности непереходящий, может быть в то же время переходящим?» [6, с. 197]. Несмотря на такого рода критику, концепция Ф.И. Буслаева была основана на анализе многочисленных фактических материалов древности и современного ему состояния залогов, и, безусловно, имели значение для дальнейшего их изучения. Существенную роль в процессе разработки залогов сыграли исследования К.С. Аксакова [7, с. 542-557]. К.С. Аксаков, не отказываясь окончательно от учения о залогах, пытался вложить в него новое грамматическое содержание. Ученый решительно выдвигал принцип соотносительности как основу залоговых различий. Прежде всего он противопоставлял глаголы без *–ся* глаголам возвратным с *–ся*. Концепция К.С. Аксакова почти целиком совпадает с тем учением о залогах русского глагола, которое было впоследствии развито акад. Ф.Ф. Fortunatovым в статье «О залогах русского глагола» [8].

Существенную роль в процессе разработки залогов русских глаголов сыграли замечания, сделанные В.И. Далем по этому вопросу. В.И. Даль в процессе работы над словарем [9] практически столкнулся со всем несовершенством разработанной до него системы залогов. Он отметил, что применение принятой системы залогов на практике приводит к невероятной путанице. Приведя целый ряд нелепостей, допущенных в Академическом словаре при указании залога глаголов, В.И. Даль писал, что это не случайные ошибки, а вытекающие из самой сущности принятой системы. Он считал, что «для русского языка распределение глаголов на логи дело вовсе постороннее, случайное, переходчивое; они могут, хотя без всякой пользы, применяться только к каждому частному случаю» [10]. В.И. Даль указал на то, что русские глаголы по своему образованию делятся на два основных разряда: прямые (невозвратные) и возвратные. Мысль о двух разрядах глаголов, выраженная Далем, оказалась весьма продуктивной для дальнейшей разработки системы залогов. С мыслями В.И. Даля о залогах совпали выводы Н.П. Некрасова, который признавал существование двух основных классов глаголов: невозвратные (прямые) и возвратные.

Н.П. Некрасов утверждал, что в делении глаголов на два разряда В.И. Даль отражается простой, здравый научный смысл русского человека, не забитого теорией и школярством, и меткий взгляд на самую теорию русского глагола. Однако, каким бы справедливым не было это деление, оно требует объяснения или некоторого оправдания. Этому объяснению Н.П. Некрасов посвятил свои дальнейшие исследования [11, с. 32-83].

В конце XIX в. дан был новый толчок развитию учения о залогах трудами Ф.Ф. Fortunatova и его учеников – Г.К. Ульянова и В.К. Поржезинского [1]. В.В. Виноградов отмечал, что статья акад. Ф.Ф. Fortunatova «О залогах русского глагола» [8] уточнила и объединила то, что было наиболее ценного в предшествующей грамматической традиции. С. Карцевский утверждал, что исследование Ф.Ф. Fortunatova, уточнившая идеи Н. Некрасова и показавшая, что актуальной функцией возвратной формы является интранзитивизация переходных глаголов, ознаменовала собой новый этап в изучении залогов [12, с. 82]. Концепция залогов, построенная Ф.Ф. Fortunatovым, была основана на принципе соотносительности грамматических форм и соответственных значений. Анализируя многообразие глагольных форм с *–ся* в русском языке, Ф.Ф. Fortunatov в первую очередь выделял глаголы, которые без *–ся* не существуют, и указывал, что они вследствие отсутствия соотносительности не имеют значения отдельной грамматической формы. Он выделял формы с *–ся*, образованные от переходных глаголов и формы с *–ся*, образованные от непереходных глаголов. Ф.Ф. Fortunatov определил наиболее важные значения глагольных форм с *–ся*, образованные от переходных глаголов. Исследуя глагольные формы с *–ся*, образованные от непереходных глаголов (например, *хвастаться, краснеться*) Ф.Ф. Fortunatov указывал, что данные формы с *–ся* не имеют значения непереходного залога, так как при них нет соотносительных форм без *–ся* с переходным значением, т.е. формой залога, по его мнению, располагают лишь соотносительные, парные глаголы без *–ся* и на *–ся*. Он резко обособлял те группы, которым присуща лишь форма возвратного залога, но не значение, не функция ее. Ф.Ф. Fortunatov в глаголах различал только два залога: переходный залог – глагольные формы без *–ся*, имеющие переходное значение, и непереходный залог – соотносительные формы с *–ся*, имеющие непереходное значение.

Новых значений возвратной формы и новых типов возвратных глаголов, по сравнению с теми, которые уже были отмечены А.Х. Востоковым, Г.П. Павским и К.С. Аксаковым, у Fortunatova не было отмечено. В концепции залога Ф.Ф. Fortunatova морфологические признаки явно возобладали над синтаксическими, отмечает В.В. Виноградов [1, с. 483]. Отношение к субъекту, обобщенное до понятия непереходности, вовсе не исчерпывало тех синтаксических явлений, которые сочетались с категорией залога. Проблема залоговых различий отрывалась от вопроса о строе предложения и его типах. Несмотря на это, схема залогов Ф.Ф. Fortunatova оказала решительное влияние на последующие грамматические суждения о залогах. Концепцию акад. Ф.Ф. Fortunatova дополнил В.К. Поржезинский [13], указав еще на два залоговых значения возвратной формы: непрямое возвратное значение и значение полноты проявления признака.

Особую значимость в учении о залогах представляют труды А.А. Потебни. По учению А.А. Потебни, ни один глагол не может сразу обладать несколькими залоговыми значениями: «Выражение: глагол такой-то переходит в такой-то залог – мы должны понимать таким образом, что перед нами два различных, но однозвучных глагола, принадлежащих к двум различным залогам, и что глаголы эти находятся между собою в отношении исторического преемства» [14]. Залоговое значение, по мнению А.А. Потебни, возникает и осуществляется в предложении, в составе которого слово только и живет настоящей, индивидуальной жизнью. Залог, как отмечал А.А. Потебня, есть отношение субъекта к объекту, точнее: отношение сказуемого к подлежащему и дополнению [14]. Далее он писал, что

деление глаголов на объективных и субъективных – зерно, из которого вырастает категория залога.

Синтезировать теорию залогов Ф.Ф. Фортунатова с учениями А.А. Потебни намеревался А.А. Шахматов. В.В. Виноградов развивая концепцию Фортунатова-Шахматова отметил, что Шахматов очень близок к Фортунатову и его школе в понимании сущности залога и в определении значений возвратной формы [1, с. 614]. Определение залога А.А. Шахматова целиком совпадает с определением Ф.Ф. Фортунатова. А.А. Шахматов отметил, что формами залога называются «те различные произведенные от одного и того же глагола образования, в которых обозначаются различного рода отношения действия или состояния, выраженного глаголом, к его субъекту» [15, с. 168-188]. Он указал, что морфология при изучении залогов занимается выяснением тех формальных средств, которыми выражается категория залога. В русском языке, по мнению А.А. Шахматова, имеется два формальных способа выражения залога: 1) исконно существующие различные формы причастий, образованных от глаголов, обозначающих действие или состояние, происходящее от самого субъекта (причастие действительного залога) и от глаголов, обозначающих действие, переходящее с другого (психологического) субъекта на субъект предиката (причастия страдательного залога); 2) прибавление частицы *-ся*. Вслед за Ф.Ф. Фортунатовым он признает, что наряду с глаголами, обозначающими залоговые различия, в русском языке много глаголов, не подводимых под категорию залога из-за отсутствия соотносительных форм (например, *идти, длженствовать, возненавидеть, бояться*). Опираясь на более широкий и разнообразный материал, А.А. Шахматов различал в кругу возвратных глаголов те же оттенки значений, что и Ф.Ф. Фортунатов. Так же как и Ф.Ф. Фортунатов он делил залоговые группы на три основные группы: действительный, страдательный и возвратный (термин «средний залог» он заменил на термин «возвратный») [15, с. 61-67]. Таким образом, в соответствии с теорией А.А. Потебни признает переходности и непереходности становится у А.А. Шахматова фундаментом учения о залогах. О. Паролкова [16, с. 33] утверждала, что теории Фортунатова и Шахматова являются антиподами, взаимно исключаящими друг друга. Однако И.П. Мучник [3, с.8], указывал, что нельзя согласиться с этой мыслью, так как в этих теориях содержится больше общего, чем различного.

Концепция Ф.Ф. Фортунатова получила то или иное отражение в учениях В.В. Виноградова [1, с. 476-510], который разъяснил значения формообразующего и словообразовательного аффикса *-ся*, стремился определить соотношения между глаголами на *-ся* и глаголами без *-ся*, а также осветил вопрос об активных и пассивных оборотах, о переходных и непереходных значениях глаголов. В.В. Виноградов отмечал, что в русском языке категория залога прежде всего выражается в соотношении возвратных и невозвратных форм одного и того же глагола. На основе этого явления лежит синтаксическое свойство глагола воспроизводить оттенки одного общего грамматического понятия (отношения действия к субъекту и объекту) соотносительными формами – основной и производной, осложненной агглютинативным аффиксом *-ся*. В.В. Виноградов, отмечая неоднородность семантической природы залога, полагал, что категория залога находится на самой пограничной черте между грамматикой, лексикологией и фразеологией, в области грамматики – ближе к синтаксису предложения, чем к морфологии слова.

Залоговые являются самой «запутанной» проблемой русской грамматики, считал С. Карцевский [12]. По его мнению, в традиции русской грамматики было принято называть залогом то, что в действительности представляло две разные системы отношений, из которых одна вращается вокруг понятия «объект», центром другой является понятие «деятель». Понятие «деятель» в свою очередь, должна рассматриваться в двух планах: с точки зрения безличности процесса и с точ-

ки зрения отношений между деятелем и подлежащим. С. Карцевский указывает, что именно понятие «деятель», соответствует субстанции, производящей действие (процесс). Эта субстанция стремится всегда выступать в качестве подлежащего в предложении, и в зависимости от того, достигает она этого или нет, предложения выступают то как действительные, то как страдательные. И.П. Мучник подверг критике мысли С. Карцевского, относительно префиксации как средства транзитивации непереходных глаголов. По мнению И.П. Мучника, аналогия между префиксацией как средством транзитивации и возвратной формой, как средством нейтрализации представляется несостоятельной. Эти явления существенно отличаются друг от друга. В то время как любой переходный глагол, сочетаясь с *-ся*, становится непереходным, очень многие непереходные глаголы, присоединяя к себе префикс, все же продолжают оставаться непереходными. Следовательно, по степени универсальности, префиксация, как средство транзитивации, нельзя сравнить с возвратными формами, как средствами нейтрализации. Кроме того, утверждал И.П. Мучник, присоединение к непереходному глаголу префикса изменяет во всех случаях не только его грамматическое значение (транзитивация), но и лексическое (*верить, уверить, сверить*) [3, с. 44]. И.П. Мучник отметил, что концепции «возвратность-невозвратность» и «действительный и страдательный залог» требуют всесторонней разработки с привлечением большого круга языковых фактов.

Таким образом, принципиальные основы первой концепции залогов были заложены в статье Ф.Ф. Фортунатова «О залогах русского глагола» [8]. С. Карцевский утверждал, что статья Ф. Фортунатова, уточнявшая идеи Н. Некрасова и показавшая, что актуальной функцией возвратной формы является интранзитивизация переходных глаголов, ознаменовала собой новый этап в изучении залогов [12, с. 82]. А. Маргулиес писал: «Краткая статья (Ф. Фортунатова) богатством мыслей и убедительностью выделяется среди всего, что сказано в славистике о залоге» [17, с. 19]. Концепция Ф.Ф. Фортунатова получила то или иное отражение в работах А.М. Пешковского, М.Н. Петерсона, А.А. Шахматова, В.В. Виноградова, С. Карцевского, Р. Якобсона. Сравнительно позже появилась насыщенная богатым материалом работа Н.А. Янко-Триницкой «Возвратные глаголы в современном русском языке» [18], где содержится своеобразная трактовка ряда явлений в сфере возвратности-невозвратности. В работе Н.А. Янко-Триницкой осуществлена одна из первых попыток критического обозрения эволюции изучения залогов русских глаголов с древнейших пор, с учетом разнообразных форм изучения этой категории в далекой древности: у индусов, греков и римлян [3, с. 10]. Необходимо отметить, что возвратность-невозвратность представляют важную часть залоговой проблематики и в настоящее время.

На современном этапе развития теории языкознания особую актуальность приобретают системно-структурные аспекты лингвистического анализа в единстве с аспектами коммуникативно-функциональными. Результаты семантических исследований требуют поисков нового в сфере системности, охватывающей различные типы языкового содержания в их соотношении к средствам формального выражения. Интенсивное развитие лингвистической семантики становится стимулом для осмысления роли и формы, системы и структуры в целостном комплексе научного познания языка и речи [19, с. 10]. В связи с разработкой теоретических оснований функциональной грамматики, базирующейся на понятии поля, была осознана возможность и целесообразность более дифференцированного представления ряда ФСП (функционально-семантического поля). Как комплекс ФСП целесообразно рассматривать и залоговость. Основанием для этого служат, по мнению А.В. Бондарко, с одной стороны, различия между ФСП активности и пассивности, возвратно-

сти, взаимности и переходности/непереходности, а с другой – наличие между ними определенной общности. Концепция залоговости предполагает, что речь идет не просто об отношении действия к субъекту и объекту (такое отношение само по себе всегда одинаково в денотативно-понятийном аспекте – в том смысле, что если в ситуации есть действие, субъект и объект, то действие всегда осуществляется субъектом и так или иначе затрагивает объект). Речь идет об отношении к семантическим категориям субъекта и объекта, рассматриваемым в их соответствии с тем или иным элементом синтаксической структуры предложения [20, с. 127-129]. Развитие

концепции залоговости нашли отражение в трудах А.В. Бондарко, В.С. Храковского, Э.Ш. Генюшене, В.П. Недялкова, Ю.А. Пупынина, М.А. Шелякина, И.Б. Долинина и др.

Обобщая вышеизложенное, нужно отметить, что залоговость может быть определена как комплекс функционально-семантического поля, которые охватывают разноуровневые средства, характеризующие глагольное действие в его отношении к субъекту и объекту как семантическим категориям, которым соответствует тот или иной элемент синтаксической структуры предложения (подлежащее, прямое или косвенное дополнение).

Библиографический список

1. Виноградов, В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – М., 1972.
2. Грамматика Славенская правильное Синтагма, потщанием многогрешного мниха Мелетия Смотрицкого... – М., 1648.
3. Мучник, И.П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. – М., 1971.
4. Павский, Г.П. Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение 3. О глаголе. – СПб., 1842.
5. Буслаев, Ф.И. Опыт исторической грамматики русского языка. – М., 1858. – Ч.2.
6. Потебня, А.А. Из записок по русской грамматике. – М.; Л., 1941. – Т.4.
7. Аксаков, К.С. О русских глаголах: полн.собр.соч. – М., 1875. – Т.2. – Ч.1.
8. Фортунатов, Ф.Ф. О залогах русского глагола // Известия ОРЯС. – СПб., 1899. – Т. IV. – Кн. 4.
9. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – СПб., 1880.
10. Даль, В.И. Второе введение: о русском словаре // Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1955.
11. Некрасов, Н.П. О значении форм русского глагола. – СПб., 1865.
12. Karcevski, S. Systeme du verbe russe. – Praha, 1927.
13. Поржезинский, В.К. Возвратная форма глаголов в литовском и латышском языках. – М., 1903.
14. Потебня, А.А. Из записок по русской грамматике. – М.; Л., 1941. – Т. 4.
15. Шахматов, А.А. Очерк современного русского литературного языка. – М., 1941.
16. Parolkova, O. K problematice zvratnych sloves a tzv. zvratneho pasiva v soucasne spisovne ruštine a češtině. «Slavia», ročn. XXXVI. seš. I. – Praha, 1967.
17. Margulies, Alf. Die Verba reflexive in den slavischen Sprachen. – Heidelberg, 1924.
18. Янко-Триницкая, Н.А. Возвратные глаголы в современном русском языке. – М., 1962.
19. Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры / Я.Э. Ахипкина, А.В. Бондарко [и др.] / отв. ред. А.В. Бондарко, С.А. Шубик. – СПб., 2005.
20. Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость / А.В. Бондарко, Т.В. Булыгина [и др.] / отв. ред. А.В. Бондарко. – СПб., 1991.

Bibliography

1. Vinogradov, V.V. Russkij yazykh (grammaticheskoe uchenie o slove). – M., 1972.
2. Grammatika Slavenskaya pravilnoe Sintagma, potthaniem mnogogreshnogo mnikha Meletiya Smotrickogo... – M., 1648.
3. Muchnik, I.P. Grammaticheskie kategorii glagola i imeni v sovremennom russkom literaturnom yazyhke. – M., 1971.
4. Pavskij, G.P. Filologicheskie nablyudeniya nad sostavom russkogo yazyhka. Rassuzhdenie 3. O glagole. – SPb., 1842.
5. Buslaev, F.I. Opiht istoricheskoy grammatiki russkogo yazyhka. – M., 1858. – Ch.2.
6. Potebnya, A.A. Iz zapisok po russkoy grammatike. – M.; L., 1941. – T.4.
7. Aksakov, K.S. O russkikh glagolakh: poln.sobr.soch. – M., 1875. – T.2. – Ch.1.
8. Fortunatov, F.F. O zalogakh russkogo glagola // Izvestiya ORYaS. – SPb., 1899. – T. IV. – Kn. 4.
9. Dalj, V.I. Tolkovihy slovarj zhivogo velikorusskogo yazyhka. – SPb., 1880.
10. Dalj, V.I. Vtoroe vvedenie: o russkom slovare // Tolkovihy slovarj zhivogo velikorusskogo yazyhka. – M., 1955.
11. Nekrasov, N.P. O znachenii form russkogo glagola. – SPb., 1865.
12. Karcevski, S. Systeme du verbe russe. – Praha, 1927.
13. Porzhezinskiy, V.K. Vozvratnaya forma glagolov v litovskom i latihshskom yazyhkakh. – M., 1903.
14. Potebnya, A.A. Iz zapisok po russkoy grammatike. – M.; L., 1941. – T. 4.
15. Shakhmatov, A.A. Ocherk sovremennogo russkogo literaturnogo yazyhka. – M., 1941.
16. Parolkova, O. K problematice zvratnych sloves a tzv. zvratneho pasiva v soucasne spisovne ruštine a češtině. «Slavia», ročn. XXXVI. seš. I. – Praha, 1967.
17. Margulies, Alf. Die Verba reflexive in den slavischen Sprachen. – Heidelberg, 1924.
18. Yanko-Trinickaya, N.A. Vozvratnihe glagolih v sovremennom russkom yazyhke. – M., 1962.
19. Problemih funkcionalnoj grammatiki. Polevihe strukturih / Ya.Eh. Akhupkina, A.V. Bondarko [i dr.] / отв. red. A.V. Bondarko, S.A. Shubik. – SPb., 2005.
20. Teoriya funkcionalnoj grammatiki. Personalnostj. Zalogovostj / A.V. Bondarko, T.V. Bulihgina [i dr.] / отв. red. A.V. Bondarko. – SPb., 1991.

Статья поступила в редакцию 29.10.11

УДК 821. 161

Flegentova T.N. THE BLESSING IS A GESTURE OF THE MOTHER IN THE NOVELS F. M. DOSTOEVSKY. The blessing is a gesture of the mother, loving the son, wishing to protect him. Using the blessing (when mother crosses the son), mother calling the God-father as a part of the whole: the father – mother – the son. In the novel of F. M. Dostoevsky «Teenager» the scene of visiting of Arcady's mother in Tusharov's board has a ring composition. Within the limits of the text of whole novel visual gesture (cross imposing) is accompanied by sound action (cross imposing occurs during sounds of bells). Emblematic pictures of imposing of a cross model a situation of the hero's dream which is developed on the verge of two realities, terrestrial and heavenly. In consciousness of the hero Christmas and Easter events intertwine: the cross becomes a sign of destiny of the hero. «Unstated» (teenager's) Arcady's consciousness in terrestrial existence is consecrated with a parent cross.

Key words: the blessing, a cross, a situation.

Т.Н. Флегентова, соискатель каф. русской литературы и фольклора Кемеровского государственного университета, г. Кемерово, E-mail: flegen@rambler.ru

БЛАГОСЛОВЕНИЕ МАТЕРИ В РОМАНАХ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Наложение креста в виде благословляющего жеста – это жест матери, любящей своего сына, желающей его защитить, поэтому призывающей Бога-отца через крест как часть единого целого: отец – мать – сын. В этой ситуации происходит конструирование исходной: восстанавливаются нарушенные отношения. В связи с этим можно отметить важные обстоятельства: ключевое положение проанализированных сцен, эмоциональное напряжение, охватывающее героев в эти моменты.

Ключевые слова: благословение, крест, ситуация.

В современном литературоведении изучение творчества Ф.М. Достоевского занимает одно из ведущих мест и уже имеет свою историю. В целом, наследие писателя осмысливается широко и в различных направлениях.

Осмысление особенностей визуальной поэтики Достоевского в литературоведении началось сравнительно недавно. В настоящее время сложилось представление о том, что Достоевский не только великий писатель, но и великолепный художник, он является «создателем уникального стиля, в котором, несмотря на философско-психологическую доминанту, присутствует плотный визуальный ряд, далеко не всегда выступающий в форме описательных конструкций, но часто выполняющий разнообразные функции – от характеристики персонажей до выявления символического смысла изображаемого» – как отмечает С.Б. Пухачёв [1].

Исследователями предпринимаются попытки воссоздать визуальный механизм восприятия писателем мира (примером может служить статья А.Б. Криницына «О специфике визуального мира у Достоевского и семантике «видений» в романе «Идиот»» [2]). В связи с таким положением дел особую актуальность получает рассмотрение эмблематического строя произведений Достоевского. Так, В.В. Борисова в работе «Эмблематический строй романа Достоевского «Идиот»» указывает на такую черту художественного зрения писателя, «как способность выхватывать из потока действительности идеологически значимые факты и оформлять их в виде некой «картинки», «указания» в духе эмблематической традиции, то есть способность эмблематизировать визуальные образы» [3, с. 102].

Слово «крест» является семантически насыщенным. Для нас на первый план выступает ряд значений. Прежде всего, крест как символ принадлежности человека к определенной вере, как знак освящения чего-либо, например, пищи. Помимо этого крест выступает в роли своеобразного оберега от нечистой силы. Также слово «крест» употребляется в значении наказания и связанных с этим действием страданий, мучений. В произведениях Ф.М. Достоевского все указанные значения актуализированы.

В Пятикнижии последовательно разворачиваются эпизоды, смысловым центром которых становится благословение крестом. В произведениях Ф.М. Достоевского («Преступление и наказание», «Идиот», «Подросток», «Бесы») благословляют, как правило, матери сыновей. В «Преступлении и наказании» Пульхерия Александровна крестит Раскольникову в их последнюю встречу перед признанием, Софья Андреевна накладывает крест во сне героя «Подростка», спящего Николая Всеволодовича Ставрогина благословляет Варвара Петровна. Эти ситуации типологически общи: их объединяет то, что участниками действия становятся мать и сын, отношения между которыми основываются на огромной любви со стороны матери. Со стороны сына наблюдается уважение, снисхождение к родительнице.

С этой точки зрения ситуация благословения в тексте романа «Подросток» представлена интересным образом. Особенность представленной сцены состоит в том, что ситуация разворачивается в ирреальном времени, отсылающем в прошлое, в детство ребенка. Детский возраст ребенка становится знаковым в этой сцене.

Эпизод, в котором крест предстает как визуальный знак (один из знаков судьбы героя, проходящего путь испытания крестом) является эпизод сна Аркадия, когда он замерзал после рулетки у Зерщикова. Во сне он видит мать и слышит ее голос: «Ну, господи...ну, господь с тобой... ну, храни тебя ангелы небесные, пречистая мать, Николай-угодник... Господи, господи! – скороговоркой повторяла она все крестя меня, все стараясь чаще и побольше положить крестов» [4, с. 272] «еще раз перекрестила, еще раз прошептала какую-то молитву и вдруг – и вдруг поклонилась и мне точно так же, как наверху Тушарам, – глубокоим, медленным, длинным поклоном, – никогда не забуду я этого!» [4, с. 273].

В данном случае актуализируется весь комплекс значений, который закрепился за этим действием: это и родительское благословение, и стремление оберечь ребенка, защитить его от злого влияния других людей, от нечистой силы, от всего того, что может негативно воздействовать на него, отсюда, на наш взгляд, и многократное повторение наложения креста.

В этом же сне нас интересует момент, когда мать Аркадия кладет кресты перед церковью: «Мама повернулась к церкви и три раза глубоко на нее перекрестилась, губы ее вздрагивали, густой колокол звучно и мерно гудел с колокольни» [4, с. 272]. Обращаясь к этому эпизоду, следует помнить, что колокольный звон, священный звон сопровождает мать во время посещения сына: ее неожиданное появление происходит под твердые удары колокола, прощание на крыльце связано с этими же звуками. Однако здесь мы встречаемся с некоторой на первый взгляд необъяснимой странностью: удары колокола во время встречи сына с матерью точно такие же, как и в момент прощания. Дело в том, что колокол не может звучать одинаково до и после службы. Это связано с функциями, которыекрепились за колокольным звоном.

Сакральная музыка колокола созывает верующих к службе, выражает торжество Церкви и Богослужения, оповещает о времени совершения наиболее важных частей службы. В народном мировоззрении звук колокола имел не только богослужебное значение: им приветствовали особых гостей, собирали народ на вече, объявляли рекрутский набор, сообщали о свадьбе, смерти или казни, предупреждали о приближении врага и пожаре, указывали дорогу путникам, подавали сигналы времени. Существует несколько видов звонов: благовест – одиночные удары в большой колокол, перебор – по одному удару в колокола от малого к большому, перезвон – поочередные удары в колокола от большого к малым и трезвон – несколько одновременно звонящих колоколов.

В тексте романа Ф.М. Достоевского уточняется, что удары колокола были не похожи на набат, звон, означающий какое-то важное событие, а герою слышится плавный звон, что позволяет нам сделать вывод о том, что твердые звуки, которые слышит Аркадий, – благовест, размеренно возвещающий о начале службы. Считается, что это самый древний из звонов и назван так потому, что несет благую весть о начале Богослужения. По нашему мнению, благовест, сопровождающий Софью Андреевну, открывает дополнительные смыслы анализируемой сцены. Тем самым делается акцент на том, что приезд матери не только событие бытий-

ного уровня («не набат»), но и иного порядка. Таким образом, можно объяснить расхождение между внешними поступками героев, которые порой носят явно демонстративный характер, с тем внутренним, что их роднит и связывает: маленький Аркаша «тотчас» узнает свою родительницу.

Таким образом, в романе «Подросток» сцена посещения матери Аркадия в пансионе Тушаров имеет кольцевую композицию. В рамках целостного текста визуальный жест (наложение креста) сопровождается аудиальным действием (наложение креста происходит под звуки колоколов). Эмблематические картины наложения креста моделируют ситуацию сна героя, которая разворачивается на грани двух реальностей, земной и небесной: начальная ситуация – Аркадий засыпает на святой «зимней неделе», событие сна – приезд матери – приходится на «весеннюю», так дистанция перестает существовать. В сознании героя переплетаются события Рождества и Пасхи: крест становится знаком судьбы героя. «Неустановленное» (подросток) сознание Аркадия в земном существовании освящается материнским крестом.

Визуальный строй романов Достоевского предполагает обращение к основным функциональным типам крестов. Во многих эпизодах крест выступает как внетекстовая реальность, символический смысл которой понятен каждому христианину (православному) и не нуждается в более подробном (глубоком) истолковании.

Так, например, в романе «Преступление и наказание» словообраз «крест» возникает во сне Раскольникова, в котором герой видит себя семилетним мальчиком, идущим с отцом, и в котором маленький герой вспоминает про свою умершую бабушку: «*При этом всегда они брали с собой кутью на белом блюде, а кутья была сахарная из рису и изюму, вдавленного в рис крестом*» [5, с. 46]. Кутьей называется ритуальная каша, сваренная из ячменя, пшеницы, либо из риса, приносимая в церковь при поминках и подаваемая за упокойным столом. Принимая во внимание это значение, можно говорить о том, что кутья обладает своим особой сакральной семантикой и специализированными функциями. Выложенный из рису крест подчеркивает это. Прежде всего, он является элементом, свидетельствующим об известном предназначении этой пищи, то есть то, что она приготовлена для поминания умерших. В то же время он выступает и как символ освящения ее, и одновременно сигнализирует о том, что каша имеет большую связь с миром ирреальным (потусторонним), нежели действительным.

Этот сон Раскольникова ценен тем, что дает читателю дополнительные сведения о формировании характера героя. Особое место в нем занимает описание пространства: «*Местность совершенно такая же, как уцелела в его памяти: даже в памяти она гораздо более изгладилась, чем представлялась теперь во сне*» [5, с. 46]. Описанное пространство дает нам возможность восстановить целостную картину. Город, в котором прошло детство маленького Родиона, небольшой, открытый («как на ладони»), только «на самом краю неба чернеется лесок» [5, с. 46]. Всегда черная пыль покрывает дорогу возле большого кабака, «*всегда производившего на него неприятнейшее впечатление*» [5, с. 46]. Дорога огибает вправо городское кладбище, в центре которого стояла каменная церковь с зеленым куполом, которую он любил, и «старинные в ней образа, большую частью без окладов и старого священника с дрожащею головой» [5, с. 46].

Сознание героя отмечает общую пространственную схему: город и вдалеке лес. В более конкретную перспективу введены три значимых точки, объединенных одной дорогой: кабак, кладбище и церковь (причем, две последние находятся на одной территории). По существующей традиции кабаки и церковь воспринимаются как локусы, противопоставленные друг другу (кто не попадает в церковь, тот попадает в кабак), это подчеркивается отношением Раскольникова: кабак с его пьяными нагоняет на него страх, заставляет дро-

жать, а церковь со старым священником вызывает прямо противоположное чувство – любовь.

Из сна становится известно важное обстоятельство из истории семьи Раскольниковых: «*Подле бабушкиной могилки, на которой была плита, была и маленькая могилка его меньшого брата, умершего шести месяцев и которого он тоже совсем не знал и не мог помнить... и он каждый раз, как посещал кладбище, религиозно и почтительно крестился над могилкой, кланялся ей и целовал ее*» [5, с. 46]. Потеря для семьи второго сына обрушивается на плечи маленького мальчика, он становится единственным источником надежд и радости для родителей, вместе с ними на него накладывается и непрожитая жизнь младшего брата. Этот груз станет весомей после смерти отца, когда Раскольников останется главным мужчиной в семье со всеми налагающимися обязанностями.

Неоднократно во многих работах исследователей творчества Ф.М. Достоевского подчеркивалось значение слова «вдруг», довольно частотное на страницах его романов. На наш взгляд, эти «вдруг» – ситуации не являются в романном мире Достоевского обособленными. Напротив, они образуют оппозицию к слову «всегда», не столь частотному, однако имеющему такое же по степени важности функциональное значение. Соответственно «всегда» становится знаком длительного, постоянного, постепенно сменяющегося времени и внутренних состояний.

Противоположное слову «вдруг» (всегда) встречается в произведениях писателя реже, поэтому его неоднократное употребление в обозначенной сцене мы не считаем случайным. Будучи маленьким мальчиком Раскольников с отцом и с матерью ходили в церковь «*раза два в год*» [5, с. 46], но это событие повторялось ежегодно, что позволяет говорить, с одной стороны, о норме жизни в семье Раскольниковых, с другой, – о норме как таковой (т.е. о вечности обрядового действия – поминовение усопших в четко установленные дни – три родительские субботы). Примечательно здесь то, что Родион воспитывался в вере, соблюдал установленные обряды, иными словами, был по-настоящему связан с церковью, с ее заветами, и это говорит о том, что событие отклонения, отхода от христианской веры, от Бога у героя происходит тогда, когда он находится во взрослом состоянии.

Замечательно, что в тексте даны следы религиозного воспитания: мать Раскольникова в конце своего письма настойчиво спрашивает его о том, молится ли он Богу, верит ли он по-прежнему в благодать Творца и Искупителя, при этом отсылая память Раскольникова в его детские годы, когда он «*в детстве своем, при жизни <...> отца, <...> лепетал молитвы свои у меня на коленях и как мы все тогда были счастливы*» [5, с. 34]. Материнское сердце подсказывает Пульхерии Александровне то, что с ее сыном не все благополучно, что его настигло безверие, и она молится за него.

Два отрезка жизни Раскольникова можно противопоставить друг другу: детство – это «всегда», взрослость – это «вдруг», переход из одного состояния в другое связано с перемещением героя из пространства городка в Петербург, а в целом – с отрывом от родных мест и близких людей. Другой (обратный) переход начнется в эпилоге романа. Перед читателем «*с высокого берега откроется широкая степь*» [5, с. 421], а на Соне в тот момент будет «*бедный, старый бурнус и зеленый платок*» [5, с. 421]. В «Преступлении и наказании» убийственному Петербургу противопоставлено открытое пространство городка детства героя и степь каторги.

Таким образом, сон Раскольникова представляет жизнь героя, изначально правильно ориентированную на вечные ценности, позволяет восстановить некоторые биографические моменты и объяснить «переворот», происшедший в сознании Родиона Романовича, известным образом повлиявший на него в дальнейшем. Поэтому неслучайно появление креста, который постепенно становится знаком судьбы героя.

Библиографический список

1. Пухачёв, С.Б. Поэтика жеста Ф.М. Достоевский (на материале романов «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы»): дис. ... канд. филол. наук. – Великий Новгород, 2006.
2. Криницын, А.Б. О специфике визуального мира у Достоевского и семантике «видений» в романе «Идиот» // Роман Ф.М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения. – М., 2001.
3. Борисова, В.В. Эмблематический строй романа Достоевского «Идиот» // Достоевский. Материалы и исследования. – СПб., 2005. – Т. 17.
4. Достоевский, Ф.М. Собр. соч.: в 30 т. Подросток. – Л., 1975. – Т. 13.
5. Достоевский, Ф.М. Собрание сочинений: в 30 т. Преступление и наказание. – Л., 1973. – Т. 6.

Bibliography

1. Pukhachyov, S.B. Poetika zhesta F.M. Dostoevskiyj (na materiale romanov «Prestuplenie i nakazanie», «Idiot», «Besih», «Podrostok», «Brat'ya Karamazovih»): dis. ... kand. filol. nauk. – Velikiy Novgorod, 2006.
2. Krinichin, A.B. O specifike vizual'nogo mira u Dostoevskogo i semantike «videniyj» v romane «Idiot» // Roman F.M. Dostoevskogo «Idiot»: sovremennoe sostoyanie izucheniya. – M., 2001.
3. Borisova, V.V. Ehblematicheskij stroj romana Dostoevskogo «Idiot» // Dostoevskiyj. Materiali i issledovaniya. – SPb., 2005. – T. 17.
4. Dostoevskiyj, F.M. Sobr. soch.: v 30 t. Podrostok. – L., 1975. – T. 13.
5. Dostoevskiyj, F.M. Sbranie sochineniy: v 30 t. Prestuplenie i nakazanie. – L., 1973. – T. 6.

Статья поступила в редакцию 29.10.11

УДК 882 (09)

Zhestkova E.A. THE EPOCH OF IVAN THE TERRIBLE IN THE DESCRIPTION N.M. KARAMZIN'S AND A.K. TOLSTOY'S WORKS. In this article the author says about the influence of N.M. Karamzin's historical concept on A.K. Tolstoy's creative regard. The artistic methods that Karamzin and Tolstoy used to reveal the internal state of Ivan the Terrible are being analyzed in this work too.

Key words: monarch, Orthodox concept, the evolution of the character, consciousness, psychological peculiarities, moral freedom of a person.

E.A. Жесткова, канд. филол. наук, доц. АГПИ им. А.П. Гайдара, E-mail: ezhestkova@mail.ru

ЭПОХА ИОАННА ГРОЗНОГО В ИЗОБРАЖЕНИИ Н.М. КАРАМЗИНА И А.К. ТОЛСТОГО

В статье рассматривается вопрос о влиянии исторической концепции Н.М. Карамзина на творческий взгляд А.К. Толстого, анализируются художественные приемы, которые используют Карамзин и Толстой для раскрытия внутреннего состояния Иоанна Грозного.

Ключевые слова: монарх, православная концепция, эволюция характера, сознание, психологические особенности, нравственная свобода человека.

«Это злободневно, как свежая газета» [1, с. 135], – восторженно отзывался об «Истории государства Российского» А.С. Пушкин, особенно нетерпеливо ожидавший выхода в свет девятого тома, посвященного правлению Иоанна Грозного. Страстное и художественно убедительное изображение жестокого царя не оставило равнодушным практически никого из читателей: история стала одним из способов познания современности. Проблемы власти и личности, закона и произвола объясняют повышенный интерес к личности Иоанна IV.

В романе А.К. Толстого «Князь Серебряный» отчетливо прослеживается связь с «Историей государства Российского» Н.М. Карамзина. Писатель заимствовал не только общую фактическую канву, но и отдельные эпизоды, в ряде случаев включая в свое повествование лишь незначительно измененный текст многотомного сочинения, а также ввел множество конкретных исторических лиц, что свидетельствует о его стремлении к достоверности и документальности изображения, продемонстрировал достаточно серьезное знание предмета художественного изображения – времени царствования Иоанна IV.

Как и для Карамзина, для Толстого история сохраняла свой этический смысл. Писатель так же, как и историк, считал, что представления о человеческом процессе немислимы без сохранения национальных начал, связанных с неизменным нравственным комплексом, и определяющих нравственных норм. Так, автор «Истории государства Российского» был убежден в восходящем прогрессивном развитии движения, лежащем в основе мировой истории. При этом он понимал идею прогресса как неуклонное движение челове-

чества вперед – от низшего к высшему, как переход на более высокие ступени развития, изменение к лучшему. Его вера в прогресс была, по сути отражением просветительских воззрений XVIII века, хотя, бесспорно, Карамзин унаследовал от христианства его веру в единство исторического развития. Толстой также приходит к пониманию причинно-следственных связей в цепи исторических событий: настоящее, в его представлении, обусловлено прошлым и создает предпосылки для дальнейшей событийности. Однако если для Карамзина мечта об идеальном обществе связана с будущим и является результатом постепенного совершенствования человека и человечества в целом, то А.К. Толстой считает возможным и необходимым возвращение к исходному этическому статусу Древней Руси, которая, по мнению писателя, выступает носителем прав, свобод и культурных ценностей, созданных христианским прошлым. История России, с точки зрения Толстого, представляет постепенный отход от этих норм, с одной стороны, и безуспешные попытки возвращения к ним – с другой. Общественные противоречия, вызванные всеобщим духовным упадком, по мнению писателя, чреватые возможностью государственной катастрофы, возвращающей национальное самосознание к комплексу незыблемых христианских ценностей как единственному источнику спасения. Таким образом, столкновение необратимости исторической динамики и этической статики в исторической концепции Толстого сформировало теорию циклического развития, в свете которой действительность предстает и вечно удаляющейся от идеала, и приближающейся к ней.

Одной из центральных проблем, на которой сфокусировано внимание обоих авторов, являлся вопрос о соотноше-

нии закона (государства) и свободы человека. Н.М. Карамзин во многом придерживался концепции просветительского эгалитаризма. Но в то же время был убежден, что монарх, в соответствии с православной концепцией власти, действует не по формальному праву (закону), а по «единой совести»: «Нет противоречия, – пишет Карамзин, – и все справедливо в делах Божества: ибо русские уверены, что Великий Князь есть исполнитель воли небесной. Обыкновенное слово их: так угодно Богу и Государю; ведают Бог и Государь» [2, с. 93]. Волю самодержца, основанную на силе традиции, православной нравственности историк признавал «живым законом. При этом Н.М. Карамзин высоко ценил свободу, но свободу внутреннюю, духовную. Что же касается политических прав, то автор «Истории» полагал допустимым их ограничение в определенные периоды во имя интересов государства, делал акцент на гражданском долге.

А.К. Толстой со свойственным романтикам акцентом на роли человеческой личности в истории считал, что личные пороки государя – большое искушение для его подданных. Как православный историк, А.К. Толстой оценивал происходящее с христианской точки зрения. Поэтом одним из необходимых условий справедливого государственного устройства писатель считал развитое народное самосознание, призванное уравнивать политическую и остальные сферы. Однако, представляя государство инструментом Божественного Провидения, писатель умалял его неморальный характер.

В романе «Князь Серебряный» показана драма личности, структура ее сознания, раскрыты психологические особенности характера Иоанна Грозного. Герой изображен в психологическом развитии. Однако картина этой эволюции создается пунктиром, по ходу нарратива, и она менее важна для автора, чем создание многомерного, многопланового образа Ивана Грозного [3, с. 72]. Художественное воплощение личности царя совершается в свете религиозно-мистической концепции Помазанника Божьего, которая во многом объясняет противоречивые обстоятельства правления Иоанна. Его образ возникает на скрещении различных оценок деятельности Иоанна IV (их воплощением являются точки зрения самого царя, окружающих, автора). В итоге характер Грозного не совпадает с его образом в целом. Образ оказывается шире социально-психологических и бытовых рамок, включает в себя сверх того и особый невыясненный смысловой потенциал. Он вырастает из многозначности конкретных деталей, из сочетания разноплановых мотивировок, что наиболее характерно для ранней стадии развития реализма. Но эти особенности отличают только образ Грозного, поэтому он фактически заслонил все остальные персонажи.

Говоря о нравственной свободе человека, писатель заявляет, что перемена в делах и характерах происходит не только из-за его природных свойств, а также под влиянием различных обстоятельств. Автор романа, рассматривая образ Иоанна, пытается понять, что могло повлиять на любимого, обожаемого всеми государя и низвергнуть его в «бездну ужасов тиранства».

В анализе обстоятельств, вызвавших перерождение «царя правды, блага, славы» в мучителя, упор писателя сделан на раскрытии подлой роли «новых любимцев государевых», готовых на все для удовлетворения своего честолюбия. Эти «клеветники», улучив момент, вкрались в душу царя хвастливым усердием исполнять, предупреждать его волю: «А новые-то люди обрадовались, да и давай ему [Ивану Васильевичу – Е.Ж.] шептать на божар, кто по-насердке, кто чая себе милости, и ковсем стал он приклонять слух свой... И в том они, окаянные, не бояся Страшного суда божия, и крест накриве целовали, и руки в письмах лживили! Много безвинных людей вожено в темницы... Кто только хотел, тот и сказывал за собою государеву слово... Такой ужас от царя, какого искони еще не видано!» [4, с. 66].

Автор делает акцент и на изменении внешнего вида, порожденном необузданностью и пагубностью страстей мо-

нарха: «Правильное лицо все еще было прекрасно; но черты обозначались резче, орлиный нос стал как-то круче, глаза горели мрачным огнем, и на челе явились морщины, которых не было прежде. Всего более поразили князя редкие волосы в бороде и усах. Иоанну было от роду тридцать пять лет; но ему казалось далеко за сорок» [4, с. 80], «С лица царя исчезло все человеческое» [4, с. 116]. Выражение его лица напоминало сгоревшее здание: «Еще стоят хоромы, но украшения упали, мрачные окна глядят зловещим взором, и в пустых покоях поселилось недоброе» [4, с. 116].

В романе Иоанна Грозного мучают сомнения; голос совести неумолимо тревожит душу, герой признается в неправоте своих государственных деяний, поэтому в его речах и поступках прорываются покаянные мотивы: «...проливая кровь, я заливаюсь слезами! Кровь видят все; она красна, всякому бросается в глаза; а сердечного плача моего никто не зрит; слезы бесцветно падают мне на душу, но, словно смола горячая, проедают, прожигают ее насквозь по вся дни!» [4, с. 98]. Однако «проливая кровь и заставляя всех трепетать, хотел вместе с тем, чтоб его считали справедливым и даже милосердным; душегубства его были всегда облечены в наружность строгого правосудия, и доверие к его великодушию тем более льстило ему, что такое доверие редко проявлялось» [4, с. 291].

Противоречивость природы Иоанна Грозного ставила перед писателем ряд существенных вопросов: религиозен ли герой в полной мере, либо его вера – фарс, помогающий управлять подданными, а также оправдывать беззакония, деспотизм. Толстой умышленно не избегает в своем произведении описания поступков героя, характеризующих неоднозначность, двоякость его личности. Автор обращает наше внимание на то, что спокойный взгляд царя не всегда свидетельствовал о его внутренней безмятежности. Царь, одаренный редкой пронзительностью, «любил иногда обманывать рачеты того, с кем разговаривал, и поражать его неожиданной проявлением гнева в то самое время, когда он надеялся на милость» [4, с. 290].

В романе Толстой рассказывает о ревностной деятельности в правлении Иоанна IV, акцентируя внимание читателя на том, как царь с молитвой ко Всевышнему, со словами любви, терпения, искренности и великодушием обращается к народу, взывая его умиление и поддержку: «Молился он о тишине на святой Руси, молился о том, чтоб дал ему Господь побороть измену и непокорство, чтобы благословил его окончить дело великого поту» [4, с. 99], «уже пот катился с лица его; уже кровавые знаки, напечатленные на высоком челе прежними земными поклонами, яснее обозначились от новых поклонов» [4, с. 105]. Далее читаем: «Усердная молитва приготовила царя к мыслям набожному. Раздражительное воображение не раз представляло ему картину будущего возмездия, но сила воли одолевала страх загробных мучений. Иоанн уверял себя, что страх этот и даже угрызения совести возбуждаемы в нем врагом рода человеческого, чтоб отвлечь помазанника Божия от высоких его начинаний» [4, с. 106]. Грозный стремится верою утвердить перемену в правлении и в своем сердце, он показан человеком, который чтит Законы Мироздателя, умиленно каясь в своих грехах.

Толстой обращает внимание на описание царской опочивальни, в которой стояли две кровати: «одна, из голых досок, на которой Иван Васильевич ложился для наказания плоти, в минуты душевных тревог и сердечного раскаянья; другая, более широкая, была покрыта мягкими овчинами, пуховиком и шелковыми подушками. На этой царь отдыхал, когда ничто не тревожило его мыслей. Правда, это случилось редко» [4, с. 289].

В то же время Толстой вслед за Карамзиным обвиняет Иоанна в глумлении над «церковью Христовою», в том, что он «хотел даже обратить дворец в монастырь, любимцев своих в иноков: выбрал из причников 300 человек, самых злейших, назвал братиею, себя игуменом ..., дал им тафьи,

или скуфейки, и черные рясы, ... сочинил для них устав монашеский... в четвертом часу утра он ходил на колокольню... благовестить к Заутрене...» [2, с. 304]. В словах автора содержится укор безрассудству Иоаннова поведения: «Временем царь как будто приходил в себя, и каялся, и молился, и плакал, и сам назывался смертным убийцею и сыроядцем. Рассылал вклады в разные монастыри и приказывал панихиды по убитым» [4, с. 67]. Толстого, как и Карамзина, пугают «затейливые повороты» ума героя. Поведение царя не поддается никакому объяснению: «...пишет государь, что яде от великой жалости сердце, не хотя ваших изменных дел терпеть, оставляю мои государства и еду-де, куда бог укажет путь мне! Как пронеслася эта весть, зачался вопль по Москве: «Бросил нас батюшка-царь!»...прошло недели три, прибыл Иван Васильич на Москву...принимаю государство, чтобы казнить моих злодеев» [4, с. 68].

С болью писатель рассказывает о трапезах в монастыре: когда братья «ели и пили досыта», царь читал «вслух душеспасительные наставления».

Карамзин отмечает, что Иоанн Грозный изъясляет «усердие ко благу церкви», что «обычай Иоаннов есть соблюдать себя чистым перед Богом». Автор «Истории» обращает внимание на то, что Иоанн ходил пешком зимою в Троице-Сергиеву Лавру, проводил там первую неделю Великого поста, «ежедневно моляся над гробом Святого Сергия» [2, с. 187]. Однако его набожность не сдерживает кровожадные инстинкты царя, не может «укротить его пылкой, беспокойной души, стремительной, приученной к шумной праздности, к забавам... неблагочинным» [2, с. 187]. Иоанн «любил показывать себя царем» «в наказаниях, в необузданности прихотей»; «играл, так сказать, милостями и опалами» [2, с. 187].

На фоне образа Иоанна особое значение принимают и похождения разбойных казаков во главе с атаманом Ермаком, Иваном Кольцо, Яковом Михайловым и другими. «Вольные люди» завоевывают Сибирские земли, устраняя угрозу со стороны сибирских татар. Интересно, что Ермак в определенном смысле антипод Иоанна IV: умный, грозный, сильный воитель, строгий судья недобросовестных, следовавших за богопослушностью своего войска, милостивый к побежденным. Практически, если принять версию о «народном»

происхождении Ермака, перед нами – противоположность Грозному. Более того, Толстой, беря за основу позицию Карамзина, размышляет над вопросом: почему, завоевав Сибирь, Ермак сам не стал Царем Сибирским? Во-первых, малочисленность войска и необходимость сильной помощи; во-вторых, незавершенность завоевания: «Ермак опасался прежде временно хвастаться в России успехом» [2, с. 234]. И все же, опираясь на документ, останавливается на следующем: «бедные, опальные казаки, угрызаемые совестью, исполненные раскаянием, шли на смерть и присоединили знаменитую Державу к России, во имя Христа и Великого Государя» [2, с. 23]. Следовательно, казаками также движет инстинктивное осознание необходимости самодержавия.

Толстой усиливает противоречия и сложности внутреннего мира героя. Государь преступает границы разумного в своей тирании. Ответственность за кровавую эпоху, по мнению автора, лежит не только на Иоанне, но и на тех, кто терпел его деспотизм, тем самым примиряясь с ним и питая его. Тиранство и рабство взаимосвязаны и каузальны по отношению друг к другу [5, с. 216]. Народ покорился Грозному царю. В изображении писателей народ предстает с самого начала как единство, подвластное Грозному. По мере отделения царя от своего истинного предназначения народ все также почитает власть становления Провидения. «Таков был Царь, таковы были подданные! Ему ли, им ли должны мы наиболее удивляться? Если он не всех превзошел в мучительстве, то они превзошли всех в терпении, ибо считали власть Государеву властью Божественною и всякое сопротивление беззаконием; приписывали тиранство Иоанново гневу Небесному и каялись в грехах своих...», – пишет в «Истории» Карамзин [2, с. 307]. И здесь Толстой явно не согласен с Карамзиным: испытание русской землей не пройдено, так как слепое повиновение – лишь условие для тирании.

В «Истории» Карамзина и «Князе Серебряном» Толстого мы обнаруживаем важнейшие черты личности государя: жесткость, лицемерное стремление примирить христианское учение с собственной кровожадностью; страх и недоверчивость по отношению даже к своим приближенным; нечистую совесть. Из этих черт слагается единый портрет нравственно-психологического вырождения Грозного.

Библиографический список

1. Пушкин, А.С. Письмо В.А. Жуковскому // Полное собрание сочинений: в 10 т. – Л., 1979. – Т. 10.
2. Карамзин, Н.М. История государства Российского: в 12 т. – М., 2001. – Т. I.
3. Никульшина, Е.В. Роман А.К. Толстого «Князь Серебряный» в историко-литературном контексте первой половины XIX века: дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2002.
4. Толстой, А.К. Князь Серебряный. – М., 1976.
5. Федоров, А.В. Эпоха Иоанна Грозного в изображении М.Ю. Лермонтова и А.К. Толстого // Лермонтовский выпуск: материалы Международной научной конференции «Изучение творчества М.Ю. Лермонтова на современном этапе». – Пенза, 2004.

Bibliography

1. Pushkin, A.S. Pisjmo V.A. Zhukovskomu // Polnoe sobranie sochinenij: v 10 t. – L., 1979. – T. 10.
2. Karamzin, N.M. Istoriya gosudarstva Rossijskogo: v 12 t. – M., 2001. – T. I.
3. Nikuljshina, E.V. Roman A.K. Tolstogo «Knyazj Serebryanij» v istoriko-literaturnom kontekste pervoj polovinih XIX veka: dis. ... kand. filol. nauk. – Volgograd, 2002.
4. Tolstoj, A.K. Knyazj Serebryanij. – M., 1976.
5. Fedorov, A.V. Ehpokha Ioanna Groznogo v izobrazhenii M.Yu. Lermontova i A.K. Tolstogo // Lermontovskij vihpusk: materialih Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Izuchenie tvorcestva M.Yu. Lermontova na sovremennom ehtape». – Penza, 2004.

Статья поступила в редакцию 29.10.11

УДК 82. 091

Gorutskaja N.V. MORTAL MOTIVES IN LYRIC POETRY OF ELDER SYMBOLISTS (D. MEREZKOVSKY, K. BALMONT, F. SOLOGUB, V. BRUSOV). The author of the article researches the nature of mortal motives in artistic creations of symbol poets Mereshkovsky, Balmont, Sologub, Brusov. The analysis of lyric texts can conclude from them that the main characteristics of life and poetic atmosphere were loneliness, weakness, discouragement, tiredness and melancholy.

Key words: symbolism, decadence, mortal motives, languor, despondency, dying, melancholy.

Н.В. Горюцкая, ст. преп. каф. культурологии Омского государственного педагогического университета, г. Омск, E-mail: gorutskaja@mail.ru

МОРТАЛЬНЫЕ МОТИВЫ В ЛИРИКЕ СТАРШИХ СИМВОЛИСТОВ (Д. МЕРЕЖКОВСКИЙ, К. БАЛЬМОНТ, Ф. СОЛОГУБ, В. БРЮСОВ)

В работе автор исследует природу мортальных мотивов в творчестве поэтов-символистов: Мережковского, Бальмонта, Сологуба, Брюсова. Анализ лирических текстов позволяет сделать вывод о том, что основными чертами жизненной и поэтической атмосферы рубежа веков стали одиночество, бессилие, уныние, усталость и тоска.

Ключевые слова: символизм, декаданс, мортальные мотивы, томление, уныние, угасание, тоска.

Мотивы смерти стали для русской литературы опознавательным знаком декадентских творений начала XX века. Огромную роль в появлении мортальных мотивов сыграло наследие французских поэтов, таких как Ш. Бодлер, П. Верлен, А. Рембо, и в целом танатологическая направленность европейской культуры «fin de siècle» (конца века) нашла свое отражение в русском символизме, в творчестве его старших представителей: Д. Мережковского, К. Бальмонта, Ф. Сологуба, В. Брюсова и многих других. Но в отличие от французских предшественников мифология смерти у символистов в России не ограничена простым заимствованием, она имеет, прежде всего, национальные истоки. Тема смерти в русской поэзии конца XIX – начала XX вв. во многом обусловлена изживанием дворянской культуры в России. Мироощущение человека в этот исторический момент времени определяет мысль о том, что старый уклад жизни ушел безвозвратно. Это мироощущение В. Брюсов воспроизведет в поэме «Мир» 1903 года: «Я помню этот мир, утраченный мной с детства // Как сон непонятный и прерванный как бред... // Я берегу его – единое наследство // Мной пережитых и забытых лет» [1, с. 304].

Первым эстетическим манифестом символизма в России стала лекция, прочитанная Д. Мережковским в 1892 году: «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы», в которой выдвигается требование к современной ему литературе – требование в ней «мистического содержания». Этому «мистическому содержанию» поэты-символисты подчиняют все свое творчество. Следует вспомнить о том, что сенсуализм, мистицизм русских символистов укоренен в традиции немецкого романтизма. Так, В. Жирмунский заметил, что мистицизм XX века унаследовал от немецкого романтизма «интеллектуальную интуицию» [2], т.е. восприятие Божества через экстаз, а также острое упование и жизнью, и любовью, и смертью как единым процессом, вневременным и вечным. В мортальных мотивах встречается желание и устремление к «запредельному», к сфере смерти. Как признание звучат строки из стихотворения «Прости!» Н. Минского: «Увидеть смерть надежд своих, / <...> Все пережить их до единой / И лепесток за лепестком / Ронять, когда весь мир кругом, / Томиться медленной кончиной» [3, с. 107]. И. Анненский в статье «Символы красоты у русских писателей» приходит к заключению, «ничто» из ничто обращается в нечто: у него оказывается власть, красота и свой таинственный смысл [курсив И. Анненского] [4, с. 129].

Свое видение мира Д. Мережковский наиболее отчетливо выразил в стихотворении «Дети ночи». Здесь поэт – провозвестник красоты и тайны, всего «неведомого»: «Мы неведомое чуюм / И, с надеждою в сердцах, / Умирая, мы тоскуем / О несозданных мирах. / <...> Наши гимны – наши стоны; / Мы для новой красоты / Нарушаем все законы, / Преступаем все черты» [5, с. 470].

Тоска и томление в земной жизни, исчерпанность и одиночество человека в мире – вот постоянные мотивы лирики Мережковского. Он, как отмечает А. Долинина, «еще и подчеркивает свою нелюбовь, а то и презрение к людям, к жизни, к нашим обычным ценностям, к нашему добру и злу» [6, с. 284]. Положение поэта в мире – это положение созерцателя жизни, зрителя. Поэта очаровывает и завораживает не молодость, не юность, а старость. Состояния увядания, уга-

сания привлекают поэта не только в жизни, но и в природе. Стихи об осени, опавших листьях, умирающих месяце иллюстрируют эту идею («Осенние листья», «Осенью в Летнем саду», «Ноябрь» и др.). Поэт призывает смерть, он желает смерти, он радуется ей: «Погибший день, ты был ничтожен / И пуст, и мелко тревожен; / За что ж на тихий твой конец / Самой природой возложен / Такой блистательный венец?» [7, 143]. В последней строчке этого стихотворения можно было бы с легкостью поставить не вопросительный знак, а восклицательный. Этот «блистательный венец» для него желанный. Смерть мыслится Мережковским как отдых одинокой измученной, усталой, истерзанной противоречиями души.

Современники Д. Мережковского воспринимали его как личность эсхатологическую, которая и свое поколение воспринимает эсхатологически. Поэтому Смерть для него – необходимое условие для новой жизни, для нового рождения. Поэт верит в возможность появления «нового Орфея», способного найти «обратный путь – от мертвых к живым» [8, с. 56].

Сумеречная депрессивность, царящая в общественном сознании 1890-х годов, нашла яркое воплощение и в поэзии К. Бальмонта. Мотивы уныния, усталости, бегства от жизни становятся доминантой его поэтического мира: «Заводь спит. Молчит вода зеркальная. / Только там, где дремлют камыши, / Чья-то песня слышится, печальна, / Как последний вздох души». [9, с. 98]. Поэт мало интересуется современной ему действительностью, бытие для него лишь тень, «вечный сон», т.е. смерть. Он сопоставляет действительность с «болотной глушью», с «царством мертвого бессильного молчания», с «пустыней», где томится душа его лирического героя. Поэт признается: «я ненавижу человечество, я от него бегу спеша», «я в бегстве живу неустанном». Традиционный для романтизма мотив корабля как выражение мятежности души занимает в лирике Бальмонта ведущее место. Поэма «Мертвые корабли» (сб. «Тишина») продолжает заявленную в первом сборнике поэта тему корабля мятежа в морской стихии. Мы отчетливо слышим голос кораблей, ищущих новых островов счастья: «Нам ветер бездомный шепнул в полусне, / Что сбудутся наши надежды: / Для нового солнца, в цветущей стране, / Проснувшись, откроем мы вежды» [9, с. 114]. Но несущиеся в мир мечты, «в безвестность» корабли оказываются обречены на гибель в морской пучине. Пейзаж, который развертывается дальше по ходу поэмы, говорит о безвыходности, о крушении возможности счастья: «И шепчут волны меж собой, / Что дальше их пускать не надо, - / И встала белою толпой / Снегов и льдистых глыб громада» [9, с. 116].

Что же составляет ценность в поэтическом мире Бальмонта? Ответ на этот вопрос находим в следующих строках: «Я не зная мудрости, годной для других, / Только мимолетности я влагаю стих. / В каждой мимолетности вижу я миры, / Полные изменчивой радужной игры» [9, с. 281]. Миг – вот что может составить полноту бытия художника. За эту зыбкость и изменчивость поэтического мира Ю. Айхенвальд называл Бальмонта «поэтом воздуха» [10]. Поэт творит свою философию мига: воссоздавая стремительный поток мгновенных ощущений и раздумий, он утверждает относительность Добра и Зла.

Экстенсивное освоение жизни приводит поэта к отказу от пассивного созерцания к дерзновению за грань дозволенного. В этом видится увлечение художника идеей Сверхчеловека Ф. Ницше. Читающую публику тех лет шокировало его нескромное заявление, сделанное в духе Ш. Бодлера: «Чтоб видеть высоту, я падаю на дно». Апофеозом такой душевной раздвоенности Бальмонта стал сборник «Горящие здания», по поводу которого А. Белый писал: «Мутные волны хаоса, отливающие красным заревом, иступленные крики замерзающих в холоде безбрежности..., уродливые пороки излома – вот что неожиданно поражает в «Горящих зданиях»» [11, с. 402]. Сам же Бальмонт, определяя настроение своего сборника, в письме Льву Толстому откровенно признавался: «Эта книга – сплошной крик души разорванной и, если хотите, убогой, уродливой. Но я не откажусь ни от одной страницы, и – пока – люблю уродство не меньше, чем гармонию» [12, с. 122]. В.С. Соловьев в статье «Три речи в память Достоевского» писал: «Прежде искусство отвлекало человека от той тьмы и злобы, которые господствуют в мире <...> теперешнее искусство, напротив, привлекает человека к тьме и злобе житейским с неясным иногда желанием просветить эту тьму, умирить эту злобу» [13, с. 173]. Вот и взор Бальмонта ищет доброе в злом, красоту в смерти.

Таким образом, ощущение катастрофичности, неблагополучия мира окрашивает весь мотивный комплекс бальмонтовской лирики. В. Брюсов верно отмечал, что «миросозерцание Бальмонта – бессознательный дуализм и в борьбе Зла и Добра, дьявола и бога, должна она неизбежно измениться» [14, с. 263]. Балансирование между крайностями, отказ от сближения с жизнью – следствие неутоленной боли его разорванной души. Результат всего: крайняя степень одиночества: А. Белый восклицает о поэте: «Бедный Бальмонт, бедное, одиноко в пространстве ночи закнутое дитя!» [15, с. 407].

В русле декадентских умонастроений развивалось и творчество Ф. Сологуба (Ф. К. Тетерникова). Современная поэту критика неизменно отмечала его холодность и тяготение к эстетизации смерти. За ним закрепилась слава декадента, маньяка, садиста, смертяшкина. Ю. Айхенвальд назвал Сологуба «поэтом небожьюго мира», «жрецом предустановленной дисгармонии» [16, с. 75]. Как и его единомышленники Д. Мережковский, З. Гиппиус, В. Брюсов, К. Бальмонт и др., Сологуб наследует субъективизм, тягостное переживание усталости, отвращение к жизни, эротическую эстетизацию, поэтизацию смерти от «проклятых поэтов», но создает при этом свою оригинальную концепцию мира.

В статье «Символы красоты у русских писателей» И. Анненский писал: «Нигде трагическая роль поэзии не обнаруживается с такой яркостью, как именно в изображениях муки» [17, с. 129]. Эти слова можно применить и к поэзии Ф. Сологуба. Картины современной поэту действительности наполнены мукой и ядом декадентского миропонимания. Безжалостно обнажает Сологуб перед читателем свою душу и свои переживания. Он показывает тайные изъяны внутреннего мира, скрытые от посторонних взоров, вдруг вырвавшиеся из плена условностей, которыми полна повседневная жизнь, и подчинили себе все существо обывателя: «Лихо ко мне прижимается, шепчет мне тихо: / «Я – бесталанное, всеми гонимое Лихо! / <...> / Только тебе побороться со мной недосужно, – / Странно мечтая, стремишься ты к мукам. / Вот почему я с твоею душою так дружно, / Как отголосок со звуком. [18, с. 112]. Созданный Сологубом образ таинственного существа – безликого Лихо – нечто иное как олицетворение пустоты жизни. Лирический герой устал «брести житейскою пустыней». Жизнь активна в прошлом, она противостоит будущему пассивному умиранию. Это ведет к тому, что грань между прошлым и будущим, между жизнью и смертью исчезает, благодаря размывающему эту противоположность состоянию усталости. Поток времени делает неразличимым начало и конец; младенчество и старость оказываются уравнены друг с другом. Пассивность становится признаком самой жизни, а жизнь – созреванием смерти: «Мы устали пре-

следовать цели, / На работу затрачивать силы, / Мы созрели / Для могилы» [18, с. 139].

Интересно наблюдение Вл. Ходасевича, сделанное над лирикой Ф. Сологуба: «Смешных положений он почти не знает, улыбок в явлениях жизни не видит. А если видит, то страшные или злые (курсив мой – Н.Г.)» [19, с. 114]. Он видит, как быт – «жизни будничной томительные узы» – калечит людей, искажает их чувства. По убеждению поэта, мир перевернулся, и там, где раньше была жизнь, теперь смерть. Зло мыслится не только как социальное явление, оно проникло внутрь человека, оно – результат греховности человека. Как замечает С. Булгаков: «Смерть вошла в мир путем греха, который разрушил устойчивость человеческого существования...» [20, с. 273]. Сологуб видит в этом разрушении не столько гибель телесной оболочки, скрывающей жаждущую пробуждения душу, сколько гибель самой души. Поэтому единственный выход, который видит поэт, – отречься от жизни и тем самым спасти омертвевший в земных скитаниях дух. Смерть мыслится Сологубом как уход от злой и уродливой жизни («О, владычица смерть, я роптал на тебя...», 1897; «Воля к жизни, воля к счастью, где ж ты?», 1901; один из разделов сб. «Пламенный круг» получил заглавие «Сеть смерти»). Смерть для него и потому желанна, что, как верно подметил С. Булгаков, «за гранью смерти следует откровение земной жизни как начало нового бытия...» [20, с. 290]. Сологуб восклицает: «Подруга – смерть, не замедляй, / Разрушь порочную природу, / И мне опять мою свободу / Для созидания отдай» [18, с. 281].

Эстетические взгляды В. Брюсова следовало бы охарактеризовать как поэтическую формулу, выдвинутую им самим: «Я действительности нашей не вижу». Брюсов в это время, как и большинство символистов находился в оппозиции к современности. Разрабатывая тему города, Брюсову как настоящему художнику удается передать давящую силу социальной жизни.

В городском пейзаже поэт видит неподвижные, незаконченные здания, мертвые дома, похожие на темницу. Брюсов описывает людей, живущих в этом городе: «Мы к ярким краскам не привыкли, // Одежда наша – цвет земли; // И робким взором мы поникли, // Влачимся медленно в пыли» [19, с. 174]. Их лица неразличимы в потоке времени, они как вереница проходящих теней; люди-призраки, населяющие этот город представляют собой «отрывки неугаданных слов»: «Словно нездешние тени, // Стены меня обступили: // Думы былых поколений! // В городе – я как в могиле...» [19, с. 177]. Канун XX века воспринимается Брюсовым как некий *итог исчерпавшей себя цивилизации, как преддверие неминуемой катастрофы*.

Показательно, что пространство в поэтическом мире поэта – это, прежде всего, замкнутое пространство. Символично название одной из его поэм «Замкнутые». Выражением этой замкнутости выступает образ тюрьмы. Стихотворение «Каменщик» (1901) входит в цикл «Картины» (сб. «Urbi et Orbi»), которые «рисуют» взору читателя всю неприглядность и пошлость современной действительности. Образ тюрьмы сопоставляется с мотивами тесноты и неподвижности домов первых двух стихотворений цикла. Очевидно, что каменщики строят дом, который в реальности городского быта становится тюрьмой. Далее этот образ дом-тюрьма продолжит свое бытование в стихотворении «Каменщик» (1904) из цикла «Повседневность», где получает иной масштаб. Тюрьмой становится жизнь человека. Образ тюрьмы получает свое окончательное оформление в восприятии облика современной культуры. Брюсовская картина мира такова: любое здание, любая постройка (= дом, мир, культура) символизирует статику Жизни, т. е. Смерть.

Мотив замкнутости в поэтике В. Брюсова подчеркнут отсутствием открытых дверей. Если же и встречаются открытые двери, то это двери в пространство Смерти: «Я сквозь незапертые двери / Вошел в давно знакомый дом, / Я заглянул ...// Она смотрела...» [19, с. 313-314].

Еще одним признаком этой замкнутости выступает образ решетки на окнах: «Между нами частая решетка, / В той тюрьме, где мы погребены / Днем лучи на ней мерцают крошечко, / Проходя в окно, в верху стены» [19, с. 291].

Но образ тюрьмы в мире Брюсова существует не только как реальность, т.е. здание, с тюрьмой также сравнивается душа: «Проходят дни, проходят сроки. / Свободы тщетно жаждем мы. / Мы беспощадно одиноки / На дне своей души-тюрьмы!» [19, с. 318]. Если в этом мире и возможно движение, то эту возможность получает сама лишь Смерть. Поэтому человеку остается одно – движение вслед за нею.

Категория времени как времени остановившегося, застывшего, замершего оказывается ценным для поэтического мира Валерия Брюсова. Наблюдая за поэтикой стихотворений Брюсова, невозможно не заметить частое противостояние «дня» и «ночи». Брюсов отдает приоритет ночи, ему не жаль умершего дня, который наполнен шумом, толпой, суматохой, т.е. движением. Ночь же наоборот «безмолвна», «медленна».

Важным представляется тот факт, что художественное двойственное по своей природе сознание поэта налагает и отпечаток на хронотоп, который обладает тем же двойственным измерением: в условно-мифологическом пространстве-

времени проступают черты исторически конкретных обстоятельств конца века. Исследователями творчества Брюсова замечено, что именно древние культуры дают пищу для размышлений поэта. Таковы, его циклы «Любимцы веков» (сб. «Tertia Vigilia»), «Правда вечная кумиров» (сб. «Stephanos»), «Властительные тени» (сб. «Зеркало теней»), «В маске» (сб. «Семь цветов радуги»). Время прошлое предпочтительнее для поэта, чем современное. Таким образом, брюсовская бесконечность исторична. В статье, посвященной Вл. Соловьеву, Брюсов утверждал, что задача каждого настоящего Художника есть поиск выхода из «мира Времени» (= мир Зла) в «мир Вечности» (= мир Добра), т.е. цель человеческой жизни – победить Время, чтобы все стало Вечностью. Чтобы реализовать эту задачу надо пройти своего рода инициацию, т.е. умереть, познать Смерть. И эту инициацию должен совершить в мире и для мира сам Художник.

Итак, как видим моральные мотивы становятся излюбленными в творчестве «старших» символистов. Поэзия каждого из них выражает, хотя и по своему, переживания человека накануне смерти, показывает сам момент перцепционного, воображаемого перехода из витального пространства в моральное, наконец, просто загробное существование, исход души из тела

Библиографический список

1. Брюсов, В.Я. Собрание сочинений: в 7 т. – М., 1975. – Т. 1.
2. Жирмунский, В.М. Немецкий романтизм и современная мистика. – СПб., 1996.
3. Минский, Н.М. Полное собрание стихотворений: в 4 т. – СПб., 1907. – Т. 3.
4. Анненский, И.Ф. Символы красоты у русских писателей // Книги отражений. – М., 1979.
5. Мережковский, Д.С. Стихотворения и поэмы. – СПб., 2000.
6. Долинина, А. Дмитрий Мережковский // Русская литература XX века (1890 – 1910) / под ред. проф. С.А. Венгерова: в 2 кн. – М., 2000. – Кн. 1.
7. Мережковский, Д.С. Стихотворения и поэмы. – СПб., 2000.
8. Мережковский, Д.С. В тихом омуте: статьи и исследования разных лет. – М., 1991.
9. Бальмонт, К. Д. Стихотворения. – Л., 1969.
10. Айхенвальд, Ю. И. Силуэты русских писателей: в 2 т. – М., 1998. – Т. 2.
11. Белый, А. Символизм как миропонимание. – М., 1994.
12. Шифман, Л.И. Л. Толстой и К. Бальмонт // Русская литература. – 1970. – № 3.
13. Соловьев, В.С. Три речи в память Достоевского // Сочинения в двух томах. – М., 1988. – Т. 2.
14. Брюсов, В.Я. Собрание сочинений: в 7 т. – М., 1975. – Т. 6.
15. Белый, А. Символизм как миропонимание. – М., 1994.
16. Айхенвальд, Ю.И. Силуэты русских писателей: в 2 т. – М., 1998. – Т. 2.
17. Анненский, И.Ф. Символы красоты у русских писателей // Книги отражений. – М., 1979.
18. Сологуб, Ф.К. Стихотворения. – СПб., 2000.
19. Ходасевич, Вл. Сологуб // Некрополь. Литература и власть. Письма Б.А. Садовскому. – М., 1996.
20. Булгаков, С.Н. Софиология смерти // Тихие думы. – М., 1996.
21. Брюсов, В. Я. Собрание сочинений: в 7 т. – М., 1975. – Т. 1.

Bibliography

1. Bryusov, V.Ya. Sbranie sochineniy: v 7 t. – M., 1975. – T. 1.
2. Zhirmunskiy, V.M. Nemeckiy romantizm i sovremennaya mistika. – SPb., 1996.
3. Minskiy, N.M. Polnoe sbranie stikhotvoreniy: v 4 t. – SPb., 1907. – T. 3.
4. Annenskiy, I.F. Simvolih krasotih u russkikh pisateley // Knigi otrazheniy. – M., 1979.
5. Merezkovskiy, D.S. Stikhotvoreniya i poehmih. – SPb., 2000.
6. Dolinina, A. Dmitriy Merezkovskiy // Russkaya literatura KhKh veka (1890 – 1910) / pod red. prof. S.A. Vengerova: v 2 kn. – M., 2000. – Kn. 1.
7. Merezkovskiy, D.S. Stikhotvoreniya i poehmih. – SPb., 2000.
8. Merezkovskiy, D.S. V tikhom omute: statji i issledovaniya raznihkh let. – M., 1991.
9. Baljmont, K. D. Stikhotvoreniya. – L., 1969.
10. Ajkhenvajld, Yu. I. Siluehtih russkikh pisateley: v 2 t. – M., 1998. – T. 2.
11. Belihy, A. Simvolizm kak miroponimanie. – M., 1994.
12. Shifman, L.I. L. Tolstoy i K. Baljmont // Russkaya literatura. – 1970. – № 3.
13. Solovjev, V.S. Tri rechi v pamyatj Dostoevskogo // Sochineniya v dvukh tomakh. – M., 1988. – T. 2.
14. Bryusov, V.Ya. Sbranie sochineniy: v 7 t. – M., 1975. – T. 6.
15. Belihy, A. Simvolizm kak miroponimanie. – M., 1994.
16. Ajkhenvajld, Yu.I. Siluehtih russkikh pisateley: v 2 t. – M., 1998. – T. 2.
17. Annenskiy, I.F. Simvolih krasotih u russkikh pisateley // Knigi otrazheniy. – M., 1979.
18. Sologub, F.K. Stikhotvoreniya. – SPb., 2000.
19. Khodasevich, Vl. Sologub // Nekropolj. Literatura i vlastj. Pisjma B.A. Sadovskomu. – M., 1996.
20. Bulgakov, S.N. Sofiologiya smerti // Tikhie dumih. – M., 1996.
21. Bryusov, V. Ya. Sbranie sochineniy: v 7 t. – M., 1975. – T. 1.

Статья поступила в редакцию 03.11.11

УДК 81'27

Ansimova O.K. CULTURAL LINGUISTICS AT THE PRESENT STAGE OF DEVELOPMENT OF LINGUISTIC SCIENCE: AN ATTEMPT TO DEFINE DISCIPLINARY STATUS. Under active development on issues of language and culture in this paper an attempt is made a comparative analysis of the basic concepts of cultural linguistics and determine its place in a number of other sciences field claimed that presents a theoretical significance, since all that exists at the present stage of its development concepts are of controversial nature.

Key words: cultural linguistics, ethnolinguistics, lingvostranovedenie, sociolinguistics, language and culture.

О.К. Ансимова, аспирант НГТУ, г. Новосибирск, E-mail: ansimova-ok@yandex.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ: ПОПЫТКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ДИСЦИПЛИНАРНОГО СТАТУСА

В рамках активных разработок в области проблемы языка и культуры в данной статье осуществляется попытка сравнительного анализа основных концепций определения лингвокультурологии и ее места в ряде других наук заявленной области, что представляет теоретическую значимость, поскольку все существующее на современном этапе ее развития концепции носят дискуссионный характер.

Ключевые слова: лингвокультурология, этнолингвистика, лингвоstranovedenie, социоллингвистика, язык и культура.

На современном, антропоцентрическом, этапе развития лингвистической науки значимость проблемы взаимодействия языка и культуры не вызывает сомнений в научном сообществе. Необходимость обращения к лингвокультурологии как к области исследования данной проблемы связано с тем, что, несмотря на активные разработки данной области научного знания (предпосылки формирования – труды В. фон Гумбольдта и его последователей; активно исследуемая теория вопроса – современные работы В.Н. Телия, В.В. Воробьева, В.А. Масловой и др.), общепринятое определение лингвокультурологии, единое мнение относительно ее статуса, предметов, методов и т.д. еще не сформировано в научном сообществе. Иными словами, практически все существующие концепции описания данной научной дисциплины носят дискуссионный характер, часто не имея точек соприкосновения, что видится ущербным и представляет определенную проблему для дальнейших теоретических изысканий. В предлагаемой статье осуществляется попытка сопоставления основных концепций определения дисциплинарного статуса лингвокультурологии, необходимого для формирования проблемного теоретического поля данной области знания.

При отмеченной выше дискуссионности вопросов, связанных с лингвокультурологией, единственной проблемой, не вызывающей сомнений у исследователей, является изучение языка в неразрывной связи с культурой. Позиции исследователей относительно этого вопроса хорошо видны в формулировках определений лингвокультурологии, так, в большинстве случаев она определяется как научная дисциплина «о связи языка и культуры», что не дает четкого представления о ее специфике. Не способствует этому и отсутствие критериев разграничения или, наоборот, интеграции нескольких фундаментальных научных направлений, исследующих проблему связи языка и культуры: помимо лингвокультурологии к ним принято относить этнолингвистику, лингвоstranovedenie, социоллингвистику, а также межкультурную коммуникацию и др. Отметим, что авторитетный теоретик языка Е.Д. Поливанов проблему «язык и культура» относил к компетенции филологии, с той оговоркой, что филология определялась им как «совокупность дисциплин (дисциплин общественных наук), изучающих явления культуры, отраженные в памятниках слова, т.е. в языке и в памятниках литературы, а также (поскольку другие искусства, в свою очередь, тесно прилегают к литературе) и в памятниках других искусств. Следовательно, история литературы (именно как история культуры в памятниках литературы) и история искусства входят в понятие филологии, но лингвистика (= наука о языке) входит сюда лишь частично» [1, с. 444]. Наличие

нескольких дисциплин, в область исследования которых включена проблема «язык и культура», объясняется многоаспектностью заявленной проблемы, а их недостаточное четкое разграничение – стремлением современной науки в целом к интеграции различных областей знания, имеющих общий или схожий объект исследования.

В подтверждение дискуссионности многих вопросов лингвокультурологии отметим, что даже появление обозначающего лингвокультурологию термина не находит единого мнения среди исследователей: западные ученые полагают, что первым о лингвокультурологии заявил в своей статье американский лингвист, антрополог и литературовед П. Фридрих; Л.А. Городецкая приписывает первенство употребления данного термина Е.М. Верещагину и В.Г. Костомарову [2, с. 68]; по мнению Е.О. Опариной, появление этого термина связано с разработками фразеологической школы, возглавляемой В.Н. Телия. Таким образом, современный этап развития лингвокультурологии можно обозначить как стадию становления теоретико-методологической базы данной научной дисциплины, откуда возникает необходимость рассмотрения и, что важно, попытки систематизации и классификации исследователями существующих теорий/концепций понимания лингвокультурологии.

За основу классификации нами принято определение статуса лингвокультурологии, поскольку выявление ее места в ряде других гуманитарных наук, исследующих проблему связи языка и культуры, видится первоочередной базовой задачей.

Среди существующих концепций относительно дисциплинарного статуса лингвокультурологии можно выделить следующие: а) понимание лингвокультурологии как самостоятельной научной дисциплины (В.В. Воробьев, В.А. Маслова и др.); б) понимание привативного характера взаимодействия: лингвокультурология как часть той или иной науки, изучающей язык и/или культуру (Г.В. Токарев, Е.Е. Коптякова, Л.А. Городецкая, В.И. Карасик; В.В. Красных, Г.Г. Слышкин и др.); в) интеграция заявленных подходов (В.Н. Телия и др.).

Как самостоятельную «исследовательскую парадигму движения научной мысли о языке и культуре» лингвокультурологию понимают В.В. Воробьев и В.А. Маслова. Подобной позиции также придерживается Е.О. Опарина, но ввиду ее следования определению и большинству воззрений В.А. Масловой практически во всех методологических основаниях лингвокультурологии [3], отдельное рассмотрение ее подхода не представляется необходимым.

Самостоятельность лингвокультурологии раскрывается заявленными исследователями в сопоставлении ее с другими направлениями изучения связи языка и культуры, в част-

ности с лингвострановедением (оговоримся, что, несмотря на разграничение В.В. Воробьевым лингвокультурологии и лингвострановедения, он, а также Ю.Е. Прохоров, занимаются изучением взаимодействия языка и культуры в целях национально-ориентированного обучения, что позволяет Н.Ф. Алиференко обозначать тенденцию постепенного вытеснения лингвокультурологией страноведения в дидактическом плане [4, с. 268-283]). По мнению В.В. Воробьева, лингвострановедение, являясь, в отличие от лингвокультурологии, аспектом обучения языка, а не научной дисциплиной филологической области, может трактоваться как «практическая реализация лингвокультурологии в процессе преподавания русского языка иностранцам» [5, с. 37]. При этом необходимо обратить внимание на то, что, в понимании Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, лингвострановедение представляет собой методический, лингводидактический аналог социолингвистики, с той разницей, что при всей общности «их объективной базы» «социолингвистика изучает экстралингвистический план языка как таковой с сугубо познавательными целями», а лингвострановедение – экстралингвистический план языка с точки зрения учебного процесса, т.е. с прикладными целями» [6, с. 16]. Отсюда возникает необходимость разграничения лингвострановедения и социолингвистики. Обратимся к определению социолингвистики: «научная дисциплина, развивающаяся на стыке языкознания, социологии, социальной психологии и этнографии и изучающая широкий комплекс проблем, связанных с социальной природой языка, его общественными функциями, механизмом воздействия социальных факторов на язык и той ролью, которую язык играет в жизни общества» [7, с. 481], из которого ясно, что одна из основных проблем, изучаемых социолингвистикой, – проблема социальной дифференциации языка.

Так, если В.В. Воробьев рассматривает лингвострановедение как методический аналог лингвокультурологии, то, по мнению В.А. Масловой, лингвострановедение – составная часть лингвокультурологии. Разграничение же данных дисциплин В.А. Маслова видит в том, что «лингвострановедение изучает собственно национальные реалии, нашедшие отражение в языке» [8, с. 12]. Попытаемся не согласиться с подобным пониманием, поскольку Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров, помимо изучения безэквивалентных языковых единиц, предложили понятия **лексического фона / фоновых знаний**, которые продолжают развиваться уже во «всеобъемлющей лингвострановедческой концепции логоэпистемы», что предполагает более широкие исследования, нежели изучение безэквивалентной лексики.

Помимо разногласий во взглядах на соотношение лингвокультурологии и лингвострановедения, значительные отличия концепций заявленных авторов заключаются в определении временного аспекта объекта лингвокультурологии: при схожести самого объекта (взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в процессе его функционирования) В.В. Воробьев интерпретирует его только как современные языковые факты (синхронный подход), В.А. Маслова – как современные и исторические (синхронный и диахронный подходы).

Частично соотносятся с концепциями В.В. Воробьева и В.А. Масловой научные воззрения В.Н. Телия, поскольку, согласно ее концепции, лингвокультурология рассматривается как самостоятельная дисциплина, с одной стороны, и как часть этнолингвистики, – с другой.

Как самостоятельная научная дисциплина лингвокультурология исследует «воплощенные в живой национальный язык материальную культуру и менталитет и проявляющиеся в языковых процессах в их действенной преемственности с языком и культурой этноса» [9, с. 216]. Обратим внимание на то, что, используя в данном определении сочетание «культура этноса», В.Н. Телия поясняет, что «лингвокультурология призвана исследовать и описывать взаимодействие языка и культуры не только и не столько в ее этнических формах

<...>, сколько в формах национальной и общечеловеческой культур» [9], т.е. В.Н. Телия, в отличие от В.А. Масловой, не ограничивает объект лингвокультурологии национальной культурой, расширяя его до культуры межнациональной / интернациональной – и далее «в их современном состоянии или в определенные синхронные срезы этого взаимодействия» [9]. Приведенный тезис используется В.А. Масловой как один из аргументов для противопоставления своей концепции и концепции В.Н. Телия, поскольку, как отмечено выше, по мнению В.А. Масловой, лингвокультурологии свойственны как синхронные, так и диахронные исследования. Но поскольку В.Н. Телия под синхронными срезами понимает «определенные периоды эпохи жизни народа в целом или каких-либо его социальных групп, оказавших заметное воздействие на формирование ментальности народа» [9], думается, что данное противопоставление не имеет основания и может быть снято.

Как часть этнолингвистики лингвокультурология «посвящена изучению и описанию корреспонденции языка и культуры в синхронном их взаимодействии» [9], а ее глобальные задачи в основном совпадают с теми, которые были выдвинуты Н.И. Толстым при определении программы этнолингвистики [10, с. 182].

К особенностям научных взглядов В.Н. Телия можно отнести то, что при изложении заявленных концепций она не делает обобщений и не приводит доводов в пользу какой-либо из них, поскольку это не является для ее исследования первостепенной задачей. В научном сообществе большую популярность получила та концепция В.Н. Телия, в которой лингвокультурология раскрывается как часть этнолингвистики. Так, например, Г.В. Токарев [11] и Е.Е. Коптякова [12] во многом опираются на данную концепцию, беря ее за основу собственных исследований.

Обратимся к другим концепциям, в которых лингвокультурология рассматривается как часть какой-либо другой научной дисциплины.

Позиционирование научно-методологической базы лингвокультурологии как части, «особого раздела» культурологии представлено в монографии Л.А. Городецкой. Автор, основываясь на разделении А.Я. Флиером культурологии на гуманитарную (культуроведение) и социально-научную (собственно культурология) [13], понимает лингвокультурологию как антропологическое направление социально-научной культурологии [2, с. 70-71], исследующее «культурное бытие людей на уровне, приближенном к их повседневной социальной практике, нормативные образцы поведения и сознания, непосредственные психологические мотивации и пр.» [13, с. 13]. Отметим то, что позиционирование лингвокультурологии как части культурологии характерно для некоторых культурологов, например, А.И. Арнольдова [14] и С.П. Мамонтова [15].

Не оспаривая подобный подход и считая его возможным выбранным аспектом для решения определенных задач, а также отмечая близость данных наук, обусловленную изучением ими культуры, обозначим разницу лингвокультурологии и культурологии.

Культурология – это наука, задачей которой является осмысление культуры как целостного (общественного) явления, для чего необходимо исследование взаимодействия человека и всех возможных сфер его бытия (природа, социум, физическое и духовное бытие) [16, с. 3; 17, с. 6], в то время как лингвокультурология изучает взаимосвязь языка и культуры.

Понимание лингвокультурологии как «прикладной стороны лингвистического знания» прослеживается в работах В.И. Карасика. Заявленный подход основывается на понимании языка как «составной части культуры» вследствие акцентуации его кумулятивной функции: язык – «важнейшее хранилище коллективного опыта». Так, с позиции культурологически ориентированной лингвистики язык – это «средство концентрированного осмысления коллективного опыта,

который закодирован во всем богатстве значений слов, фразеологических единиц, общеизвестных текстов, формульных этикетных ситуаций и т.д.». Отсюда и альтернативное название лингвокультурологии – «культурологическая лингвистика» [18, с. 3-5].

Важно отметить то, что в концепции В.И. Карасика лингвокультурология рассматривается не только как часть лингвистики, но и как дисциплина, объединяющая, включающая в себя этнолингвистику и социолингвистику: основываясь на тезисе Н.И. Толстого о том, что «этнолингвистика и социолингвистика могут расцениваться как два основных компонента (раздела) одной более общей дисциплины, с той лишь разницей, что первая учитывает прежде всего специфические – национальные, народные, племенные – особенности этноса, в то время как вторая – особенности социальной структуры конкретного этноса (социума) и этноса (социума) вообще, как правило, на более поздней стадии его развития применительно к языковым процессам, явлениям и структурам [19, с. 27–28], В.И. Карасик делает вывод о том, что «этой более общей дисциплиной, по-видимому, и является лингвокультурология» [20, с. 73-74].

Вероятно, это единственная концепция, где не только лингвокультурология понимается не как часть той или иной науки, а этнолингвистика и социология видятся как части лингвокультурологии.

Объединение подходов, в которых лингвокультурология является либо частью культурологии, либо частью лингвистики, отличает работы В.В. Красных и Г.Г. Слышкина. В.В. Красных выделяет двойной объект данной дисциплины: «язык как отражение и фиксация культуры», с одной стороны, и «культура сквозь призму языка» – с другой [21, с. 12], что логично предполагает два разных научных направления: лингвокультурология как часть культурологии и культурологическая лингвистика как часть лингвистики. Похожая идея прослеживается в работах Г.Г. Слышкина, который называет два направления в лингвокультурологии: от единицы языка к единице культуры и от единицы культуры к единице языка [22].

Некоторая попытка снятия проблемы определения статуса лингвокультурологии в ряде других изучающих взаимодействие языка и культуры дисциплин с помощью обращения к лингвокультуроведению прослеживается в работах А.Т. Хроленко. Он рассматривает лингвокультурологию как самостоятельную дисциплину и в то же время – как неотделимую часть некоего комплекса дисциплин, полагая, что «вся совокупность культурно-языковой проблематики может быть обозначена как лингвокультуроведение» (как известно, разграничение лингвокультурологии и лингвокультуроведения было обозначено Ю.В. Рождественским [23, с. 3]. В концепции А.Т. Хроленко лингвокультуроведение определяется как «междисциплинарная наука, которая выясняет, как в слове аккумулируются культурные смыслы и как слово способствует функционированию культуры» [24, с. 26-27]. В рамках линг-

вокультуроведения прослеживается иерархия дисциплин, критерием разграничения которых является степень обобщенности их основного предмета исследования. Наибольшей степенью абстракции отличается лингвокультурология: «лингвокультурология – это философия языка и культуры. <...> Есть все основания полагать, что лингвокультурология в пределах лингвокультуроведения соответствует статусу общего языкознания в системе наук о языке. Подобно общему языкознанию, лингвокультурология призвана выявлять и описывать наиболее общие закономерности взаимоотношений, взаимодействия языковой и культурной практики человека и общества. Эта аналогия помогает понять, что лингвокультурология, как и общее языкознание, возможна только в системе других, более конкретных по предмету и иных по методологии исследований, научных дисциплин» [24, с. 31]. Так, сравнивая лингвокультурологию, например, с этнолингвистикой, А.Т. Хроленко делает вывод о том, что они соотносятся так же, как частное и общее языкознание: этнолингвистика может быть русской, английской, польской и любой другой, а лингвокультурология национальной быть не может. Отметим, что данная позиция исследователя относительно определения объекта изучения лингвокультурологии одно/меж-национальной культурой может быть соотнесена с позицией В.Н. Телия и противопоставлена положениям В.А. Масловой соответственно.

Высокая степень абстракции относительно лингвокультурологии также отличает работы Ю.В. Прохорова, по мнению которого в лингвокультурологии задается более высокий и абстрактный уровень описания проблемы соотношения языка и культуры.

Итак, на основе рассмотрения современных концепций относительно определения дисциплинарного статуса лингвокультурологии и определения ее места в ряде других наук, изучающих язык и культуру, видится актуальной попытка ее определения как интегративной самостоятельной научной дисциплины, изучающей взаимодействие языка и культуры, выраженное в языковых единицах, содержащих культурный компонент. Поясним, что, вслед за большинством исследователей, мы понимаем лингвокультурологию как научную дисциплину, еще только стремящуюся к оформлению в фундаментальную науку, поскольку на данном этапе ее метаязыковая база видится нам не полностью сформированной. Лингвокультурология определяется нами как самостоятельная дисциплина, поскольку, изучая взаимосвязь языка и культуры в рамках филологической науки, лингвокультурология отличается от лингвострановедения как аспекта преподавания языка, от социолингвистики как науки, исследующей социальное расслоение общества, от этнолингвистики как науки, в основе исследований которой находится народное творчество в его диахронном аспекте и т.д. Отметим, что при заявленном самостоятельном статусе лингвокультурологии, данная научная дисциплина интегративна, так как основывается на достижениях всех вышеперечисленных смежных наук.

Библиографический список

1. Поливанов, Е.Д. Избранные работы: труды по восточному и общему языкознанию. – М., 1991.
2. Городецкая, Л.А. Лингвокультура и лингвокультурная компетентность: монография. – М., 2009.
3. Язык и культура: сб. обзоров / РАН. ИНИОН / отв. ред. О.Е. Опарина [и др.]. – М., 1999.
4. Алиференко, Н.Ф. Современные проблемы науки о языке: уч. пособие. – М., 2005.
5. Воробьев, В.В. Лингвокультурология (теория и методы): монография. – М., 1997.
6. Верещагин, Е.М. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М., 1990.
7. Социолингвистика // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. – М., 2000.
8. Маслова, В.А. Лингвокультурология: уч. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М., 2001.
9. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М., 1996.
10. Толстой, Н.И. О предмете этнолингвистики и ее роли в изучении языка и этноса // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Язык и этнос. – М., 1983.
11. Токарев, Г.В. Проблемы лингвокультурологического описания концепта (на примере концепта «трудовая деятельность»). – Тула, 2000.
12. Коптякова, Е.Е. Германия в национальных стереотипах русских и американцев // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2008. – Вып. 1 (24).
13. Флиер, А.Я. Культурология для культурологов. – М., 2000.
14. Арнольдов, А.И. Введение в культурологию (новая расширенная редакция): учебное пособие. – М., 1993.

15. Мамонтов, С.П. Основы культурологии. – М., 1994.
16. Соколов, Э.В. Понятие, сущность и основные функции культуры: уч. пособие. – Л., 1989.
17. Культурология: уч. пособие для вузов / ред. Маркова А.Н. – М., 2007.
18. Карасик, В.И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности: сб. науч. трудов. – Волгоград, 2001.
19. Толстой, Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М., 1995.
20. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград, 2002.
21. Красных, В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. – М., 2002.
22. Слышкин, Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М., 2000.
23. Рождественский, Ю.В. Введение в культуроведение. – М., 1996.
24. Хроленко, А.Т. Основы лингвокультурологии. – М., Наука, 2006.

Bibliography

1. Polivanov, E.D. Izbranniye rabotih: trudih po vostochnomu i obthemu yazihkoznaniyu. – М., 1991.
2. Gorodeckaya, L.A. Lingvokuljtura i lingvokuljturnaya kompetentnostj: monografiya. – М., 2009.
3. Yazihk i kuljtura: sb. obzorov / RAN. INION / otv. red. O.E. Oparina [i dr.]. – М., 1999.
4. Aliferenko, N.F. Sovremenniye problemih nauki o yazihke: uch. posobie. – М., 2005.
5. Vorobjev, V.V. Lingvokuljturologiya (teoriya i metodih): monografiya. – М., 1997.
6. Verethagin, E.M. Yazihk i kuljtura: lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo yazihka kak inostrannogo / E.M. Verethagin, V.G. Kostomarov. – М., 1990.
7. Sociolingvistika // Yazihkoznanie. Boljshoj ehnciklopedicheskiy slovarj. – М., 2000.
8. Maslova, V.A. Lingvokuljturologiya: uch. posobie dlya stud. vihssh. ucheb. zavedenij. – М., 2001.
9. Teliya, V.N. Russkaya frazeologiya. Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokuljturologicheskiy aspektih. – М., 1996.
10. Tolstoj, N.I. O predmete ehntolingvistiki i ee roli v izuchenii yazihka i ehntnosa // Arealnihe issledovaniya v yazihkoznanii i ehntografii. Yazihk i ehntnos. – М., 1983.
11. Tokarev, G.V. Problemih lingvokuljturologicheskogo opisaniya koncepta (na primere koncepta «trudovaya deyateljnostj»). – Tula, 2000.
12. Koptyakova, E.E. Germaniya v nacionalnihkh stereotipakh russkikh i amerikancev // Politicheskaya lingvistika. – Ekaterinburg, 2008. – Vihp. 1 (24).
13. Flier, A.Ya. Kuljturologiya dlya kuljturologov. – М., 2000.
14. Arnoljdov, A.I. Vvedenie v kuljturologiyu (novaya rasshirennaya redakciya): uchebnoe posobie. – М., 1993.
15. Mamontov, S.P. Osnovih kuljturologi. – М., 1994.
16. Sokolov, E.V. Ponyatie, suthnostj i osnovnihe funkci kuljturih: uch. posobie. – Л., 1989.
17. Kuljturologiya: uch. posobie dlya vuzov / red. Markova A.N. – М., 2007.
18. Karasik, V.I. O kategoriyakh lingvokuljturologii // Yazihkovaya lichnostj: problemih kommunikativnoj deyateljnosti: sb. nauch. trudov. – Volgograd, 2001.
19. Tolstoj, N.I. Yazihk i narodnaya kuljtura. Ocherki po slavyanskoj mifologii i ehntolingvistike. – М., 1995.
20. Karasik, V.I. Yazihkovoj krug: lichnostj, konceptih, diskurs. – Volgograd, 2002.
21. Krasnihkh, V.V. Ehntopsikholingvistika i lingvokuljturologiya. – М., 2002.
22. Slihshtin, G.G. Ot teksta k simvolu: lingvokuljturnihe konceptih precedentnihkh tekstov v soznanii i diskurse. – М., 2000.
23. Rozhdestvenskiy, Yu.V. Vvedenie v kuljturovedenie. – М., 1996.
24. Khrolenko, A.T. Osnovih lingvokuljturologii. – М., Наука, 2006.

Статья поступила в редакцию 11.11.11

УДК 801.3

Sokolnikova S.N. **THE COMPARATIVE ANALYSIS OF PLACE NAMES IN RUSSIAN AND CHINESE.** In this article the classification of the principles of place names nomination and its analysis are represented. The author concludes that place names in Russia and China are nominated in the same ways.

Key words: place names, principles of nomination, categories of classification, analysis, similarities and differences.

С.Н. Сокольникова, аспирант ФГБОУ ВПО «АГАО», г. Буйск, E-mail: sokolnikovas@rambler.ru

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ТОПОНИМОВ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ

В статье представлены классификация топонимов по принципу номинации и интерпретация полученных результатов, делаются выводы о идентичности типов наименования городов в китайском и русском языках.

Ключевые слова: топонимы, принципы номинации, рубрики классификации, исследование, сходства и различия.

Целью данной статьи является представление результатов сопоставительного исследования, выполненного в рамках диссертационной работы. Любые наименования отражают в той или иной степени способ номинирования и мышления. Взятые в современной форме они представляют собой срез языковой диахронии и синхронии одновременно, являясь продуктом человеческой жизнедеятельности, они служат объектом исследования для многих наук. В психоллингвистике, в частности, весьма популярным является подход к изучению языкового сознания через систему топонимических единиц в целом и на примере конкретных регионов.

Данная статья посвящена классификации топонимического материала, представленного на территории Московской области Российской Федерации, с одной стороны, и на территории провинции Хэбэй Китайской Народной Республики, с другой. Выбор данной провинции не случаен и вполне ло-

гичен, поскольку Хэбэй является столичным регионом так же, как и Московская область.

Для отбора топонимов использовались географические карты Китая и России, а также материалы Интернет-ресурсов, в частности, Википедия [1] и др. Таким образом, для исследования были взяты 80 топонимов населенных пунктов Московской области и 100, входящих в состав провинции Хэбэй.

На первом этапе ойконимы независимо от языка были распределены согласно принципу, положенному на основу номинации, на 11 групп: отантропонимическое наименование, воинская слава, номинация по гидрониму, топографическая характеристика местности, качественная характеристика селения, духовная культура, географическая соотнесенность, номинация по фитониму, род занятий, вторичное использование номинации, смешанный тип номинации. Само наименование некоторых рубрик требует пояснений.

1. Отантропонимическое наименование – здесь имеются в виду топонимы, основу наименования которых составляют имена собственные реальных людей и мифических персонажей, а также различные прозвища и прозвания.

2. Воинская слава – в эту группу попали топонимы, в основе которых лежит различные военные термины и прославление воинских побед.

3. Номинация по гидрониму – топонимы, в названии которых упомянуты наименования рек или в их составе присутствует номенклатурное слово: река, озеро, вода и т.д.

4. Топографическая характеристика местности – в наименовании топонима встречается характеристика или указание на природные особенности рельефа в данной местности.

5. Качественная характеристика селения – в названии заложено то, что может служить отличительной чертой данного поселения, кроме географических особенностей.

6. Духовная культура – топонимы, объединенные в эту группу, либо названы по церкви, находящейся в этом городе (преимущественно для российских топонимов), либо содержат в своем названии какие-то религиозные тезисы и постулаты (преимущественно в китайских топонимах).

7. Географическая соотнесенность – топонимы этой группы содержат в своем составе названия географических сторон света (север, юг, запад, восток).

8. Вторичное использование номинации – под которой подразумевается, что ранее это наименование использовалось для номинации другого объекта, находящегося на месте последнего и переставшего существовать в силу объективных причин, а затем уже стало применяться для названия города.

9. Смешанный тип номинации – топонимы, объединившие в своем названии несколько типов, выделенных ранее.

На следующем этапе был дан анализ разной наполняемости групп для китайских и русских топонимов отдельно, и произведено сопоставление рубрик, выделенных для русских и китайских ойконимов. Выявленные сходства и различия позволили при интерпретации результатов сопоставительного исследования установить определенные закономерности в наименовании, связанные с особенностями метаязыкового сознания носителей русского и китайского языков, а именно:

1. Не все рубрики представлены равномерно в обоих языках. Кроме того, имеются группы, уникальные для одного языка и отсутствующие в другом.

2. Наиболее многочисленной является группа «отантропонимическое наименование». В нее вошли китайские топонимы, включающие фамилии и династические имена, всего 16 ойконимов. Следует отметить, что в Китае на протяжении многих веков имена императоров и их династические прозвища были запрещены для произнесения; и надевать ребенка именем, сходным по звучанию и написанию с императорским, для китайцев было невозможно. Однако при номинировании населенных пунктов в Китае династические имена были весьма популярны.

В России, в целом, и в Московской области, в частности, также очень распространен этот способ номинации. Крупные города, как правило, получали имена российских императоров/императриц, древнерусских князей – Санкт-Петербург, Екатеринбург, Владимир. Более мелкие города носят имена известных людей: ученых, политиков, писателей, революционных деятелей, которые имеют отношение, прямое или косвенное, к данному месту – Королев, Дзержинский, Чехов, Тольятти. Деревням и позднее маленьким (уездным) городам присваивались имена, фамилии или прозвища их владельцев-помещиков: Голицыно, Одинцово (прозвище боярина Великого князя Дмитрия Донского — Одицца (Домотканова Андрея Ивановича), Фрязино (прозвище итальянцев – фрязины).

3. В группе «номинация по гидрониму» распределение в двух языках также оказалось примерно одинаковым, 13 единиц в русском и 14 в китайском языках: Истра, Дрезна, 沙河 (река с песчаной отмелью), 沽源 (исток реки Гу).

4. Группа «воинская слава», столь объемная в китайском языке, для русского языка оказалась самой малочисленной; 14 и 2 единицы соответственно: Красноармейск, Реутов (реут – сторожевая башня с колоколами), 武邑 (столица воинской доблести), 武安 (военный порядок), 武强 (воинственный и сильный), 康保 (защита мира). Хотя в России большое количество городов-героев, городов, в окрестностях которых проходили жестокие бои и одерживались блестящие победы, но знание об этом является фоновым, напоминанием же служат различные памятники и музеи.

5. Также одной из малочисленных в русском языке является группа «качественная характеристика селения» – всего 3 единицы. Для китайских ойконимов такой принцип номинации считается более популярным (13): 大城 (большой город), 平乡 (мирный сян (адм.-территориальная единица)), 赞皇 (прославляющий императора), 博野 (большая свободная окрестность). Причина, как нам видится, заключается

в том, что для России этот способ номинации в большей степени присущ для деревень и поселков. Неслучайно, города Московской области, отнесенные к этой группе, также ранее были селами – Видное, Железнодорожный. Название города «Звенигород» заимствовано переселенцами от аналогичных названий в Галицкой земле и под Киевом.

6. Разная наполненность группы «духовная культура» для двух языков (русский – 5, китайский – 11) может быть объяснена с точки зрения семантической наполненности группы. Дело в том, что в китайском языке в эту группу попали топонимы, содержащие в себе любые слова религиозной тематики, но для русского топонимикона такой способ номинации не вполне типичен. В русле религиозной тематики город мог получить название по церкви, расположенной неподалеку, либо в самом городе. Таковы города Воскресенск, Сергиев Посад, Дмитров. Большая часть топонимов из этой группы также может быть отнесена к рубрике «отантропонимическое наименование»: 正定 (буддистское истинное сосредоточение), 无机 (высшее начало).

7. В топонимиконе провинции Хэбэй не было выявлено ойконимов, относящихся к группе «род занятий». Также не были выделены ойконимы с вторичным использованием номинации. Необходимо уточнить, что анализу подвергались прямые переводы топонимов на русский язык, в соответствии с концепцией о прозрачности внутренней формы слов в китайском языке, поэтому данная группа осталась незаполненной в силу недостаточности материала исследования. Что касается Московской области, в группу «род занятий» было помещено 9 топонимов: Мытищи (название происходит от так называемой мытной пошлины, взимаемой с торговцев), Котельники, Электросталь. Достаточно большим оказалось число топонимов с вторичным использованием номинации (13), причина этого видится в динамике прироста населения Москвы и Московской области, присоединении городов к Москве и напротив отделения от Москвы целых районов и превращение их в самостоятельные города, которым нужно дать название. Причем некоторые из них приняли названия без изменений, в том виде, в каком они функционировали в качестве названий сел и деревень. Например, Орехово-Зуево, Ступино, Домодедово. Другие же были модифицированы с помощью специальных топонимических формантов – ск, -ов: Дедовск, Климовск.

8. В группу «номинация по фитониму» не попал ни один русский топоним. По свидетельству многих ученых-топонимистов (Никонов В.А., Мурзаев Э.М., Поспелов Е.М.) [2; 3] фитоним напрямую обычно не являлся источником номина-

ции. Нет в Московской области и названий, связанных с географическими сторонами света, хотя в целом по России такие названия существуют – Владивосток, Североморск, Северодвинск. В китайском топонимиконе в группе «номинация по фитониму» 4 города: 灵寿 (кустарник с колечатым стволом), 行唐 (медленная скополия японская), 栾城 (город мыльного дерева).

Подводя итог вышесказанному, можно сделать следующий вывод: принципы номинации топонимического материала в китайском и русском языках частично совпадают, но имеются и уникальные для каждого языка. В целом, основные типы номинирования, встречающиеся в топонимиконе Московской области и провинции Хэбэй, отражают закрепленные в веках представления народов, проживающих на данных территориях.

Библиографический список

1. Города Московской области [Э/р]. – Р/д: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>
2. Мурзаев, Э.М. Словарь народных географических терминов. – М., 1984.
3. Поспелов, Е.М. Школьный топонимический словарь. – М., 1988.

Bibliography

1. Goroda Moskovskoy oblasti [Eh/r]. – R/d: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>
2. Murzaev, E.M. Slovarj narodnihk geograficheskikh terminov. – M., 1984.
3. Pospelov, E.M. Shkoljnihij toponimicheskij slovarj. – M., 1988.

Статья поступила в редакцию 29.10.11

УДК 811. 111=161.1(0,75.8)

Krivosheeva E.I. **EXPERIMENTAL STUDIES OF PERCEPTION OF JAPANESE ONOMATOPEIA BY RUSSIAN BEARERS.** The article describes the problem of perception of Japanese onomatopoeia by native Russian speakers. The work is based upon a psycholinguistic experiment that was conducted in order to determine the representation of iconic component in Japanese onomatopoeia.

Key words: Japanese language, Russian language, Japanese onomatopoeia, perception, iconicity.

Е.И. Кривошеева, аспирант Алтайской Государственной академии образования им. В.М. Шукшина, г. Бийск, E-mail: enl77@mail.ru

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВОСПРИЯТИЯ ЯПОНСКИХ ЗВУКОПОДРАЖАНИЙ НОСИТЕЛЯМИ РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье исследуется проблема восприятия японских звукоподражаний носителями русского языка. Работа основана на психолингвистическом эксперименте, целью которого явилось установление наличия иконической составляющей в японских звукоподражаниях.

Ключевые слова: японский язык, русский язык, японские звукоподражания, восприятие, иконизм.

Категорическое утверждение о том, что связь языкового знака с означаемым абсолютно условна, произвольна, не мотивирована – стало основным на долгие годы. Как следствие этой теории, любое содержание кодируется в языке произвольным образом, поэтому по содержанию ничего нельзя сказать о его форме, и наоборот, форма не дает никаких намеков на то, каково ее содержание.

Однако с древних времен и до наших дней прослеживается существование интуитивного убеждения в том, что закрепление именно такого значения за определенным звуковым комплексом не могло оказаться совершенно случайным, полностью произвольным, что сама природа образующих словозвуков предопределяла в какой-то мере его значение.

Еще в дознаковой ситуации восприятие явлений с их звуковыми проводниками постепенно устанавливает условно-рефлекторные связи, между явлениями и соответствующими звуковыми проводниками, что и раскрывает знаковую возможность: звук означает явление. Многие такие связи, по мнению А.П. Журавлева, имеют физическое основание: как правило, звучания, имеющие сходные акустические характеристики, сопровождают явления, сходно оцениваемые воспринимающими [1].

Содержательность эта мотивирована. В случаях со звукоподражаниями – она мотивирована натурально. Естественная мотивация «звукообразов» и есть «значение» (значимость звучания). Таким образом, «знак уже изначально имел двустороннюю структуру» [2, с. 24].

В языке иконический знак представлен звукоподражательными и звукоименными словами. Звуковая обо-

лочка звукоподражательных слов формируется на базе акустических свойств природных звуков, хотя необходимо отметить, что наборы фонетических средств для обозначения одного и того же природного звука в разных языках часто не схожи.

Указывая на связь между звуком и значением, Гумбольдт отмечал, что «характер этой связи редко удается описать достаточно полно, часто о нем можно лишь догадываться» [3, с. 92].

По мнению Гумбольдта, существует 3 способа обозначения понятий (иконичности). Первый способ заключается в непосредственном подражании, «когда звук, издаваемый предметом, имитируется в слове настолько, насколько членораздельные звуки в состоянии передать нечленораздельные» [3, с. 93].

Второй способ обозначения понятий основывается на подражании не непосредственному звуку или предмету, а «некоему внутреннему свойству, присущему им обоим» [3, с. 93]. Гумбольдт называет этот способ символическим и отмечает, что для обозначения предметов этот способ избирает звуки, «которые отчасти сами по себе, отчасти в сравнении с другими звуками рождают для слуха образ, подобный тому, который возникает в глубине души под впечатлением от предмета» [3, с. 93]. Ученый подчеркивает тот факт, что предметы, производящие сходные впечатления, обозначаются преимущественно словами со сходными звуками. Этот способ обозначения понятий оказал огромное влияние на примитивные способы словообразования. Гумбольдт полагает, что вследствие этого должно существовать сходство обозначения

ний во всех языках мира. Иными словами, он высказал мысль о возможности существования такого явления, как звуков в межъязыковой иконизм.

Сходство звуков в соответствии с родством обозначаемых понятий является основанием третьего способа иконичности. По мнению Гумбольдта, для полного проявления этого способа требуется наличие в звуковой системе словесных единств определенной протяженности.

В нашей работе мы будем придерживаться первого способа понятия иконичности. Но при этом важно отметить, что подражание чему-либо, основанное на сходстве внешнем, не отрицает звуковой системы как таковой. Именно поэтому, звукоподражания в разных языках звучат по-разному.

С точки зрения языковой деятельности развивает вопрос о связи между звуком и смыслом в ономапоэтических словах Хиро Кобаяси [цит. по: 4], выделяя в ономапоэе помимо знакового также и «намекающий» характер, свойственный языку. «Намекающее» начало, по его теории, сильнее проявляется в подражании звуковым явлениям, а знаковое – при отражении незвуковой реальности. Если в языковом знаке отношения между денотатом и языковым референтом строятся по принципу «денотат – языковой знак – языковой референт», то «намекающая» связь состоит в такой последовательности: «денотат – его звуковой отпечаток – языковой референт».

В настоящее время в плане классификации ономапоэ в японской лингвистике традиционно выделялись звукоподражания *ぎおんご giongo* (термин предложен М. Осимой) и звукоизобразительные ономапоэтические слова *ぎたいご gitaigo* (автором термина считается Х. Кобаяси) [4].

Более подробная классификация предполагает выделение в числе звукоподражаний подкласса подражаний голосам животных и людей *ぎせいご giseigo*. Объектом подражания *ぎせいご giseigo*, по мнению Х. Кобаяси, должен быть

звук, производимый речевыми органами, что исключает из этой категории, например стук дятла [цит. по: 4].

Считается, что язык человека способен передать все окружающие нас звучания. Японский язык довольно скуп на фонетические вариации, поэтому также представляется интересным интерпретация фонетических инвариантов звукоподражаний в системе двух языков.

С целью определения уровня восприятия иконичности звукоподражательных слов японского языка группы *ぎおんご giongo* был проведен психолингвистический эксперимент с привлечением 54-х носителей русского языка, не владеющих японским языком. Респондентами явились студенты факультета иностранных языков и факультета истории и права АГАО им В.М. Шукшина, г. Бийск. Возрастная группа информантов составляла от 18 до 22 лет. В качестве материала для эксперимента были выбраны 17 звукоподражаний японского языка из разных тематических групп: 1) звуки неживой природы; 2) звуки живой природы (издаваемые животными, птицами, насекомыми). Основным критерием отбора послужило наличие звукоподражательной пары в японском и русском языках. Звукоподражания были отобраны по материалам японско-русского, русско-японского словаря *電子辞典 denshijiten* (Электронный словарь).

С привлечением носителя японского языка (мужской голос) была сделана аудиозапись отобранных звукоподражательных слов. Для чистоты проведения эксперимента в аудиторию приглашалось 4 человека, занимавших места на одинаковом расстоянии от динамиков. Каждое слово повторялось пять раз. Материал предъявлялся информантам один раз. Предлагалась следующая инструкция: «В записи вы услышите 17 звукоподражательных слов неизвестного вам языка, каждое слово будет предъявлено 5 раз. Ваша задача – прослушать и подобрать для данных звукоподражаний аналог в родном языке из предложенного списка»¹.

Таблица 1

Количество случаев узнавания японского звукоподражания носителями русского языка

Японские звукоподражания	Транскрипция	Аналог в русском языке	Количество случаев узнавания
Звуки неживой природы			
ちよきちよき	chokichoki	чик-чик	81%
りんりん	rinrin	дзинь-дзинь	98%
とんとん	tonton	тук-тук	70%
ちくたく	chikutaku	тик-так	83%
ぼたぼた	potapota	кап-кап	25%
とかつと	tokatto	бац	13%
ぼんぼん	bonbon	бум-бум	19%
Звуки живой природы			
があがあ	gaagaa	кря-кря	40%
もーもー	mo:mo:	му-у	43%
からから	karakara	ха-ха-ха	19%
こけこっこ	kekekoko	кукареку	91%
ちゅうちゅう	chu:chu:	пи-пи-пи	8%
わんわん	wanwan	гав-гав	47%
ぶうぶう	bu:bu:	хрю-хрю	9%
にゃーにゃー	nyanya	мяу-мяу	45%
かっこ	kakko	ку-ку	34%
けろっ	kerokero	ква	21%

¹ Слова в транскрипционном обозначении в японском языке с использованием латиницы не полностью соответствуют звучанию.

Как видно из *Таблицы 1*, в среднем процент узнавания звукоподражательных слов японского языка достаточно высокий. Чаще других были узнаны такие слова как りんりん *rinrin*, которому соответствует русское звукоподражание *динь-динь*, ちくたく *chikutaku* с аналогом в русском языке *тик-так* и こけこっこ *kokekokko*, которому соответствует русское *кукареку*. В этих случаях высокая степень «опознаваемости» слова обусловлена схожим фонетическим обликом этих слов в двух языках.

Однако процент узнаваемости получили и те японские звукоподражания にゃーにゃー *nyanya* (рус. *мяу-мяу*) и ぽたぽた *potapota* (рус. *кап-кап*), которые не похожи по фонетическому строению с русским аналогом. Имеется в виду то, что спектр дифференциальных признаков, которые присутствуют в любом природном и искусственном звучании при порождении звукоподражаний в том или ином языке задействуется не полностью. Использование различных значимых признаков, тем не менее, позволяет носителю другого языка distraивать в сознании неиспользованные оттенки звуков. Возможно, это можно объяснить таким лингвистическим явлением как внутриязыковой иконизм, предполагающий сохранение качества природных звучаний при использовании различных языковых средств для их передачи в разных языках.

Библиографический список

1. Журавлев, А.П. Фонетическое значение. – Л., 1974.
2. Трофимова, Е.Б. Общее в частном: фонетические и лексические единицы в пространстве языка / Е.Б. Трофимова, У.М. Трофимова. – Бийск, 2003.
3. Гумбольдт, В. Фон. Избранные труды по языкознанию. – М., 2001.
4. Чиронов, С.И. Ономастопозитические слова в современном японском языке: дис. ...канд. филол. наук. – М., 2004.

Bibliography

1. Zhuravlev, A.P. Foneticheskoe znachenie. – L., 1974.
2. Trofimova, E.B. Obshche v chastnom: foneticheskie i leksicheskie edinichy v prostranstve yazihka / E.B. Trofimova, U.M. Trofimova. – Biijsk, 2003.
3. Gumboljdt, V. Fon. Izbrannihe trudih po yazihkoznaniyu. – M., 2001.
4. Chironov, S.I. Onomatopoeiticheskie slova v sovremennom yaponskom yazihke: dis. ...kand. filol. nauk. – M., 2004.

Статья поступила в редакцию 29.10.11

УДК 81.282.2

Prokofieva E.V. REGIONAL CULTURE AND ITS REFLECTION IN THE DIALECT OF BYSTROISTOKSKY REGION. Each region has specific features: the history of settlement, development, cultural traditions and language features – all this is not only recreates the material culture, but also the spiritual culture associated with religious beliefs, values, moral and ethical guidelines of personality, which is reflected in the lexicon. This article focuses on vocabulary, reflective materializing and spiritual culture media of bystroistoksky dialect area.

Key words: region, dialect personality, material culture, spiritual culture, the lexical level.

Е.В. Прокофьева, аспирант каф. общего и исторического языкознания Алтайского государственного университета, г. Барнаул, E-mail: evg-prokofeva@yandex.ru

РЕГИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ГОВОРЕ БЫСТРОИСТОКСКОГО РАЙОНА

Каждый регион имеет специфические черты: история заселения, развитие, культурные традиции, особенности языка – все это воссоздаёт не только материальную культуру, но и культуру духовную, связанную с религиозными представлениями, системой ценностей, морально-нравственными ориентирами личности, что находит своё отражение в лексике. Данная статья посвящена лексике, отражающей материальную и духовную культуру носителей диалекта Быстроистокского района.

Ключевые слова: регион, диалектная личность, материальная культура, духовная культура, лексический уровень.

Сегодня становится очевидным, что формирование гармонично развитой личности невозможно без глубокого усвоения культурного исторического наследия, без самостоятельного мышления, которое накопило человечество за свою долгую историю. А.А. Потебня впервые в отечественной лингвистике провозгласил тезис о культурно-историческом строе личности, обусловленном мыслительным строем языка, назвав культуру детерминантой народного склада. Следовательно, языковая деятельность личности сводится к созданию мира культуры посредством языка [1]. Все явления, так

или иначе затрагивающие душу человека, – окружающая природа, культура, весь опыт и переживания – все это оказывает влияние на язык. Окружающий мир не просто фиксируется с помощью языковых средств, но и оказывается включенным в личностную сферу человека, т.е. чтобы оценить мир нужно пропустить его через себя, через собственное сознание. Таким образом, восприятие и осознание мира человеком оказывается производным от культурно-исторического бытия, поэтому анализ языковой картины мира, транслирующей данное восприятие, дает возможность исследователю выявить ценностные ориентиры личности.

Тщательный анализ результатов эксперимента позволяет предположить, что узнаванию звукоподражательных слов разносистемных языков иноязычными носителями способствуют следующие факторы:

- 1) наличие внешнего фонетического сходства между звукоподражаниями разносистемных языков. Это явление носит название – *универсальный языковой иконизм*;
- 2) сохранение качества природных звучаний в звукоподражательной лексике неродственных языков несмотря на различие фонетических средств, используемых для их обозначения, то есть *внутриязыковой иконизм*.

Ранее [2; 3] мы исследовали языковые особенности и особенности языковой картины мира конкретного носителя диалекта – А.В. Медведевой, 1913 г.р., старожилки с. Быстрый Исток. Наблюдая долгое время (2002–2010 гг.) за А.В. Медведевой, мы выявили ценностные ориентиры личности, представленные в ее языковой картине мира. Аксиологический компонент языковой картины мира конкретного носителя диалекта включает ценности как материальной, так и духовной культуры. Однако мы расширили границы исследования – в данной статье представлены наблюдения за старожилками района. Информантами явились старожилы сел района, носители традиционной культуры. Диалектоносители являются коренными жителями Быстроистокского района, не покидающие его пределов продолжительное время; в слабой степени владеют литературной речью, знают местные традиции и обычаи, фольклор и историю села. Обычно наиболее культурно содержательный материал во время диалектологических экспедиций записывается нами у пожилых (от 75 лет) женщин с невысоким образовательным цензом и социальным статусом.

История села Быстрый Исток имела колоссальное значение в формировании материальной и духовной культуры. Влившаяся за столетия (1865–1915 гг.) в население Алтая российские переселенцы составили преобладающую массу сельских жителей, среди которых старожилы, то есть потомки более ранних русских переселенцев, остались в меньшинстве. Местные жители восприняли от переселенцев различные сельскохозяйственные орудия труда, некоторые ремесла и промысла – новую культуру. Иными словами, в результате контактирования переселенцев и старожилов Быстроистокского района региональная культура пополняется особенностями земледелия, растениеводства, различными орудиями труда – тем, что составляет материальную культуру крестьянина, что находит свое отражение в лексике. Таким образом формируется и историко-культурная региональная традиция.

Переселение в Сибирь носило масштабный характер, большая часть поселившихся на Алтае прибыла из России, что подтверждает и региональный языковой материал:

«Вот прабабушка была с Тамбовской области» (Токарева Е.Н., 1919 г.р.).

Старожилы говорят также о том, что их прадеды с семьями были раскулачены и высланы в Сибирь на поселение.

«Прабабушка приехала – отцова мать. Ну, она говорила, из какой-то России. Здесь была тайга – всё вырубали. Моего отца бабушка и моей матери мать – они были репрессированные – и их, как тогда говорили, раскулачивали. Мать отцова приехала из какой-то России» (Копылова В.П., 1935 г.р.).

«Дед и прадед, я его помню немножко, уже три класса кончила. Из Тамбовской области. Оттуда они пришли и стали заселять вот это место, понравилось им то, что река близко, конечно, всё тут было зарушено. Всё вырубали, выкорчевывали и строили себе избы. Ну, климат понравился» (Гончарова А.А., 1922 г.р.).

«Мои родители-то, они отсюда, а еще у их, у тётки, дед из России, из России пришли. Ну, и вот мужик-то у куме, у Мулючихе-то, знаешь Мулючиху-то? Вот её Степан-то тоже оттуда пришёл, из России» (Зверева У.А., 1915 г.р.).

Как видно из контекстов, в сознании старожилов Россия, то есть территория, лежавшая западнее Уральских гор, представляется, наряду с Тамбовской, Воронежской губерниями, а также Подмосковьем, какой-либо конкретной областью России, неизвестной для них, что подтверждает яркий пример из речи старожилки Медведевой А.В.: *«Мама из Воронежа пришла, отец – из России»* (Медведева А.В., 1913 г.р.).

Были также переселенцы из Подмосковья:

«Отец мой с Подмосковья приехал, и тут он жил» (Воропаева Л.Ф., 1932 г.р.).

Однако на территории Быстроистокского района проживали не только переселенцы, но и старожилы, потомки ранних поселенцев:

«А вот мы все здешние, и родители» (Болобаева А.Ф., 1928 г.р.).

«Да, родилась я в Покровке. И родители мои тут выросли» (Лудцева А.Ф., 1926 г.р.).

Так, мы видим, что население района составляли переселенцы и местные жители.

С точки зрения национального состава Быстроистокского района и его роли в формировании региональной историко-культурной традиции также весьма разнообразен. В годы Великой отечественной войны на территорию Быстроистокского района были высланы люди различных национальностей:

«Тут эти были – молдаване были, калмыки были, гагаузы были. Это после войны, иль в войну. И болгары были, вот все были. Кто после войны женился и остался здесь, кто уехал на родину» (Воропаева Л.Ф., 1923 г.р.).

В это же время в район гонят калмыков, ведущих кочевой образ жизни, некоторых из них приняли в дома жители сел. Они внесли определенный вклад в развитие садоводства, овощеводства. Своеобразная культура калмыков постепенно смешивалась с культурой местного населения. Отпечатки этой культуры до сих пор сохраняются в жизни старожилов. Из воспоминаний А.В. Медведевой: *«Сделайка чай по-калмыцки. Ох, и вкусный у них чай с маслом, а можно и с салом»*. Сегодня слово *калмык* употребляется в говоре Быстроистокского района в значении неряшливого, глупого человека: *«Совсем как калмыки стали – по две недели в баню не ходят»* (Вогнерубова А.А., 1929 г.р.).

Село Новопокровка Быстроистокского района, как показывает языковой материал, было основано казаками: *«От мамы это слышала, что проходили казаки, и вот на вйтер нас, там были казбки. И вот туда на ихнюю пулю не смей ни за гектар ти, Божы упаси, или там в забуку за сморудиной, они плетями драли, что не пускали туда. Вот это я от мамы слышала, это мама говорила»* (Воропаева Л.Ф., 1923 г.р.). Сказанное не противоречит историческим фактам о том, что с 1851 года особым положением было образовано Забайкальское казачье войско, в состав которого принудительно были зачислены тысячи крестьян. Казачьи поселения росли очень быстро [4]. Так, казачье поселение на реке Ануй становится небольшим селом.

Так, рассматриваемая нами территория весьма разнообразна с точки зрения ее заселения и национального состава, что доказывает обширный языковой материал. Следует отметить, что история заселения Алтая обусловила функционирование на его территории нескольких типов говоров. Здесь выделяются старожильческие говоры вторичного образования, которые сложились в сибирских условиях в результате взаимодействия разных материнских говоров, занесенных ранними русскими переселенцами [5].

В региональной историко-культурной традиции каждое село Быстроистокского района считается старинным, поскольку здесь сохранилась исконно русская материальная культура. В обиходе старожилов присутствуют предметы быта, орудия труда, надворные постройки, некоторые виды одежды и посуды, соответственно, в говоре функционируют и слова, их обозначающие: *«Дед нынче табака насадил, вот он потом высушит его на поллке, потом нарубит в корытце и носит его в кисете. Я ему сошью кисет...»* (Вогнерубова А.А., 1929 г.р.). *«Хлеб и щас сама пеку, он лучше получается, чем магазинный. Мама меня тогда учила печь. А тут было у рогача палка эта отломилась...»* (Медведева А.В., 1913 г.р.). *«Мама тады зимой в чуниках ходила, а щас попробуй в сенки выйди в чуниках, сразу охватит (в знач. заболеешь), народ слабый стал»*. *«У Вовки в журавле воды набрать – она там чистая»*. (Вогнерубова А.А., 1929 г.р.). *«Кулага полезная, там калина, ее есть надо. Ишь, не нравятся! Городские все стали»* (Гончарова А.А., 1923 г.р.).

Данные диалектные единицы включены в корпус «Словаря русских говоров Алтая» [6], что позволяет на данном

этапе считать их органической частью не только диалектного словаря, но и говора Быстроистокского района.

Осуществляемые нами диалектологические экспедиции (2002–2010 гг.) в указанный район открывают новые лексические единицы, яркие контексты их речевого бытования, богатые лингвокультурные и аксиологические коннотации, что способствует более полному описанию культуры региона. Рассмотрим несколько наиболее употребительных лексико-семантических групп слов, обозначающих различные предметы и явления, в «Словаре русских говоров Алтая» и говоре Быстроистокского района. В целом же материальная культура, отраженная в говоре изучаемой местности, представлена стандартно, т.е. включает в себя самые различные атрибуты крестьянской жизни, сохранившиеся в селах в настоящее время. Однако некоторые лексические единицы, не зафиксированные в «Словаре русских говоров Алтая», являются показателями того, что Быстроистокский район, являясь территорией раннего заселения, сохранил в речи старожилов и их обиходе исконно русскую культуру. Представим анализ нескольких лексико-семантических групп, например «Кухонная утварь». Значение **хлебальной чашки** – «глубокая чашка» зафиксировано в «Словаре Русских говоров Алтая». В говоре же старожилов района нами также отмечено функционирование данной лексической единицы при совпадении семантического значения.

Традиционно крестьянские семьи были большими, соответственно и в культуре еды появлялась посуда, отвечающая подобным требованиям: «Раньше семьи большие были. Вот сядем есть, мама молока нальет в **хлебальную чашку**, туды хлеба. Вот мы все оттуда и хлябали». «И вот обедали: **в чашку большую** нальют супу и все из одной чашки деревянными ложками хлябают. Вот так вот» (Зверева У.А., 1915 г.р.).

Сегодня данное наименование сохраняется, но обозначает уже обыкновенную суповую тарелку: – *Поддай-ка **хлебальную чашку***. – Это какую? – Ну, под суп, **глубокою** (Вогнерубова А.А., 1929 г.р.)

Неотъемлемым атрибутом кухни и сегодня в быту старожилов является так называемая **утирка** – «полотенце для рук». Такое же значение зафиксировано в «Словаре русских говоров Алтая». Обычно утирка вешается возле печи или там, где моют руки:

«**Утирку** надо чистую повесить, а то Коля приедет, он же гребливый такой». «**Утирка** за печкой висит». «Куды вот опять **утирку** заховали?» (Вогнерубова А.А., 1929 г.р.).

Деревенские жители готовили пищу в русской печи, а для того, чтобы достать из нее чугунок, использовался **ухватник** – «ухват». Данное значение находим в «Словаре русских говоров Алтая». В Быстроистокском районе нами зафиксировано как **рогач**.

«Вот в чузунке своришь че-нибудь, а вытаскиваш **рогачем**. Вон он у меня за печей стоит» (Медведева А.В., 1913 г.р.).

Крестьянский дом обычно состоял пяти стен, поэтому получил название **пятистенник** – «деревянный дом, разделенный капитальной стеной на две части». «Дома раньше пятистенками звались. Избы были старые, большие избы были. А вот такая мода какая-то была: сенцы, кладовая рублена, в четыре стены дом-то сделаешь, а семья-то большая была». Большая часть домов старожилов в Быстроистокском районе представляет собой именно пятистенник. Помещение, отделяющее избу от крыльца, называется **сенками** – «помещение между жилой частью дома и крыльцом в деревенских избах». Такое название зафиксировано и «Словаре русских говоров Алтая», в говоре Быстроистокского района нами отмечено как **сенцы**, **сенки**. «А он подошёл к воротам и кричит: «Девчонки, идите, девчонки, идите. Кто-то в **сенцы** подкрадился!». А мы говорим: «Как ты увидл, кто там в **сйнку** подкрадблся?» (Медведева А.В., 1913 г.р.).

В крестьянском небогатом жилище были и предметы домашней обстановки: диван, лавки, палаты. В целом ме-

бель, находящаяся в доме называлась **обстановки**. «Раньше обстановок не было никаких, так трень-брень» (Медведева А.В., 1913 г.р.). В «Словаре русских говоров Алтая» данная лексическая единица не зафиксирована. Также не отмечены в Словаре следующие слова:

«Ну, в гурнице у нас такуй, щас диван, а тада **канай-лем** звали, во всю стенку сделанный был, а щас че же, вишь какая мода подошла, а то **стулы** сами сделают, **столы**» (Зверева У.А., 1915 г.р.). «И вот праздник воскресени, раньше только воскресене отдыхали-то, снохи пойдут на **лавки-то**, у нас звали **кашапёрками**, надерёт таки снопы, приташишьт, и вся семья сядут и едим ир» (Медведева А.В., 1913 г.р.).

В настоящее время большинство территорий вторичного заселения имеют разные по объему, содержанию, исходным принципам, формам сбора и обработки материала диалектные словари, отразившие материальную культуру. Однако подобного рода словари не отражают особенностей духовной культуры старожилов.

Духовная культура старожилов Быстроистокского района отражена, по нашему мнению, в том содержании, которым наполняются в их сознании такие понятия, как **Бог**, **Ангел**, **Судьба**, **Грех**, **Жизнь**, **Смерть**, **Рай**, **Ад**, **Святые**, **Богоматерь**, **Церковь** составляющих лексико-семантическую группу «**Вера**». В «Словаре русских говоров Алтая» зафиксировано одно значение слова **Бог** – «икона» (Солт.) [6, с. 23]. Данное представление о Боге общее, лишенное личностной окраски, оно является общепринятым: «**Бог** на нёбе сидит. **Бог** – эта старенький старицок» (Таманова Е.Е., 1918 г.р.). Однако такие понятия как **Бог**, **ангел**, **судьба**, **грех** и др. формируются в сознании диалектоносителей индивидуально, независимо от коллективного знания о религии. Например, по мнению Медведевой А.В., **святой дух** и **ангел** существуют: «Вот **святой дух** есь. Када женщина рожает, он стоит за окном и судьбу ему нарекает: кака жисть ему, кака смерть у него будет. **Святой дух** из человека выходит, када он умирает». «**Ангел** сидит на окошечке и ножки свесит, и его видно».

Вера приобретает особенное значение именно в селах, где объединяющим людей началом является церковь. В церкви, по словам старожилов, происходило чудотворное исцеление, божественное благословление верующих. Из речи старожилов: «А вот такой случай был при моей жизни. В церкву вот подашли причащаца, мальчика подняли, так годов пяти, наверно, а он забряхал по-собачьему прям – испорченный. Поднясли, а он забряхал. А одна женщина тоже там была. Вместе сядели, она тоже подошла и тоже забряхала, как собака». Православные праздники, заветные межпоколенной традицией, отмечались всегда – данные регламентации прочно укоренены в сознании старожилов: «Ну да праздник Троица была удоваая. На Троицу вот первый день отпразднывают, а на второй – ходили к часовинке. А миру страсть сколь там было. Вот так вот. А на Паску праз'ник За водой всю Паску с иконами ходили. Вот пер'вый день отслужут, отдохнут, а на второй день каждому в двор захуд'ут с иконами, отслужут в каждом доме, во второй переходят. Всю Паску ходили служили, всю сяло пройдут – служили. Пристольный?! Ну дык, Паска, Покров, Троица, Ржаство – три праз'ника удоовых был» (Королькова Е.А., 1938 г.р.).

Грех в сознании старожилов представляется по-разному, как то:

«**Грех**, знаешь, вот стираться грех большой вот на родителей (родительский день) и в пять, и в середь» (в пятницу и в среду) (Зверева У.А., 1915 г.р.). «Самый большой грех-то – воровать, убивать. Это самый большой грех» (М.Н. Михалёва, 1918 г.р.). «Страшный грех – аборты делали, самый страшный грех, убивать детей, а мы делали. Осуждение, осуждать, человека, а терпения иной раз не хватает» (Л.Ф. Воропаева, 1932 г.р.). «Ды какой урех, вот не нужно это драца. Вот это грех большой. (А.Е. Тимчева, 1928 г.р.). «**Наказанье** не на том свете, а на этом

свете. И мне то наказание, как я долго живу-то. Я – то велика грешница. Дитя одно погубила. Эта самый страшный грех в мире» (Медведева А.В., 1913 г.р.). «Убивать – грех» (Болобаева А.Е. 1929 г.р.).

Такое понятие, как *жизнь* сложно поддается определению, однако А.В. Медведева, обладая способностью к рефлексии и ярким образным сознанием, дает следующий ответ: «Дети и внуки да правнуки есть у меня, а это же я. Слава тебе, Господи, што прожила *жисть*» (1913 г.р.).

Таким образом, в лексико-семантическую группу «Вера» входят следующие лексические единицы: *Бог, святой дух, церковь, церковные праздники, грех, наказание, жизнь*. Данные понятия, являясь сферой чувственного восприятия, от-

ражают ценности духовной культуры, определяют мировоззрение, формируют аксиологический каркас личности. Данные примеры позволяют увидеть систему взглядов на мир. Подобное мировидение старожилов района отличается образностью мышления («*Ангел сидит на окошечке и ножки свесит, и его видно*»), и, как следствие, способностью создавать яркие речевые явления, отражающие духовную культуру данного общества, национальную принадлежность личности, ее мировоззрение. В заключении хотелось бы отметить, что создание подобного рода словарей «духовной культуры» существенно повысит исследовательский потенциал в разрешении вопроса о национальном русском менталитете, имеющем междисциплинарное значение.

Библиографический список

1. Потеня, А.А. Слово и миф в народной культуре. – М., 2000.
2. Прокофьева, Е.В. Особенности фонетической системы Быстроистокского района // Филология и культура / Под ред. Л.М. Дмитриевой, А.И. Куляпина. – Барнаул, 2008. – Вып. 4.
3. Прокофьева, Е.В. Социокультурные условия формирования миропонимания конкретного носителя диалекта // Вопросы филологических наук. – 2009. – № 6 (40).
4. Русские старожилы Сибири. Историко-антропологический очерк / под ред. В.В. Бунака, И.М. Золотарева. – М., 1973.
5. Любимова, О.А. К вопросу о заселении Алтайского края в XVIII в. в связи с историей формирования старожильческих говоров // Языки и топонимия Алтая. – Барнаул, 1981.
6. Словарь русских говоров Алтая: в 4-х т. / под ред. И.А. Воробьевой, А.И. Ивановой. – Барнаул, 1993.

Bibliography

1. Potebnya, A.A. Slovo i mif v narodnoy kuljture. – M., 2000.
2. Prokofjeva, E.V. Osobennosti foneticheskoy sistemih Bihstroistokskogo rayona // Filologiya i kuljtura / Pod red. L.M. Dmitrievoy, A.I. Kulyapina. – Barnaul, 2008. – Vihp. 4.
3. Prokofjeva, E.V. Sociokuljturniye usloviya formirovaniya miroponimaniya konkretnogo nosityela dialekta // Voprosih filologicheskikh nauk. – 2009. – № 6 (40).
4. Russkie starozhilih Sibiri. Istoriko-antropologicheskij ocherk / pod red. V.V. Bunaka, I.M. Zolotareva. – M., 1973.
5. Lyubimova, O.A. K voprosu o zaselenii Altajskogo kraya v XVIII v. v svyazi s istoriej formirovaniya starozhiljcheskikh govorov // Yazihki i toponimiya Altaya. – Barnaul, 1981.
6. Slovarj russkikh govorov Altaya: v 4-kh t. / pod red. I.A. Vorobjevoy, A.I. Ivanovoy. – Barnaul, 1993.

Статья поступила в редакцию 29.10.11

УДК 41+414.42 (571.52)

Seglenmey S.F. THE NOISY VELAR CONSONANTS OF THE TUVAN LANGUAGE. In this article are specified the nomenclature of the noisy velar consonants of the Tuvan language, which are based on modern methods, allophonic realization of these phonemes, a description of full characteristics of phonemes according to their constitutively-differential features.

Key words: the phoneme, allophone, nomenclature of phonemes, noisy velar consonant, distribution, articulation, acoustic parameters, constitutively-differential features.

С.Ф. Сегленмей, ст. преп. каф. теории и методики преподавания русского и тувинского языков в начальной школе Тувинского государственного университета, г. Кызыл, E-mail: sfseglenmey@mail.ru

ЗАДНЕЯЗЫЧНЫЕ ШУМНЫЕ СОГЛАСНЫЕ ТУВИНСКОГО ЯЗЫКА

В статье на основе современных методов уточняется состав заднеязычных шумных согласных фонем тувинского языка, выявляются аллофоны этих фонем, дается описание артикуляций и акустические параметры согласных, определяются полные характеристики фонем по их конститутивно-дифференциальным признакам.

Ключевые слова: фонема, аллофон, инвентарь фонем, заднеязычный согласный, дистрибуция, артикуляция, акустические параметры, конститутивно-дифференциальные признаки.

Исследование фонетики тувинского языка приобретает все более углубленный характер. Работы Ф.Г. Исхакова, А.А. Пальмбаха, А.Ч. Кунаа, К.А. Бичелдея, С.Ф. Сегленмей, С.В. Кечил-оол, И.Д. Дамбыра стали достаточно надежной основой для решения многих теоретических и практических вопросов тувиноведения и являются исходной базой для изучения ареальных явлений и сравнительно-исторических реконструкции в тюркологии. Однако остается еще немало аспектов, требующих исследования или уточнения с помощью новых методов и современных технологий. Один из таких аспектов – инвентарь согласных фонем современного тувинского языка, который представлен в работах тувиноведов неоднозначно.

В данной статье предлагается попытка уточнения инвентаря шумных заднеязычных согласных фонем и их аллофони. Исследование проводилось на основе комплексной методики аудио-визуального наблюдения и лингвистического функционального анализа. Описание иллюстрируется денотопалатограммами, рентгеносхемами и образцами звуковых файлов, полученных и обработанных с помощью компьютерных программ Speech Analyzer и Cool Pro; каждой фонеме дается полное определение по ее конститутивно-дифференциальным признакам.

Заднеязычные согласные тувинского языка вызывают определенный интерес еще и в том плане, что в своих проявлениях они отражают типично тюркскую заднеязычно-у-

лярную артикуляцию, которая в топографии неба охватывает почти одну треть твердого неба и всю широкую область веллярной зоны (VELAR REGION), включая небный язычок (UVULA PALATINA), и отчасти фаринкс (PHARYNX), а активным преградообразующим органом может быть не только задняя часть спинки языка, но и корень языка.

Доминирующие базовые черты консонантных артикуляций определяются местом и способом образования. Как отмечает А.И. Томсон, «в каждом языке существуют общие особенности в артикуляциях, объясняемые главным образом приобретенными привычками в движениях и связанных с ними развитием соответствующих мускулов органов речи» [1]. По мнению В.М. Наделеева [2], место локализации артикулирующих органов и способ образования – признаки, тесно связанные с понятием артикуляционно-акустической базы (ААБ). Он считает, что ААБ представляет собой систему определенных навыков в единстве с акустическими эффектами, которые передаваясь из поколения в поколение, становятся свойством этноса, и как субстрат ААБ может продолжать доминировать даже при переходе этноса на другой язык.

Заднеязычные согласные фонемы тувинского языка имеют широкое применение в звуковом оформлении слов и морфем. И хотя сильная заднеязычная фонема [x], в силу того, что ограничена исключительно инициальной позицией,

при преимущественно агглютинирующем слово- и формообразовании тувинского языка не может участвовать в этом процессе, что, между прочим, свойственно для всех сильных согласных. Зато слабая заднеязычная фонема [k] может употребляться в самых разнообразных позициях, сочетаться со всеми гласными и с большинством согласных.

Состав заднеязычных шумных согласных фонем тувинского языка исследователями определяется по-разному. У А.А. Пальмбах она представлены как следующие согласные: (k^h), k, [ɣ], x, r, h [3]; у Ф.Г. Исхакова: [x], [k-ɣ], [h] [4]; у Ш.Ч. Сата: [x], [k-ɣ], [ɣ, q] [5]; у В.М. Наделеева это проявления двух фонем: [x], [g]; у А.Ч. Кунаа также 2 фонемы: x, k [6]; у К.А. Бичелдея: [x], [k-ɣ] [7]. Такое неоднозначное толкование фонемного состава и аллофонов заднеязычных, видимо объясняется многообразием оттенков, обусловленных фонетическим окружением. Действительно, с учетом сингармонических проявлений по рядности, нами предварительно были выявлены, до экспериментальной проверки, на основе аудио-визуального метода и по мускульным ощущениям заднеязычные согласные пока на уровне фонов переднемягконебные – «x, k, g, ɣ, ɲ», и заднемягконебные – «χ, q, ɔ, ɕ, ɳ», которые соответственно приурочены к мягкорядной или твердорядной позиции. Дистрибуция заднеязычных согласных представлена в совмещенной таблице 1.

Таблица 1

Дистрибуция заднеязычных согласных [x], [k], [ɣ], [ɲ]

№ п/п	[C]V ^б =	[C]V ^б =	=V ^б [C]V ^б =	=V ^б [C]V ^б =	=V ^б [C]C ₁ V ^б =	=V ^б [C]C ₁ V ^б =	=V ^б [C]C ₁ V ^б =	=V ^б [C]C ₁ V ^б =	=V ^б [C]C ₂ V ^б =	=V ^б [C]C ₂ V ^б =	=V ^б [C]C ₃ V ^б =	=V ^б [C]C ₃ V ^б =	=V ^б [C]C ₃ V ^б =	=V ^б [C]C ₃ V ^б =	=V ^б [C]C ₃ V ^б =	=V ^б [C]C ₃ V ^б =	=V ^б [C]C ₃ V ^б =	
1.	x	x	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
2.	q	k	ɕ	ɣ	q	k	q	k	-	-	ɕ	ɣ	ɕ'ɔ	ɣ'g	-	-	q	k
3.	-	-	ɕ	ɣ	-	-	-	-	ɕ	ɣ	ɕ	ɣ	-	-	-	-	ɕ	ɣ
4.	-	-	ɳ	ɳ	-	-	-	-	ɳ	ɳ	ɳ	ɳ	-	-	ɳ	ɳ	ɳ	ɳ

Анализ данного распределения позволяет выделить следующие фонематические отношения:

1. В инициально-превокальной позиции CV^б= звуки типа «k» и типа «x»: **хем** «хемт» 'река' – **кем** «кемт» 'вина', **хир** «хирт» 'грязь' – **кир** «кирт» 'заходи' находятся в отношениях контрастирующей дистрибуции, что дает основание считать их проявлениями двух разных фонем, первую обозначить символом [k8], вторую – символом [x;].

2. Медиально-интервокальные и пресонантные звуки типа «ɣ» и типа «g» с инициально-превокальными и поствокально-финальными звуками типа «k» находятся в отношениях дополнительной дистрибуции, так как при словоизменении в зависимости от позиционно-комбинаторных условий они обязательно взаимозаменяются: **хек** «хек» 'кукушка' – **хеги** «хеги» 'его кукушка', **кек** «к'Jk» 'синий' – **кегу** «к'Jɣ'ɣ» 'синеват'; кроме того, инициально-превокальные звуки типа «k» во внешнем сандхи замещаются звуками типа «ɣ» и типа «g» **хем кежер** «хемт_ge'ɣ >ε'ɣ» 'перейти реку', **эле кек** «J'ε_ɣ'Jk» 'сивый'. Следовательно, эти звуки являются аллофонами фонемы [k8], выявленной выше.

3. Что касается отношений финальных поствокальных согласных типа «k» и типа «ɣ», которые находятся в отношениях контрастирующей дистрибуции, нет сомнений в том, что они являются аллофонами двух разных фонем. Это подтверждается и серией приведенных выше квазиморфем, в которых данные звуки выступают как представители разных фонем, поддерживая собой разные значения слов. Кроме того, "поведение" фонемы [ɣ<] при словоизменении

также отличается от фонемы [k8], в частности, при образовании некоторых грамматических форм аллофоны фонемы [ɣ<] элиминируются, например, бег «p]εɣ» 'свекор' – бээ «p]ε:» 'ее свекор', тиг «f]i'ɣ» 'шов' – тии «f]i' :» 'его шов', дег «f'εɣ» 'касаться' – дээр «f'ε:ɣ» 'прикоснись'; этот процесс для данной фонемы не знает исключения, в то время как для фонемы [k8] возможна и мена «k/l]ɣ/g» и исчезновение тик «f]ik» 'ноль' – тиги «f]i'ɣi» 'его ноль', белек «p'εlek» 'подарок' – белээ «p'εlε:» 'его подарок' и т.д. Поэтому финальные звуки типа «k» отождествляются с фонемой [k8], а финальные звуки типа «ɣ» выделяются как противостоящие им аллофоны другой фонемы, обозначаемой условно символом [ɣ<] «ɣ, ɣ'».

4. Контрастирующая дистрибуция звуков типа «ɳ» во всех позициях, в которых они возможны, по отношению к проявлениям фонем [k8] и [ɣ<] позволяет выделить особую фонему [ɳ,] «ɳ, ɳ'».

Таким образом, дистрибутивным анализом выявляются следующие заднеязычные переднемягконебные фонемы: 1) [x;] «x, x'»; 2) [k8] k, k', g, g', ɣ, ɣ'; 3) [ɣ<] «ɣ, ɣ'»; 4) [ɳ,] «ɳ, ɳ'».

Анализ вокального окружения реализаций заднеязычных переднемягконебных и заднемягконебных согласных, дистрибуция которых совмещенно представлена в таблице 1, позволяет констатировать, что эти две группы звуков находятся между собой в отношениях дополнительной дистрибуции, а именно: переднемягконебные звукотипы «χ»,

«k», «g», «y», «ŋ», как правило, используются в синтетических словоформах простых лексем с мягкорядным составом гласных (ε, ε̃, ε̄, i, ĩ, ī, J, J, J, γ, γ̃, γ̄), а заднемягконебные звукотипы «χ», «q», «ɑ», «C», «ŋ» – с твердорядным составом гласных (a, ã, ā, o, õ, ō, s, s̃, s̄, u, ũ, ū).

Из сказанного выше следует, что эти фонологически неперекрещивающиеся ряды согласных, обусловленные вокальными осями, могут быть только аллофоническими проявлениями соответствующих фонем, выявленных в группе заднеязычных переднемягконебных согласных. А именно, инициально-превокальные звуки типа «χ» в твердорядной оси идентифицируются с фонемой [x:], реализующейся в мягкорядной оси, в качестве ее позиционно-комбинаторных оттенков; инициально-превокальные и финальные звуки типа «q» и медиальные преконалонные звуки типа «ɑ» и типа «C» отождествляются с фонемой [k88] как ее контекстные реализации. Что касается финальных звуков типа «C», очевидно, что это дополнительно распределенные аллофоны фонемы [y:]. Звуки типа «ŋ», противопоставленные по всем позициям заднеязычным фонемам, выявленным выше, так же как оттенки фонемы [ŋ:], могут быть только ее аллофонами в твердорядной вокальной оси.

В результате анализа дистрибуции заднеязычных согласных звуков тувинского языка выявлены следующие фонемы с их позиционно-комбинаторными оттенками: 1) [x:] «x, x̃, x̄, χ, χ̃, χ̄»; 2) [k88] «k, k̃, q, q̃, g, g̃, ɑ, ɑ̃, γ, γ̃, C, C̃»; 3) [y:] «y, ỹ, C, C̃»; 4) [ŋ:] «ŋ, ŋ̃, ŋ̄, ŋ̃».

Качественные и количественные характеристики шумных заднеязычных согласных фонем

Цель данного раздела – уточнить артикуляционные и акустические параметры реализаций заднеязычных согласных тувинского языка. Для определения артикуляций были использованы соматические методы рентгенографирования и дентопалатографирования. Акустические признаки определялись по результатам пневмоосциллограмм и частично электроакустического анализа компьютерных файлов – ме-

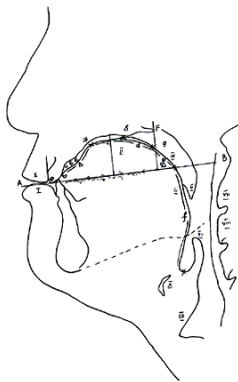

Рис. 1. Рентгенограмма нейтрального положения органов речи – Д. 2.

При образовании мягкорядных оттенков активным органом выступает $\frac{1}{3}$ межзубной части и смежный участок задней части спинки языка, приподнятые в большей части к твердому небу и в меньшей – к области мягкого неба; часть увулы приопущена, продолжая контур мягкого неба, другая половина выгнута вверх и смыкается с задней стенкой фаринкса; корпус языка тоже оттянут назад, но в меньшей степени, чем при твердорядных оттенках, т.к. кончик языка проецируется на гребень альвеол.

На дентопалатограммах твердорядных оттенков следов контакта языка с небом – узкая полоска или не обнаружива-

етов, разработанных и используемых в ЛЭФИ ИФ СО РАН В.М. Наделяевым [2], И.Я. Селютиной [8] и др.

Фонема [x:]

Звуки типа «χ» как твердорядные оттенки и звуки типа «x» – как мягкорядные, являются манифестациями фонемы [x:], которые употребляются только в инициально-превокальной позиции в сочетании со всеми гласными, кроме фарингализованных.

Артикуляторная характеристика

Идентичные артикуляторные настройки данной фонемы получить методом рентгенографирования по условиям эксперимента невозможно из-за ограниченности ее инициальной позицией, но, так как это щелевой согласный его можно тянуть; опираясь на данное качество, было решено сделать пробные рентгенограммы – они оказались вполне пригодными для определения места образования фонемы, хотя не претендуют на достаточную объективность – так же, как и дентопалатограммы, которые для заднеязычных малоинформативны, но, дополняя друг друга, могут дать представление об артикуляции этой фонемы. Твердорядные оттенки представлены в словоформах: хаа «χа:» 'слуга', хоо «χо:» 'рамка'; мягкорядные – в словоформах: хеп «хер'» 'одежда', хээ «хэ:» 'узор' в произнесении диктора – 2.

По данным рентгеносхем твердорядные оттенки образуются при сближении задней части спинки языка с мягким небом; наибольшее сужение щели происходит между участком задней части спинки языка, примыкающим к межзубной части, и краем небной занавески, но без увулы, а именно – небно-язычковой дужкой (arcus glosso-palatinus), которая по бокам смыкается с латеральными участками задней части спинки языка, образуя желобок; увула, первая половина которой приподнята вверх, а вторая ниспадает, опираясь в заднюю стенку носоглотки, обеспечивает ртовый про-

ход воздуха (индекс $\frac{1}{2}$ de; $9 \frac{1}{4}$). Корпус языка оттянут назад, кончик языка и передняя и средняя части спинки языка проецируются на дентальный склон твердого неба (рис. 1, рис. 2).

Рис. 2. Рентгенограмма оттенка фонемы [x:] в словоформе хаа «χа:» 'слуга' – Д. 2.

ется – свидетельство того, что locus образования данных оттенков находится за пределами искусственного неба. При образовании мягкорядных оттенков обнаруживается небольшой след отпечатков латеральных участков задней части спинки языка на задней половине твердого неба до его $\frac{1}{5}$ части, заходя на лингвальные склоны больших коренных моляров и их боковых альвеол (индекс e $\frac{1}{5}$; $\frac{34}{34}$).

По описанию профилей на рентгенограммах и отпечатков на искусственном небе фонеме [x:] можно охарактеризовать как заднеязычную мягконебную по твердорядным

оттенкам; как межзубноязычно-заднеязычную твердонебно-мягконебную по мягкорядным оттенкам (рис. 3, рис. 4).

Качественно-количественная характеристика

По данным пограмм фонема [x:] в твердорядных словоформах реализуются преимущественно в глухих щелевых оттенках со звонкой экскурсией: «xⁱ», «x^{c-i>c}», «xⁱ», реже – с глухой щелинностью в отступе: «xⁱ», «xⁱ». Средняя относительная длительность оттенка составляет 108,1%

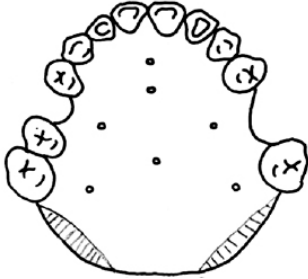

Рис. 3. Дентопалатограмма оттенка фонемы [x:] в словоформе **хоо** «x^o:» 'рамка' – Д. 3.

Фонема [k8]

Фонема [k8] в тувинской графике обозначается двумя буквами – **к** и **г**; употребляется довольно широко: в инициально-превокальной позиции CV= перед всеми гласными; в медиальной преконсонантной позиции =V₁C₁V= и постконсонантной =VC₁C₁V= позициях с глухими согласными из группы C₁; в медиальной постконсонантной позиции с согласными из группы C₃ =VC₃C₁V=, в интервокальной =VCV= и финальной поствокальной позиции =V₁C₁.

Артикуляторная характеристика

Твердорядные глухие оттенки типа «q» данной фонемы представлены на рентгенограммах и дентопалатограммах в словоформах: **пак** «paq» 'глоток', **пок** «p^oq» 'мусор', **оэк** «o^oq» 'пуля', **маак** «ma:q» 'лента', **ук** «uq^o» 'чулок', **баэк** «pa^oq» 'плохой'.

Анализ рентгенограмм позволяет установить, что артикуляция твердорядных оттенков фонемы [k8] осуществляется преимущественно задней частью спинки языка, но включая и небольшую долю смежной с ней межзубной

части (индекс $\frac{1}{4} e$), которые смыкаются с мягким небом. В зависимости от окружающих гласных, смычный или щелевой фокус может несколько сдвигаться вперед или назад, зона контакта может быть больше или меньше. В частности, на рентгенограмме смычной выдержки согласного «q» (в словоформе **пак** «paq» 'глоток' (рис. 5)) активный участок –

Рис. 5. Рентгенограмма оттенка фонемы [k8] в словоформе **пак** «paq» 'глоток' – Д. 2.

Твердорядные звонкие щелевые оттенки типа «C», проявляющиеся у данной фонемы в интервокальной позиции, по рентгенограммам в словоформах: **агы** «aCs» 'его

СДЗ при разбросе 97,6-149,8% СДЗ, звонкий компонент составляет 10,2% ОДО.

В мягкорядных словоформах доминируют глухие щелевые оттенки с озвонченным отступом: «xⁱ», «xⁱ», «xⁱ». Средняя относительная длительность оттенка составляет 101,2% СДЗ при разбросе 93,6-152,1% СДЗ; длительность звонкого компонента – 12,1% ОДО.

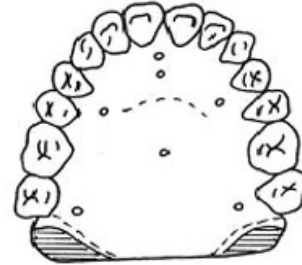

Рис. 4. Дентопалатограмма оттенка фонемы [x:] в словоформе **хаа** «xa:» 'слуга' – Д. 1.

$\frac{1}{4}$ межзубной части спинки языка и вся задняя часть спинки языка плотно сомкнуты с мягким небом и увулой; корпус языка приподнят и отодвинут в направлении к задней стенке фаринкса, кончик языка спроецирован на задний склон альвеол (индекс $4\frac{1}{2}$). По слуховому восприятию и тактильным ощущениям после смычной выдержки следуют взрывной отступ и выход воздушной струи через рот.

Если же судить по рентгенограмме финального поствокального «q» после «u» в словоформе **ук** «uq^o» 'чулок', то площадь контакта явно меньше, т.к. можно констатировать участие только задней части спинки языка; она смыкается с последней третью мягкого неба и только частично – с увулой, кончик которой свисает вдоль спинки языка, не касаясь, несколько отступая от нее; кончик языка проецируется на задний склон альвеол – признак того, что корпус языка еще более оттянут назад и вверх в коартикуляции с «u»

(индекс e; $9\frac{1}{3}$; $\frac{1}{2}$ 10).

При дентопалатографировании твердорядных глухих оттенков типа «q» в тех же словоформах следы контактов на искусственном небе или совсем отсутствуют, или очень слабые – в виде узкой полосы по краю твердого неба, пограничному с мягким – в зависимости от гласного, в частности, в сочетании с кратким или долгим «а», «а:», а у диктора 1-77 – также с кратким и долгим «о», «о:» (рис. 6).

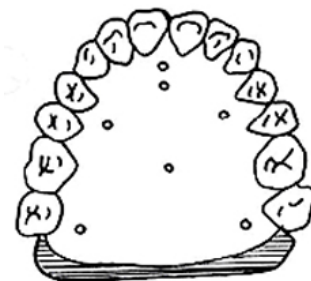

Рис. 6. Дентопалатограмма оттенка фонемы [k8] в словоформе **пак** «paq» 'глоток' – Д. 1.

близна', **уру** «uS^ou» 'его чулок', **багы** «pa^oCs^o» 'его недосатки' артикулируются также участком задней части спинки

языка с участием $\frac{1}{3}$ межзубной части, которые предельно сближаются с задней половиной мягкого неба и с увулой, образуя очень узкую щель (индекс $\frac{1}{2}$ 10), через которую продуцируется фриктивный согласный. Отсутствие отпечатков на дентопалатограммах оттенков типа «С» в словоформах **агы** «аСs» 'попынь', **пага** «р]аСа» 'лягушка', **маагы** «та:Cs» 'его лента', **погу** «р]оC'u» 'его мусор' свидетельствует о том, что фокус артикуляции данных оттенков находится вне пределов искусственного неба.

Мягкорядные оттенки фонемы [к8] представлены рентгенограммами и дентопалатограммами финально-поствокальных звуков в словоформах: **бек** «р'εк» 'оковы', **өк** «Jk» 'глотка', **зэк** «ε:k» 'нагнись', **өөк** «J:k» 'пуговица', и интервокальных оттенков в словоформах: **беги** «р'εγi» 'его оковы', **эзэз** «εγε:» 'рашпиль', **өөгү** «J:γ'γ'» 'его пуговица'.

По показаниям рентгенограмм, мягкорядные оттенки типа «к» данной фонемы артикулируются в основном межзубной частью спинки языка с включением лишь небольшой доли задней части при смыкании ее со смежным участком мягкого и твердого неба. В частности, в словоформе **бек** «р'εк» 'оковы' (рис. 7), активный орган – вся межзубная часть спинки языка и лишь небольшой участок задней части

(индекс d $\frac{1}{8}$ e) плотно смыкаются с последней четвертью

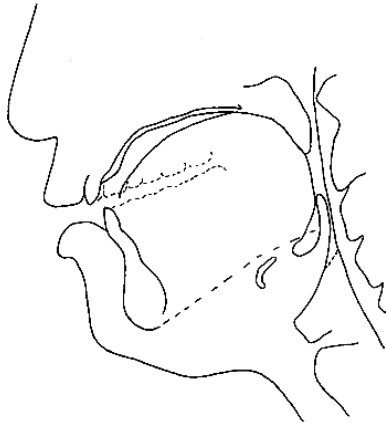

Рис. 7. Рентгенограмма оттенка фонемы [к8] в словоформе **бек** «р'εк» 'оковы' – Д. 2.

Качественно-количественная характеристика
Фонема [к8] в инициально-превокальной позиции CV= чаще всего проявляется в глухих смычно-щелинных оттенках со звонким отступом типа «q^xC», «k^y», со средней относительной длительностью 102,1% СДЗ при разбросе 54,6-135,2% СДЗ (реже – в оттенках типа «q^h», «qⁱC», «kⁱ», «kⁱy», средняя относительная длительностью которых – 76,4% СДЗ при разбросе 86,2-119,5 % СДЗ); относительная длительность щелевых компонентов составляет 15,7% ОДО; звонкий компонент составляет 12,9% ОДО; СОД смычного компонента – 39,4% ОДО.

В медиально-преконсонантной позиции с согласными из группы C₁ = VC₁C₁V= фонема [к8] реализуется в глухих щелинно-смычных оттенках с щелинным озвонченным приступом, типа «^Ciq», «^yk^y», средняя относительная длительность которых составляет 73,7 % СДЗ при разбросе 61,2-103,0% СДЗ; средняя относительная длительность звонких щелинных компонентов – 15,8% ОДО при разбросе 11,3-21,6% ОДО; а также в щелинно-смычно-щелинных оттенках типа «^Cq^x», «^yk^x», «^yk^x» со средней относительной длительностью 76,8% СДЗ при разбросе 58,5-119,7% СДЗ; относительная длительность смычного компонента – 61,5% ОДО.

твердого неба и смежной с ней $\frac{1}{3}$ мягкого неба; хотя корпус языка приподнят и отодвинут назад, видно, что в целом он не так оттянут, как при твердорядном оттенке, т.к. кончик языка проецируется на лингвальный склон верхних резцов, увула упирается в заднюю стенку фаринкса, не соприкасаясь со спинкой языка, воздух, выброшенный толчком во время взрывного отступа, выходит через канал рта.

По отпечаткам дентопалатограмм финального звука в словоформе **зэк** «ε:k» 'нагнись', фиксируется контакт спинки языка на $\frac{1}{3}$ твердого неба; отмечаются следы прикосновения латеральных участков спинки языка с дентальными склонами моляров и альвеолами до их гребня (рис. 8).

На аналогичных отпечатках и в других словоформах с мягкорядными оттенками фонемы [к8] следы контакта с твердым небом больше, что свидетельствует о значительной продвинутой корпус языка вперед, по сравнению с твердорядными оттенками.

Таким образом, мягкорядные оттенки, первоначально по традиции определенные как заднеязычно-увулярные, следует считать межзубно-язычными твердонебно-

мягконебными с точной фонической транскрипцией $\frac{1}{5}$ d;

$\frac{1}{4}$ $\frac{1}{8}$ $\frac{35;35}{3}$; $\frac{35;35}{35}$.

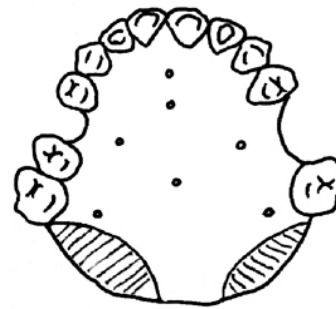

Рис. 8. Дентопалатограмма оттенка фонемы [к8] в словоформе **бек** «р'εк» 'оковы' – Д. 3.

В медиально-постконсонантной позиции =VC₁C₁V= фонема [к8] проявляется в глухих смычно-щелинных оттенках со звонким отступом типа «qⁱC», «kⁱy», «q^xC», «k^xy» со средней относительной длительностью 81,3% СДЗ при разбросе 43,1-131,3% СДЗ; относительная длительность щелинных компонентов – 11,2% ОДО при разбросе 7,4-29,5% ОДО, длительность смычного компонента – 63,7% ОДО.

В медиально-постконсонантной позиции =VC₃C₁V=, а именно, с сонантами типа «m», «n», «ŋ», фонема [к8] представлена преимущественно смычными звонкими оттенками типа «^Cα^C», «^yq^y» с щелинными компонентами в начале и в конце; их средняя относительная длительность – 71,8% СДЗ при разбросе 47,5-109,2% СДЗ; относительная длительность щелинных приступов представлена разбросом 10,8-24,9% ОДО; относительная длительность щелинных отступов – 11,2-23,7% ОДО. Реже встречаются смычно-щелинные оттенки типа «αⁱC», «gⁱy», средняя относительная длительность которых составляет 79,3% СДЗ при разбросе 50,3-121,1% СДЗ.

В позиции =VC₃C₁V= в сочетании с сонантами типа «l», «r», «j» фонема [к8] реализуется в основном в полностью щелевых оттенках типа «^CC^C», «^yγ^y», со средней относительной длительностью 73,9% при разбросе 32,1-116,4%

СДЗ; иногда фонема проявляется в узкощелевых оттенках типа « \underline{C}^C », « \underline{y}^y », средняя относительная длительность которых в пределах 42,3-128,4% СДЗ.

В финально-поствокальной позиции « \underline{C} » фонема [к8] реализуется как в глухих смычных оттенках типа « q^q », « k^k » с глухим щелинным отступом, так и в смычных оттенках со звонким щелинным приступом и глухим щелинным отступом, типа « \underline{C}^C », « \underline{y}^y ». Средняя относительная длительность первых составляет 85,8% СДЗ, вторых – 97,3% СДЗ при разбросе 50,8-144,7% СДЗ и 47,8-169,3% СДЗ соответственно; относительная длительность щелинных компонентов в отступе – 17,2% при выдержке смычного компонента – 80,8% ОДО.

Итак, артикуляторные и качественно-количественные параметры, выявленные инструментальными методами позволяют установить следующие конститутивно-дифференциальные признаки заднеязычных согласных.

1. По активному преградообразующему органу и фонема [х;], и фонема [к8] проявляются как заднеязычные в твердоярдных оттенках, как межгубнозаднеязычные – в мягкорядных оттенках; по пассивному органу первые – мягконебно-увулярные, вторые – твердо-мягконебные. Этот признак для данных согласных не имеет особых различий, поэтому он не является существенным для фонематического контраста.

2. По типу преграды: фонема [х;] возможна только в щелевых оттенках; фонема [к8], употребляясь во всевозможных позициях, может реализоваться как в смычных, так и в щелевых оттенках, причем в инициально-превокальной позиции, в которой она противопоставлена фонеме [х;], она всегда смычная, следовательно, способ образования – щелевой для [х;], а смычный для [к8] – является релевантным признаком.

3. По признакам *глухость/звонкость* фонема [х;] в своих проявлениях обнаруживает себя как глухой соглас-

ный, и даже в интервокале внешнего сандхи ее манифестации всегда глухие. Фонема [к8] по участию голоса неустойчива: в инициально-превокальной позиции, в пре- и постконсонантной позиции с согласными из группы С₁ и финально-поствокальной позиции проявляются ее глухие оттенки типа «к», «q»; в пре- и постсонанте она реализуется в звонких смычных оттенках типа «g», «a» и факультативно – в сонантизированных щелевых оттенках типа «C», «y».

4. По количественным характеристикам фонема [х;] во всех оттеночных проявлениях имеет довольно стабильную протяженность, средняя относительная длительность ее реализаций распределяется в более компактном разбросе (98,7-147,5% СДЗ) в сравнении с фонемой [к8], которая, в частности, в анлауте обнаруживает неустойчивость долготных параметров, что проявляется в значительном разбросе количественных характеристик ее многообразных оттенков (54,6-135,2% СДЗ).

5. Наряду с тем, что у рассматриваемых фонем выявляется противопоставление по способу образования как смычного и щелевого, фонема [х;] по устойчивости своих характеристик по всем параметрам может быть определена как стабильнонапряженный сильный согласный; в противопоставлении ей фонема [к8], подверженная спирализации, озвончению, переходящему в сонантизацию, и по неустойчивости долготных характеристик определяется как нестабильнонапряженный слабый согласный.

Таким образом, на основании выявленных признаков заднеязычным согласным даются следующие определения:

Фонема [х;] – согласный шумный глухой заднеязычно-межгубноязычный или мягконебно-увулярный ртовый щелевой стабильнонапряженный сильный.

Фонема [к8] – согласный шумный факультативно малозвонкий глухой или звонкий заднеязычно-межгубноязычный или твердо-мягконебный ртовый смычный или щелевой нестабильнонапряженный слабый.

Библиографический список

1. Томсон, А.И. Общее языковедение. – Одесса, 1910.
2. Наделяев, В.М. К типологии артикуляционно-акустических баз ААВ // Фонетические структуры в сибирских языках. – Новосибирск, 1986.
3. Исхаков, Ф.Г. Тувинский язык. Очерк по фонетике. – М.; Л., 1957.
4. Пальмбах, А.А. Система согласных фонем тувинского языка и ее отражение в письменности // Ученые записки ТНИИЯЛИ. – Кызыл, 1956. – Вып. 4.
5. Сат, Ш.Ч. Тувинский язык // Языки народов СССР. Тюркские языки. – М., 1966. – Т. II.
6. Бичелдей, К.А. Гласные тувинского языка в потоке речи. – Кызыл, 1989. – Ч. I, II.
7. Куна, А.Ч. Звуковая система современного тувинского языка. – Кызыл, 1957.
8. Селютин, И.Я. Кумандинский консонантизм. Экспериментально-фонетические исследования. – Новосибирск, 1983.

Bibliography

1. Tomson, A.I. Obshche yazykovedenie. – Odessa, 1910.
2. Nadelyaev, V.M. K tipologii artikulyacionno-akusticheskikh baz AAB // Foneticheskie strukturih v sibirskikh yazykhkakh. – Novosibirsk, 1986.
3. Iskhakov, F.G. Tuvinskiy yazyhk. Ocherk po fonetike. – M.; L., 1957.
4. Paljmbakh, A.A. Sistema soglasnihkh fonem tuvinskogo yazyhka i ee otrazhenie v pisjmnosti // Ucheniye zapiski TNIIYaLI. – Kizhizh, 1956. – Vihp. 4.
5. Sat, Sh.Ch. Tuvinskiy yazyhk // Yazyhki narodov SSSR. Tyurkskie yazyhki. – M., 1966. – T. II.
6. Bicheldej, K.A. Glasniye tuvinskogo yazyhka v potoke rechi. – Kizhizh, 1989. – Ch. I, II.
7. Kuna, A.Ch. Zvukovaya sistema sovremennogo tuvinskogo yazyhka. – Kizhizh, 1957.
8. Selyutina, I.Ya. Kumandinskiy konsonantizm. Ehksperimentaljno-foneticheskie issledovaniya. – Novosibirsk, 1983.

Статья поступила в редакцию 11.11.11

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

А	Каюмов Р. Х. 161	Р
Абатуров Е.И. 94	Каюмова М.М. 161	Рогожкина Н.Н. 184
Акимов А.М. 161	Кириллова Н.Л. 73	Розова Е.М. 52
Алексеев И.А. 253	Князева О.В. 75	Ройтблат О.В. 56
Алмакова Е.В. 257	Коваленко А.С. 126	Русанов В.П. 14
Ансимова О.К. 296	Козарук Т.В. 165	С
Аристова Т.А. 35	Кондратенко О.А. 101	Сабинина Н.Н. 85
Б	Конькова М.И. 79	Саляхова З.И. 284
Барышников С.Г. 259	Кравцова Л.А. 181	Сегленмей С.Ф. 306
Безгинова И.В. 175	Кривко О.А. 14	Сидоренко Н.С. 219
Береснева В.А. 274	Кривошеева Е.И. 301	Сизова Е.Р. 108
Борисова С.В. 83	Крятов И.А. 235	Скибицкая И.Ю. 67
Бражник Е.И. 62	Кузина А.В. 41	Смазнов В.Ю. 161
Быкадорова Е.С. 116	Кузина Н.Н. 41	Сокольникова С.Н. 299
В	Кузнецов В.А. 161	Соловьева В.К. 59
Водянова М.А. 235	Кузнецова О.Н. 267	Стариков А.М. 212
Воевода М.И. 135, 137, 139, 141, 142	Кускова М.В. 44	Ступникова Т.В. 253
Г	Л	Субачева А.А. 98
Гагулин И.В. 135, 137, 139, 141, 142	Лавров П.Н. 81	Суворова О.В. 144
Гафаров В.В. 135, 137, 139, 141, 142	Лапонова Г.В. 46	Суртаева Ж.Б. 62
Гафарова А.В. 135, 137, 139, 141, 142	Лаптинская Н.А. 173	Суртаева Н.Н. 62
Гашенко В.А. 231	Лю Ган 17	Т
Геворгян М.М. 165	М	Темнова Л.В. 261
Гнатышина Е.А. 6	Магин В.А. 19	Тонкопий Н.И. 235
Гоман Е.Ю. 201	Максимов В.Н. 135, 137, 139, 141, 142	У
Горбунов А.И. 155	Мамедов А.К. 261	Ушакова О.В. 235
Горюцкая Н.В. 293	Матяж С.В. 187	Ф
Громова Е.А. 135, 137, 139, 141, 142	Медведев И.Ф. 22	Федосенко Е.В. 89
Гузанов Б.Н. 98	Мезенцева О.И. 129	Филиппов К.В. 144
Д	Мельникова О.Ю. 27	Флегентова Т.Н. 288
Даржай А.В. 278	Монгуш Е.Д. 281	Х
Дворников Э.П. 228	Н	Хаснулин В.И. 169
Демидько Е.В. 205	Никитина Т.В. 131	Хаснулина А.В. 169
Демидько Е.В. 201	Николаев Ю.А. 165	Ц
Дитте О.В. 216, 219, 222	Новосильцев Г.И. 235	Цинис А.В. 113
Долматова Л.А. 238	О	Ч
Дунаева Н.И. 120, 122	Опарин Р.В. 149	Черных Д.В. 244
Е	Оразалина З.З. 31	Чернышенко А.И. 235
Егорова Ю.С. 37	П	Чиркина Д.В. 108
Ж	Парамонов Е.Г. 242	Ш
Жесткова Е.А. 290	Паутов Ю.С. 126	Широкова Е.А. 179
З	Первушина О.В. 191	Шкуркин А.М. 205
Золотарева Л.Р. 10	Петров А.В. 149	Шмакова А.Д. 158
Золотов Д.В. 244	Плахотников А.Г. 270	Шорина Д.Е. 196
И	Плотникова Е.Б. 105	Шульц А.Н. 242
Иконников А.В. 126	Поздняков И.А. 49	Шутько Д.В. 70
К	Попова Е.И. 209	Я
Кабешев Р.В. 225	Портнягина А.М. 92	Яныгина Л.В. 250
Кагакина Е.А. 111	Прокофьева Е.В. 303	Ясюченя Е.Л. 65

СТРУКТУРА ИНСТИТУТА ЭКСПЕРТНОЙ ОЦЕНКИ ПУБЛИКАЦИЙ В ЖУРНАЛЕ

ИСТОРИЯ

- **НИКОЛАЙ СЕМЕНОВИЧ МОДОРОВ** – доктор исторических наук, профессор, академик РАГН, (г. Горно-Алтайск), ГАГУ, E-mail: mns@gasu.ru
- **ВАЛЕРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ БАРМИН** – д-р. ист. наук, профессор (г. Барнаул), АлтГПА, E-mail: Valbarmir@mail.ru; 8-905-985-70-35
- **ВЛАДИМИР ГРИГОРЬЕВИЧ ДАЦЫШЕН** – д-р ист. наук, профессор (г. Красноярск), Сибирский федеральный университет, зав. кафедрой всеобщей истории
- **МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ ДЕМИН** – д-р. ист. наук, профессор (г. Барнаул) АлтГПА,
- **ТАТЬЯНА КИРИЛЛОВНА ЩЕГЛОВА** – д-р. ист. наук, профессор, первый проректор по учебной работе (г. Барнаул), АлтГПА
- **ТАТЬЯНА КИРИЛЛОВНА ЩЕГЛОВА** – д-р. ист. наук, профессор, первый проректор по учебной работе (г. Барнаул), АлтГПА
- **ВИКТОР ЯКОВЛЕВИЧ БУТНАЕВ** – д-р ист. наук, профессор, зав. каф. этнографии Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова
- **АРКАДИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ КОНТЕВ** – канд. ист. наук, доцент (г. Барнаул), АлтГПА
- **НАДЕЖДА ФЕДОРОВНА ИВАНЦОВА** – д-р ист. наук, профессор (г. Москва) МГПИ
- **МИХАИЛ ВИКТОРОВИЧ ШИЛОВСКИЙ** – доктор исторических наук, профессор, зав. сектором истории 19 в. института истории СО РАН, (г. Новосибирск)
- **ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ ГОРБУНОВ** – д-р ист. наук, профессор (г. Барнаул), АТУ
- **АНАТОЛИЙ ИВАНОВИЧ МАРТЫНОВ** – д-р ист. наук, профессор, академик РАЕН, , зав каф. археологии, (г. Кемерово), КГУ

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- **ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА ПЕРВУШИНА** – канд. культурологи, профессор Алтайской государственной академии культуры и искусств, проректор по научной работе (г. Барнаул)
- **ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА ЖЕРНОСЕНКО** – канд. культурологии, доцент, зав. каф. культуры и коммуникативных технологий Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова (г. Барнаул), E-mail: iaj2002@mail.ru

МЕДИЦИНА

- **МАРИНА ГЕННАДЬЕВНА ЧУХРОВА** – доктор мед. наук, профессор, Новосибирского государственного университета (г. Новосибирск), НГУ, E-mail: mba@sibmail.ru
- **КУРПАТОВ ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ** – доктор мед. наук, профессор, зав. каф. психотерапии СПбМАПО, гл. психотерапевт СПб., председатель правления СПб регион. об-ва психотерапевтов (г. Санкт-Петербург), E-mail: kafedrapr@yandex.ru
- **МИРИАНА МИЛАНКОВА** – доктор медицины и философии (г. Нови Сад, Сербия), E-mail: dmtirjana.milankov@gmail.com
- **ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ ШЕВЧЕНКО** – д-р медицинских наук, профессор, главный анестезиолог (г. Новосибирск)
- **НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ МЕШКОВ** – д-р мед.лиценских наук, профессор, заслуженный врач РФ, член Российской научной комиссии по радиационной защите, вед. науч. сотр. лаборатории сравнительного анализа и управления рисками, E-mail: Professor121 [professor121@rambler.ru]
- **КАЛАЧЕВ ГЕННАДИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ** – д-р. мед. наук, профессор (специализация - морфология), начальник научного отдела (г. Барнаул), АлтГПА, E-mail: gak@uni-altai.ru

ПЕДАГОГИКА, ПСИХОЛОГИЯ

- **АЛЬБИНА АЛЕКСЕЕВНА ТЕМЕРБЕКОВА** – д-р педагогических наук, профессор Горно-Алтайского государственного университета (г. Горно-Алтайск)
- **АНАТОЛИЙ АНДРЕЕВИЧ ШАПОВАЛОВ** – д-р педагогических наук, профессор Алтайской государственной педагогической академии (г. Барнаул), E-mail: pnb@uni-altai.ru
- **ЛЮДМИЛА СТЕПАНОВНА КОЛМОГорова** – д-р психологических наук, профессор, заведующий каф. психологии Алтайской государственной педагогической академии (г. Барнаул), E-mail: pnb@uni-altai.ru
- **ТАТЬЯНА ИВАНОВНА ЛУКЬЯНЕНКО** – канд. психологических наук, доцент, зав. каф. психологии Горно-Алтайского государственного университета (г. Горно-Алтайск)

СОЦИОЛОГИЯ

- **ЮРИЙ ЕФИМОВИЧ РАСТОВ** – д-р социологических наук, профессор, действительный член Академии социальных наук, зам. председателя диссертационного совета по социологии при Алтайском Государственном университете (г. Барнаул)
- **СВЯТОСЛАВ ИВАНОВИЧ ГРИГОРЬЕВ** – д-р социологических наук, профессор, член-корр. Академии образования РФ, декан факультета социального управления Горно-Алтайского государственного университета (г. Горно-Алтайск)
- **РАИСА АФАНАСЬЕВНА ТРОФИМОВА** – д-р социологических наук, профессор, член-корр.Петровской академии наук и искусств, первый проректор АлтГАКИ (г. Барнаул)
- **ЛЮДМИЛА ДЕНИСОВНА ДЕМИНА** – д-р социологических наук, профессор, декан факультета психологии АлтГУ (г. Барнаул)
- **НАТАЛЬЯ АНДРЕЕВНА ЗАРУБА** – д-р социологических наук, профессор кафедры педагогики и психологии Кемеровского государственного университета культуры и искусств, зам. председателя совета по защите докторских и кандидатских диссертаций при Кузбасской государственной педагогической академии (г. Кемерово)
- **АНАТОЛИЙ АНДРЕЕВИЧ УДОДЕНКО** – д-р. социологических наук, профессор, зав. каф. социологии в АлтГТУ (г. Барнаул)
- **НАТАЛЬЯ СТАНИСЛАВОВНА ТИМЧЕНКО** – д-р социологических наук, профессор, зав.каф. социальных наук АлтГПА (г. Барнаул)
- **АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВИЧ ТРОЦКОВСКИЙ** – д-р социологических наук, профессор, зав. Барнаульской лабораторией института экономики и организации производства СО РАН (г. Барнаул)
- **ВИКТОР ВАСИЛЬЕВИЧ ЖЕЛТОВ** – д-р философских наук, профессор, проректор Кемеровского госуниверситета (г. Кемерово)
- **СВЕТЛАНА ГЕННАДЬЕВНА МАКСИМОВА** – д-р социологических наук, профессор, зав. каф. ПКипТТ ФС АлтГУ (г. Барнаул)

- **АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ НОВОКРЕЩЕННОВ** – д-р социологических наук, профессор, зав. каф. Сибирской академии государственной службы (г. Новосибирск)
- **ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ПОПКОВ** – д-р филос. наук, проф., зав. сектором этносоциологии отдела социологии института истории СО РАН (г. Новосибирск)
- **ВАЛЕНТИН ГЕННАДЬЕВИЧ НЕМИРОВСКИЙ** – д-р. социологических наук, профессор, зав.каф. социального менеджмента Сибирского федерального университета (г. Красноярск)
- **АЛИЕ МУСТАФАЕВНА СЕРГИЕНКО** – д-р социологических наук, доцент, ст. науч. сотрудник Барнаульской лаборатории института экономики и организации производства СО РАН (г. Барнаул)
- **ЛЮДМИЛА ГЕРАСИМОВНА ГУСЛЯКОВА** – д-р социологических наук, профессор факультета социального управления Горно-Алтайского государственного университета (г. Горно-Алтайск)

ФИЛОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

- **ЕЛЕНА ВАСИЛЬЕВНА ЛУКАШЕВИЧ** – д-р филологических наук, профессор, зав. каф. языка массовых коммуникаций и редактирования Алтайского государственного университета (г. Барнаул), E-mail: stm@art.asu.ru
- **НИНА ВАЛЕРЬЕВНА ГУБИНА** – канд. филологических наук, доцент, зав. каф. литературы, социальной психологии и педагогики Алтайской государственной академии культуры и искусств (г. Барнаул)
- **ТАМАРА МИХАЙЛОВНА СТЕПАНСКАЯ** – д-р искусствоведения, профессор Алтайского государственного университета (г. Барнаул), E-mail: stm@art.asu.ru
- **ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ЖАТКИН** – д-р филологических наук, профессор, зав. каф. перевода и переводоведения Пензенской государственной технологической академии (г. Пенза)
- **ЛАРИСА МИХАЙЛОВНА ВЛАДИМИРСКАЯ** – д-р филологических наук, профессор Алтайской академии экономики и права (г. Барнаул)

ФИЛОСОФИЯ

- **АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ГУК** – д-р философских наук, профессор Кемеровского государственного университета культуры и искусств (г. Кемерово)
- **ВИКТОР ИВАНОВИЧ МАРКОВ** – канд. философских наук, д-р культурологии, профессор кафедры культурологии, председатель диссертационного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций при Кемеровском государственном университете культуры и искусств (г. Кемерово)
- **МАРГАРИТА ПАВЛОВНА АРУТЮНЯН** – доктор философских наук, доцент, зав. каф. философии Дальневосточного гуманитарного университета, E-mail: тра@email.su
- **МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ ШИШИН** – д-р философских наук, профессор Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова (г. Барнаул), Т_м: 8-913-211-72-37

ЭКОЛОГИЯ

- **ПЕТУХОВ ВАЛЕРИЙ ЛАВРЕНТЬЕВИЧ** – д-р биологических наук, профессор, председатель докторского совета по экологии (биологические науки) при Новосибирском Государственном Аграрном университете (г. Новосибирск)
- **ХАСНУЛИН ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВИЧ** – д-р медицинских наук, профессор, зав. Отделом адаптации НЦКЭМ СО РАМН
- **АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ ПУЗАНОВ** – д-р биологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Учреждения Российской академии наук Института водных и экологических проблем Сибирского отделения РАН (г. Барнаул), E-mail: bezmater@iwep.asu.ru
- **ДМИТРИЙ МИХАЙЛОВИЧ БЕЗМАТЕРНЫХ** – канд. биологических наук, доцент, ученый секретарь Учреждения Российской академии наук Института водных и экологических проблем Сибирского отделения РАН (г. Барнаул), E-mail: bezmater@iwep.asu.ru
- **НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ МЕШКОВ** – д-р медицинских наук, профессор Научно-исследовательского института экологии человека и гигиены окружающей среды им. А.Н. Сысина РАМН, член Российской научной комиссии по радиационной защите (г. Москва)

ЭКОНОМИКА

- **ИННА НИКОЛАЕВНА САННИКОВА** – д-р экономических наук, профессор, зав. каф. бухучета, аудита и анализа Алтайского государственного университета (г. Барнаул)
- **ВЕРА СТЕПАНОВНА СТАРОДУБЦЕВА** – канд. экономических наук, доцент (г. Горно-Алтайск)
- **МАРИНА АЛЕКСАНДРОВНА АПСИТЕ** – канд. экономических наук, доцент, проректор по учебно-воспитательной работе Новосибирского филиала государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский государственный торгово-экономический университет» (г. Новосибирск)
- **ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА ЛЮБАВСКАЯ** – канд. экономических наук, д-р пед. наук, профессор, директор Новосибирского филиала государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский государственный торгово-экономический университет» (г. Новосибирск)
- **ИРИНА ПАВЛОВНА ЛАПТЕВА** – канд. экономических наук, доцент Вяткинского сельскохозяйственного университета (г. Киров)

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

- **СТЕПАН СУЗАНОВИЧ ТЮХТЕНЕВ** – д-р юридических наук, профессор, зав. каф. уголовного, административного права и процесса Горно-Алтайского государственного университета (г. Горно-Алтайск)
- **СЕРГЕЙ АЛЬБЕРТОВИЧ ПОЛЯКОВ** – канд. юридических наук, доцент, зав. каф. уголовного права и процесса Новосибирского государственного технического университета (г. Новосибирск)
- **ИГОРЬ ЮРЬЕВИЧ ОСТАПОВИЧ** – канд. юридических наук, доцент, зав. каф. теории и истории государства и права Горно-Алтайского государственного университета (г. Горно-Алтайск), E-mail: ostapovich7@mail.ru

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Редакция научного международного периодического журнала «Мир науки, культуры, образования», включенного в Перечень ведущих журналов и изданий, в которых должны публиковаться основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук, приглашает вас к публикации статей по следующим научным направлениям:

• «Искусствоведение» • «История» • «Культурология» • «Медицина» • «Педагогика» • «Психология»	• «Социология» • «Филология» • «Философия» • «Экология» • «Экономика» • «Юриспруденция»

Для публикации в журнале необходимо предоставить *заявку* с указанием сведений об авторе (Ф.И.О. полностью, место работы, ученая степень, звание, должность, а также телефон, факс, E-mail и почтовый адрес). Наименование раздела, в который направляется статья.

Статью необходимо печатать в редакторе MS WORD 6-7, формате А 4, шрифтом 12 пт. (Times New Roman), межстрочный интервал – 1,5; отступ от всех сторон листа - 2,5 см.

Статья оформляется следующим образом:

- заявка на публикацию в электронном варианте;
- на английском языке: Ф.И.О. автора (авторов), название статьи прописными буквами, аннотация (4-6 строк, до 300 знаков), ключевые слова;
- на русском языке: УДК, Ф.И.О. автора (авторов), сведения об авторе, город, E-mail, название статьи прописными буквами, аннотация (4-6 строк, до 300 знаков), ключевые слова, текст статьи, библиографический список.

Библиографический список (**в порядке цитирования, не по алфавиту!**) оформляется по ГОСТу 7.1.-2003. Библиографические ссылки в тексте указываются в квадратных скобках. Например, [1]. В случае дословной цитаты, указывается также номер страницы приведенной цитаты, т.е. «ТЕКСТ, ТЕКСТ, ТЕКСТ ...» [2, с. 5], [2; 3]. Примеры в тексте статьи оформляются курсивом.

Примечания к тексту в виде постраничных и концевых сносок не допускаются. В конце статьи указывается **дата ее отправки в редакцию**. Рисунки должны выполняться по ширине текста в формате ***jpg**.

Рецензия должна быть выслана **обычной почтой**. **Статья с рецензией и заявкой отправляются электронной почтой (E-mail: mnko@mail.ru).**

Файлы необходимо именовать согласно фамилии первого автора с указанием города. Например, «Иванова_Челябинск». **Если статья вторая, третья и т.д., то следует указывать в названии файла соответствующий номер: «Иванова_Челябинск_1», «Иванова_Челябинск_2».** **Размещение в одном файле нескольких статей не допускается.**

После независимой научной и технической экспертизы, статья либо **возвращается на доработку**, либо **принимается к публикации**, о чем сообщается автору по электронной почте или указанному телефону.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ НАПРАВЛЯЮТСЯ ПО АДРЕСУ: 649006, г. Горно-Алтайск, пр. Коммунистический, 68, Офис 301, Редакция журнала «Мир науки, культуры, образования».

СПИСОК ОСНОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ,

которые необходимо учитывать при подготовке статьи к публикации

биол.	– биологических наук	науч.	– научный
геогр.	– географических наук	пед. наук.	– педагогических наук
гл. н.с.	– главный научный сотрудник	проф.	– профессор
дис.	– диссертация	психол. наук.	– психологических наук
доц.	– доцент	Р/д	– режим доступа
д-р.	– доктор	ред.	– редактор
журн.	– журнал	рис.	– рисунок
зав. каф.	– заведующий кафедрой	сельхоз. наук	– сельскохозяйственных наук
изд-во	– издательство	социол. наук	– социологических наук
ист.	– исторических	ст. преп.	– старший преподаватель
канд.	– кандидат	тех. наук	– технических наук
каф.	– кафедра	филол. наук	– филологических наук
мед. наук	– медицинских наук	филос. наук	– философских наук
н.с.	– научный сотрудник	Э/р	– электронный ресурс
		эконом. наук	– экономических наук
		юр. наук	– юридических наук

С материалами журнала можно ознакомиться на официальном сайте:

<http://amnko.ru/>

Тел.: +7(38822) 4-74-44, Факс: +7(388-22) 4-74-44, E-mail: mnko@mail.ru

Отпечатано в типографии «Концепт»,
г. Барнаул, пр-т Социалистический, 85,
т./ф.:(3852)36-82-51, concept-print@yandex.ru

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

УДК 371:351.851

Ivanjva A.P., Kolosov A.E. INFRASTRUCTURES OF DEVELOPMENT OF THE PERSON AS THE FACTOR OF INCREASE OF INNOVATIVE POTENTIAL OF REGION. In work modern contexts of innovative activity in sphere of vocational training, a problem and reference points of its development are described, the characteristics of a postindustrial epoch demanding changes in the organization of an education system, with a support on professional networks and possessed experience introductions of new forms of the organization of educational activity of students are allocated.

Key words: innovative activity, professional networks, the technology, the new educational programs, developing training, models of the management, open educational space.

А.П. Иванова, канд. пед. наук, доц., зав. каф. педагогики Челябинского государственного педагогического университета, г. Челябинск, E-mail: ivanova@mail.ru; А.Е. Колосов, д-р психол. наук, проф., ст. н. с. Института Психологии СО РАН, г. Новосибирск, E-mail: kolosov@ngs.ru

ИНФРАСТРУКТУРЫ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА

В работе описаны современные контексты инновационной деятельности в сфере профессионального образования, задачи и ориентиры ее развития, выделены характеристики постиндустриальной эпохи, требующие изменений в организации системы образования, с опорой на профессиональные сети и имеющийся опыт внедрения новых форм организации учебно-образовательной деятельности студентов.

Ключевые слова: инновационная деятельность, профессиональные сети, технология, новые образовательные программы, развивающее обучение, модели управления, открытое образовательное пространство.

Текст... текст... текст... текст... текст... текст... текст... текст... текст... текст... текст... текст... [1, с. 14].

Текст... текст... текст... текст... текст... текст... текст... текст... текст... текст... текст... текст... [2; 3]¹.

Текст... текст... текст... текст... текст... текст... текст... текст... текст... текст... текст... текст... [3, р. 35].

Библиографический список²

1. Баллер, Э.А. Преемственность в развитии культуры. – М., 1969.
2. Национальная доктрина образования в Российской Федерации [Э/р]. – Р/д: <http://www.dvgu.ru/umu/ZakRF/doktrin1.htm>
3. Torrance, E.P. Growing up creatively gifted // Creative Child and Adult Quaterly. – 1980. – V. 5.

Bibliography

1. Baller, Eh.A. Preemstvennostj v razvitii kuljturih. – M., 1969.
2. Nacional'naya doktrina obrazovaniya v Rossijskoj Federacii [Eh/r]. – R/d: <http://www.dvgu.ru/umu/ZakRF/doktrin1.htm>
3. Torrance, E.P. Growing up creatively gifted // Creative Child and Adult Quaterly. – 1980. – V. 5.

Статья поступила в редакцию 05.08.11

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ

1. После написания статьи автор представляет текст доктору или кандидату наук по соответствующей специализации для рецензии, которая заверяется в отделе кадров и высылается вместе со статьей в редакцию журнала.
2. После получения редакцией статьи она проходит техническую экспертизу, в ходе которой проверяется: наличие на английском языке: Ф.И.О. автора (авторов), название статьи прописными буквами, аннотация (4-6 строк, до 300 знаков), ключевые слова; на русском языке: УДК; Ф.И.О. автора (авторов), должность и звание, место работы, контактная информация для переписки - E-mail или номер телефона; название статьи прописными буквами, аннотация (4-6 строк, до 300 знаков), ключевые слова, текст статьи, библиографический список, оформленный в порядке цитирования (ответственный - технический редактор журнала, кандидат педагогических наук, международный журналист Н.С. Часовских, E-mail: mnko@mail.ru).
3. Если статья не проходит техническую экспертизу, она возвращается автору на доработку. Доработанные статьи отправляются в редакцию с пометкой в названии файла «доработано». Например, «Сидоров. Тюмень. Доработано».
4. Статья, прошедшая техническую экспертизу, отправляется на научную экспертизу специалисту по данному профилю.
5. Если статья не проходит научную экспертизу, она возвращается автору на доработку. При работе над замечаниями эксперта автор может контактировать с экспертом по E-mail. Доработанные статьи отправляются в редакцию с пометкой в названии файла «доработано». Например, «Сидоров. Тюмень. Доработано».
6. Статьи, прошедшие техническую и научную экспертизы, принимаются к публикации с соответствующим уведомлением автора по контактной связи (письма, телефон, E-mail).

¹ Все ссылки на библиографию ставятся по **порядку цитирования**, а не по алфавиту. Примеры оформления библиографического списка приведены в информационном письме на сайте журнала по адресу: <http://amnko.ru/>

² Библиография приводится на **русском и латинском** языках (транслитерация). Для транслитерации мы рекомендуем использовать бесплатную программу «RusTranslit».